РУССКАЯ САТИРИЧЕСКАЯ СКАЗКА

РУССКАЯ САТИРИЧЕСКАЯ СКАЗКА

Составление, вступительная статья
и примечания *Дм. Молдавского*

Ленинград
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Ленинградское отделение • 1979

ББК 84.3Р1
Р89

Второе, дополненное издание

Иллюстрации *Дм. Молдавского*

Оформление художника
А. Дурандина

© Издательство «Художественная литература», 1979 г.

Р $\frac{70700\text{-}083}{028(01)\text{-}79}$ без объявления 4702010100

Смех как орудие борьбы и смех как утверждение народных идеалов — непременные черты и устной поэзии, и народного искусства. Вероятно, нет ни одного участка устно-поэтической прозы, куда не вторглась бы сатира,— и в аскетически строгую легенду, и в безобидную детскую сказку о хитрой лисе, и в бывальщину (рассказ о покойниках или привидениях), и в возвышенный рассказ об отважном победителе змея — освободителе прекрасной царевны; видимо, уж таково свойство русского народа — даже о самом серьезном и важном говорить с улыбкой.

Но среди произведений русской устнопоэтической прозы есть особая разновидность. Это сказки, чья сущность выражается в характерной особенности сюжета: их герой — мужик-бедняк, солдат, поповский работник, шут — посрамляет неожиданным поступком или остроумным ответом своих противников, всегда сильнейших и обычно принадлежащих к привилегированным сословиям, причем все действие протекает в реальной обстановке, все участники описываемых происшествий — люди, все чудесное (если оно вводится в рассказ) раскрывается как ловкий обман.

В отличие от фантастической сказки, для которой характерна определенная обрядность изложения — применение отстоявшихся типических формул, зачинов и концовок, постепенное нарастание действия при троекратном повторении эпизодов,— сатирическая сказка весьма ограниченно пользуется приемами сказа. Обычно сатирическая сказка сразу вводит слушателя в рассказ о событиях, составляющих основу сюжета,— без зачина, без предисловия. Правда, некоторые черты сказочной традиционности проникают и в нее: в сказке три героя, из которых третий, резко отличающийся от остальных, оказывается победителем; задуманное дело дважды удается герою, а на третий раз он терпит неудачу (или, наоборот, за двумя неудачами следует в третий раз успех). Как и для других видов сказки, для сатирического повествования характерно постепенное нарастание действия, усиление

драматизма, кульминационный эпизод помещается перед самой развязкой.

В сатирической сказке действие движется быстро, изобразительные средства используются с величайшей экономией. Герой обычно характеризуется одним, но основным признаком, который определяется эпитетом (богатый, бедный, глупый); обстановка, в которой развертывается действие, намечена немногими, но наиболее выразительными чертами — подобно тому, как это делается в сценических ремарках к пьесам. Диалог состоит из коротких, метких и острых реплик главного героя и вопросов или речей осмеиваемого персонажа, выдающих осуждаемые в нем качества. Диалог — наиболее подвижная, изменяющаяся часть сатирической сказки; в нем заметнее всего проявляется творческая индивидуальность сказочника, богатство его словаря, остроумие, находчивость, изобретательность.

Глупость, жадность, разгильдяйство, большие пороки и мелкие недостатки высмеивает русская сатирическая сказка, не боясь того, кто по всем своим внешним данным — силе, богатству, знатности — еще был победителем в жизни, но в народных мечтаниях оказывался повергнутым.

Для сатирической сказки характерна социальная острота, которая достигает иногда высокой степени. Так, в одном из вариантов русской сказки «Горшеня» (действие ее приурочивается ко времени Ивана Грозного) герой отвечает царю на вопрос: «Кто на свете лютей и злоедливей всех?» — «Ваше царское величество! Лютей, говорит, и злоедливей всего на свете казна. Она сченно всем завидлива; из-за нее пуще всего все, слышь, бранятся, дерутся, убивают до смерти друг дружку; в иную пору режут ножами, а не то так иным делом. Хоть, говорит, с голоду околевай, ступай по миру — проси милостыню; да того гляди: у нищего-то суму отымут, как мало-мальски-то побольше кусочков наберешь, коим грехом еще сдобненьких» (Афанасьев, № 324).

Социальная заостренность сюжета именно в русской версии легко обнаруживается при сравнении с иноязычными вариантами сходного сюжета. Социальные мотивы в русской сказке выдвинуты на первый план, тогда как во всех зарубежных вариантах они смягчены. Герои русской сказки — солдат, отслуживший двадцать пять лет, крестьянский сын, попов работник — и другие персонажи противопоставлены царю не только своим социальным положением, но и умственными способностями. И выступают они не как хитрецы и плуты, а как представители народных низов, носители взглядов и настроений бедноты. Все это доказывает, что русская сказка подчеркивает социальные моменты, становясь средством обличения командующих классов.

Сатирическая сказка, показывающая, как восстанавливается справедливость и угнетенные берут верх над угнетателями, дала интерес-

ный образ героя — веселого, неунывающего, сметливого, всегда верного своей социальной группе человека. Мы встречаем его в подвале, спрятанного вместе с любовником хозяйки, которого он выдает за черта; мы видим его влезшим на дерево и пророчествующим оттуда. Под видом знахаря проникает он в господский дом, под видом пришельца с того света обманывает глупую старуху. Это он счастливый владелец шляпы «все заплачено» или горшка, который сам варит пищу. Это он меняющий свои лики неуловимый вор и обманщик. Барин, купец, поп, царь становятся жертвами его хитроумия.

Обычно герой — представитель неимущих слоев населения. В большинстве записей (от старейших до записей наших дней) он предстает в образе бедняка, крестьянского сына: то он помогает матери-старухе, которой «стало трудно жить одной» (Зеленин, Пермский сборник, № 123), то угоняет царского быка, так как у него «дома нет никакой скотины» (Ончуков, № 197). В сказке «Дорогая кожа» герой — «бедный брат» Гаврила (Афанасьев, № 447) или Горемыка и его жена, которые «жили бедно, ничего не имели», или бедный брат, у которого «была только одна корова» (Смирнов, № 350). Герои сказок «Ворожея» и «Знахарь» также бедняки — «и перекусить нечего» будущей ворожее (Афанасьев, № 379); «бедный да продувной мужичок» — герой другой сказки того же сборника (Афанасьев, № 381); ворожея — барская крестьянка, то есть крепостная (Садовников, № 40); «старик да старуха, и у них не было хлеба куска поесть» (Ончуков, № 94). Очень редко героем такой сказки делается поп, дьячок, но тогда сказочник подчеркивает: «Приход бедным был, не во что ни обуться, ни одеться, и в головах положить нечего» (Садовников, № 43). Редко герой принадлежит к зажиточной группе крестьянства. А если ему даже и причитается получить богатое наследство (Афанасьев, № 395 вар. — «померла старуха, много всякой скотинки оставила»), то все равно он останется ни с чем: «Вот умные рассердились, отняли у дурака все начисто: живи как знаешь!» (там же). Если герой и не беден, то все равно из-за злой жены живет впроголодь, требуя от имени волшебного дерева прежде всего «масленей кормить» себя (Афанасьев, № 446). Другими словами, всегда он в приниженном, угнетенном состоянии. Особенно ярко бедняцкие черты героя проявлялись в сказке послеоктябрьской.

Иногда героем бывает работник (слуга). В сказке «Шут» (Афанасьев, № 399) поп ищет казака (работника) и находит некоего Ерему — плута и обманщика; «казак» убеждает попа, что тот беременный («Заветные сказки», № 1). Фигура батрака не случайная. Человек из самой гущи народа, столкнувшийся с миром угнетателей и разоблачающий их, особенно выделяется в этих сказках своей близостью и к крестьянской среде, и, в известной мере, к среде враждебного класса.

Совершенно особое место в сатирических сказках занимает образ шута. В сказке «Шут» герой отправляется за забытой шуткой в поповском тулупе и шапке, да еще на поповской лошади (Афанасьев, № 397); в другой сказке того же сборника попа обманывает Фомка-шут (№ 398). Шут — в русском фольклоре фигура исключительно своеобразная. Мы не ставим своей задачей определить, в какой степени этот образ связан со скоморохами Древней Руси или с представлениями дохристианских верований. Отметим лишь, что в сохранившихся записях сказок шут — бедняк и обманщик, как и другие герои сатирических сказок, обычно связан с крестьянским бытом.

Не меньшее место в сатирических сказках занимает солдат. Человек, оторванный от деревенской среды еще в сравнительно недалеком прошлом на двадцать пять лет, приобрел черты не только героя-освободителя от змея и злого колдуна (в фантастических сказках), но и победителя классово враждебных сил (в сатирических).

Но в каком бы образе ни появлялся герой сатирической сказки, его основные социальные функции неизменны.

Важно и то, что он обычно дан конкретно. Почти всегда (в отличие от героев сказок волшебных) он имеет имя; упоминается, где он живет. То его зовут «Тихон с того света спихан» (варианты «Тихонец — с того света выходец» или «Никонец — с того света выходец»), то Наум (в таком случае в сказке его имя рифмуется с выражением «взбрело на ум»), то Антон («думаю о том»).

Постоянны приемы достижения им победы. Если для его противников характерна вера в «потустороннее», в возможность общения с ним через всевозможных знахарей, выходцев с того света, ангелов, то для героя все эти чудеса — лишь повод для обмана. Обман, мистификация, злая шутка — все это составляет сюжетное ядро разбираемых сказок.

В сатирических сказках, огромное большинство которых построено на социальной антитезе — противопоставлении героя из народа его классовому врагу,— своеобразное место занимает царь. С одной стороны, царь, как противник, бывает обманут и посрамлен хитроумным солдатом, крестьянином, с другой — царь представлен носителем справедливости и мудрости; он покровительствует Горшене, прощает бродягу, заменившего настоятеля «беспечального монастыря», вносит во дворец пьяницу и уверяет его, что тот в раю, весело отзывается на проделки своего шута. Быт этого царя отличается от быта крестьянина только внешней обстановкой.

По-видимому, сказочный царь — воплощение забытых и опоэтизированных воспоминаний о вождях — избранниках родового общества, с одной стороны, и мечты о «хорошем царе» — с другой. Иногда в образе «хорошего царя», мудрого правителя, отважного полководца

предстают исторические лица. Значительное количество сказок о мудром ответе связано с именем Ивана Грозного. Наиболее старыми записями их остаются записи Коллинза (середина XVII века), где рассказ о царе Иване Грозном и мужике-лапотнике облечен в форму предания об основании дворянского рода Лапотских, а встреча царя Ивана с шайкой воров носит характер будто бы происшедшего в действительности случая. Как указывалось выше, сатирическая сказка очень часто казалась рассказчику воспоминанием о совершенно реальном, взятом из жизни эпизоде. Это относится не только к сказкам об Иване Грозном, записанным в XVII веке, но и к спискам XVIII века, и к находящимся в сборниках Афанасьева, Рыбникова и других.

Нужно ли указывать, что об историзме этих сказок говорить нелегко, ибо речь идет не столько о реальном царе Иване Грозном, сколько о царе сказочного царства.

Только этим можно объяснить легкость, с которой сюжеты, связанные с именем Ивана Грозного, перешли к следующему популярному в народе царю — Петру Первому. Спустя двадцать лет после смерти Петра в Тайной канцелярии от ряда обвиняемых были записаны рассказы о Петре Первом; царь и вор подслушивают заговор бояр, царь встречает вора, отказывающегося забраться в государеву палату, и другие.

И как бы жестоко действительность ни противоречила сказке, образы «хороших царей» остались бытовать в фольклоре. С этой точки зрения важно, что образы следующих за Петром Первым царей в русском сказочном фольклоре отражения не нашли.

Персонаж сатирических сказок, представленный в виде глупца, побежденного умным и ловким крестьянином,— это прежде всего барин. Именно барин сидит над мужиковой шляпой, карауля спрятанного там «сокола», в то время как мужик угоняет его лошадь; он же получает чудесную овцу, гибнущую в битве с волком; барыня не может сдержать смеха при виде мужика, выпрашивающего у нее на свадьбу в качестве почетной гостьи свинью и т. д.

Барин — воплощение неумелости, неспособности к полезному труду, за который он берется лишь из зависти. Комическое изображение того, как барин трудится, напоминает народные песни о дворянах или торговых людях — Фоме и Ереме, которые так же безуспешно пробуют заниматься разными работами. В сказке «Барин и плотник» описывается месть плотника. Барину невдомек, что по звуку, который издает при стуке дерево, опытный плотник может определить хорошее оно или сохнущее, трухлявое. Барин же думает, что в действиях плотника есть какая-то таинственность. Вариантом этой сказки является «Барин и кузнец», где также высмеивается барское неумение работать, бездарность.

Иногда на место барина в сатирической сказке становится купец. В отличие от купца волшебной сказки, где он выведен зачастую как положительный персонаж, здесь он носит все черты сказочного барина и делается жертвой обмана и насмешки. Например, в сказке Н. Ф. Шешнева Иван снимает кольцо с руки купчихи, пока купец бегает хоронить «застреленного» им покойника (Зеленин, Пермск. сб., № 47).

Часто объектом сатиры в сказке является богатый мужик, кулак. Если это и не отмечено прямо, как, например, в сказке И. Д. Богатырева («...а старуха богата — коров много, горшков много...»), то подразумевается, что герой получает от обманутого деньги, скот, ценные вещи, продовольствие и т. п. Но тип кулака в сказке появляется все же довольно поздно.

Очень часты в сатирических сказках сюжеты о попе и его работнике. Поп всегда жаден, труслив и глуп; в любовных похождениях попа настигает все тот же неутомимый работник, который то тащит его в мешке к речке или в сундуке к проруби, то съедает у попадьи все приготовленное для попа и еще грозит выдать мужу; если поп вместе с дьяконом и дьячком приходит к чужой жене, их снова ждет сундук и выкуп.

В сатирической сказке поп наделен чертами деревенского духовенства определенной эпохи, но эти черты по-сказочному заострены, весь образ в целом сближен с традиционным глупым противником. Изображение любовных приключений в семье попа, неизменно оканчивающихся посрамлением, имело целью еще резче подчеркнуть этот контраст между тем, чего требовал в своих поучениях поп от прихожан, и его собственным поведением, показать лицемерие духовенства в особо позорящей его форме.

Таков «смеховой мир» сказки [1].

Обращаясь к нему, мы акцентируем внимание на фольклорных мотивах, отражающих семейные отношения, точнее — нарушения этих отношений. Являются ли все эти обманы и измены свидетельством разложения нравов, аморальности их создателей, свидетельством жестокости народа и пр., как иногда писали некоторые авторы?

Нет! Но этот вопрос не подлежит одностороннему решению. Мы стремились увидеть за ним несколько проблем: социально-сатирическую, и этически-психологическую, и историческую, точнее — историко-этнографическую.

Обманутые супруги — чаще всего в фольклоре представители социальных верхов — дежурные объекты народной сатиры, сочетающей

---

[1] О «смеховом мире» как особой категории в понимании сатиры см. в кн.: Лихачев Д. и Панченко А. Смеховой мир Древней Руси. Л., 1976.

в себе и элементы социального обличения, и критику поступков, находящихся в противоречии с диктуемыми ими же самими нормами морали.

Другая сторона раскрывается при взгляде на обряды и представления родового общества, где семья, брак, мораль носили иной характер. Напомним классовую формулу Ф. Энгельса, писавшего: «Вместе с единобрачием появляются два неизменных, ранее неизвестных характерных общественных типа: постоянный любовник жены и муж-рогоносец. Мужчины одержали победу над женщинами, но увенчать победителей великодушно взялись побежденные» [1].

Именно этот процесс «увенчания» и лег, по всей вероятности, в основу многих произведений народного творчества, появившихся, безусловно, в период, когда одна форма семьи сменялась другой.

Возникшие как пародирование древних обрядов, когда браку придавались еще и магические функции, эти сказки давным-давно расстались с первоначальной символикой; забота о плодородии земли и стад, обращение к духам предков, волшебные приношения и пр.,— все это стало теперь первоосновой комического. Столкновение человека, еще живущего нормами прошедшей эпохи, и новых людей — источник смешного, на который наслаивался материал социальный в нашем понимании.

Ниже мы сделаем попытку заглянуть в устное творчество других народов, стоящих на самых разных ступенях общественного развития, и попробуем наметить некоторые черты сатирической сказки, разумеется, не предлагая универсального ключа или всеобщую схему для путей происхождения сказки.

Ричард Олдингтон, романист и переводчик Д. Боккаччо, назвал книгу «Русская сатирическая сказка» (1958) — «русским Декамероном». Писатель обратил внимание на сюжетную близость русских сказок и итальянских новелл, вошедших в прославленную книгу Боккаччо. И действительно, сатирические сюжеты сказок многих народов удивительно схожи между собой.

Нет сомнения, что возникают эти сказочные сюжеты независимо друг от друга в разных странах, в разные эпохи, на почве самых различных реалий. Они могут возникать и исчезать много раз. Время стирает генетические различия, снимает острые углы, обкатывает мотивы, как море гальку. Стилистическое единство сказочного мира — не начальная позиция, а итог.

Тем не менее в некоторых случаях есть возможность указать на определенный круг представлений, на общественно-экономическую формацию, при которой та или иная черта «смехового мира» могла

---

[1] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 21, с. 70.

появиться впервые, подчеркнув этим интернациональные черты сказочного эпоса — разумеется, отнюдь не исключающие его национальных черт.

Герой сатирических сказок по-своему мудр, хотя зачастую его мудрость граничит с детской наивностью и может на первый взгляд показаться глупостью. В сказках перед нами то глупец, волей случая побеждающий умных соперников, то остроумный, веселый победитель, оставляющий в дураках всех, кто становится на его пути. И в том, и в ином случае поступки героя зачастую кажутся противоречивыми. Однако смысл поведения героя разъясняется, если мы увидим в его поступках известный эксцентризм, о котором как-то, беседуя с М. Горьким об особой форме театрального искусства, упомянул В. И. Ленин: «Тут есть какое-то сатирическое или скептическое отношение к общепринятому, есть стремление вывернуть его наизнанку, немножко исказить, показать алогизм обычного. Замысловато, а — интересно!» [1]

«Алогизм обычного» становится особенно очевидным, если мы вспомним, что в большинстве сатирических сказок герой побеждает своих противников, отрицая то, что для них является нормальным. Особое место в его проделках занимает игра на предрассудках его недругов, на их вере в чудеса и загробную жизнь.

По представлениям средневековья, связанными с загробным миром считались слабоумные, юродивые, в народе — дураки. «Иронический удачник» народной сказки, как называл М. Горький Иванушку-дурачка [2], кажущийся окружающим глупым, наделен, благодаря связи с таинственными силами, даром предвидения, в чем и кроется объяснение того, что он постоянно берет верх над своими будто бы более умными братьями.

Черты такого «иронического удачника», уже потерявшего свою связь с потусторонним миром и, наоборот, отрицающего всяческие предрассудки, в том числе и веру в загробный мир, сохраняет, возможно, и веселый персонаж некоторых сатирических сказок. Для подтверждения этой гипотезы необходимо глубокое исследование материала не только сказочного, но и этнографического. Такое исследование помогло бы ярче оттенить разницу между удачливым обманщиком народной сатирической сказки и плутом, вором, сыщиком в буржуазной литературе — разницу, на которую указывал М. Горький. Для героя сатирической сказки сокровища и богатство — все это лишь приз за проявленные им ловкость, умение; для героя буржуазной литературы — деньги, собственность — самоцель. Между героем народной сказки и персонажем даже раннего буржу-

---

[1] Горький М. Собр. соч., т. 17. М., 1952, с. 16.
[2] Там же, т. 27, с. 305.

азного романа лежит пропасть, хотя, бесспорно, и в устнопоэтическом творчестве подчас ощутимы влияния морально-этических норм капиталистического общества.

Сатирические сказки в своем сюжетном развитии противопоставляют суеверным попам, барам и богатым мужикам смело издевающегося над их верой в чудеса, в потусторонний мир бедняка. Такие моменты особенно характерны для русской сатирической сказки, которая отразила пусть еще бессознательный шаг к освобождению народного сознания от ложных представлений, к наивно-реалистическому пониманию мира, порывающему с тем, что Ф. Энгельс назвал «первобытными бессмыслицами» [1].

Такое столкновение двух взглядов — спиритуалистического, с верой в загробную жизнь, и наивно-реалистического, отрицающего если не самую загробную жизнь, то, во всяком случае, возможность прямой связи с ней,— имеет место, например, в сказке «С того света выходец». Здесь все происшествия осознаются старухой, которая и не сомневается, что солдат действительно идет из рая, где он видел ее сына, что он вернется туда с ее подарками. В плане наивно-реалистическом показаны все поступки солдата, разыгрывающего богатую глупую старуху и издевающегося над ее слепой верой. Злой сатирой на волшебство и на тех, кто верит в силу колдунов, отмечена, в частности, и сказка о мнимой ворожее, беспощадно высмеивающая самую мысль о чуде. Можно назвать еще множество сюжетов.

Попробуем рассмотреть сказки, составляющие основу народного сатирического эпоса.

Возьмем группу текстов, связанных с образом «ловкого плута» или «хитроумного обманщика», из классических сборников А. Н. Афанасьева, Н. Е. Ончукова, Д. Н. Садовникова, А. М. Смирнова и др.

В сказках из этих собраний «Каша из топора» (Афанасьев, № 503), «Кузька-вор» (Садовников, № 31), «Дорогая кожа» (Афанасьев, № 447), «Барма» (Ончуков, № 160) обращает на себя внимание одна общая черта — убежденность персонажей в существовании и близости потустороннего мира и спекуляция героя на этой вере. В сказке А. П. Шарашова «Вор Яшка — медная пряжка» (Соколовы, № 3) герой выдает себя за черта («замарал свою рожу сажей... и забрался в печку»); в сказке «Матросилко», записанной в Вятской губернии (Смирнов, № 117), герой выдает себя за духа, посланного с неба («подделал себе большие лубочные крылья... и ночью прилез к окошку»); в сказке И. Д. Богатырева герой похищает ксендза, заявив, что он — ангел. В сборнике А. Н. Афанасьева

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Избр. письма. М., 1953, с. 429.

также представлены сказки такого типа. В одной из них (№ 383) мужик идет воровать по совету барина — уносит у него же сапоги, прячет за глыбой земли общипанного петуха и уводит на глазах у растерявшихся при виде невиданного зрелища плугарей быка. В другой сказке (№ 384) мужик ворует штаны у своего учителя; прикинувшись удавленником, похищает барина, всовывает в окно козла (его все принимают за черта). В сказке № 386 — все похищения свершает, завернувшись в солому или одевшись чертом. В сказке № 390 — срезает подметки, подбрасывает сапоги, ворует быка; баба, по совету вора, плачет не над телом убитого, а над разбитым кувшином и т. д. и т. п.

Таким образом, герой этих сказок побеждает своего врага (барина, попа и т. п.) тем, что выдает себя за черта, за удавленника, за ангела, за подводного воеводу, завертывается в солому, «творит чудеса» (подсовывает общипанного петуха, козла, мертвеца).

Отрицание предрассудков? Отрицание примитивных верований? Да, это так... Но когда же, в таком случае, возникли эти сказки? Предрассудки живучи — некоторые дожили и до наших дней — следовательно, сказка могла появиться сравнительно недавно. С другой стороны, самые старые источники — старинные эпосы, древнейшие тексты — говорят о существовании этих сюжетов.

Когда же, на какой стадии общественного развития произошел этот переход от первобытно-религиозных представлений к наивно-реалистическим? Сюжет о ловком плуте известен всем народам. Во французской сказке «Ловкий вор Пьеро» герой ворует коня, потом шесть волов, отдает команды священнику, спрятавшись в алтарь, и т. д. [1]. В венгерской сказке «Петер-обманщик» ловкий плут продает коня, а отрезанный хвост пристраивает в озере. Далее мотив шляпы «Все уплачено», волшебной кастрюли, волшебной свистульки, оживляющей мертвых [2]. В даргинской (дагестанской) сказке «Плутни Куса» герой, сумевший при помощи ловкого Куса не только поглядеть на ханскую дочь, но и разделить с ней ложе, спорит с товарищем о долге. Куса притворяется мертвым, его омывают кипятком, тащат на кладбище [3]. В монгольской сказке, записанной Г. Потаниным, «Аку Тэмбе» ловкий плут на просьбу женщин, несущих на головах кувшины, что-нибудь солгать говорит: «До шуток ли теперь, когда на небе пожар!» Те задирают головы, и кувшины разливаются. Он же похищает овчину у старухи, назвавшись «Вчера взял» [4].

---

[1] Французские народные сказки. М. — Л., 1959, с. 233.
[2] Венгерские народные сказки. М., 1959, с. 177.
[3] Даргинские сказки. М., 1963, с. 62.
[4] Потанин Г. Тибетские сказки и предания. — Живая старина, 1914, № 2—4, с. 410—413.

Симуляция смерти, утверждение своего прихода из иного мира, вещание от имени потусторонних сил — все это известно многим народам. И еще одно — похищение как благородное деяние, как доказательство мужества и других высоких качеств.

Попробуем обратиться к народам, сохранившим еще память об общинных организациях и о реалиях родового общества с языческими верованиями (разумеется, в чистом виде найти подобный народ или племя теперь практически невозможно).

Поищем черты героя, одерживающего победу благодаря ловкому обману, в сказках африканских народов.

А. Жуков в предисловии к сборнику сказок племени ираку «Заяц в сапогах» писал, что «самый популярный герой африканских сказок — слабое, но хитрое и лукавое животное. У народов Западного Судана — это паук, в бушмено-готтентотском фольклоре — заяц и черепаха, у зулу — Ухлаканьяна, маленькое сказочное существо, напоминающее ласку, у народов банту Центральной и Восточной Африки — заяц. Трудно сказать, является ли этот персонаж традиционным героем сказок ираку, или же он привнесен извне (заимствован у соседних народов банту)» [1]. В эфиопских сказках роль плута играет заяц. Он надувает своих сильнейших партнеров (льва) и неизменно побеждает. Внешне он вполне очеловечен — ходит с ножом за поясом (нож, впрочем, заменяет орлиное перо) и охотится на весьма серьезную дичь [2].

Сказки о хитром зайце — это сюжеты о ловком плуте, очень точно вписанные в определенную обстановку. Охотничьи хижины, пересыхающие колодцы, джунгли — все это органично связано с делами зайца (и других зверей). То заяц обмазывается илом и превращается в огромного страшного зверя, способного напугать самого льва, то выдает кота за султана — повелителя зверей, то расплачивается за запах мяса плеском меда в горшке, обещает вернуть долг своим сильным противникам — льву и крокодилу — и стравливает их.

Действие происходит на земле, только на земле и без какой бы то ни было попытки призвать силы извне.

Отметим наличие интересующих нас мотивов в сказках народов Севера и Дальнего Востока, которые еще сравнительно недавно сохраняли черты родового строя (эвенки, ульчи, ненцы, нивхи, эскимосы, алеуты и др.). В сказках этих народов в роли ловкого плута выступают также животные. Действие и здесь переносится в некий условный мир, где утверждаются общее происхождение и близость людей к определенным предметам и видам растений и животных. Но

---

[1] В кн.: Заяц в сапогах. Сказки племени ираку. М., 1963, с. 9.
[2] Огонь на горе. Эфиопские сказки. М., 1960, с. 91 и сл.

явных указаний на существование иного мира, потусторонности — нет. Животное — предок — ходит по реальной земле, и наделено оно человеческими чертами. Его плутни, его хитрый обман воспринимаются как выдающийся поступок.

В работе о сказках африканского народа бауле Д. Ольдерогге отметил следы матриархата и матрилокального брака: «В одной из сказок — «Прическа паука», включенной в этот сборник, сын паука заступается за отца, которого ведут на казнь. Тут же находится сын сестры паука, который не только равнодушен к этому, но даже желает отобрать у дяди набедренную повязку, чтобы она не испачкалась в крови. По нормам материнского права племянник должен унаследовать эту повязку, и его беспокойство может быть понято только в условиях этих древних порядков. Сказка представляет большой интерес, так как в ней отразилась борьба двух общественных порядков. Она в какой-то степени напоминает драму Эсхила «Орестея», где происходит столкновение норм материнского права с появляющимися и побеждающими нормами отцовского права...» [1]

Указание этнографа чрезвычайно важно.

Предположительно, столкновение норм материнского права с наступающими нормами права отцовского открывает эпоху, когда впервые могли возникнуть мотивы некоторых интересующих нас сказок.

Итак, сказки о плутовстве — сказки, уходящие к ранним стадиям развития общества. На этих первых ступенях есть восторг перед ловкостью, есть преклонение перед хитростью, но «смеховой мир» еще не возник. Он возникнет позднее — на отрицании мира, делящегося на реальный и потусторонний.

Обман — это форма мнимой связи с потусторонним. Человек, для которого все чудеса реальны, неизбежно попадает на удочку другого, для которого все эти чудеса — лишь повод для обмана.

Для первого потустороннее находится рядом, нет явной грани между загробным миром и миром реальным; для второго потустороннее где-то далеко, а возможно, его и вовсе не существует.

Далее — о сюжете сказки о ловком воре.

Попробуем напомнить схему нескольких различных текстов. Начнем с классических.

В древнеегипетской сказке о царе Рампсените воры, знающие секрет царской сокровищницы, влезают в нее. Один из них попадает в капкан. Второй отрезает ему голову, чтобы не узнали брата и, таким образом, они не погибли бы оба. Вор похищает тело брата. Дочь царя должна провести ночь со всеми мужчинами без разбора,

---

[1] См. в кн.: Аура Поку. Мифы, сказки, легенды, басни, пословицы и загадки народа бауле. М., 1960, с. 14—16.

с условием, что каждый должен рассказать ей о самом бесчестном и о самом ловком поступке, совершенном им в жизни. Вор рассказывает все, но, когда его хватают, вместо своей руки подсовывает отрезанную руку мертвого брата.

Все мотивировки соблюдены. Но стоит вдуматься, и непонятно, почему столь уж необходимо отрезать голову? Почему такой странный способ дознания?

Сказка эта, известная в пересказе Геродота, имеет множество сородичей в мировом эпосе.

В амхарской (Эфиопия) сказке «Хитрый вор» один из двух сыновей правителя, попав в капкан, просит отрубить ему голову; голову добывает второй брат, опоив стражу [1]. В таджикской сказке «Три вора» сюжет связан с Тимуром. Он идет с двумя ворами похищать собственную казну. Ворует три мешка золота, а стража — еще пятнадцать [2].

В чешской сказке «Как Гонза выучился воровать» все те же мотивы похищения; в итоге — кража коня, простыни из-под старосты и священника из костела (раки ползут со свечами, исполняя роль духов) [3].

Мы специально взяли сказки разных эпох — более поздние несут в себе острые социальные мотивы, более ранние непонятны и неоправданны, жестокость кажется какой-то нечеловеческой.

Ловкий вор не раз останавливал на себе внимание фольклористов: от бога Громовика и Прометея [4] до позднейших вариантов в стиле чисто развлекательного сюжетосложения шла галерея персонажей, пытавшихся ответить на вопрос о возникновении обмана, о попытке представить себя связанным с потусторонним миром.

Понятие «собственность» повлекло за собой понятие «кража», понятие «вера» — «неверие» и т. п. На определенном этапе развития народного мировоззрения эти черты стали главными.

Можно предположить, что сюжет ловкого вора возник в своем первоначальном виде на грани того периода, когда появилась собственность. Л. Морган писал: «Собственность дикарей была незначительной. Их представления об ее ценности, ее привлекательности и ее наследовании были в зачатке. Несовершенное оружие, ремесленные изделия, утварь, одежда, орудия из кремней, камня и кости и личные украшения составляют главные объекты собственности в

---

[1] Сказки народов Африки. М. — Л., 1959, с. 293.
[2] Таджикские сказки. М., 1961, с. 556.
[3] Чешские народные сказки. М., 1956, с. 159
[4] Эрлих Р. Л. Сказки о ловком воре. — Язык и литература, т. 8. Л., 1932, с. 135.

диком состоянии. Стремление к обладанию собственностью лишь едва возникло в уме, поскольку самые объекты едва существовали» [1].

Последующая история человечества являлась в известной степени историей накопления в частных руках всяческого имущества. Но одновременно она была историей борьбы с собственностью. Похищение как восстановление справедливости. Кража как утверждение права — все это, хотя и отдаленно, проглядывает в известных нам сказках и обрядах, обнаруженных спустя много-много лет.

Вероятно, с этим явлением связаны и обряды, обнаруженные М. Якушкиным в середине прошлого века: «В земле Войска Донского существует особого рода похищение хлеба. В неурожайные годы люди недостаточные бывают в самом безвыходном положении, между тем у людей зажиточных иногда большое количество необмолоченного хлеба находится в степи на току. Нуждающиеся в таком случае берут его самовольно взаймы. Похищенный хлеб привозится назад при первом хорошем урожае и складывается на том же самом месте» [2].

Ритуальная кража идет рука об руку в этой сказке с иным мотивом — мотивом многомужья. Похоже, что здесь замкнулись представления обряда захоронения и обряда свадебного в их первоначальном виде. Это подтверждается рядом источников, говорящих о своеобразии свадебного обряда.

«У одних народов друзья и родные жениха или приглашенные на свадьбу гости предъявляют во время самой свадьбы унаследованное от древних времен право на невесту...» [3]

Можно предположить в этих вариантах, что жених — ловкий вор — совершает серию подвигов-испытаний, что он сознательно приносит человеческие (или заменяющие их) жертвы окружающим демонам.

Невеста отбывает свою повинность по-иному...

Теперь об обманном колдуне.

В десятках вариантов волшебных сказок на первое место поставлены мотивы чудесного пророчества. Образ колдуна, волшебника, с его чудесными предметами, мудрыми предсказаниями, дан в красках таинственных и мрачных. Иное дело знахарь из сатирической сказки — обыкновенный смертный, бедняк, озорник. Уже самое появление такого персонажа говорит о сдвиге в мышлении создателей сказки в сторону реалистического осмысления действительности.

---

[1] Морган Л. Г. Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1935, с. 316.

[2] Якушкин М. Обычное право. Ярославль, 1875, с. 33.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 55.

Значение созданного народом образа тем более велико, что еще в XVII веке вера в колдовство была общераспространеиной. Л. В. Черепниным собран материал, свидетельствующий о том, что при кражах было в то время принято обращаться прежде всего к знахаркам и ворожеям. Суздальская знахарка баба Дарьица рассказывала про себя, что она «на блюде ворожит и на соль смотрит». Постоянно обращались к ее искусству при пропажах и кражах. У дьяка Григория Нечаева исчезла книга, о которой он «гораздо скорбил... и она-де, Дарьица, ему угадала, что та книга в том же дворе у татарина». Крестьянину Демке Данилову, у которого пропали лошади, знахарка, «угадав, сказала ему, чтоб он тех лошадей искал в лесу, и он, Демка-то, свои лошади в лесу сыскал» [1]. Последний факт, взятый исследователем из приказных дел того времени, прямо сталкивается с сюжетом сатирической сказки. Можно лишь предположить, что народная сатира направляла свое острие на коллег хитроумной сивиллы из Суздаля.

Конфликт между героем сказки о знахаре и окружающей средой — конфликт двух мироощущений. Отгадка — уже не послание свыше, а дело рук самого колдуна. Вера в предсказателя стала всего лишь смешным достоянием сказочных глупцов, в роли которых народ заставил выступить своих угнетателей.

Элементы неверия в существование таинственного иного мира, на этот раз сказочного подводного царства, обнаруживаются в сказке «Шут».

Богатые братья решают утопить ненавистного им бедняка. Когда его притаскивают к реке, он обращается к ним с просьбой: «Дайте хоть с женой да с родней проститься, приведите их сюда». Те соглашаются и уходят за женой, завязав его в мешке и бросив у проруби. Бедняга слышит топот по дороге, кричит. К нему подходит прохожий, и он уговаривает его залезть в мешок вместо него, а сам уезжает на конях своего спасителя. Братья топят приезжего и на обратном пути встречают обманщика, который заявляет, что коней он взял в подводном царстве, у водяного. Те, преисполненные зависти, отправляются за подводным стадом и один за другим бросаются в прорубь.

Получение чудесных коней в качестве дара водяного — обычные черты фантастической сказки (и отчасти былинного эпоса). Основаны они на преданиях, обычаях и представлениях, сохранявшихся очень долго. Интересное предание о подводных стадах удалось разыскать Н. Е. Ончукову (Ончуков, № 231) и братьям Соколовым (Соколовы, с. XLIII). Эти предания показывают, что кое-где

---

[1] Черепнин Л. В. Из истории древнерусского колдовства XVII в. — Этнография, 1929, № 2, с. 103.

даже в начале XX века еще сохранились представления будто бы под водой пасутся коровы и быки, которых можно добыть оттуда. Герой сказки «Шут», используя подобные суеверия, расправляется со своими врагами.

В других сатирических сказках элементы наивно-реалистического мировоззрения проявляются в насмешке над верой в говорящее дерево и в икону. В сказке о Николе Дупленском (Карнаухова, № 98) жена просит волшебное дерево посоветовать ей, как избавиться от нелюбимого супруга. Вместо дерева отвечает спрятавшийся муж. Мы знаем, что дерево занимало в списке старинных обычаев и поверий большое место, подчас считаясь всемогущим. Крестьяне некоторых районов верили, что обида, нанесенная дереву, жестоко отмщается. Так, в районе Никольска некогда думали, что срубивший липу непременно заблудится в лесу. В Вологодской губернии существовали запреты на рубку старых деревьев и деревьев, посаженных руками человека. Грешник, нарушивший запрет, должен был сойти с ума либо скоропостижно умереть [1].

Напомним, что дерево всегда, до последнего времени, играло большую роль в русских народных представлениях и обрядах и в верованиях других народов.

Так, в кхмерской (Кампучия) сказке «Четыре глупых жениха» один из четырех дураков рассказал королю, как он узнал, что есть дерево, с которого видны всякие непристойные действия,— когда он влез на это дерево, парень, сообщивший ему это, занялся этим делом с его женой [2]. В непальской сказке «Как бедняк радже дядей стал» хитрец обманул торговца-махаджана, развесив на дереве краденые вещи и заявив, что одежда растет на нем [3]. Дерево в народных сказках Либерии и вовсе какая-то общественная столовая. Герой сказки «Хитрый кролик и проворный паук» находит дерево, где «каждый цветок оказался блюдом, наполненным горячей пищей» [4].

Представление о душах — позднее, но еще сравнительно недавно у эвенков захоронение производилось в дупле [5].

Другими словами, дерево — это и дом, и могила, и крепость, и источник питания, и место нахождения духов... Напомню слова Л. Моргана: «Если человечество начало свое поприще без всякого

---

[1] Зеленин Д. К. Тотемы-деревья в сказках и обрядах европейских народов. М., 1937, с. 41.

[2] Похождение хитроумного Алеу и другие сказки Камбоджи. М., 1967, с. 286.

[3] Живой в царстве мертвых. Сказки народов Непала. М., 1971, с. 265.

[4] Светящийся незнакомец. М., 1966, с. 39.

[5] Василевич Г. М. Эвенки. Л., 1969, с. 215, 242.

опыта, без оружия и окруженное хищными зверями, то нет ничего невероятного в том, что, по крайней мере частично, они представляли собой обитателей деревьев, которые были средством защиты и безопасности» [1].

«Чудодейственное» дерево, от имени которого выступает ловкий плут, возникло уже тогда, когда дерево как крепость или как дом перестало существовать. Но функции связи с «потусторонним» за ним оставались долго. Вот их-то и высмеивает сатирическая сказка о дереве, от имени которого вещает ловкий плут.

Другой предмет «смехового мира».

Известен мотив русской сатирической сказки — расплата за запах звоном монеты. Глупец (скупой) пытается продать запах как нечто вещественное. Ловкий малый (умный судья), который должен решить возникшую тяжбу, находит выход — он говорит, что за запах надо расплачиваться звуком. Сюжет этот известен и у нас, и в фольклоре многих других стран.

Материальность звука сродни материальности души. В таджикской сказке высмеиваются подобные представления о душе. Так, герой таджикской сказки не может понять, куда делась душа редкой птицы, если он ее так туго завязал в мешке» [2].

Но еще недавно существовали племена, для которых материальность звука была абсолютно реальна. Так, Э. Тейлор в своей работе «Первобытная культура» писал о представлении многих народов, будто души поглощают не еду, а запах пищи. «Мысль эта,— пишет Э. Тейлор,— ясно выражена у туземцев различных местностей Мексики, где, по описаниям, души, приходя на годичное празднество, носятся над приготовленными для них блюдами, вдыхают в себя запах или всасывают питательное начало. Многие путешественники упоминают о том вымысле, который у китайцев лежит в основе подобных приношений. Они полагали, что души умерших потребляют только неосязаемую сущность пищи, оставляя нетронутой ее грубое материальное вещество» [3].

Итак, можно предположить, что ироническая расплата — звон за запах — не произвольная выдумка досужего остряка, а определенная черта сатирического мира — выпад в сторону уже вымирающего или, во всяком случае, дряхлеющего представления.

Разумеется, и здесь, и в другом случае мы отнюдь не сбрасываем со счета творческой фантазии одаренных людей, фантазии,

---

[1] Морган Л. Г. Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса... с. 15.

[2] Таджикские сказки. М., 1961, с. 580.

[3] Цит. по кн.: Тейлор Э. Первобытная культура. М., 1939, с. 317.

которая может задним числом вернуться к давным-давно исчезнувшим представлениям, оставшись лишь в виде воспоминаний, преданий, реликтовых оборотов речи. Сходство сатирических сказок разных народов — не результат заимствования или подражания, в нем проявляется общность пути, пройденного человечеством.

Русская демократическая сатира во многом соприкасается с мировым сатирическим эпосом — общность пути человечества, близость народных чаяний, сходство сюжетных мотивов.

Но русская сатира всегда была наиболее острой в социальном отношении. Она всегда была с народом и никогда не уходила от него, не исчезала. Уходили и исчезали ее враги — история отбрасывала со своего пути мракобесов всех родов, а вдогонку им летел смех. Гениальная формула Карла Маркса оставалась ключом к пониманию русской национальной сатиры: «История действует основательно и проходит через множество фазисов, когда уносит в могилу устаревшую форму жизни. Последний фазис всемирно-исторической формы есть ее *комедия*» [1].

Разумеется, история русской сказки — и сатирической в том числе — это история ее создателей и хранителей.

Художественное претворение реальных наблюдений, способы построения сатирических образов и противостоящего им образа положительного героя народной сказки — результат длительной творческой работы коллектива, приведшей к созданию стойкой поэтической традиции. В рамках этой традиции талантливые сказочники-импровизаторы в той или иной степени свободно проявляли свою творческую индивидуальность. Однако их поэтические находки выдерживали проверку временем лишь в тех случаях, когда они не вступали в противоречие с самой системой сказочного сатирического стиля, выработанного трудом коллектива.

Сохранившийся репертуар сказочников-сатириков XIX — начала XX века убеждает в том, что в рамках типичных особенностей сатирического сказочного стиля (социальная антитеза, насмешка над представителями господствующих классов, ирония, развитый диалог и т. д.) исполнители проявляют свою творческую индивидуальность. Усиление антибарских мотивов, злая насмешка над духовенством, а также над чиновниками и кулаками — у одних исполнителей и редкое стремление смягчить острые мотивы — у других; введение новых деталей в повествование, обыгрывание отдельных мотивов — с одной стороны, и предельное сокращение повествовательной части сказки,

---

[1] Маркс К. К критике гегелевской философии права. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 418.

с другой, сближающее ее развитым диалогом с народным театром, склонность некоторых исполнителей к складной рифмованной речи («скоморошьему ясаку»), к уснащению рассказа пословицами, прибаутками, традиционными сказочными зачинами и концовками, введение психологических мотивировок поступков героев — все эти индивидуальные черты сатирического сказочного стиля отдельных мастеров не нарушают в целом своеобразия сатирической сказки как одной из разновидностей народной прозы.

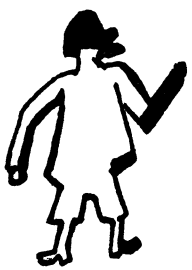
Творчество сказочников советского времени, разумеется, связано со старой традицией, но сама эпоха изменила те отношения, о которых рассказывал классический фольклор, да и роль народного творчества в нашей духовной жизни стала иной.

Но в области духовной жизни в целом фольклор отнюдь не перестал играть свою роль.

Если в классической литературе к сатирической сказке обращались и А. С. Пушкин, и В. А. Жуковский, и И. С. Тургенев, и Н. А. Некрасов, и М. Е. Салтыков-Щедрин, и Н. С. Лесков, то и в советской литературе ее черты мы находим у В. В. Маяковского, М. А. Шолохова, М. М. Зощенко, Л. В. Соловьева — многих, очень многих писателей.

На каких бы этапах национальной истории ни возникала сатира, есть нечто общее, связывающее гордые имена сатириков прошлого века и безымянных авторов повестей петровских лет; есть нечто, сближающее мятежную прозу радищевского времени и далеких летописцев. Общее это — в особом видении действительности, в специфических чертах гротеска, за которыми совершенно отчетливо видны персонажи иной творческой стихии, другой, более ранней, системы социального мышления — устнопоэтической сатиры, сатирической сказки, сохранившейся до наших дней.

Дм. Молдавский



РУССКАЯ САТИРИЧЕСКАЯ СКАЗКА

1. НЕСТЁРКА

Жил-был Нестёрка. У него была детей шестерка. Воровать боялся, милостыню просить стыдился. Раньше барщина была. Три дня надо было барину работать со своим харчам. Жил Нестёрка только своим праведным трудом, как Богатырь. От барина никогда без спросу не уходил. Все добросовестно делал.

Задумался Нестёрка:

«Каким ремеслом прикажет мне бог жить?»

Взял в котомочку хлеба и пошел. Идет дорогою лесной, раньше таких, как теперь, не было.

И идет навстречу ему Егорий Храбрый. На сивой лошади, золотые стремена.

Нестёрка издалека шапочку снял и говорит:

— Здравствуй, Егорий Храбрый, золотые стремена!

— Здравствуй, Нестёрка!

— Куда идешь, Егорий Храбрый?

— К господу богу.

— Вспомяни у бога меня. Я — Нестёрка, у меня детей шестерка, воровать боюсь, милостыню просить стыжусь. А барину надо три дня работать. Чем, скажет бог, каким ремеслом жить?

— Ладно, — говорит Егорий,— вспомяну!

Пошел Нестёрка назад.

Видит — Егорий Храбрый опять едет.

Нестёрка издалека шапочку снял.

— Егорий Храбрый,— говорит,— каким приказал господь ремеслом жить?

— Забыл,— говорит Егорий Храбрый,— вспомянуть.

— Я,— говорит Нестёрка,— знаю, что святые о бедных не зóблются, как и богатые... Дай мне тогда свое

золотое стремяно от коня. Будешь на коня садиться, увидишь — стремяна нет,— и вспомнишь обо мне.

Егорий пошел поговорил с господом богом, а вспомянуть забыл. Подходит к лошади, видит — одно стремяно, а второе — у Нестёрки.

Воротился он.

— Господи,— говорит,— вон там,— говорит,— есть Нестёрка, у него детей шестерка, воровать боится, милостыню просить стыдится. Каким ремеслом жить ему дадите?

Бог и говорит:

— Кого обманет — его; без свидетелей возьмет — его. (Потому что свидетелей нет — доказательства нет. Да, да, дорогие мои!)

Едет Егорий Храбрый назад. Одна нога в стремени, другой ногой машет.

А Нестёрка давно шапочку снял.

— Каким ремеслом бог велел жить?

Егорий говорит:

— Кого обманешь — твое, без свидетелей возьмешь — твое. Давай, Нестёрка, стремяно!

— А ты когда давал? Кто видел?

Засмеялся Егорий Храбрый. Драться не будешь! Уехал.

После этого он скрывался, Нестёрка, целый месяц. К барину на барщину не ходил.

В одно прекрасное время пошел в баню. Сейчас доложили соседи барину:

— Нестёрка в бане.

Барин посылает кучера Ивана:

— Ты скажи Нестёрке, чтоб явился к барину в воскресенье, в первом часу, когда барин придет с обедни...

Приходит кучер Иван:

— Здравствуй, Нестёрка!

— Здравствуй, Иванушка!

(Нестёрка всех знал — как я раньше, бывало, всех знал.) Докладывает кучер, чтоб завтра пришел Нестёрка к барину. И ушел домой.

Барин говорит:

— Доложил?

— Да, я сказал, чтобы в первом часу явился.

— Погоди,— говорит барин,— ужо я ему, мошеннику, вграблю.

(Тогда пороли, ихняя власть была. При Николае телесные наказания были. Я начинал в поле ходить, это было. Я помню. Розог дадут, бывало, почешешься!)

«Вот,— думает Нестёрка,— в первом-то я часу не пойду. Когда человек поевши, рахманьше будет».

Он и пошел во втором часу. Святое стремяно в полотенце завернуто.

— Доложите барину!

А у самого стремяно в руках. Вошел в комнату — дьявол улетел.

Барыня говорит барину:

— Надо толком расспросить. Где Нестёрка проживал? Месяц гулять не шутовое дело!

А барин:

— Запорю! — говорит. — Ты где, мошенник, скрывался до сё время?

— Барин, батюшка. Вот я! Был в столичном городе. Лил стремена. Серьги, кольца, цепочки — все умею! Только золота мне, а работа моя.

Барин говорит:

— А мне такие сольешь стремена?

— Солью. Дай фунтов тридцать золота со всем прогаром... А вы получите стремена чистые. А дай еще фунтов сорок серебра — и серебряные солью. Только сроку надо семь месяцев.

(А он не льет, а врет — все равно как я буду лить.)

Дал срок барин — работай! Насыпал ему тридцать фунтов золота и сорок серебра.

Барин бумагу сделал для памяти себе: «Две пары стремян серебряных, одну золотую. Остальное за работу пойдет».

Проходит лето. Нестёрка семян купил, сошку справил, борону справил, купляет коровушку, лошадку купил.

Соседи дивуются, где это Нестёрка денег берет,— ребят одел, обул, рубашек накупил. Узденку — надо, хомуток — надо, лемеха — надо, веревочки — и те справить надо! Подковки отвалятся — тоже справить надо! Все надо!

Нестёрка песни поет...

Прошло семь месяцев, восемь стало.

Ноябрь. Дождик. Грязь, а инже и снег бывает...

Посылает Ивана-кучера барин:

— Может, хоть одна готова?

Приходит Иван-кучер:

— Здравствуй, Нестёрка!

— Здравствуй, Иванушка!

— Барин спрашивает, стремена ты слил — двое серебряных, третьи золотые? Тридцать фунтов золота давал и сорок серебра.

— А ты видал? Барин-то не дурак, в соломенную крышу не поверит такие деньги! А я не брал!..

Приходит Иван-кучер к барину:

— Нестёрка говорит: «Я не брал; барин не дурак, в соломенную крышу не поверит такие деньги! А я не брал!..»

Барин кричит:

— Я его на суд! В тюрьму забрякаю!

Тогда приходит Иван опять к Нестёрке:

— Тебя на суд зовут. В восемь утра приходи!

Хорошо. Опоясался утром Нестёрка. Лапотки надел. Мужик как мужик. Приходит на кухню.

— Доложите барину, что я пришел!

Вышел барин: «На суд едем, собирайся!»

— Что же,— говорит Нестёрка,— мне пешком не дойти. Одели бы меня. Кто поверит, что вы мне дали такую сумму — тридцать фунтов золота и сорок фунтов серебра?

Стали его одевать господином. Цилиндр дали, зонтик. Настоящим помещиком одели.

А Нестёрка говорит:

— Дай мне, барин, кучера.

— Василий-работник поедет.

— Барин, Василий мой кучер?

— Твой, твой.

— Ты слышишь, Василий? Чей ты кучер?

— Твой, Нестёрка.

Василию дали лошадей с рабочей конюшни, а барину — с легковой.

Барин говорит: «Не отставай от меня, Нестёрка!»

Барин вперед поскакал, Нестёрка сзаду догоняет,— не догнать, лошади-то рабочие!

Приехали. Барин к прокурору пошел. Пустили его — барин! Со всеми за ручку здоровается. А Нестёрка сзади ходит. Стал у порога. Подает барин записку.

— Так и так,— говорит прокурору,— а куда он деньги дел? Ни стремян, ни денег.

Прокурор прочитал: «Тридцать фунтов золота, сорок фунтов серебра взято от такого-то помещика, такого-то месяца». Так прокурор и говорит: «Нестёрка, ты брал?»

— Никак нет,— говорит,— господин прокурор! Он скажет, что и пальто на мне его.

— Мое! — барин кричит.
— И сапоги его?
— Мои!
— И кони его?
— Мои!
— И цилиндр его?
— Мой!
— Он скажет — и кучер его.
— Мой!

Прокурор — в окно: «Нестёркин кучер, сюда! Ты чей кучер?»

— Нестёркин.

Пошли в комнату и постановили: «Барин в разуме помешался!»

А Нестёрку оправдали, лошадей за ним оставили.

На тех лошадях Богатырь домой приехал. Мы еще выпивали с ним!

2. ЛЕГЕНДА О САПОЖНИКЕ НА НЕБЕ

Раньше — как сапожник, так последний человек; ругатель и пьяница. А этот был справедливый. Другому дай кожу — он ее украдет и деньги не отдаст. А этот был честный. Вот он помер. Помер и пошел в рай. Стоит у ворот апостол Петр.

— Нет бога дома! Он гулять пошел. И святые с ним. Садись и жди его. А пока расскажи, как жил ты на земле. Не крал ли?

Сапожник говорит:

— Только то себе оставлял, что с-под ножа падает.

— Ну, коли так — сядь за эту дверь и жди.

Стал сапожник в угол и ждет. Видит — стоит скамеечка маленькая. Взял он ее и сел на уголок. А скамейка была бога — бог садится на свое место, а на скамейку ноги ставит. Сел сапожник на скамейку и вдруг целый мир увидал.

И жену видит. Та белье полощет в речке. Взяла и повесила сушить. И домой пошла. А другая баба подошла да давай это белье брать, воровать...

Осерчал сапожник и заорал:

— Ты что делаешь? Ты что чужое белье воруешь?

Расстояние очень большое от неба до земли — ничего не слышно. Как схватил сапожник скамейку да как пустил в бабу!

А тут вдруг шум, музыка, голоса... Сапожник скорее спрятался. Это бог назад шел со всеми своими святыми. Взошли все на небеса. Стало там светло, красиво. А сапожник сидит за дверью в уголку. Сел бог на место, видит — скамейки нет.

— Ну,— говорит,— ищите ее, куда она делась.

Разбежались ангелы, ищут скамеечку. Увидали сапожника:

— А ты что здесь делаешь?

— Да меня святой апостол Петр впустил сюда.

Бог говорит:

— А где моя скамеечка?

Сапожник рассказывает:

— Да вот как я сел на нее, так все и увидел — как баба белье крала у моей жены. Я кричал-кричал — она ничего не слышит. Не выдержал я, да и бросил скамейку.

Бог говорит:

— Если бы я был таким, как ты, так мне бы, на землю глядя, и сидеть не на чем было. Всю мебель бы вниз побросал...

И послал сапожника назад на землю.

3. КАК БЕДНЯК КУМА ИСКАЛ

У одного бедняка родился сын. Сам он был человек справедливый и хотел найти такого кума, чтобы тот тоже был человеком справедливым. Пошел себе, идет. Встречает человека:

— Куда идешь?

— Да вот родился у меня сын. Я хочу поискать хорошего человека в кумовья.

— Бери меня. Я бог!

— Нет,— говорит бедняк,— бог — несправедливый человек. Один у него богато живет, другой бедно...

И пошел бедняк дальше. Видит — опять человек идет. А это не человек, а черт. Черт говорит:

— Я самый хороший человек! Могу быть кумом!

— Нет,— говорит бедняк,— и ты несправедливый — и ад устроил, и с богом ссорился, и людей жгешь.

Дальше идет. Встречает женщину старую.

— Иду,— говорит,— кума ищу. А ты кто?

— Я — смерть.

— Вот,— говорит,— ты справедлива. Тебе все равно — бедный или богатый. Тебя я и беру в кумы.

Вот она и явилась на крестины. И говорит:

— Никто меня никогда не видит. Только этот мальчик будет меня видеть. Как вырастет мой крестник — я дам ему силу. Будет он лекарем. Когда позовут его к больному, пусть смотрит. Когда я буду в голове стоять, тогда больному не исцелиться, а если в ногах — тогда он его вылечит!

Вырос этот мальчик. Стал он славным доктором. Лечил он, лечил. Вызвали его к богачу одному. Очень заболела дочь у него.

— Вылечи ее, отдам дочь за тебя да еще половину моего богатства!

Ну, приезжает он. Видит — смерть в голове стоит. А пани красивая, только очень бледная. Как бы смерть обмануть? Взял и повернул пани ногами к смерти. Стала та понемногу оживать. Покраснела и выздоровела. Женился он и дальше лечит. Вдруг заболел тесть — отец жены его. Так само... Опять видит он — смерть в голове стоит. И грозит ему пальцем. Он подумал: «Два раза простила меня мать крестная и теперь простит!»

Перевернул он тестя ногами к смерти. Тот ожил.

Вдруг почувствовал, что сам попал в подвал. Кругом свечи горят. Глядит — мать крестная рядом — смерть. Спрашивает:

— Где это я, мама, нахожусь? Что за свечи? Одна пылает, другая сгорела, третья наполовину...

— Так вот слушай! Я тебе все скажу! Эти свечи, что ты видишь — вот одна загорелась,— это человек родился. А там, смотри, в половине — человек половину жизни

прожил. А вот там третья — еще старше он. А вот уже кончается свечка — скоро помрет человек.

Он заинтересовался и говорит:

— Где же моя свечка, мама?

Она показывает, что его свечка совсем догорает.

— Вон твоя свечка.

— Прости меня, может, можно вторую свечку запалить?

— Нельзя. Твой отец знал, что я справедлива.

— Может, можно хоть под старую свечу новую поставить?

— Ну, ставь.

Взял он и поставил. Догорела свеча, а другая не загорелась, он и умер.

4. БЕСПЕЧАЛЬНЫЙ МОНАСТЫРЬ

На одном большом тракту стоял монастырь. Ни один крестьянин не проезжал этот монастырь, чтобы не зайти помолиться.

Однажды мимо монастыря проезжал крестьянин. Тоже вздумал помолиться. Привязывает лошадь к забору, приходит к монастырским воротам, стал их отпирать, но не тут-то было — ворота были крепко заперты. Крестьянин начал стучаться в ворота, но никто ему не ответил. «Что бы это значило,— думает крестьянин,— среди бела дня и ворота так крепко закрыты». Он стал прислушиваться и услыхал за монастырскими стенами не то гимны, не то стихи или просто песни. Крестьянин подумал себе на уме: «Вот так так, монахи загуляли». Он вытаскивает из кармана записную книжку и пишет на листе крупным шрифтом: «Беспечальный монастырь». Отрывает этот листок, залипает его на монастырской стене. А сам садится на свою лошадь и уезжает.

Вскоре после крестьянина проезжает царь и тоже вздумал помолиться. Вышел он из своей коляски, подошел к монастырским воротам и заметил вывеску «Беспечальный монастырь». Царь отпирает монастырские ворота, входит туда. Навстречу ему отец игумен с крестом, осеняет государя крестным знамением. Царь целует крест и сразу задает игумену вопрос:

— Оказывается, отец игумен, у вас беспечальный монастырь?

Игумен несколько струсил и спросил государя:

— Откудова знаете, государь, что здесь беспечальный монастырь?

Тогда царь и говорит игумену:

— У вас вывеска есть на стене — «Беспечальный монастырь».

Игумен и говорит государю:

— Не может быть, чтобы монастырь был беспечальный. Мы со всею братиею каждый день молимся за государя и за весь народ.

Тогда царь вызывает игумена на улицу и показывает ему надпись. Когда игумен прочитал, стал говорить государю, что это просто насмешка иль кто-то по злобе на игумена взял написал и прилепил. Государь стал настаивать, что это не зря, все же здесь есть доля правды.

— Так вот что, отец игумен, надо будет попечалиться и помолиться. Я вам дам небольшую печаль — три задачи, чтобы вы их разгадали со своей братией.

— А какие же это задачи? — поторопился спросить отец игумен.

Государь стал ему задавать:

— Ты со своею братией должны сосчитать, сколько на небе звезд. Это будет первая задача. А вторая задача — узнать, тот свет дальше или небеса выше? А третья задача — поценить меня, что стою я?

Вышел царь из монастыря, сел в коляску и уехал. Отец игумен созвал всех своих послушных, и стал он им рассказывать:

— Вот что, братия, проезжая, государь проездом вздумал помолиться и увидел на монастырской стене надпись, где было написано: «Беспечальный монастырь». Зашел он в монастырь, чтобы помолиться, но он не молился, а сказал, что у нас находится беспечальный монастырь, и вот за это, что мы беспечальные, задал нам задачи, чтобы мы все помолились, попечалились и разгадали эти задачи.

Тогда братия спрашивают отца игумена:

— Что за задачи и что они представляют из себя?

Отец игумен стал им рассказывать заданные три задачи государем. Первая задача — сосчитать, сколько на небе звезд; вторая — узнать, тот свет дальше или небеса выше, а третья — оценить самого царя, что он стоит.

— Вот, братцы, помолитесь, попечальтесь и разгадайте, чтобы в семь дней нам кончить.

И распустил он всю свою братию по своим местам. Кто ушел в келию, кто гулять в поле, а только один ермонах думает себе: «Так и так, недолго осталось жить. Такие задачи невыполнимы. Казнит или разгонит всех государь».

— Дай пойду в трактир, куплю большой запас водки, буду пить, лишь бы скорее, незаметно время прошло.

Взял деньжонки и пошел в трактир. Когда пришел в трактир, заказывает он трактирщику большой запас водки, что даже трактирщик удивился. Трактирщик спросил отца ермонаха:

— Зачем вам так много водки?

Ермонах и говорит трактирщику:

— Проезжая, проездом государь заехал в монастырь, за что-то задал отцу игумену три задачи, которые простым смертным монахам невыполнимы. А отец игумен просит всю братию, чтобы мы все потрудились над этими задачами; может быть, кто их выполнит. Я думаю, что они невыполнимые, и вот пришел взять большой запас водки и просто пить, чтобы незаметно время шло.

В это время сидел в трактире пьяница-мужик, полулежал, полудремал. Вдруг он услышал речи отца ермонаха, подскакивает к отцу ермонаху и просит у него, чтобы подал ему водки:

— Я вам помогу разгадать эти задачи.

А ермонах ему сказал:

— Отойди от меня, некогда мне с тобой растабарывать.

А тот еще больше стал вязаться и просить водки, и одно — настаивает, что я вам разгадаю эти загадки.

Ермонах одумался, не стал уходить и говорит пьянице:

— Если только можешь, тогда идем к отцу игумену.

Пришел пьяница в монастырь, и ермонах доложил отцу игумену о пьянице, который берется разгадать все эти задачи.

Игумен велел позвать пьяницу, который и вошел к нему в келию. Игумен спрашивает пьяницу:

— Что, брат, разве можешь разгадать теи задачи?

А пьяница отвечает:

— Могу.

Тогда игумен и говорит ему:

— Давай зауословим, какое ты с нас возьмешь жалованье за выполнение этих задач?

Пьяница и говорит отцу игумену:

— Что вы, отец игумен, ничего я с вас не возьму.

— Нет, брат, нельзя. Даром не хотим заставить человека, чтобы он на нас работал.

— Вот что, отец игумен, вы прежде всего снимайте свое одеяние, я одену его, чтобы попривыкнуть быть игуменом, а вы надевайте мое, хотя все оно изорвано, но ведь это все на время.

Переодеваются они. Пьяница одевает одеяние игумена, а игумен одевается в одеяние пьяницы. Пьяница и говорит отцу игумену:

— Теперь расскажите, какие задачи?

Игумен стал ему рассказывать: нужно сосчитать на небе звезды, тот свет дальше или небеса выше, поценить самого царя, что он стоит.

Пьяница просит у игумена несколько стоп бумаги и карандашей и велит принести литр водки.

— Мне жалованья не надо, только не забывайте меня водкой, пока я буду у вас работать.

Берет пьяница несколько пачек бумаги, карандаши, литр водки, пошел, заперся в келию игумена и заложил дверь на крючок. Расклал бумагу на стол, начал писать с краю, ставил цифры за цифрой, где десять, где двадцать, где пятьдесят, пятьсот, тысячу, десять тысяч, и давай орудовать вовсю. Исписал всю бумагу в цифрах, склал их как следует, а сам стал пить водку. Как напьется, так мертвецки и спит, а когда пробудится, просит вторичную водку. Приносят ему монахи водку и спрашивают пьяницу, как идут его дела и скоро ли он кончит подсчет звезд, а он им отвечает:

— Не ваше дело,— это только знаю один я.

Приходит время приезда царя. Стали будить его и стучать в дверь. Пьяница пробуждается и говорит им:

— Кого вам надо?

— Надо приступить к делу. Сегодня приедет государь,— говорит игумен.

Пьяница мало-мало причесался, вышел, замкнул свою келию, а сам приходит в монастырь. Вдруг на колокольне зазвонили, говорят, что приехал царь.

Пьяница-игумен берет крест, осеняет его крестным знамением. Царь поцеловал крест и поторопился спросить отца игумена: «Выполнил мое задание?» — «Думаю — выполнил». — «А ну-ка, расскажи!» — говорит царь.

Мнимый игумен просит его в свою келию. Заходит царь в келию; он преподносит ему все стопы бумаги и говорит ему:

— Вот, государь, можете сами посмотреть.

Царь стал всю бумагу перелистывать и смотреть. Потом царь и говорит: «Что ты, отец игумен, здесь наврал? Стоят какие-то несложные цифры?» А пьяница ему и говорит: «Государь, ведь у нас и звезды стоят в непорядке, вот и пришлось мне так записать». «Ты, отец игумен, наврал тут». — «А если я наврал,— говорит игумен,— то вы сами пересчитайте, тогда для вас будет виднее. А я-то думаю, что я верно подсчитал».

Царь немного подумал себе на уме: «Кто может звезды считать? Хитрый игумен! Сумел мне доказать»,— и говорит ему:

— Ну, это верно, скажем, подсчитал ты, а вот теперь скажи вторую задачу.

— Эту тоже узнал. Мой батюшка помер двадцать пять лет, и теперя его нет, а вот на небесах я слышу стук и бряк,— значит, небеса ближе того света.

Царь и на это согласился, что небеса и тот свет никто не проверял, поэтому игумен прав.

— Сумел ли ты оценить меня?

— Да, и это оценил.

— А что же стою я? — говорит царь.

— Вы стоите двадцать девять рублей.

Царь вспыхнул, и соскочил на ноги, и закричал на него:

— Откуда взял такую цену — двадцать девять рублей, когда простой рабочий получает в месяц тридцать рублей?!

А игумен говорит:

— Царь! Вы, государь, прежде прослушайте, а потом и сердитесь на меня. Вас я ценил вот по чему: Иуда продал царя Христа небесного за тридцать рублей, а вы земной царь, значит, на рубль его дешевле должны быть.

Царю после этого нечего было говорить.

— Вот что,— говорит царь,— узнайте еще четвертую задачу,— что я думаю на уме?

Игумен и говорит ему:

— Государь, вы думаете на уме — молодец игумен монастыря.

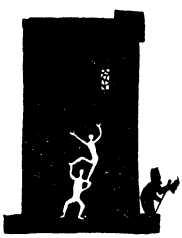
А царь действительно так и думал.

— Да, я так и думал — молодец игумен монастыря.

— Вы тут-то ошиблись,— говорит игумен,— я, молодец-то, ведь не игумен монастыря, а я пьяница трактира и кабака.

— Как так? — Пошли спросы и допросы, что вместо игумена был пьяница, а сам игумен скрывался.

Царь пьяницу поставил игуменом, а игумена выгнал шляться по трактирам и кабакам.



5. ЦАРЬ И ВОР

Вор с дядей шли к царю воровать, пришли к царским воротам. Вор велит дяде вперед идти, а дядя вору. Пошел, однако, дядя. Пошел дядя, подворотница пала, дяде голову отсекла. Вор тулово оставил, а голову с собой унес.

А царь хочет узнать, кто у него воровал. Стал клик кликать, всех баб собрать: которая женщина прослезится, та и жена убитого. Вор дядину жену научил:

— Ты неси крынку молока, урони, пролей и плачь: «Не жаль крынки, жаль молоко».

Выкопали могилу, собрались бабы. Погонили баб мимо этой могилы ширинкой. Жена дяди сронила крынку и плачет: «Не жаль крынки, жаль молоко!» Так царь и не мог узнать вора.

В кабаке стали сыпать злато-серебро: «Кто ли воровать будет». Злато-серебро теряется, а к полу никто не согибается. Стали людей поить, пили люди, заспали. Утрях спят. Зашел поп и видит у вора на подошве серебреник. Поп взял да у вора полбороды и обрил. Проснулся вор, узнал, что полбороды нет, взял да у многих полбороды обрил. И опять не могли вора признать.

А вор думать стал, как попу на смену заемно овратить. Сделал себе ящик, подделал бумажные крылья, одел хорошее платье и подлетел к попу перед окна на перила. Говорит:

— Я ангел господень, ты достоин, тебя на небо нести. Только будут мытарства, надо их перетерпеть.

Посадил попа в куль, принес и повесил на церковны ворота, на ограду, и надписал надпись: «Кто пойдет в церковь, каждый чтобы по кулю по разу ударили». Попа тут каждый колотил, и до смерти заколотили.

А царь вора все не может признать. Оделся царь в шутовское платье и в рынке стал ходить посоиваться меж людей. Ходит царь — посоивается, и вор посоивается. Друг дружку заметили ворами. Вор у царя спрашивает:

— Воровать не пошли?

— Можно воровать.

— А к кому пойдем?

Царь отвечает:

— К царю.

Вор царя по косице и хлесть:

— Ах ты, так твою мать! Давно ли воруешь, а уж к царю идти хочешь? Я веки ворую, да на царя-то никогда не думал воровать!

— А к кому ино пойдем воровать? — спрашивает царь.

— А к боярам, у них деньги-те даровые.

Пошли воровать к боярам. Пришли к чердаку, а в чердаке, в верхних этажах, огонь, собранье. Вор железны храпы вынул, на руки, на ноги наложил, полез по стене. А народ советует, как царя кончить. Придумали так: позвать его к себе в непоказанные часы, а когда придет, поднести ему чару. Чару выпьет, так сам помрет.

Слез вор со стены, дал царю когти, велел кверху лезть, самому прослушать. Одел царь когти, залез, послушал один совет. Отозвал оттуль царь вора на особицу. Отошли они подале, царь снял с себя шутовское платье и оказался во крестах и в эполетах. Вор на коленки пал, извиняется, что царя по косице ударил. Царь его простил. Повел царь вора во дворец.

— Когда бояре меня позовут во дворец, то я тебя назову иностранным купцом и возьму с собой. И будут мне подавать чару, я и спрошу: «У вас как — который наливает, тот вперед выпивает, али которому подают?» Вы и ответьте: «Который наливает, тот вперед выпивает».

Позвали бояре царя. Пошел царь с вором, вор наряжен иностранным купцом. Стали царю подавать чарку. Царь спрашивает:

— Как в ваших местах — тот выпивает, кто наливает, али как?

Купец отвечает:

— Который наливает, тот первый и выпивает.

Царь приказал подносчику вперед выпить. Выпил подносчик чару, да тут и помер. Схватили всех, сколько тут было бояр, кого расстреляли, кого на воротах повесили. А вора царь себе думным доспел.

6. ГОРШЕНЯ

Горшеня едет-дремлет с горшками. Догнал его государь Иван Васильевич.

— Мир по дороге!

Горшеня оглянулся.

— Благодарим, просим со смиреньем.

— Знать, вздремал?

— Вздремал, великий осударь! Не бойся того, кто песни поет, а бойся того, кто дремлет.

— Экой ты смелый, горшеня! Люблю эдаких. Ямщик! Поезжай тише. А что, горшенюшка, давно ты этим ремеслом кормишься?

— Сызмолоду, да вот и середовой стал.

— Кормишь детей?

— Кормлю, ваше царское величество! И не пашу, и не кошу, и не жну, и морозом не бьет.

— Хорошо, горшеня, но все-таки на свете не без худа.

— Да, ваше царское величество! На свете есть три худа.

— А какие три худа, горшенюшка?

— Первое худо — худой шабер, а второе худо — худая жена, а третье худо — худой разум.

— А скажи мне, которое худо всех хуже?

— От худого шабра уйду, от худой жены тоже можно, как будет с детьми жить; а от худого разума не уйдешь — все с тобой.

— Так, верно, горшеня! Ты мозголов. Слушай! Ты для меня, а я для тебя. Прилетят гуси с Руси, перышки ощиплешь, а по правильному покинешь!

— Годится, так покину, как придет! А то и наголо.

— Ну, горшеня, постой на час! Я погляжу твою посуду.

Горшеня остановился; начал раскладывать товар. Осударь стал глядеть, и показались ему три тарелочки глиняны.

— Ты наделаешь мне эдаких?

— Сколько угодно вашему царскому величеству?

— Возов десяток надо.

— На много ли дашь время?

— Месяц.

— Можно и в две недели представить, и в город. Я для тебя, ты для меня.

— Спасибо, горшенюшка!

— А ты, осударь, где будешь в то время, как я представлю товар в город?

— Буду в дому у купца в гостях.

Осударь приехал в город и приказал, чтобы на всех угощениях не было посуды ни серебряной, ни оловянной, ни медной, ни деревянной, а была бы все глиняная.

Горшеня кончил заказ царский и привез товар в город. Один боярин выехал на торжище к горшене и говорит ему:

— Бог за товаром, горшеня!

— Просим покорно.

— Продай мне весь товар.

— Нельзя, по заказу.

— А что тебе, ты бери деньги — не повинят из этого, коли не дал задатку под работу. Ну, что возьмешь?

— А вот что: каждую посудину насыпать полну денег.

— Полно, горшенюшка, много!

— Ну, хорошо: одну насыпать, а две отдать — хочешь?

И сладили.

— Ты для меня, а я для тебя.

Насыпают да высыпают. Сыпали, сыпали — денег не стало, а товару еще много. Боярин, видя худо, съездил до-

мой, привез еще денег. Опять сыплют да сыплют,— товару все много.

— Как быть, горшенюшка?

— Ну, что ни жадала? Нечего делать, я тебя уважу, только знаешь что? Свези меня на себе до этого двора — отдам и товар, и все деньги.

Боярин мялся, мялся: жаль и денег, жаль и себя; но делать нечего — сладили. Выпрягли лошадь, сел мужик, повез боярин: в споре́ дело. Горшеня запел песню, боярин везет да везет.

— До коих же мест везти тебя?

— Вот до этого двора и до этого дому.

Весело поет горшеня, против дому он высоко поднял. Осударь услыхал, выбег на крыльцо — признал горшеню.

— Ба! Здравствуй, горшенюшка, с приездом!

— Благодарю, ваше царское величество.

— Да на чем ты едешь?

— На худом-то разуме, осударь.

— Ну, мозголов, горшеня, умел товар продать. Боярин, скидай строевую одежду и сапоги, а ты, горшеня, кафтан и разувай лапти; ты их обувай, боярин, а ты, горшеня, надевай строевую одежду. Умел товар продать! Немного послужил, да много услужил. А ты не умел владеть боярством. Ну, горшеня, прилетали гуси с Руси?

— Прилетали.

— Перышки ощипал, а по правильному покинул?

— Нет, наголо, великий осударь, всего ощипал.

7. ЕЛЕВЫ ШАШКИ

Жили-были два брата, один богатый, другой бедный. Богатый брат свиней покупал, свининой торговал, возил в Москву и большие барыши получал. Пришлось раз: повез свинину — и нипочем не берут. Привез ее всю назад.

У богатого брата было три сына. Приехал он из Москвы, дети спрашивают:

— Что, как, батюшка, дела твои?

— Свинина,— говорит,— нынче, робята, нипочем.

(А этого торговца-мясника сам царь знал.) Вот наутро бедный брат приходит к богатому и спрашивает его:

— Что слышно в Москве?

— Ничего не слыхать,— сердито таково ему брат отвечает.

— А почем, брат, свинина?

— Свинина нипочем.

— А что же в Москве дорого?

И сказал брат ему на смех:

— Елевы шашки в Москве больно дороги.

Беднеющий брат приходит домой и говорит хозяйке своей:

— Хозяйка, свинина, брат сказывает, в Москве нипочем, а елевы шашки больно дороги. Айда, возок наберем!

А они от Москвы жили в двадцати верстах. Поехали в лес и набрали воз.

Он был бедный: поехал в Москву совсем раздевши, что я же. Приехал в нее утром, и так холодно. Стоит, весь посинел, с шашками на базаре. Никто не подходит и не торгует, потому брат на смех сказал.

Вот идет базаром сам царь посмотреть, что на базаре есть, и говорит:

— Мужичок, что это ты привез?

— Елевы шашки.

— А почем их продаешь?

— Никто не торгует.

— На что же ты их привез?

— Да меня брат смутил.

— Кто тебе брат?

— Вот такой-то,— говорит.— Был здесь с свининой, свинину не продал, всю домой привез. Я спросил: «Почем свинина в Москве?» Он сказал: «Нипочем, а шашки елевы дороги».

Царь и говорит:

— Я твоего брата хорошо знаю. Ну, погоди, шашки ты все распродашь. Смотри, продавай по рублю за шашку! В час все у тебя разберут.

Приезжает царь домой и послал по всем господам, купцам и богатым мужикам, чтобы все шли к царю в гости и каждый бы нес елеву шашку.

Приказ получили и думают, где шашки взять. Один другому рассказывает:

— А вот тебе: на базаре их воз стоит.

Побежали на базар, весь воз расхватали. Полны сани мужик денег наклал.

Приходят все к царю и приносят шашки. Шашки он принимает и в чехаус их валит (не надо никуды). Вот мужичок шашечки продал, пошел полушубочек купил, зашел стаканчик водочки выпил, сел, да и домой поехал. Приехал домой, встречает его жена и спрашивает:

— Что, старик, как дела?

— Слава богу, хозяйка, рубль за шашку взял. Теперь казны привез, детям не прожить.

А богатый брат в дырочку слушает, да и кричит его:

— Подь-ка сюда! Что, как твои шашки?

— Рубль за шашку,— говорит,— взял.

Тот побежал к своим детям, запрягли трех лошадей, поехали, набрали три воза; поехали в Москву с шашками. Стали на базаре, стоят. Прежде вся Москва знала, что он свининой торговал, и говорят ему:

— Что ты дерьма-то вывез? Что свинины не привез?

— Свинина,— говорит,— нипочем, очень шашки здесь дороги: брат рубль за шашку продавал.

Идет сам царь и подходит к нему.

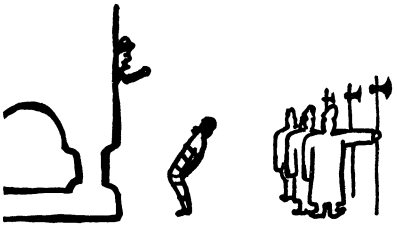
— Что ты дерьма привез?

— Нету, нынче, ваше царское величество, шашки здесь дороги.

Царь только головкой помотал и пошел домой. Послал царь на базар двоих казаков с плетями и велел им всыпать приезжим трем мужикам по сотне каждому за то, чтобы дерьма в город не возили. Казаки приехали на базар и начали богатого брата лупить плетьми. Так его отдули, чуть живого пустили; и шашки все раскидали. Приехал домой весь избитый, как пес, и так брата ругает; а брат и говорит.

— А черт ли тебе велел? Ты бы не... торговал, а свинину бы продавал.

С тем и кончилось.



8. ЦАРЬ, СТАРИК И БОЯРА

Ехал государь с боярами, увидел старичка белобородого — борода большая, седой.

— Здравствуй, дедушка!

— Здравствуй, свет великия надежа государь.

— Как же ты, дедушка, поздно встал?

— А я рано встал, да подопнулся.

— А ты бы и в другиж.

— А я и в другиж встал, да подопнулся.

— А ты бы и в третьиж!

— А я и в третьиж встал, да опять подопнулся.

— Дедушка, давно ли на горах снеги забелели?

— Двадцать лет.

— Давно ли с гор ручьи побежали?

— Пятнадцать лет.

— Дедушка, прилетят сюда гуси, можешь ли их теребить?

— А сколько могу, потереблю!

— Дедушка, тереби гораздне, не жалей!

Распростился царь с дедом, поехали. Приехал царь домой, стал у бояр спрашивать:

— Чего мы с дедушкой говорили?

Бояре стали сроку просить. Выпросили сроку, с царем распростились, разошлись, сели на коней и поехали к дедушке. Приехали, поздоровались.

— Дедушка, чего вы с государем говорили?

— Нет, нельзя сказать!

— Дедушка, дадим по сту рублей!

— Нет, нельзя.

— Дедушка, дадим по двести рублей!

— Нет, нельзя.

— Дедушка, дадим по триста.

— Ну, когда по триста, скажу. Спросил у меня царь: «Пошто поздно женился?» Я сказал: «Рано женился, да женка померла». — «А ты бы, говорит, и в другиж же-

нился».— «Я и другиж женился, и другая померла». — «А ты бы и третьиж женился». — «Я и третьиж, и третья померла». Спросил царь: «Давно ли, говорит, волосы на голове заседели?» — «Двадцать лет». — «Давно ли, говорит, ручьи с гор побежали?» — «Пятнадцать лет». То слезы из глаз побежали.

— А гусей каких говорил? — спрашивают бояре.

— А вот вас самих теребить и велел.

Поехали бояре к государю и передали все, что узнали.

Другой раз поехал государь, увидел дедушку, спрашивает:

— Были ли у тебя гуси?

— Были!

— Ну каково же ты потеребил?

— А сколько мог теребил, свет великия надежа государь.

— А плохо теребил, ты бы так теребил, чтобы перышки все у их ощипал!

9. ВОЕВОДА И МУЖИК

С самого утра мужичок трудится на своей борозде; устал бедный. Едет воевода. Известно, воеводы рано не встают, ездить не ездят. Вот подъезжает он; увидел мужичка, подозвал, начал спрашивать, как его зовут, прибыльно ли работать, сколько получает в год.

— Ничего, слава богу; сыт, не гол — и того будет. За большим не гоняюсь. Уродится — хорошо, не уродится — божья воля. А в год сбираю рублей на восемьдесят.

Воевода опять спрашивает:

— Куда же ты, мужичок, их деваешь?

— Как куда? Известно, по хозяйству разве мало надыть? Да вот, с первого раза двадцатью рублями, значит, долг плачу, двадцать рублей в долг даю, двадцать рублей за окно кидаю, да двадцать рублей податей плачу!

Воевода стоит, раздумывает, что бы это значило: двадцать рублей в долг давать, двадцать в окно кидать да двадцать долг отдавать. «Загадка трудная»,— смекает; просит мужичка растолковать. Тот отказался. Воевода говорит:

— Ну ладно! Ты не говори никому, кто бы тебя ни спрашивал. Вот тебе мой воеводский приказ!

Пригрозил так воевода мужичку.

— А то,— говорит,— тебе несдобровать!

И уехал.

Приезжает домой, потребовал всех самых именитых бояр.

— Так и так,— говорит,— попался мне мужичок на дороге; говорит, получает всего в год восемьдесят рублей; двадцать рублей долгу платит, двадцать рублей в долг дает и двадцать рублей в окно кидает. Отгадайте, бояре, эту загадку. Кто отгадает, награжу золотом и милостью!

Бояре весь день думали, ничего не придумали, выпросили у воеводы месяц сроку. Вот и месяц приходит к концу. Что делать? А каждому выслужиться хочется. Вот один поехал к мужику.

— Расскажи,— говорит,— братец, пожалуйста. Растолкуешь, пожалую тебя по-царски, дам тысячу червонцев.

Мужичок говорит:

— Двадцать рублей долгу плачу, то отца кормлю: он допрежь меня кормил. Двадцать рублей в долг даю, то сына кормлю: он меня будет кормить, этим заплатит, стало быть. Двадцать рублей за окно кидаю, то дочь питаю: это уж ни жилец, ни помощник, ни кормилец.

Боярин подумал-подумал:

— И это ведь правда.

И дал мужичку тысячу золотых.

Приехал другой боярин и дал мужичку две тысячи золотых. Тот рассказал опять задачу. Приехал третий, дал три тысячи. Мужик опять растолковал боярину.

Месяц кончился. Пора отдавать отчет воеводе. Все пришли. Воевода начал спрашивать, кто как надумал. Один боярин сказал:

— На двадцать рублей отца кормит мужик, на двадцать сына, на двадцать дочь!

Воевода обратился к другому. Тот ответил то же. Конечно, и третий ответил не иначе.

Воевода себе на уме; это, дескать, что-то недаром. Послал гонца за мужиком, приказал немедленно явиться. Приехал мужичок, сейчас его к воеводе.

— Ах ты, такой-сякой,— осерчал воевода,— кому ты сказал про загадку? Говори правду-истину, а не то твоей голове не уцелеть! Я хотел разузнать, как отгадают мои бояре эту загадку, могут ли они моим воеводством управлять. А ты мне все дело изгадил! Знаешь, бояре должны быть всех умнее, всех догадливее?

Мужик, не будь плох, и говорит:

— Были у меня трое. Первый дал перышко, другой — два, а третий — целых три.

Воевода и язык прикусил; начал спрашивать, что это значит. А мужик усмехается знает:

— Вот ты, воевода, здешний царь, значит. Тебе, значит, надо быть всех смышленее. А ты вот у простого мужика спрашиваешь!

10. АЛЕКСЕЙ ДОБРОДОВИЧ

У маменьки один сын был, Алексей Добродович. Раньше у Николая двадцать пять лет служба была. Я четырех солдат помню — двадцать пять лет служили. В одно прекрасное утро Петр Первый поехал на охоту. Видит — избушка.

«Дай,— думает,— заеду я в избушку, попью молочка!»

А в избушке, слышит,— старушка молится:

— Дай бог сынку Алексею Добродовичу. И дай бог Алексею Михайловичу. И дай бог Петру Алексеевичу, государю-батюшке! И дай бог Алексею Петровичу!

Государь вынул записную книжку. Записал.

Когда она кончила молитву, вышла:

— Здравствуй, хозяюшка! Нет ли молочка попить?

— На!

Он серебряный рубль дал. А может, и больше дал бы — да с собой не было.

Петр Алексеевич спрашивает:

— А где, хозяюшка, сынок-то твой, Алексей Добродович?

— А он в Петербурге служит, в Преображенском полку, третий с краю.

(Вот какой здоровый был! У Петра и другие полки были — много: Семеновский, Преображенский...) Когда заступил Преображенский полк в караул, пошел Петр посты проверять. Я сам солдат, знаю — все на сутки посты меняются.

А Алексей Добродович стоит, храпит — хр-хр-хр!

— Ты чего спишь?

— Никак нет,— говорит,— не сплю!

— А что ты делаешь?

— А звезды считаю.

— Много насчитал?

— А здесь тьма-тьмой. А здесь — семьдесят со мной, а здесь не успел обсчитать — вы помешали.

Тут государь положил ему серебряный рубль в карман. Может, и больше дал бы — да не было.

Взял государь батарейку, стал рассматривать.

— Значит, старушкин сын! Хорошо мне ответил!

Как только обед стал, пообедали. Как котелки мыть — сейчас тревогу:

— К шинелям! Без ружей, но к шинелям.

Алексей Добродович ищет рубль серебряный в кармане. Не успел ротному доложить. Тогда подъезжает государь, кричит:

— Алексей Добродович. Десять шагов вперед!

Ну, как он знал службу,— раз-два.

— Здравствуй, Алексей Добродович!

— Здравствуйте, ваше императорское величество! Вы мне вопросы задавали?

— Сюда, капралы! Его в унтер-офицеры, на высший оклад. Я тебя домой отпущу!

— Не согласен! Я присягу на двадцать пять лет давал.

— Дать ему офицера! И домой на четыре года. А год дослужить!

11. ПЕТР I, СВЯЩЕННИК И ДЬЯКОН

При Петре I жило два брата — священник и дьякон. Близнецы были.

Порядок известный — попы все пьяницы, пить любят.

Царю нужно было крестьбины справить: кумовать решил. Призвал он священника.

— Батюшка,— говорит,— в такое-то время вы должны быть готовы. Я подъеду к церкви. Крестить будете. Я кумовать решил.

Священник понадеялся на близкое богатство и пошел выпить. Одну, другую — и напился пьяный.

Напился и лег спать; так и заснул, как был.

Пономарь пока приготовил все: ему священник еще раньше объяснил, что царь приедет.

Приезжает царь.

Попа нет.

Ждет. Спрашивает пономаря:

— Где поп?

Тот говорит:

— Сам жду, а его все нет.

Царь смотрит на часы. Полчаса прошло. Наконец проходит час... Попа нет.

Царь разозлился, пономарю говорит:

— Я ждать не могу, уезжаю до дому, а эта сволочь, если придет, скажите, чтоб явился ко мне!

Поп спал, спал да прохватился, глянул на часы, видит, что просрочено время, спешит в церковь.

Бегом бежит.

Приходит, пономаря спрашивает:

— Где царь Петр Первый?

— Да вот, батюшка, царь был, ждал вас долгое время, а потом уехал очень злой. И сказал, чтоб вы явились к нему во дворец.

Поп задумался: «Ну делать нечего, являться нужно».

Отправился к царю. Приходит:

— Чего изволите, ваше императорское величество?

— Как тебе, батюшка, не стыдно. Вы что, вздумали насмехаться над моей царской особой? Что ж вы тогда делаете с мирянами? И вот,— говорит,— за это приговор вам выношу — к смертной казни через повешение, чтоб в назидание другим.

— Смилостивитесь, ваше императорское величество.

— Нет,— говорит царь. — Но вот, если ответите на три вопроса,— пощажу. Даю сутки подумать: во-первых, вы должны сказать мне исчисление небесных тел, сколько их на небе. Точно сосчитайте. Потом цените меня — что́ я стою. И главное, ответьте мне — что я думаю... Вот, батюшка, если на эти три вопроса вы ответите, я приговор отменю.

Пошел поп и думает: «Как можно ответить на такие сложные вопросы?»

Приходит дьякон, брат его.

— Что,— говорит,— ты горем удручен?

— Эх, не знаешь ты моего горя!

Объяснил ему, как с крестьбинами опоздал. И царь сделал приговор над ним.

— Как же я могу быть веселым?!

— Ну и что же? — дьякон спрашивает.

— Да вот был у него. Дает мне помилование, если я отвечу на вопросы. А вопросы сложные...

Этот брат его, дьякон, был находчив.

— Что за вопросы, расскажи ты мне?

Тот рассказал: исчисление звезд, цена царю и что царь думает.

Дьякон говорит:

— Не робей, брат. Отвечать за тебя к царю я пойду. Не разберет он вечером при свете лампы!

Царь ожидает попа. Является в назначенное время священник этот.

— Что, батюшка, придумал? — царь говорит, а сам не очень всматривается, кто перед ним встал.

Тот говорит:

— Молился богу: он мне открыл ответить вам. Что касается до исчисления небольших звезд, то зажег он сегодня миллион двести тысяч и одну.

— Неправда это.

— А можешь проверить...

— Ну, хорошо. Скажи, что́ я стою, какую вы мне цену дадите?

— Я,— говорит,— скажу. Только вы, ваше императорское величество, не должны обижаться. Царь всех царей был продан за тридцать серебряных, а вам на два меньше можно — за двадцать восемь.

Царь задумался.

— Ну, хорошо, а что я думаю?

— Что вы думаете, задача простая. Вы думаете, что вы говорите с отцом священником. А я брат его — дьякон.

Рассмеялся царь и отменил приговор.

12. ПЕТР ВЕЛИКИЙ И СОЛДАТ

— В девятьсот третьем году я это слышал. Почти семьдесят лет прошло...

А это давно было: Петр Великий были не в духе в одно воскресенье.

Царица заметила и говорит:

— Ты бы лучше съездил на охоту развеселился.

Он согласился, поехал. Попался ему изюбр. Погнался царь за ним — тогда винтовки кремневые были или со шнуром — поджигались... Погнался за ним и заблудился... Стал разыскивать ту дорогу, откуда он ехал и наехал на солдата, уволившегося со службы.

Тот шел домой.

Они договорились идти вместе.

Солдат не знал, что это царь,— тот Гришей назвался. Вот когда они согласились вместе разыскивать дорогу, услышали они собачий лай. И решили идти на него.

Пришли они, видят — изба стоит. А это, оказывается, разбойники жили. Заехали, а разбойников нет. Солдат-то сразу заметил, что это разбойники здесь живут — оружия у них много.

Но дома никого нет. Только хозяйка и дочь. Вот просят солдат и царь — теперь его Гришей зовут — покушать. Не дают. Вынул солдат клинок и говорит:

— Если, дескать, вы нас не накормите, поснимаю с вас головы.

Тогда хозяйка решила их покормить. Накормила и спать уложить хотела в предамбарье, чтобы удобнее их кончить.

Но служилый говорит:

— Мы привыкли в горах, в лесу, на ветках ночевать, так что заберемся где повыше.

(Он заметил отверстие на горище, в чердаке. И сообразил, что если они будут там спать, что сразу на них много людей не нападет — по одному будут лезть.)

Он и думает: «Я им по одному тесаком головы поснимаю, пусть только нападут!..»

Легли они спать. Гриша сразу заснул, а солдат не спит.

Явились разбойники пьяные, кричат. А хозяйка уговаривает:

— Тут, мол, гости явились. Один, видимо, богатенький, а другой прощалыга. Чуть нас из-за ужина не порубил!

Старшой говорит:

— Поужинаем, отдохнем, потом покончим...

Когда они ужинали, хозяйка все рассказала... Покончили они с ужином, один остался водку допивать, другой на улицу вышел — старшей их, один с мечом полез кончать их...

А ночь лунная была, солдат все видел. Только голова показалась у дверцы этой, он и срубил ее. Труп вниз скатился.

Второй со двора пришел и сам с мечом полез.

И ему служилый также голову снес.

Теперь этот старшей — отец, что ли,— говорит:

— Где они запропастились? С ума сдурели, что ли?

Вышел. Видит — тела лежат... «Напились»,— думает. И сам полез с мечом!

Больше никого и нет.

Разбудил солдат своего Гришу. Тот говорит:

— Ты чего не спишь?

— А ты губы не натягивай. Ты лучше посмотри, что было бы, если бы мы оба спали! Пойдем теперь к этим ведьмам, рассчитаемся с ними...

Не знаю уж, как поступили с хозяйкой и дочкой солдат и Гриша. Уже светать стало, и они отправились ра-

зыскивать дорогу... Тут ему, солдату, Петр Великий говорит:

— А ты знаешь, кто я такой?

— Ты — Гриша.

— Нет, я царь Петр!

И наградил солдата...

13. ПЕТР ПЕРВЫЙ НА ПРОГУЛКЕ

Петр Первый любил пойти на охоту или на прогулку. А на прогулке всегда все наблюдал, дальнозоркий был. Далеко видел и слышал все. Шел по улице один раз, видит — из продмага идет солдат выпимши, идет и разговаривает. Петр Первый пошел следом и слушает. Солдат говорит: «Есть же люди: ума нету, а денег много, а у меня ума много, а денег нету. А деньги — они не бог, а милуют».

Петр поравнялся с ним.

— Здорово, служивый.

— Здорово.

— Ты меня узнал?

— Нет.

— Ну как же, в одном полку с тобой служили, пятьдесят девятом пехотном.

— Что ж, может быть.

— С кем ты разговаривал?

— Да сам с собой.

— Что ж ты говорил?

— Я говорил — ума у меня много, да денег нету.

— А на что же тебе деньги?

— Да выпить охота горелочки.

А Петр говорит:

— И у меня денег нету.

Пошарил по карманам.

— Эх,— говорит,— забыл на квартире. Давай,— говорит,— заложим твою шашку

А солдат говорит:

— Да по уставу не положено.

— Ну, подумаешь, устав, никто не узнает.

— Боязно как-то. Если царь Петр узнает, будет трамтарарам.

— Ну, да как он узнает, кто это ему донесет? Завтра утром выручим.

— Ну, ладно, пойдем.

Заходят в чайную, спрашивают у целовальника:

— Дайте штоф водки под заклад солдатской шашки.

Ну им подали, они закусили, выпили и пошли. Петр к себе, а он к себе. Петр вернулся, отдал целовальнику деньги, а шашку взял себе. Наутро солдат проснулся, добыл деньги, приходит в чайную, спрашивает у трактирщика свою шашку.

— Да твой товарищ вчера еще выручил ее.

Что теперь делать? Приходит в казармы, а там шумят: «Смотр через два часа». Солдат побежал к столяру и заказал шашку деревянную. Он ее в ножны воткнул и думает: ладно. Начинается смотр. Глядь — вот он и царь Петр. Прошел по ряду, угадал того солдата, командует ему:

— Выходи два шага вперед!

Вызывает второго солдата, и опять командует:

— Руби этому голову!

Солдат говорит:

— Как же я буду рубить — может быть, он невиновен?

— С царем не спорят, приказ рубить.

Солдат вскинул глаза на небо:

— Господи, если этот человек невиновен, сделай шашку из стальной деревянной.

Взмахнул, а она деревянная. Солдат и говорит:

— Ваше сиятельство, бог сотворил чудеса — значит, он невиновен. Шашка стала деревянной.

Петр говорит:

— Пойди за мной, на́ тебе деньги, правду ты говорил. И больше устава не нарушай, шашку не продавай, рюмку не допивай — пьяный не будешь. Тайну никому не говори — виноват не будешь.

И отпустил Петр солдата со службы домой. Солдат Петра за деньги и за науку поблагодарил. На этом сказка кончается, устав никогда по закону не нарушается.

14. ПЕТР ПЕРВЫЙ НА ОХОТЕ

Петр Первый много выпивал, много гулял и много работал. Он все-все сам делал и после каждой работы любил пойти поохотиться. Любил он русский народ, а солдат и странников особенно. К нему раз приходит странник, Василий Кессарийский. Это было дело в Петербурге. Пришел Василий Кессарийский к Петру Первому, он налил ему чару вина и сказал:

— Василий Кессарийской, за ваше здоровье.

— За ваше счастье.

Василий выплеснул чару за окно. Петр налил другую. Он так же поздравил царя и выплеснул за окно. Петру это не понравилось. Он говорит:

— Василий, я тебе наливаю, чтоб ты выпил, зачем ты выплескиваешь?

А Василий отвечает:

— Ваше сиятельство, Москве жарко, город надо залить, вот видите, я выплеснул две чарочки, все и потухло.

Петр налил третью чару, он его поздравил и выпил. Поговорили кой о чем, закусили, и Василий ушел.

Петр Первый взял гусиное перо и книгу, в которой он все отмечал и записывал, правда или нет, что Москва горела такого-то числа, и послал гонца узнать. Когда гонец в Москву приехал и доложил, что приехал от царя узнать, горела ли Москва, ему сказали: горела очень жарко, дружина работала очень хорошо, и потухло сразу. Когда возвратился гонец и доложил, что правда горела Москва, Петр взял гусиное перо и записал все это в свой дневник. И еще пуще полюбил Василия.

Приходит раз Василий, а жена Петра говорит:

— Покажи (Василию) мою брошку (а она золотая, большая, с бриллиантами) — пусть он оценит.

Они как раз в ту пору обедали. Петр взял брошку, подозвал Василия.

— Василий, оцени Катину брошку, сколько она приблизительно стоит?

Василий поглядел брошку, взял хлеба с полфунта.

— Вот этот кусочек хлеба стоит, а то и вряд.

Екатерина приподнялась из-за стола и ушла. Она обиделась, что она царица и носит такие дешевые брошки. А Петр сказал Василию и моргнул на жену.

— Неправильно ты оценил.

А Василий говорит:

— Нет, правильно, Петр Алексеевич, я вот живу девятый десяток без золота, а если не дать вам три дня хлеба, и вы эту брошку на третий день за него отдадите. Вы люди зажиточные, ничему не верите, а мы люди бедные, всему верим, ведь может так случиться. Вот, например, вы богатый царь и можете забеднять, ничего не иметь и умереть без куска хлеба.

Петр этому не поверил. Поговорили кой о чем, посидели, потом Василий ушел, а Петр собрал своих всадников, сели и поехали на охоту.

Когда они въехали в лес, Петр увидел кабана дикого, прицелился и поскакал за ним. Скакал-скакал, сделалась чаща темная, и кабан исчез в чаще. Когда Петр потерял его из вида, он слез с коня и пошел разыскивать дорогу.

Ходил-ходил, дороги нет. А слышит, голос раздается, как будто песню поет. Пошел на этот голос, вышел — широкая дорога, а на этой дороге сидит солдат и поет. Петр притих и слушает, что он поет, а солдат поет:

Уж дороженька, ты дороженька широкая,
Шли по той дороженьке солдатики новобранные,
На ту ли службу, на царскую,
Да на войну на ту, на шведскую.
Уж устревали-то они врага-недруга.
Устревали его штыками-ружьями.

В ту пору конь захрапел, солдат глянул — невдалеке стоит незнакомый человек. Подходит Петр быстрым шагом к нему и спрашивает:

— Кто ты такой?

Солдат отвечает:

— Как будто человек.

— А сколь далеко ты идешь, куда путь держишь?

— На службу, царю послужить да шведов побить. Вы разве не слыхали, война со шведами?

— Да слыхал что-то.

Солдат спрашивает Петра:

— А ты кто таков?

— Я царский охотник, с царем на охоту езжу, при дворце живу.

— А как тебя зовут?

— Меня зовут Григорий, а тебя?

— А меня просто солдат.

— Ну, солдат, пойдем, куда ты идешь.

— Да куда я иду, пойдешь — не найдешь, я заблудился.

Петр говорит:

— И я. Пойдем вместе дорогу искать.

— А как же так,— говорит солдат,— я пешком, а у тебя конь.

— А вот как: я поеду, а ты пойдешь, а потом ты поедешь, а я пойду, а потом коня в повод возьмем, втроем пойдем.

— Ну, тогда, ладно, пойдем.

Петр спрашивает:

— Ты в первый раз на войну?

— Да нет, я уже семь годов воюю, за хорошую службу в отпуск отпущен, а теперь иду опять шведов убивать.

— А царя ты видал?

— А вот царя-то я ни разу не видал. Говорят, лют? Никого не милует, сам генералам скулы набок сворачивает.

Петр отвечает:

— Да, это у него такая ухватка есть. Ну, а как, служивый, на войне страшно?

— Эх, дружище, плохо на войне, например, осенью: ночи темные, как сукно черное, дождь моросит, все сырое, а ты лежишь в окопах, прислушиваешься, как бы шведы не подкрались, и слышишь, кто что говорит. Вот солдаты и говорят: побили бы шведов, да скорей бы к отцу с матерью, а другие говорят: скорей бы к детям своим, а кто говорит: повоевал бы Петр сам, скорей бы мир сделал. А другие говорят: он сам и воюет, мы его на позиции видали. Ну, а я не видал, а охота поглядеть. Ему служим-служим, а видеть не видим.

— Как, ему служим? Мы служим своему народу, свою землю охраняем, а что ему служить!

— Ну как же, я бы согласился еще семь лет служить, сорок шведов убить, да во дворце побывать, царя поглядеть.

Идут они, а уже дело к вечеру. Петр говорит:

— Слушай, служивый, лезь на дерево, погляди, нет ли где огонька. Мы, должно, совсем с дороги сбились.

— О,— говорит солдат,— это я мастер, враз влезу.

Влез солдат на высокое дерево:

— Эй, Григорий, близко огонек.

— Примечай получше!

— У меня глаз такой: как гляну, так уж помню. Тут совсем близко, шагов на пятьдесят в лес.

Слез солдат, прошли они в лес, прошли немного — дом стоит. Кругом обгорожен забором. Тускло огонек горит. Постучали — огонь погас, ни слуху ни духу, а собаки во дворе так и рвутся. Солдат брякал-брякал — не открывают. Он, не долго думая, прыгнул через забор во двор и собакам всем головы поотрубал. Отворил засов.

— Пожалуйста, Григорий, заходи.

Ввел коня, выходит старая старуха и спрашивает:

— Что вам угодно?

— Переночевать надо.

Старуха их пустила. Солдат и спрашивает:

— Старуха, не будет ли чего поесть? Есть хочется.

— Нет ничего.

— А что в шкафе?

— Да ключи от шкафа потеряла.

Солдат размахнулся, вышиб замок, берет жареного гуся, подвигает скамейку.

— Садись, Григорий, давай ужинать.

Выпили, закусили. Солдат говорит:

— Открой избушку.

— Ключей нет.

Солдат опять разбил дверь в другую избу, а там полно кинжалов окровавленных, сапоги, седла. Оказывается, они к разбойникам попали. Солдат все это смекнул.

— Где же нам ночевать? — спрашивает старуху.

— Хотите тут, а хотите — на сеннике.

А Петр сидит, ничего не видит.

— Пойдем, Григорий, на сенник.

Приходят на сенник, дали коню сена.

— Григорий, полезем на чердак.

— Полезли.

Петр, как уморился, и заснул сразу, а солдат снял с коня аркан, вбил три гвоздочка в окно чердачное и привязал аркан. Слышит — гудят, визжат, скачут (разбойники). Ворота на размах, ни одной собаки нет. Взошли в избу.

— Старуха, руки мыть!

Бабка на стол собирает и рассказывает.

— Ничего, сейчас мы с ними управимся.

Один разбойник говорит:

— Зачем всем, я сейчас один с ним сделаюсь.

Один разбойник полез на сенник. Только на жердь головой, а он (солдат) — цап, голова отлетела. Закопал его. Они (разбойники) ждут:

— Что он там с ними завозился?

— Дай,— говорит другой,— я пойду.

Идет другой. Пошел. Только туда голову, а солдат — цоп, голову бух, и этого прибрал. Эти (разбойники) говорят:

— Что это они двое с ними возятся? Один полез, другой за ним пошел — и нету их.

Пошел третий, четвертый. Солдат всех их перебил.

— Григорий,— кричит, — вставай, посмотри, сколько я голов нарубил, пойдем. Смотрят — старший (разбойник) сидит пьяный. Он (солдат) и его, и бабку прирубил. Стали с девкой разговаривать (девка там была), а у нее и языка нет, они (разбойники) ей отрезали. Девка повела их. Смотрят — там девушка лежит без памяти. Петр взял, облил ее, потер, привел в чувство. Служанка повела их во двор, указала на середке двора чугунную доску, показывает, чтоб они ее открыли. Солдат стал открывать, никак не поднимет.

— Григорий, помоги мне.

Вдвоем с Петром подняли. А там золото, деньги. Солдат стал брать, а Петр стоит.

— Ты чего не берешь?

— У нас там денег вволю, мне не нужно. Подставляй карманы, я тебе насыплю.

Солдат насыпал полные карманы, рубашку насыпал — и пошли. Вышли на дорогу уже к обеду, немного прошли. Вот тебе и город Петербург. Петр говорит:

— Ты иди на постоялый двор с девушкой, а я пойду царю объявлю. После обеда приходи во дворец, спроси царского охотника.

После обеда солдат приходит во дворец. Только подходит, часовые спрашивают:

— По какому делу?

— Я к Григорию, цареву охотнику.

Они ему отдали честь и ведут его. Выходит Петр и весь в царском уборе. Он так и упал, забоялся: он ведь и

ругался черными словами, и людей убивал, и в сумочке харчи все приел.

Петр говорит:

— Не бойся.

Дал ему обмундирование новое, все царские вещи, повел его государыне показывать. Наградил и отпустил домой. Говорят, царь этого солдата женил. И были у него дети все боевые, и правнуки были, не одному чужому козлу хвост накрутили.

15. ЗАГАДКИ

Близ большой дороги засевал мужик полянку. На то время ехал царь, остановился против мужика и сказал:

— Бог помощь, мужичок!

— Спасибо, добрый человек! (Он не знал, что это царь.)

— Много ли получаешь с той полянки пользы? — спросил царь.

— Да при хорошем урожае рублей с восемьдесят будет.

— Куда ж эти деньги деваешь?

— Двадцать рублей в подать взношу, двадцать — долгу плачу, двадцать — взаймы даю да двадцать — за окно кидаю.

— Растолкуй же, братец, какой ты долг платишь, кому взаймы даешь и зачем за окно кидаешь?

— Долг плачу — отца содержу, взаймы даю — сына кормлю, за окно кидаю — дочь питаю.

— Правда твоя! — сказал государь, дал ему горсть серебра, объявил себя, что он царь, и заповедал — без его лица никому тех речей не сказывать:

— Кто бы ни спрашивал — никому не говори!

Приехал царь в свою столицу и созвал бояр да генералов.

— Разгадайте,— говорит,— мне загадку. Видел я по

дороге мужика — засевал полянку. Спросил у него: сколько он пользы получает и куда деньги девает? Мужичок мне отвечал: при урожае восемьдесят рублей получаю — двадцать в подать взношу, двадцать долгу плачу, двадцать взаймы даю да двадцать за окно кидаю. Кто из вас разгадает эту загадку, того больших наград, больших почестей удостою.

Бояре и генералы думали-думали, не могли разгадать. Вот один боярин вздумал и отправился к тому мужику, с которым царь разговаривал. Насыпал ему целую груду серебряных рубликов и просит:

— Объясни-де, растолкуй царскую загадку!

Мужик позарился на деньги, взял да и объявил про все боярину. А боярин воротился к царю и сейчас растолковал его загадку.

Царь видит, что мужик не сдержал заповеди, приказал его перед себя достать. Мужик явился к царю и с самого перва́ сознался, что это он рассказал боярину.

— Ну, брат, пеняй на себя, я за такую провинность велю казнить тебя смертию!

— Ваше величество! Я ничем не виновен, потому боярину рассказал я при вашем царском лице.

Тут вынул мужик из кармана серебряный рублевик с царской персоной и показал государю.

— Правда твоя! — сказал государь. — Это моя персона.

Наградил щедро мужика и отпустил домой.

16. ШУТ БАЛАКИРЕВ

Жил мужичок со своей женой и все пришучивал. Вышел на дорогу и поставил горшочек и варит кашу. Вокруг ходит да палочкой приговаривает:

— Кипи-кипи, горшочек, не плесни!

Подошло двенадцать человек мастеров народу к нему туда.

— Что вы варите?

— А варю кашу.

— А что бы нас накормил!

— Можно,— говорит,— садитесь.

Посадил их, зачал варить кашу и накормил их досыта, двенадцать человек. Каши еще осталось.

Этот шут тут прославился. Дошло дело до Петра Первого. Петр-от Первый его приказал во дворец позвать. Когда Петр потужит, он его развеселит. Когда весел, он его притуманит. Сказал Петру Первому:

— Вы берите меня начальником хоть над мухами!

А Петр Первый сказал:

— Будь ты начальником над мухами!

Был у него бал большой, собраны были генералы и князья. Пришел и Петр Первый. Он, шут, на одного генерала сердит был, больно сердит был. Сделана была у его шалапуга, фунта три, такая. Вот ходит, значит, по горнице, выглядывает. Выглядывал-выглядывал, подвернулся под генерала, да по лысине хлоп шалапугой! И он со стулом ковырнулся. Вот тут все закричали:

— Что ты, что ты делаешь?

А шут ответил:

— Ах ты, стерва проклятая! На такое лицо не моги садиться!

Петр Первый улыбнулся, только его отставил на время. И за это ему напротив начальника было совестно, и приказал дать три лозана, и за это подарил ему шубу енотовую. Шут через несколько время с шубой едет от государя. Попадается ему генерал навстречу. Шуба понравилась.

— Шут,— говорит,— отдай мне шубу!

— Купи! За что и я купил, за то и продам!

— Все равно,— говорит,— я отдам те же деньги, что и ты дал!

— Когда возьмешь за то, что и я дал, дай мне расписку, а я тебе шубу отдам! — говорит.

А у шута была трость. Генерал дал расписку шуту, а шут снял шубу с плеч. Ну, и спрашивает:

— За сколько же он мне отдал, за столько и я тебе отдам!

Снял шубу, развернулся на одну рубашку и этой тростью как съездит по спине генерала! Он заревел дурным матом.

— Ой, подожди, еще два раза дам!

Генерал не поспел стать, он его еще раз ожуравил. Так и в третий раз. Государю это было неприлично: генерал пожаловался. Он прогнал шута с земли со своей:

— Чтобы тебя не было на земле здесь на моей!

А шут взял лошадь и телегу, запряг и отправился во Швецию. Съехал ко шведскому королю, называет его.

— Отдайте мне земли,— говорит,— пудов десять!

Король ему сказал:

— Бери сколько угодно и так!

А шут ответил:

— Мне так не надо! — говорит.

Свесили десять пудов и сделал купчую крепость. Шут оклал земли в телегу и поехал домой. Идет мимо царского дворца. Петр Первый увидел его.

— Ты что, проказник, опять приехал на мою землю? Чтобы тебя не было!

А шут ответил ему:

— Врешь, Петр Алексеевич! У меня своя земля привезена из Швеции! Вот погляди, где у меня купчая крепость есть на нее!

Вынул, подал Петру Алексеевичу. Тот прочитал и сказал:

— Поезжай домой, полно, проказник!

Он и живет дома.

17. ШУТ БАЛАКИРЬ

Жил в деревне мужичок, к нему много собиралось слушать басен. Как свободен, так полная изба набьется, а он все разные штучки заворачивает. Один раз в прекрасное время шут Балакирь поехал на поле пахать.

Попу стало скучно, и он матушке говорит:

— Пойду-ка я, матушка, к шуту Балакирю, пусть он мне хоть скуку разведет.

И летит прямо к нему на дом. Приходит и у хозяйки спрашивает:

— Где же твой шут Балакирь? Жалко, что я не захватил его дома, хотя бы он мне скуку развел.

— Так он, батюшка, недалеко пашет. Вот там за ригачом.

— Ну, я пойду к нему!

Шут Балакирь видит, что батюшка идет, догадался: «Верно, скуку развесть идет. Ну, я ему разведу скуку!»

Он взял свою шапку в борозду да и спрятал. Батюшка приходит:

— Помогай бог, шут Балакирь!

— Спасибо, батюшка!

— Шут Балакирь! Мне сегодня так скучно, прямо деться некуда. Развел бы скуку.

Шут Балакирь схватил себя за голову и говорит:

— Эх, батюшка, я забыл дома шапку взять, а сказки все в шапке, то не могу тебе развесть скуку.

— Ну, так как же будем делать, шут Балакирь? — батюшка спрашивает.

— Так вот, батюшка! Дайте мне свою шляпу. Я одену и сбегаю за своей шапкой. А то без шапки нехорошо бегать.

Батюшка подает ему свою шляпу. Шут Балакирь одел и бегом побег.

— А ты, батюшка, посиди здесь. Тем часом и лошадка отдыхает.

Шут Балакирь махнул прямо к матушке.

— Вот, матушка! Батюшка меня послал к вам, чтоб вы насыпали две шляпы денег мне, и я понесу батюшке. Батюшка покупает сельцо и деревню, так вот надо деньги.

Матушка собрала все деньги, сколько у них есть.

— Шут Балакирь, не хватает немного.

— Ну, обойдется, матушка!

Вот она ему насыпала денег. Шут Балакирь и отправился не к попу, а по свету гулять.

Поп ждал-ждал — шута Балакиря нету. И домой идти неловко; лошади шута Балакиря здесь. Ну, все-таки надоело ему сидеть, и скука пришла.

— Пойду я домой! Что он так долго ходит?

Матушка и спрашивает:

— Что, батюшка, хватило денег у вас?

— Каких?

— Да шут Балакирь прибег да сказал, что ты послал

за деньгами, что ты будешь покупать сельцо с деревенькой.

Тут у попа скука проходит уже. Он побег к дому шута Балакиря. Прибегает:

— Где шут Балакирь?

Жена отвечает:

— Да он, батюшка, как уехал пахать — и дома не был еще.

— Он у матушки выманил две шляпы денег,— батюшка отвечает.

— Я, батюшка, ничего этого не знаю.

Батюшка и пошел домой не солоно хлебавши. Приходит домой, сказывает матушке:

— Ну вот, шут Балакирь тоску развел хорошую! Уж наверно мне как своих ушей не видать, так и своих денег в кармане не видать.

Проходит недельки, проходит вторая. Шута Балакиря нету, не показывается на глаза.

Через две недели шут Балакирь является:

— Здравствуй, батюшка!

— Здравствуй, здравствуй, шут Балакирь! Ты что наделал, шут Балакирь?

— А что такое, батюшка?

— Да обманул матушку! Чуть не две шляпы она насыпала денег тебе.

— Батюшка, эти деньги не пропащие. Мне надо было на эти деньги купить волшебную шляпу. А ты бы так их мне не дал. Видишь, волшебная шляпа, батюшка.

— А что же она может делать, эта шляпа?

— А с этой шляпой, батюшка, куда ни пойди, все будешь при деньгах. Я знаю, что и вам понравится. За эту шляпу ты мне еще, батюшка, дашь денег шляпу. Если, батюшка, не веришь, то еще двух батюшек позови, и пойдем завтра гулять,— эта шляпа покажет вам.

Шут Балакирь пошел в один трактир, уплатил деньги и говорит хозяину:

— Смотри, хозяин, когда мы будем с батюшками гулять здесь, так тогда, когда мы нагуляем на эти деньги, так я скажу: «Что, хозяин, в расчете?» А ты скажи: «Нет». А я скажу: «А козырек на что?» Так ты скажи: «Да, в расчете».

Ну, вот шут Балакирь идет в другой трактир, платит деньги и сказывает второму хозяину, как и первому. Так и третьему сказывает:

И вот идут они в первый трактир: три попа, четвертый шут Балакирь. И начал шут Балакирь требовать закуски, выпивки. Напоил попов. Так что у него, может, рублей десять остается за хозяином. Ну, он за этим не гонится. И сказывает:

— Ну что, батюшки! Довольно в этом трактире гулять, перейдем в другой.

— Ну, довольно!

Они встают и идут, и шут Балакирь с ними.

— Ну что, хозяин, в расчете?

— Как в расчете? Деньги давай!

Шут Балакирь:

— А козырек на что?

Хозяин:

— В расчете.

Он и говорит:

— Видите, батюшки?

— Видим, шут Балакирь! Верно ты сказал: волшебная шапка!

Приходят во второй трактир.

— Садитесь, батюшки, за стол.

Сели за стол. Шут Балакирь и кричит:

— Подай батюшкам хорошей водки, закуски!

Хозяин подает. Ну, так что, может, рублей на тридцать, на сорок нагуляли они.

— Ну что, батюшки, довольно будет?

— Да, довольно, шут Балакирь.

— Перейдемте еще в один трактир, погуляем.

— Ну, пойдем! — батюшки крикнули.

Вот все встают вчетвером. Шут Балакирь подходит к хозяину:

— Что, хозяин, в расчете?

— Как же в расчете?! Ты же не платил.

Шут Балакирь берется за козырек.

— А козырек на что?

Хозяин отвечает:

— В расчете.

Попы и смотрят: да, действительно что волшебная шапка.

Приходят в третий трактир, тоже велит садиться за стол. Кричит:

— Хозяин, дай-ка нам бутылочек пару коньяку хорошего! Может быть, гусятина есть на закуску.

Хозяин подает. Ну, тут тоже, может быть, рублей на двадцать пять взяли. Тут уже лимонаду потребовали сладкого.

— Ну,— говорит,— довольно, батюшки, будет?

— Да, довольно,— батюшки отвечают.

— Ну, так пойдемте по домам!

Он подходит к хозяину справиться:

— Что, хозяин, в расчете?

Хозяин сказал:

— Как в расчете?! Ты не платил денег.

— А козырек на что?

— В расчете.

Они выходят и говорят:

— Шут Балакирь!

— А что?

— Продай нам эту волшебную шапку.

— Что же, я продам. А как же я буду действовать сам? Ты знаешь, что я за нее сам отдал полторы шапки денег. Ну так вот, если хотите купить, так насыпайте три мне шляпы денег, а я себе новую куплю.

Эти два соглашаются купить, а этот и говорит:

— Шут Балакирь, ты за мои деньги купил?

— Да, батюшка, за твои.

— Так ты, шут Балакирь, я тебе хоть полшляпы насыплю.

— Как хочешь, батюшка, а меньше я не могу отдать, чем за три шляпы.

Ну, все-таки согласились насыпать три шляпы ему. Три шляпы ему насыпали. Шут Балакирь и пошел домой с деньгами, а шляпа осталась у батюшек...

На второй день один батюшка одел ту шляпу, и пошли в этот трактир, где гуляли они. Пришли они в трактир, заказывают закуску, выпивку. Выпивают, закусывают побольше (все равно не платить, козырек ответит). Ну, который заказывает, говорит:

— Ну, довольно гулять, надо и козырька пожалеть!

Подходит к хозяину:

— Что, хозяин, в расчете?

— Как в расчете?! Деньги давай!

— А козырек на что?

А хозяин отвечает:

— А что мне твой козырек! Пил, так деньги давай!

Батюшкам и пришлось платить. Выходят они с этого трактира. Один и сказывает:

— Ты, верно, не так одел. Давай я одену, я рассчитаюсь!

Приходят в другой трактир, заказывают, выпивают, закусывают. Погуляли они. Тот говорит:

— Довольно?

— Довольно.

— Ну, пойдем.

Пошли, подходят к хозяину:

— Что, хозяин, в расчете?

— Да как же в расчете?! Денег не платили, да и в расчете!

Он берется за козырек:

— А козырек на что?

— А что мне ваш козырек? Пил, так деньги плати.

Он заплатил деньги, выходит к трактиру. Третий и говорит:

— Ты тоже, верно, неправильно одел шляпу. Давай-ка я одену.

Вот и третий одел.

Заходят они в третий трактир. Этот побольше нажимает брать. Выпили, закусили хорошенько, и говорит:

— Ну, может, довольно будет?

— Довольно, отец Владимир.

— Ну так пойдемте.

Подходят к хозяину:

— Что, хозяин, в расчете?

Хозяин усмехнулся:

— Да что вы? Денег не платили, а в расчете хотите быть!

— А козырек на что?

— А на что мне твой козырек? Ты деньги давай!

Вот они говорят:

— А что вчера мы здесь гуляли, так шут Балакирь сказывал: «В расчете?» А ты сказывал: «Давай деньги». А шут брался за козырек: «А козырек на что?» И ты сказывал, что «в расчете».

Хозяин им и сказывает:

— Раньше бы ты мне сотню снес да дал, то и ты был бы в расчете и козырек был бы в расчете.

Пришлось доплатить и третьему. Они советуются: что с ним, мошенником, делать? Они сговорилися:

— Пойдем мы его убьем!

А шут Балакирь знал, что они придут. Они собрались его убить ночью, а он женке говорит:

— Давай-ка я одену смертную одежу, и вот накрой

меня покрывалом. И когда батюшки придут, ты плачь по мне. Когда же они ничего мне делать не будут, пусть идут, а если будут надругаться надо мной, так я их револьвером всех убью.

Они приходят. Шут Балакирь лежит уже на лавке покойным, а жена приплакивает:

— Ах, помер мой шут, помер, голубчик! Как я теперь буду жить?

То два попа сказывают:

— С покойного взять нечего уже.

А третий говорит:

— Хоть осиновый кол взять завострить и пробить ему грудь, чтобы он помнил, как обижать людей.

Пошли вострить кол. А шут Балакирь готовится: «Перебью я вас».

Завострили кол и подходят. А женка плачет.

Шут Балакирь вынимает револьвер: одного — бах, и другого, и третьего. Сам встает, одевается, как следует быть уже.

— Теперь этих чертей надо сбавить куда-нибудь.

Вот к нему стучится кто-то под окошко.

— Хозяин,— говорит,— пусти ночевать.

— Так вот у меня несчастье сделалось.

— Какое?

— Да иди в избу.

Когда тот в избу шел, так он двух попов в подполье спрятал. В избу является солдат. Он и говорит:

— Вот видишь, солдат, какое несчастье вышло. Поп,— говорит,— пришел по делам и помер. И не знаю, что с ним делать.

А солдат говорит:

— С ним только делать одно: взять на плечи, кинуть его в реку, и пускай плывет. Дашь мне рубль, так я стащу его.

Шут Балакирь:

— Почему,— говорит,— не дать? Дам рубль, еще ужином накормлю.

Солдат — за попа. Взял, и потащил, и бросил его в реку. Сам ворочается к хозяину.

Пока он шел, шут Балакирь вытянул другого из подполья и говорит:

— Что, занес?

— Да, хозяин, занес.

— Как же ты занес, когда он лежит?

А он на попа:

— Ты опять пришел?

Берет его обратным путем, под бока натычал, потащил и этого бросил.

Приходит, шут Балакирь третьего вытянул.

— Вот,— говорит,— опять пришел.

Ну, солдату рубля жалко. Схватывает этого, и этого в речку забарабанил.

Вот он идет и оглядывается. Неизвестно откуда взялся живой поп. Он подскакивает к этому попу:

— Докудова я буду тебя носить?!

Схватывает этого попа. Тот — такой бог, сякой бог,— что пусти, солдат.

А солдат свое дело делает. Приносит его к реке и бросает его в реку. И смотрит на него. Он кувыркался-кувыркался, то вверх, то вниз, а сапоги тянут. Он — буль-буль, и нет попа.

Приходит солдат к хозяину и спрашивает:

— Что, хозяин, не пришел уже?

— Нет.

— А если б немного прозевал, то он опять бы пришел. Уже из-за другого угла вывернулся, но я его схватил. Так в тот раз, как кинешь, так он ничего не делал, так и поплывет, а теперь, как бросил, так он все-таки долго болтался — то вверх, то вниз, а потом забурлил и вниз пошел. И больше не посматривал. Я шел всю дорогу и посматривал — больше не видно было.

Шут Балакирь и подумал: «И четвертого всадил ты туда».

— Ну, на за это тебе четыре рубля денег.

— Вот спасибо, хозяин. (Солдату и четыре рубля — деньги.)

Солдат проночевал, пошел.

Шут Балакирь стал поживать и деньги эти проживать.

Шут Балакирь деньги проживает. У него заболела жена и померла. Шут Балакирь и подумал: «Как же можно с мертвого деньги нажить, за эти деньги ее похоронить?»

А он знал, шут Балакирь, хорошо, что помещик как едет, так чтоб ему дорогу давали, а если кто ошибется да скоро дороги не даст, так он велит кучеру телегу зацепить и по потылице дать.

Ну вот, шут Балакирь запрягает лошадку, садит свою жену, в мертвые руки кладет вожжи и подпирает ее, чтобы

она не могла упасть (все-таки мертвая!), и поехал он на ту дорогу, по которой барин ездит каждый день вот в такое-то время.

Уж время подходящее, что барин должен скоро ехать. Он навстречу пустил своего коня по дороге с мертвой женой. Видит, барин едет. Он взял и остался очень далеко. Слышит, там кричат:

— С дороги ворочай!

А она как вожжи держала, так держит, а конь дорогой идет своей, не сворачивает. Кричали там, кричали, что давай дорогу, а потом барин кучеру крикнул:

— Подворачивай лошадь поближе, чтобы ее опружить, чтоб полетела к чертям!

Когда только опружил, она и полетела с возу. А вожжи крепко держит в руках.

Тут и шут Балакирь является:

— Что ты, барин, наделал?! Ты мне жену убил!

Барин испугался и говорит ему:

— Что ты, мужичок, хочешь? Только молчи, никому не сказывай.

— Давай пятьсот рублей, так буду молчать!

— Да у меня пятьсот сейчас нету.

— Ну, как хочешь.

— Вот триста есть, я дам тебе — хватит тебе похоронить ее.

Барин дает шуту Балакирю триста рублей. Он берет, ее на воз кладет, поворачивает коня и отправляется домой. И говорит сам себе:

— Вот недурно я сделал! Хватит похоронить и этих.

Он ее похоронил и думает: «Ну, что мне теперь начать? Жены нету — деньги есть. Как прожить? Одному скучновато».

Он сам себе план разбил, что ему делать:

— Я теперь пойду, у попа у такого послужу работницей, кухаркой буду.

Он пошел, купил себе одежу женскую. Оделся, как он был молодой еще, и приходит к батюшке, нанимается кухаркой.

[«Последующий отрывок передан нами в кратком изложении. В опущенном отрывке рассказывается о жизни шута Балакиря у попа в кухарках, о сватовстве сына графа к поповским дочкам и о женитьбе последнего на поповской кухарке. В брачную ночь шут Балакирь (мнимая

невеста) убегает от знатного жениха, подсовывая взамен себя козу. Затем, вволю натешившись над графскими лесничими (лесниками), он уезжает в город, где женится. По возвращении в свою деревню отплачивает лесничим за то, что они указали на истинного виновника всех злоключений графа (женитьба, подсовывание козы и пр.). Шут Балакирь продает им лошадь, будто бы производящую деньги. Когда обман обнаруживается, лесничие идут мстить ему. Шут Балакирь притворяется мертвым. Его хоронят. Лесничие приходят на кладбище».] [1]

Взяли они лопату, отрыли могилу. Балакирь сидит в ней и смеется.

— Теперь,— говорят,— мы тебя живого не пустим! Ты нам третий раз делаешь хорошо.

Он:

— Что хотите, то и делайте!

Они взяли его в кожаный мешок всадили.

— Теперь ты не будешь людей обманывать!

Приносят его к реке. И забыли топор взять,— прорубить прорубь, пустить его под лед.

— Ну, пойдем,— говорят,— домой. Никуда шут Балакирь не денется: из мешка не выскочит. Теперь он в наших руках.

Пришли позавтракали.

— Пусть мерзнет, черт с ним!

Шут Балакирь сидит в мешке. Далеко слышно по льду, что лошади идут.

«Может быть, и спасут?»

Вот он и кричит:

— Эх, не умею ни читать, ни писать, и хотят в короли наставлять! Кто час пролежит, тот в короли побежит.

Помещик подъезжает и говорит:

— Я умею читать и писать!

— Так ты можешь читать и писать, с тебя будет и король хороший. Так развязывай мешок да лезь в мешок! Я уже полчаса пролежал, так тебе полчаса еще лежать,— тебя развяжут — королем будешь.

Помещик развязал его и дает ему своих лошадей.

— Ты пользуйся, а я все-таки буду королем?

— Да, будешь. Ну, полезай, полезай скорей, прозеваешь,— так там секунды пишут.

---

[1] Примеч. в записи Н. Новикова.

Помещик в мешок влез.

Он садится на лошадей, свистнул:

— Пошел!

Вот и те приходят:

— А-а! Лежишь, проклятый!

Помещик помалкивает.

— Лежи, лежи!

Прорубь прорубили и пускают его в мешке туда. Да. Вот когда спустили они, в мешок стала вода набираться, и он там — буль-буль...

— Лови, лови там бурых коней! — они сказывают.

Утопили и пошли.

— Теперь людей обижать не будет шут Балакирь!

Через несколько времени шут Балакирь является в город, на этой паре лошадей и едет. А эти лесники идут, которые его утопили, и друг другу показывают:

— Смотри, вон шут Балакирь едет!

Другой говорит:

— Ну, будто не удается человек в человека. Утопили, а он будет по городу разъезжать.

Он видит, что они на него смотрят и признают и не признают, он и говорит:

— Что любуетесь? Что на лошадях еду? Вы же, когда меня топили, так сказали, что лови бурых коней. Если бы вы сказали, лови сивых, так и сивые там хорошие лошади есть. Не то что пару поймать можно — поймать можно и четверку, только надо посидеть подольше там.

И они к нему поближе подошли и просят его:

— Шут Балакирь!

— А что?

— Ты нас не можешь потопить?

— А! Вы видите, что мне хорошо, так и вы хотите так хорошо жить? Ну так вот! Пошейте по мешку кожаному и по полсотне денег мне дайте, что буду вас топить. И я вас в мешок всажу и потоплю.

Они согласилися.

«Ну, ладно, и я вас сбуду теперь».

Так они и сделали. Приходят, приносят мешки. Каждый себе прорубь вырубил, по дырочке. Вот и спускают одного. Вот мешок и забурлил. Шут Балакирь и говорит:

— Что — верно, бурые все нравятся вам? Вон с той стороны сивые стоят.

А этот кричит в мешке:

— Пускай вам сивые остаются!

— А ты любых там выбирай!

Вот он и второго спускает — тоже забурлил. А третий лежит еще в мешке да слушает. Шут Балакирь и говорит:

— Лови сивых, не всё бурых!

А этот в мешке отвечает, что они половят всех там.

А шут Балакирь говорит:

— Хватит и тебе!

Подходит к мешку, и тянет этого к проруби, и говорит ему:

— Вот тут вам и сивые, и белые будут, и бурые будут вам! Когда весной лед разойдется, тогда вы с конями и выйдите сюда. Ну так полезай!

И бросил его. И этот бурых стал ловить.

Шут явился к своей жене и стал проживать. И думает: «Дай я немного остепенюся. Денег у меня хватает, поживу хоть с женой в согласии». И остался жить.

Ну, тут слух прошел и до государя Петра Алексеича дошел, что вот такой-то есть шут Балакирь и он много знает рассказов разных. Государь требует его к себе, чтоб шут Балакирь явился к нему. Ну, делать нечего, надо являться. Приехал он в город, добирается до Петра Алексеича. Петр Алексеич его принял. Угостил его, как следует быть.

— Ты,— говорит,— можешь прибауток много рассказывать?

Он и говорит:

— Знаю, государь, если понравятся вам.

Государь отвечает:

— Да каждая может понравиться.

— Так есть,— говорит,— хорошие, есть худые, так все хороших не наберешься.

— А именно, какие худые есть?

— Да вот первая про царей, другая про князей, а третья про попов, а четвертая про простых мужиков. Так все, царь, выбирай, которая лучше.

Петр Алексеич поинтересовался про царей, как он царь.

Шут Балакирь:

— Ну вот, начнем. Возьмемся за царя. Вы слышали, царь, такую прибаутку. В нашем царстве, в нашем государстве, у нас будет царь Давыд. И он был молодой, красивый, и любил он чужих жен к себе забирать, которая ему понравится. Так что там дети, не дети остаются,

а заглянет, что хорошая идет,— давай ее сюда. И вот он царствовал несколько лет. Однажды, в прекрасное время, шла одна мадам. Одежда на ней была ничего, сама была красивая. И он в окошко заметил ее и кричит:

«Верните эту сюда!»

Ну вот, вернули, привели к царю Давыду ее. Царь Давыд держит неделю, две, и домой уже не спускает. А у мужика было двое ребят: один был грудной ребенок, у этой женщины, а другому года полтора. Ну, мужик такой был, не хуже как я. Мужик и думает: «Как же мне от царя Давыда взять свою жену? Так он мне не отдаст».

Идет мужик с жалобой. Пришел мужик и говорит царю Давыду:

«Царь Давыд, рассуди мою обиду».

Стали спрашивать его:

«Какую обиду?»

«Да вот, государь! У меня была одна овца. У этой овцы было двое ягнят. А к овце пришел волк и съел эту овцу. И остались малые ягнята. Так что этому волку сделать?»

А царь Давыд ему отвечает:

«А вот я рассужу так тебя: иди возьми ружье и убей этого волка, чтобы он не ел той овцы, которая с ягнятами».

Мужик ему и говорит:

«Государь, так вы мне дайте бумажку, а то я, если пойду того волка искать, то скажут: куда ты пошел? А будет у меня бумажка от вас, что вы своей рукой запишете, что этого волка убить с ружья, тогда я смело убью».

Когда он ему написал, мужик взял от него расписку и говорит ему:

«Царь, ты сам себя рассудил. У тебя жен много есть, а у меня одна жена. И у меня осталось двое ребят, а ты взял ее сюда. Так вот ты волк и есть! Теперь я имею право застрелить тебя».

Тогда царь Давыд упал мужику в ноги и начал просить у него прощения:

«Оставь живого меня. Я больше не буду иметь много жен. Клянуся сам собой, что я буду доволен и одной. Бери свою жену, иди домой, и я тебя награжу еще деньгами».

Мужик взял и пошел. Ну, вот про царей сказка моя вся.

Петр Алексеич выслушал это все и говорит ему:

— Да, шут Балакирь, молодец! Это даже каждому понравится сказка. Ну так оставайся теперь у меня жить.

Шут Балакирь и остался жить и говорит ему:

— Мне хорошо будет жить, а как же жена моя будет жить в деревне?

Государь велел привезти ему жену и дал ему дом с женой проживать. А шут Балакирь стал как на службе у него жить. Шут Балакирь каждый день около него, и он ему сказал уже:

— Ты меня царем не зови, а зови — Петр Алексеич.

Какие бумаги дают подписывать государю, и он у шута Балакиря все спрашивает: можно ли их подписать, али нет. Ну, вот он посмотрит:

— Это можно, государь, подписать, это нельзя.

Один раз Петр Алексеич задумался, так что-то ему нехорошо стало. Шут Балакирь приходит к нему и видит по взгляду его, что он что-то заскучал. Царь ему и говорит:

— Иди, шут Балакирь, отсюдова.

Шут видит, что государь что-то в тоску впал. Как его развеселить? Он взял сам себя замазал сажей и залез в печку. Государь сидит в зеркале за столом, а шут Балакирь в печке. Когда он взглянул в зеркало, то ему видно, что кто-то там в печке такой черный. Когда воротился смотреть, а шут Балакирь за стенку спрятался уже.

«Неужели мне так показалось?»

Он опять в зеркало. Смотрит — и шут смотрит. Он видит, что опять в печке. Он опять повернулся — никого нету. Он опять сел, зорко смотрит в зеркало уже. Шут опять показывается. Он встает.

— Вылазь с печки, а то буду стрелять!

В печке никто не отзывается.

Он опять к зеркалу подошел и смотрит: опять на зеркале показывается! Он опять к печке:

— Вылазь, кто там такой есть!

А он кричит:

— Сейчас вылезу, Петр Алексеич!

Тот и вылазит с печки, весь черный. Петр Алексеич и засмеялся, и скука у него пропала.

— Ну, иди теперь помойся, шут Балакирь, да что-

нибудь покалякаем. Тоска у меня вся прошла уже! Все-таки ты хитро сделал, что тоску снял.

Шут Балакирь помылся, приходит к Петру побалакать.

А тут приносят к Петру бумажку, что вот Плещеева осудили на расстрел. Он спрашивает:

— Что, шут Балакирь, правильно это аль нет?

— Да можно сказать, что и правильно, а можно сказать, что неправильно. Ну, вы хотя и царь, да впереди не широк один.

— Да как же так? — он спрашивает у шута Балакиря.

— Так вы вот так подпишите, чтоб завтрашний день вывели Плещеева на такое место и расстрелять его, и я там буду.

Государь и подписал это. Когда эту бумажку послали туда, чтоб вывести его расстрелять, то шут Балакирь собрал девяносто девять плешивых (он знал, что Плещеев плешивый) и приказал им:

— Когда государь придет, я крикну, так вы все шапки снимайте.

Значит, государь пришел, чтобы Плещеева расстреливать (а того не знал, что Плещеева шут Балакирь не вывел, а оставил на месте, в тюрьме), то шут Балакирь крикнул:

— Шапки долой!

Он и рапортует:

— Вы приказали мне привести сто плешивых, а я только нашел девяносто девять.

Государь видит, что шут Балакирь вступился за Плещеева, что действительно девяносто девять стоят плешивых, то государь усмехнулся и говорит:

— Ну, так теперь до сотни добавить плешивого Плещеева!

Плещеева выпустили. Царь велел разойтись всем, и Плещеев в том числе пошел с ними.

И вот уже стали министры на шута негодовать за эту штуку, что таких преступников вызволяет.

Опять шут и государь сидят вместе за столом и разговаривают. А шут Балакирь знал, что одного осудили на виселицу, и государь будет подписывать бумажку, «и тут мне оставить его нельзя». И он стал думать, и надумался, что «избавлю и этого с виселицы».

А у Петра Великого был ученый кот, и он постоянно сидел у него на столе. Пишет ли, не пишет он, а все

равно он сидит. То шут Балакирь поймал мышку и держит ее в рукаве. И разговаривают. Они подносят Петру Великому бумажку, чтобы подписал, что вот такого-то на виселицу. Он и читает. Прочитал и говорит:

— Шут Балакирь! Ну, а с этим что будем делать?

— А я, царь, не могу вам сказать, Петр Алексеич. Это воля ваша: можете миловать и можете нет. Помилуете — вам никто ничего не скажет, и не помилуете — вам тоже никто ничего не скажет. Это в ваших руках сейчас.

Петр Алексеич берется за перо подписывать, что повесить.

Шут Балакирь говорит ему:

— Петр Алексеич, да он не виноват. Это природа одолевает его.

— А какая,— говорит,— природа?

— А это,— говорит,— все идет по природе. Вот у нас кот ученый, а природа,— говорит,— его тянет.

— А как тянет?

Он взял из рукава и пустил этого мышонка на бумаги. А кот как кинулся на мышонка, ту чернильницу на эту бумагу опрокинул. И не видно уже, что там писано. А кот поймал мышонка и в зубах держит. Шут Балакирь говорит:

— Видишь, Петр Алексеич, какая природа! Вот так и тот, который осужден на виселицу. И тот не рад бы это делать, а его природа тянет.

Государь берет эту бумажку, и рвет, и бросает в корзину. И пишет, чтобы немедленно выпустили такого-то из тюрьмы.

И того освободили.

Министры и говорят:

— Хоть не подноси государю ни одной бумаги подписывать!

Несколько времени проходит, таких серьезных дел нету.

Государь идет в синод. И шут Балакирь с ним идет в синод, так что у государя он что вестовой. Ну, государь не знал, что там чиновники делают, министры, а шут Балакирь все пронюхивает, кой-что делает. Какая бумажка ни придет, там прочитают, подают эту бумажку старшему, а старший министру подает, а министр не рассматривает эту бумагу, да и говорит:

— Завтра.

Кладут эту бумажку под сукно. Там уже кучка собирается большая бумаг «завтра». Шут Балакирь государю ничего не сказывает. Он садится, пишет бумажки и каждому чиновнику и министру повесил на спину. Государь и заметил:

— Что такие за бумажки?

И читает, что «приди завтра».

Государь сказывает:

— Что у вас такие за бумажки?

Они действительно срывают и смотрят, что «приди завтра» написано. Шут Балакирь и говорит:

— Это, Петр Алексеич, он себе написал, чтоб не забыть, что у них много жалоб под сукном лежит и они будут разбирать все завтра. А они не разбираются, эти бумаги.

Посмотрели под сукно,— там уже не то что «завтра», по пять месяцев есть бумаги лежат. Государь на них стал говорить:

— Так нельзя делать! Если некогда, так можно бы через три дня бумажки разобрать, а не то что по пять месяцев держать.

Тут на шута Балакиря они больше напали.

— Как бы его сбыть из синода?

Они и говорят:

— Государь, ты думаешь, что шут Балакирь — верный тебе человек? Он тоже может измену сделать.

— А как он,— говорит,— мне изменит?

— А вот как мы сделаем: посадим мы шута Балакиря около тебя, а главного министра около шута Балакиря, и так нижей и нижей будут сидеть в ряд.

Государь согласился.

— Ну, давайте попробуем!

Государь садится. Шут садится с правой стороны государя, министр с правой стороны около шута. И так садятся чиновники в ряд, сколько их было там в синоде. Последний чиновник встает и бьет по щеке, который сидит под рукой справа, а тот встает, того бьет. Вот уже доходит до министра, и министра ударяют. (Ну, они били слегка, пример показывали друг другу.) Министр встает да шуту Балакирю прибавляет настояще. Теперь надо шуту Балакирю встать да дать государю.

Шут Балакирь встает и говорит:

— Господа, как наш синод есть! Вот если человек едет на лошади и стоит большой кряж. И у него лошаденка плохая, а ему надо подняться на этот кряж. А он

видит, что есть дорога кругом и можно этот кряж объехать, то как мужику быть?

Они говорят:

— Раз дорога есть, а у мужика лошаденка худая, так можно кряж объехать. Зачем же в кряж пялиться?

Он тогда как буркнул этого министра, так этот со стула покатился, министр. Они и спрашивают:

— Ты что, шут Балакирь, делаешь?

— Я же вас спрашивал — можно кряж объехать? Вот я кряж и объехал, что мне надо было государю дать, а я объехал.

Шут Балакирь опять своим порядком стал работать. Как придут с каким докладом к государю, то надо раньше доложить шуту Балакирю, а шут Балакирь докладывает уже государю, что вот такой-то пришел, и ведет его к царю.

А шут Балакирь знал, что вот такого-то дня должен министр прийти к государю с докладом. То шут Балакирь купил десяток яиц, в корзинку поклал, соломки поклал и уселся на них.

Тут является главный министр к нему. Шут сидит в коридоре. Министр говорит ему:

— Доложи государю, что я пришел!

— Так вот поспеешь! — шут Балакирь отвечает. — Приказ строгий у нас. Государь вот посадил меня на яйца и захотел, чтобы были цыплята у нас свои, так мне некогда. Так ты вот сядь, чтобы яйца не холодели, а я сбегаю государю скажу. Потом я сяду, а ты пойдешь туда.

Министр садится на яйца, чтобы не холодели, а шут Балакирь побег к царю и говорит:

— Пойдем-ка, Петр Алексеич, посмотрим, как министр на яйцах сидит, цыплят выводит.

Вот и идут в коридор. А министр сидит. Он и говорит:

— Вот, Петр Алексеич, видишь: министр сидит на яйцах, так он хочет цыплят вывести, подарок вам принести.

Министр встает, посмотрел: там десяток яиц и есть. Ну, и сказал государь министру:

— Пойдем же.

Ну, тут министру совестно было перед государем, что шут Балакирь подвел.

Тут министры на шута Балакиря стали наседать. Его стали сгонять из синода. И он и говорит:

— Сколько лет я вам служил, а вреда не делал и делать не буду, ну все-таки какую-нибудь я должен заслужить власть себе.

— Ну, а какую же ты власть хочешь?

— Ну, дайте хоть власть над мухами, чтоб я власть хоть над ними имел.

Его опять оставили в синоде начальником над мухами. Ну, вот он открывает окошко, напускает мух побольше. Сделал себе хлопалку — мух убивает. Взял молоток с собой. И вот ходит по синоду и гоняет мух, что он власть имеет над ними, а больше ни над чем.

Вот он по стенкам бьет, пугает их.

Вот одна муха села министру на плешь, а он, должно быть, того дожидался. Он подходит к министру, и молотком дунул по мухе, и приговаривает:

— Что ты, невежа такая, садишься на такое лицо?

Министрам взять нечего, потому что все подписавши, что мухи — его подданные: что хочет, то и делает. Они стали государю сказывать:

— Все-таки, государь, его надо с синоду выжить.

Государь говорит:

— Как же его выжить, когда он столько лет живет у нас и все верно делает. И без спросу он не делает никогда ничего. А что мы ему даем, то он и подойдет к нам хитростью, так мы все дураки, а он, пожалуй, умнее нас всех. (Все-таки государь за него стоит.)

— Тогда, государь, если вы его отсюда не уволите, придется заводить новый синод. Так через одного сколько надо людей променять.

Государь и говорит:

— Да его только взять и сказать ему, чтоб он в нашем царстве уже не жил, то он, я знаю, не пропадет и в другом царстве, потому что голова его варит.

Ну, все-таки государь ему и сказывает:

— Ну, шут Балакирь, жалко мне тебя, но не так, как себя; придется удалиться тебе с нашей земли.

Шут Балакирь ответил:

— Рад стараться, Петр Алексеич, сейчас уезжаю!

Шут Балакирь и отправляется, со всеми прощается:

— Лихом не помните, а все-таки чаще вспоминайте, что был шут Балакирь, работал хорошо, но вам не нравился. Силой никто не живет. Я со своей головой и там не пропаду. Только дайте мне бумажку, что я за границу еду.

Ему дают бумажку в любое царство — куда хочешь, туда и поезжай.

Шут Балакирь и отправляется. Приезжает в другое царство, покупает там себе землю, берет бумажку, что вот «и я купил земли, я на своей земле куда хочу, туда и еду».

Шут Балакирь купил лошадь, телегу, нагрузил корзину земли и отправляется в это царство, в котором раньше жил. Приезжает прямо к синоду. Смотрят, что шут Балакирь приехал. Они и спрашивают:

— Тебе сказано, чтоб ты на нашей земле не был!

Шут Балакирь сел на землю в корзине и отвечает, что:

— Я не на вашей земле — я на своей земле еду. Вот у меня и купчая есть.

Посмотрели: да, действительно, что у него купчая.

— Я где угодно теперь могу жить!

Петр Великий и сказывает:

— Ну вот видите, мы его согнали с земли, а он теперь на своей земле. Теперь я могу его к себе взять. Пусть у меня служит. Я в синод его водить не буду,— он у меня будет придворным.

Шут Балакирь и говорит:

— Петр Алексеич, хотя бы мы съездили теперь на охоту. В синод я теперь не хожу, свобода есть. Охота было б поохотиться.

Они отправляются на охоту. Шут Балакирь поймал ворону живую, крылья срезал, что она далеко не улетит, и надумался Петра Алексеича поддеть немножко. Государь берет собак, а он ворону. Вот едет на охоту и рассуждает. Петр Алексеич и спрашивает:

— Шут Балакирь, к чему ты эту ворону везешь? Что она может поймать?

Он ему и говорит:

— Да моя ворона может больше поймать, чем ваши собаки!

Государь усмехнулся.

— А что же,— говорит,— она может поймать?

— А вот, что она поймает, Петр Алексеич, отдашь мне?

— Да, отдам, не жалко, что твоя ворона поймает.

— Ну, так дайте мне бумажку.

Государь ему дал бумажку. Подъезжают вот к такому городу, как Петрозаводск, большой. Он ему ворону пускает. Ворона с кареты вскочила на дом. Тут бегают ребята. Они кричат:

— Ловите, ребята, эту ворону, это царская ворона!

Ну, вот ребята за этой вороной, а она с этого дома на другой пролетит. А он все едет и кричит:

— Ловите, ловите царскую ворону!

И она весь город проскакала до конца. Шут Балакирь и говорит:

— Вот видите, Петр Алексеич, что моя ворона поймала?

Государь и говорит ему:

— Верно, шут Балакирь! Ну, не жалко этого города отдать тебе за твою мудрость. Ну, так оставайся же в этом городе. Город твой. Будем ездить друг к другу. Если что случится, так и я к тебе подъеду.

Шут Балакирь и остался в этом городе проживать.

Вот шут Балакирь прожил несколько время в своем городе. Приезжает в гости к Петру Алексеевичу. Приехал он, и гостят они. Царица и сказывает:

— Что ж ты один приехал? Почему ты своей жены не привез сюда в гости?

Он и говорит:

— Знаете, государыня, я бы привез свою жену к вам, да она очень глухая, так что ей надо кричать да кричать.

Государыня сказывает:

— Так если глухая, так что ж такое? Я покрепче буду кричать.

— Ну, я в следующий раз привезу ее, дня через два.

Шут Балакирь приезжает домой и говорит жене своей:

— Знаешь ты что? Царица хочет, чтобы ты приехала к ней в гости со мной. Да она очень глухая, царица, ей надо кричать да кричать.

Та отвечает:

— Так что ж, я покрепче покричу.

— Ну так поедем.

Шут Балакирь приезжает со своей женой, и ведет ее к царице, и говорит:

— Вот, государыня, и жена моя! Так вы покалякайте с ней, а я пойду к государю.

Они стали калякать.

Царица громко кричит ей:

— Что ж ты раньше не приезжала?

А та еще крепче кричит, чтоб царица слышала. Даже по всем комнатам пошел гул. Петр Великий спрашивает:

— Что это, шут Балакирь, там крик такой?

А он отвечает ему:

— Это, наверно, Петр Алексеич, наши старухи разговаривают так.

— Да что они — тихо не могут говорить?

— А не знаю, Петр Алексеич.

— Так вот, сходи узнай, чего они там кричат.

И вот они пошли оба к своим старухам. Приходят, Петр Алексеич спрашивает:

— Чего вы так кричите?

Царица сказывает:

— Так поневоле надо говорить громко: шут Балакирь сказывал, что у него женка глухая.

А шута Балакиря женка отвечает:

— А мне сказал, что государыня глухая.

Они все засмеялись и стали тихо говорить...

Ну и вот, сказка кончается, время к полночи подвигается, рассказчик спать захотел...

18. БАРМА

Жили два брата в одной деревне, каждый жил в своем доме: у бедного было много детей, а у богатого не было ни одного. Долго просил богатый у бедного одного мальчика к себе сыном, но бедный не соглашался: он подозревал, что богатый брат занимается воровством, но наконец согласился. Держал дядя племянника как родного сына: брал его с собой и в город, и в деревни, и частенько они ездили.

Лет до пятнадцати мальчик ничего не делал по хозяйству, только бороться к этому времени так научился да изловчился, что никто в деревне с ним не мог устоять в боротье; взрослых и сильных мужиков ронял, да свистел так сильно, что уши глушил.

А за то, что он был мастер бороться, его и прозвали Бармой. Вот подрос еще Барма и однажды пошел на охоту, птиц стрелять. Идет он лесом близ дороги и видит — по дороге мужик барана гонит в город на продажу. Он забежал лесом вперед, снял с ноги сапог и бросил на дорогу, а сам скрылся в лес и ждал.

Подошел мужик, поднял сапог, посмотрел, и спрятал близ дороги в мох, и погнал барана дальше. Пропустил Барма мужика и взял сапог. Забежал Барма лесом опять вперед, снял сапог с другой ноги и бросил на дорогу, а сам скрылся и ждет. Подошел мужик с бараном, поднял сапог, посмотрел-посмотрел и спрятал, потом привязал барана к дереву, нарвал травы и воротился назад.

«Удалось,— думает Барма,— пошел за сапогом, чтобы пара была». Подошел к барану, отрубил голову топором, поднял барана на плечи, взял сапог — и в лес. Ночью пришел домой и барана принес. Увидел дядя, с чем пришел племянник с охоты, и спрашивает:

— Как это ты достал?

Племянник рассказал про свою ловкость.

— Славно,— говорит дядя,— я хорош, а ты еще лучше, можно теперь тебя и на промысел брать!

Посоветовались дядя с племянником, куда бы им съездить, и племянник настоял на том, чтобы ехать воровать к царю.

— К царю,— говорит племянник,— никто не смеет идти воровать, а потому там и не подумают, что воры пришли; народу во дворце много, думают, что слуги что-нибудь делают; просто во дворце мы как хозяева будем — делай что хочешь!

— Пожалуй, и верно! — говорит дядя.

Запрягли лошадь и поехали. Приехали в город и пошли к дворцу; племянник пособил дяде влезть на балкон, а потом дядя подтащил за руки племянника, и вот они на балконе; с балкона дверь в большую комнату открыта. Вошли туда; видит Барма, что тут только и можно взять царскую шубу и шляпу. Указал племянник дяде на шубу и шляпу, дядя кивнул головой, и племянник взял вещи, и вышли на балкон. Дядя вдруг и говорит:

— Я эту шубу перешью и буду щеголять.

— Нет,— говорит племянник,— я их взял и вынес, мне и носить!

Заспорили, и племянник предложил сходить к царю и спросить про то дело.

— Я, дядя, один схожу, а ты слушай, как я говорить с царем буду. А как свистну, ты и беги на балкон, хватай шубу и задавай лататы в левую руку, а я в правую, а там сойдемся!

Зашли снова в комнату, отворили одну дверь из комнаты в другую — там пусто; подошли к другой двери, слышат — похрапывает кто-то; отворил племянник дверь, видит — в кресле человек спит и похрапывает, а на кровати спит царь. Барма догадался, что это сказывальщик храпит, подкрался к нему, зажал рот рукой, поднял с кресла и передал дяде, а дядя уже наготове. Платком рот заткнули. Дядя поддерживает сказывальщика, а Барма сел на его место и сидит. Скоро проснулся царь.

— Сказку,— говорит царь.

— Жили дядя да племянник,— начинает сказывальщик,— пошли они к царю воровать, племянник воровал, а дядя глядел. Украли у царя шубу и шляпу. Кому из них носить, ваше императорское величество: дяде или племяннику?

— Понятно, кто воровал, тому и носить!

— Ну, вот слышишь, дядя,— говорит племянник, да как свистнет!

Царь испугался, не слышит ничего, посмотрел — и сказывальщика не видит, а воров уж и след простыл. Царь приказал поймать вора, а где во дворец можно пройти, на ночь ставить капканы и всякие ловушки.

Дяде досадно стало, что у племянника такая шуба; стал он сбивать племянника опять идти воровать к царю:

— Я знаю, что мне лучше тебя удастся,— не первый раз!

Племянник предостерегал, но не мог уговорить дядю. Вот поехали опять, приходят к дворцу, племянник подсобил дяде влезть на балкон, и дядя ушел. Через несколько времени дядя вышел на балкон и бросил племяннику мундир, но вдруг над балконом под зонтом появилась кругом балкона редкая железная решетка; дядя полез в отверстие, но когда навалился телом на железную полосу, она опустилась ниже, и вмиг все перекладинки сузились, и дядю прижало поперек тела; племянник убежал, а дядя и остался висеть в решетке.

Царь приказал тело вора положить в часовню и без своего приказания не хоронить, а кто придет да будет плакать, того ловить.

Положили тело в часовню, а на третий день Барма одел царский мундир и шляпу, пришел в часовню и приказал караульным при себе зарыть в землю тело вора и ушел. Царь еще сильнее озлился на вора и приказал поймать во что бы то ни стало, а полагая, что вор уж непременно придет воровать золото, приказал по одной улице насыпать золота, и кто будет наклоняться над золотом, тех всех ловить.

Узнал Барма, что золото будет рассыпано, и порешил ехать на коне воровать золото. Взял на дровни смолы в бочонке, намазал сапоги смолой, едет по золоту, а ногами потаптывает; золото пристает к сапогам; спихнет с ног золото в мешок и опять едет. Много украл золота.

Наутро царю донесли, что никто не наклонялся, а золота много украдено.

Царь приказал казнить караульных, а вору, если он смеет прийти к нему, царь обещал, что дарует ему жизнь и не казнит, а если вор не придет, то будет разыскан и предан лютой казни.

Когда это было объявлено, Барма порешил к царю идти.

Приходит Барма и просит доложить царю. Царь приказал привести.

— Как тебя зовут?

— Барма, ваше императорское величество!

— Ты вор?

— Я.

— Ты шубу украл?

— Я.

— Ты и золото воровал?

— Я.

— Такого нужно наказать, пощажу тебе жизнь, не велю казнить, но заключу тебя в крепость!

И приказал Барму отвезти в крепость.

Отвезли Барму в крепость. А крепость — только и было, что один дом небольшой каменный, а кругом дома высокая каменная толстая стена, на дворе бегала коза, да кривой старинный богатырь служил сторожем.

На дворе столб стоит.

Впустили Барму на двор и ворота затворили крепко-накрепко.

Проспал Барма ночь, а наутро все осмотрел и видит, что выйти ему из крепости невозможно.

Подумал-подумал Барма и стал к сторожу ласкаться и его силу хвалить.

А живут так: утром сторож затопит печку и уходит на двор с козой играть; как только побежит, а коза ему навстречу, подбежит, хочет бодать рогами, а сторож ее захватит за рога и повернет обратно; коза пробежит немного и опять ему навстречу. А Барма у печки работает, из свинца пули льет. Вот однажды затопил печку, а Барма и говорит:

— Мне бы хотелось твою силу попробовать, можешь ли ты эту веревку перервать?

— А вот привяжи меня к столбу и увидишь.

Барма взял веревку и опутал богатыря веревками к столбу; рвал-рвал богатырь, и вырвать не может, и говорит:

— Нет, верно, прежней силы, устарел, развязывай веревки!

Да где тут развязать, когда узлы в турий рог затянул, нужно рубить!

Пошел Барма в дом, растопил полную поварешку свинцу, прибежал да в здоровый глаз и плехнул свинец.

Заревел богатырь, рванулся изо всей силы, сорвал веревки и начинает по двору бегать; бегает и кричит:

— Барма, ты где?

— Я здесь,— отвечает Барма.

А коза забегает навстречу богатырю, богатырь через козу падает, а Барма за козой бегает, за шерсть козы рукой держится. Наскучила богатырю коза, хочет Барму поймать, а коза всякий раз в руки попадает.

Озлился богатырь, и вот, когда коза еще в руки сунулась, он схватил ее за рога и бросил на стену, а Барма ухватился руками за козу и тоже с козой на стену был выброшен. Бросив козу, богатырь спрашивает:

— Барма, ты где?

— Спасибо, товарищ, лихом не помни, я уж на большой дорожке, прощай!

Так и ушел Барма, но только воровать перестал и живет да поживает.

19. ОЛЕНЬ — ЗОЛОТЫЕ РОГА

Дядя с племянником жил. Дядя сильный вор был. Фамилия Сметанкин. Потом вот этот дядя и говорит:

— Что ж, племянник, это мы живем, надо,— говорит,— съездить поворовать.

(Племянник знал, что дядя вор, а дядя не знал, что племянник вор).

Племянник был холостой. Парень сильный. А дядя женатый. И двое ребяток было, мальчиков.

— А что ж, поедем воровать,— это дядя.

А племянник говорит:

— Так надо спытать — как ты?

А дядя и говорит:

— Вот на болотине нашей утка склавши, и я видал,— говорит,— двенадцать яиц, когда она слетела.

Дядя говорит:

— Я выберу — и утка не услышит.

А племянник:

— Пойдем, спытаем, выберешь ай не.

А у дяди были новые сапоги обуты.

— Пойдем,— говорит,— я выберу,— это дядя говорит.

— Ну уж, дядя, коли ты настоящий вор, берешься выбрать — ступай вперед, а я уж буду следить тебя.

Вот дядя стал подкрадываться в ночное время к утке. Подошел и стал выбирать яйца — и выбрал двенадцать яиц, а утка не слыхала.

А в это время племянник тоже не гулял; пока он подкрадался — подошвы с подбором отрезал,— дядя тоже не слыхал.

Когда они отошли опять таким же манером от утки, чтобы утку не спугать, когда приподнялся дядя на ноги, племянник уже стоял. Так дядя и говорит:

— Вот, племянник, хорош я вор, а вы почище. Вы, наверно, отрезали подошвы, а я и не слыхал?

— Твои, наверно? — племянник показал.

— Мои, мои. Добро!

Ну вот, выбравши яички, поужинали — сварили яички — и легли спать. Дядя и говорит:

— Племянник, куда же поедем воровать? Теперь я вижу, ты настоящий вор.

А они жили около Петербурга.

Дядя спрашивает племянника:

— Куда поедем?

— А в царские кладовые.

А племянник знал заговор. Когда они подъехали к царскому дворцу, часовые все уснули. Тогда все часовые спят, племянник на крышу влез, лист отодрал, а там дорогие тулупы, одежды. Взял, что надо. Племянник и говорит:

— Дядя, будем делить добро тут.

— Ну, будем.

На царском дворе стали делить добро. Один тулуп лишний.

Племянник говорит:

— Дядя, я беру, я в середке был.

А дядя был жадный гораз.

— А,— говорит,— я постарше тебя.

А племянник говорит:

— Нет, дядя, я в середине был, меня могли поймать, а ты убежал бы.

А дядя говорит:

— А к государю пойдем, пусть разберет.

Все караульные часовые спят, а государь лежал, а перед ним сказочник сидел на стуле, рассказывал. И этот сказочник заснул. Он взял одежу, втащил его в другую комнату, а сам сел противу государя, где спит. А дядя уже против окна царского слушает.

Тогда племянник говорит:

— Ваше царское величество, слушайте сказку.

— Какую?

— А будто дядя с племянником в вашей кладовой были. Племянник в середке, а дядя на улице. И стали делить,— говорит,— добро, один енотовый тулуп лишний был. Кому тулуп — кто в середке был или на улице?

— А конечно, кто в середине был.

Он взял сказочника опять на место.

— Слыхал?

— Пусть твой.

Теперь, ну вот, они поехали домой.

— Пойдем опять воровать.

— А куда?

— А в царские кладовые.

(Он дядю сгубить хочет, дядя гораз нехороший был.)

Будем говорить дальше. Государь проснулся утром и стал вспоминать сон, что говорили — в царской кладовой был вор.

— Сказочник, ты говорил, что дядя и племянник воровать приходили? Племянник в середке, а дядя на улице. Стали делить — один тулуп лишний.

Он говорит:

— Не.

— Сходите посмотрите в кладовую.

Правда, оторван лист с крыши и с чердака унесено много добра.

— Ваше императорское величество! Убрано и то, то и то.

— Ай-я-яй! Стало быть, это племянник и был. Ну, ладно,— говорит,— мы поймаем,— говорит,— бочку смолы пудов двадцать пять — тридцать надо против этой дырки. Они залезут — завязнут. Первый раз хорошо подалось, они второй приедут.

Ну, ладно, вот тут была поставлена уже бочка ведер тридцать смолы — как пойдет, так и ввязнет.

А племянник и говорит:

— Дядя, опять поедем.

— А куда?

— А в царские кладовые, не все я выбрал.

А племянник знал заговор. Как приедет — так все спят мертвым сном, и часовые.

Племянник и говорит:

— Дядя, теперь вы ступайте. Вы гораз жадный, что получше — берите себе.

А у них железные крюки опускаться. Вот дядя стал опускаться в эту кладовую. Тогда дядя ввяз — все дальше и дальше в смолу, по самые плечи ушел. Стал звать:

— Племянник, племянник. Вытащи меня!

Стал тащить дядю — не вытащить, завяз.

— Дядя,— говорит,— я тебе голову срублю, а то станут мучить — и меня выдашь.

— А кто ребят кормить будет?

— А я,— говорит,— докормлю, а тело твое похороню, я украду,— говорит.

Согласился дядя на это, да, что мучить будут. Взял племянник за волоса, шашкой как теснул — дядина голова отлетела. Тогда взял племянник голову в телегу положил, голову увез, а дядю оставил.

Просыпается государь, говорит:

— Сходите в кладовую, нет ли там чего попавши?

— Ваше императорское величество! Есть в смоле человек, руки размахнуты, все в смоле, голова увезена.

Государь пошел, посмотрел:

— Правда, это племянник, сукин сын. Ведь мы бы стали мучить, все бы выдал, воров бы вывели, а теперь он остался. Возите покойника по городам. Кто признается, того и забирайте, то сродственники, стало быть, докажут.

Этот покойник со смолы был вынят, и очищен, и вымыт, и в домовье положен. А это дело уже было зимой.

Вот приезжают в уездный город и роту солдат назначают караулить. А где племянник вор, то триста дворов было, называлось селом (где церковь — там село). И были и бедные.

А у вора была хорошая лошадь, сам знаешь, не плохая. Тогда этот племянник говорит:

— Поеду, тетка, я воровать, а ты за деревней жди.

Приходит к старичку и говорит:

— Дедушка, дай лошадь на ночь!

— Бери.

А сам взял лошаденку похуже, парик одел старый, сивый, купил бочонок вина и поехал, как нищий.

Приезжает в уездный город, а тут и тетка с ним. Он говорит:

— По дяде плакать будешь.

Дал горшок сметаны и молока. Потихоньку толк ее! А она:

— Не жалко молока, жалко сметанки!

(А он Сметанкин.)

— Что тетка, наплакалась?

— Да, вволю.

— Погоди, украду, только ночь не спи.

Тетка наплакалась вволю и ушла.

А это солдат рота на постоялый двор с покойником уехали. А этот племянник вечером, когда поздно стало:

— Ах, мне холодно. Ах, пустите. Богатый на водку дал — ведра не жалею. Обороните от холода.

А солдаты и рады — пустили. Ротный со своей ротой стали выпивать. А после выпивки как стали спать! Заговорил — и спят мертвым сном. Вынес покойника. Отвязал лошаденку, завязал вожжи, чтоб не запутались, и отправил домой. А сам опять спать лег.

— Ахти,— говорит,— нищего лошадку увели, и покойника нет.

Ротный прибежал:

— А я не виноват.

— Ахти, тошнешенько. Пойду к государю.

— Ладно, молчи.

Собрали сто рублей, дали нищему.

Приходит ротный командир и говорит:

— Ваше императорское величество,— говорит,— так и так: старик зуб на зуб не ложил, мы его пустили, а покойник с наших военных саней на стариковые дровни положен и увезен.

А государь говорит:

— Дураки, это вор и был. Надо было хватать его.

— А мы еще ему сто рублей собрали.

Вот приходит их племянник. У тетки все прибрано. Голову приложил, священника позвал, похороны сделал богатые.

— Ну, ладно,— говорит,— мы летом его поймаем, выведем,— государь так говорит.

Взял оленя, значит, выкрасил золотые рога. Раскрасил и с пятнадцатого мая объявил:

— Кто украдет Золотого оленя, тот есть вор Бармашкин. А рота будет постоянно следить.

Когда племянник узнал, что стали пускать уже на траву, и пошел рассматривать.

— Тетка,— говорит,— я пойду украду этого оленя.

— Как же ты,— говорит,— украдешь среди бела дня, и рота солдат охраняет?

— Эх,— говорит,— украду!

А племянник был, рассмотрел, что на середине луга опушка леса и на жаркое время олень забирается туда и обтирается. Была взята у него обротка. И забрался в этот кустарник, ожидает.

Вот когда рота солдат пустила этого оленя, он стал кормиться и в кусты полез. А часовые кругом стояли — и на дороге, и на опушке. Он дождался первого часу, когда принесли им обед. Видит, что нет никого — они все сели за обед — ни одного часового не оставили, подкрался

он к золоторогому оленю, ухватил его и видит, что свободно проезжать можно. Сел, поехал.

Пока солдаты искать — туда-сюда — а и рожки блестеть перестали. (Раньше ружья недалеко били, это теперь далеко несут.)

Пошли к государю. Ротный рапортует государю:

— Ваше императорское величество, оленя украл. Во время обеда, взглянули — только блеснул.

Тогда государь говорит:

— Вот вам денег, поезжайте по городам, узнавайте у ребят, кто что ел. Ребята докажут.

Ну, они приехали в то село, где этот вор Бармашкин, племянник. Особенно в это время, все убравши на сенокос, только старые и малые дома.

— А оленя с золотыми рожками не ели?

— Не.

Всех ребят так. А у этого племянника дядиновы ребятишки двое были.

— Ребятки, что вы ели?

— Оленя с золотыми рожками.

— Тогда достаньте.

Сейчас под печкой достали. Ребятам они дали денег, гостинцев, что золотые рожки достали.

Выходят с этого дома, написали на воротах, что здесь вор Бармашкин живет.

Племянник был грамотный и расторопный. Как подходит — видит, что здесь вор Бармашкин живет. Видит — дело неладно.

— Ребятишки, кто тут был?

— Ребятки — стриженые головки были, нам денег дали, гостинцев.

Видит, что глупые.

— Ладно, тетка, заглажу.

Как пошел с конца, с первого и до последнего, триста дворов — все укатал. Все: «Вор Бармашкин живет».

Приезжает государь с солдатами: тут «вор Бармашкин живет», тут «вор Бармашкин живет».

— Ахти, тошно — триста дворов. Ай-ай! И честных нет.

Воротил.

— Поймаем. Вот,— говорит,— теперь насыплю на целый километр пять стопок золота. Кто нагнется — вор Бармашкин — забирай. А кто ходить будет — не забирай.

ПОХОЖДЪНИС ОНОСС

Слуттаесь тому летнему похолоднику будто сметати никоть смерзоть брюшцы одругі Здвоясе женіки зерев выпотні протівъ его крыстят ноі говоритъ а тоі крыкни осморозе прогущаетъ ему за погросіс лежеы ой птехъ Знойной которои тоей тпоебшоть не Емноі ся Земліі тпого непознаюсеіо Зимогда непуюс крепкой ноч Бышои тыпіюю Этого жіжу неторпіюсь ужіжній ой Здесь ы ръ я синіі невічныя тупіі морозі нятноі полезіюі я ноіс говоритъ вечеры а синіу прыюю ноіо Де нехеще жена зелюс не дов Ко у сіні утрелюя сиссіюі ноы неспокоюе знюсіс скоро постарёть одною оморозу нас непідрупой отпож морозі Сіно услупій

НОСИЛНОМЪ МОРОЗЪ

Пошоеі нзпоу стпобзеъ Брюжася нос скоре нокобоій вышедъ - ості пуда отпожнюся глядзеть я ещесся хощу тепозотп морозі зі осені осподаяся утпо нож продпюсь бождрдпю Здрпоъ тпо тое нодрпо дпюс жпюнеюу ево нсмоюе пробобленіе оспапіюе - нюпоу Споді Здрпоюой шпюпіе кпой болюзя пюшеп ротпоті о здрпіпюся с союзи дпюсті жопюй уюдпюпіюй летпюсюй жепті пс ресті пюй сжопюзкой дпюпіцюі гпіпюй я пюсіпо укпюпіться отпі пюю Здрпоюся пюпі о здрпюю жпіюй отпюжо жпюпій псюдь по лупюь опюй дрюпюй голосъ летпюі

ЕРЕМА С ФОМОЮ А ВА БРАТЕНІКА ЛАА НОЖИВАЛИ ВМЕСТЕ СЛАТКОЕ А ЛИ А ОСЛЕСЪ
БУГОРЪ О ПРОМЫСЛАХЪ РАЗ А УМАЛИСА НЕТЪ НАМЪ БРАТЪ СТОБОЮ А ЧИ НИВИЕМЪ ЕРЕМА ГОРЕ
МЫШИНЫ ПЕСИИ ЗАПЕЛЪ А ФОМА КОРОВОНЪ ЗАГЕВЕЛЪ НАПАЛСА НАНИХЪ ПАРА МОШКА КАА ЫКЪ РЕЛ
ЗБУГЛЕВШЕЮ ФОМУ ЕТОМКИ ЕРЕМУ ТОПКЛІ ФОМУ ПИНКАМИ ЕРЕМА НАСИЛУ ВЫРВАЛЕЛА ФОМА УБЕ
ЖАЛЪ СЕТЧИ ПОПАТЬ НАБУГРЕ ЕРЕМА РАСПЛАКАЛСА ФОМА РАЗРЕБЕЛСА ШВЕАЛЕМЪ МЫ СТОБОЮ ЗАХОТЕЮ
ХОДИТЬ ЗАЦОВ ЗЛОВИТЬ ЕРЕМА КУПИЛЪ СУИКУ ФОМА КОБЕЛКА ЕРЕМИНЪ НЕГОНИТЪ ФОМИНЪ НЕБЕЖИТЪ
НЕУДАЧАНАМЪ БРАТЪ ЗАЕЦОВ ЗТРАБИТЬ ЛУТИЕ ПОИА ЕМЪ РЫБУ ЛОВИТЬ ЕРЕМА КУПИЛЪ СЕТКУ ФОМА НЕ
ВОДОЮ ЕРЕМА СЕЛЪ В ЛОТКУ ФОМА ВИЕЛНОКЪ ЕРЕМА БВЕСЛЫ ГРЕБЕТЪ А ФОМА ОДНЕ РАКИ ВЕРЕТЪ ЕРМА
О ПРОКИНУЛСА ВОДУ ФОМА НА НООБАУПЛАМЫ СОА НАНЕИАУТЪ ПОЕРЕМЕ БЛИНЫ ПФОМЕ ПИРОГИ
А НАЧИНИКУ ВЫКЛЕВАЛИ ВОРОБЬИ
ПАРА
МОШКА
ФОМА
ЕРЕМА

А солдатам приказал отдаль от дороги стоять. Кто нагнется — забирай.

А этот племянник пошел, пятьсот лык купил, лапти сплел, парик одел, взял смолы с собой и палицу подпираться (раньше были богатыри).

Вот он видит, где золото, и подмазал свои крутцы — и в кусты, выковырял золото — и опять на дороге.

Солдаты:

— Что ты ходишь, старик?

— А я ничего вашего не беру. Я по трактовой дороге хожу.

Походил-походил, ушел. Солдаты смотрят — нет золота на дороге.

Пришел, докладывает государю:

— Так и так, ходил старичок, не нагибался, а золота нет.

— Вы чего же не задержали?

— А вы не велели.

Вот с тех пор и стали воры, не вывел государь. Так вот и пошли. А вывел — и вас[1] бы не обокрали.

20. ПРО ВАНЮ-ВОРА

Работать он не хотел. Отец сказал, что семнадцатый год, а работать не хошь.

— Уйди,— говорит,— из дому, чтобы тебя не было, лентюжины.

А он дюжий был, а лодырь.

— Иди,— говорит,— в Петербург и работай там.

(Раньше жили — дорог не было, доченька!)

Иван отправился. Шел-шел и заблудился в лесу, а потом попал к ворам. Одна старуха дома была...

---

[1] Обращение к собирателю, записывающему сказку,— намек на дорожное происшествие.

Он видит, что тут не то. Приставился дурачком. Вошел в квартиру, засмеялся, как будто дурачок (а он хитрый) и без бабушкиного дозволения на печку лег. Лежит. Приезжают два сына. Они были воры тоже. Днем рассматривали, а ночью воровали. Они одевались в господскую одежду и лошадей имели. Богатые были. Когда они приехали, мать и говорит:

— Дети, у меня гость есть.

Они сели за ужин, водки поставили, а потом она и говорит:

— Он маленько неполного ума, без спросу лег. Звать его Ваней.

Так один подошел и говорит:

— Вставай, Ваня, давай ужинать!

Одному ручку дал, другому, а сам смеется. Видят — он дурак. Дали ему выпить стаканчик, два. Ваня подвеселился, выпивает.

Воры и говорят:

— Вот, Ваня,— говорят,— если бы ты завтра помог нам. Мужик богатый быка поведет, укради быка — и ты нам будешь гож.

— Я,— говорит,— дорог не знаю.

— Мы тебе покажем и на целый день дадим харчей и водки бутылку.

— Украду,— говорит,— братцы.

Вот его утром повели лесной дорожкой. Эта тропочка на большую дорожку вышла, на шоссейную. Он все это приметил, чтоб ему возвратиться назад.

Правда, утром мужик богатый ведет быка, а Ваня идет леском. Думает, что бросит маленько мужик быка, но мужик никогда не отпускает. Стал оправляться, а быка держит.

Привел в город. Ему дают такую цену (двадцать ему дают), а он просил сорок и не отдал.

— Другой раз,— говорит,— поведу и продам.

Взял назад и повел. Когда назад повел, а Ваня отвернулся в лавочку, и украл пару женских камаш, и бегом бежит. Мужика обогнал, а сам стоит в кусте. Там в леску ожидает его. Взял положил одну камашу на дорогу и глядит, что мужик с ней будет делать.

А мужик увидел и говорит:

— Хорош, да один, кабы другой еще!

Поинтересовался и не взял. А Ваня вор бежит впере-

ди за километр и второй положил. Мужик подходит, и видит — второй камаш лежит, и ругает себя:

— Ой, дурак, кто пьяный растерял!

А Ваня сидит за кустом. Мужик видит, что никто не идет и не едет.

— Вот, сейчас побегу за другим,— говорит,— привяжу быка и побегу.

Привязал и побежал, а Ваня схватил быка, да на ту тропинку, да к своим ворам.

Приводит Ваня быка.

— Ты, Ваня, убил?

— Нет, не убил.

— А как же?

— А вот за ужином расскажу!

Тогда вечером сели за ужин. Ваню угощают, как дорогого гостя, что быка привел. А у этого мужика еще два быка.

— Ваня,— говорят,— он завтра следующего быка поведет в город. Украдешь?

— Украду,— говорит,— братцы.

Воры видят, что дурак на деле умный!

— Дайте мне ленку́, веревочку свить,— говорит.

Дали ленку́, веревочку вьет, какую ему надо. Утром он пошел. Вышел на дорогу, посмотрел, что ведет мужик быка. А против той местности, где Ваня, видна была деревня на горке через кусты. Этот Ваня взял березку нагнул, и привязал веревочку петлей, и руками держит себя, как бы задавился. Подвел мужик быка и видит — мужик висит.

— Ах ты, тошнехонько мне, человек задавился! Если повезти в город, полиция скажет, что я задавил.

Он привязал быка и пошел в деревню людей собирать. Ваня взял быка — и к своим ворам. Мужик, сошедши, говорит:

— Пойдемте, братцы, там человек задавился! Полиция скажет на меня, а я сам объявляю.

Покуда собирались, там ведь не скоро. Пошли, поглядели — и нет ни задавившегося, ни быка — ушли. А мужик:

— Быченька, быченька.

Ваня пришел домой, рассказывает, как он украл быка.

— Ай, Ваня, умный! — воры говорят.

А мужик опять без быка домой пошел. Воры говорят:

— Мы все тебе ключи отдадим, укради третьего быка.

А у мужика было три быка.

Ваня живет хорошо. Водочку выпивает, разные закуски. Старуху мамашей зовет. Все они холостые.

Он говорит:

— Украду третьего!

Тогда пошел утром на то место, где пропадали быки. Когда мужик подвел быка, Ваня замычал:

— Му-у-у-у!

Мужик думает, что его быки вернулись, и кричит:

— Быченька, быченька!..

А Ваня отвязал быка, да и дальше пошел. Уже не стал бык отзываться, мужик забыл, где привязал быка, и нет быченьки — и все.

А Ваня привел быка, его воры и спрашивают:

— Ваня, как же ты украл?

— Постой,— говорит,— за ужином расскажу.

— Когда,— говорит,— я подходил к этому месту и замычал, он стал прислушиваться. Я еще! Он тогда кричит: «Быченька, быченька!» Он тянет за собой быка по кустам, а роги у него большие, не протащились, да я все «му-му-му», да дальше. Он привязал быка, а я побежал, отвязал. А он все: «Быченька!» Так и украл.

— Ну, Ваня, как мы говорили, так и сделаем. Все кладовые тебе покажем. Вот два жеребца, корми, и чисть, и катайся.

Ваня все осмотрел. Свинины наворовано много, масла и всего. Пальто, тулупы, одежды все важные.

Ваня оденется купцом, коляску запряжет и едет в город.

— Ну, братцы, поедемте, я укажу, где магазин золотых дел мастера. Там золотые и серебряные вещи.

Ваня знал заговор, и все караульные спали, а Ваня открыл лавочку и выбрал часы, сколько нужно, и приезжает с большой добычей. Его еще больше возлюбили. Ваня жил целый год у них и все воровал, не попадал.

Ваня почувствовал в себе силу большую. У помещика была дочка Марфа. Он санки ей делал, вместе катались, и она любила Ваню, когда они детьми вместе играли.

— Теперь я богатый. Поеду к Марфе, замуж брать.

Он поехал на жеребцах сто километров насматривать в Псков. Братьям он говорит:

— За Псковом есть склад, поезжайте туда, там много добра и золота, и привезите.

(Все это зря им говорит).

Запряг он худшую лошадку, а себе пару жеребцов и хорошую коляску, взял себе золота и серебра и вынес. Одевается, берет летнюю и зимнюю одежду и берет для лошадей овса мешок.

— Мама, дай мне цельного гуся и четверть водки, я поеду насматривать.

Та ему сготовила. Он запряг лошадей, старухе сказал, что завтра приедет.

— На, мамаша, тебе ключи от кладовой, а то, может, меня и заберут.

Сам поехал домой. Ехать ему двести километров было. Дорогой остановился в городе, на постоялом дворе. Дворнику заплатил.

— Напой их,— говорит на лошадей,— овса дай.

Сам пошел в трактир, выпивает и закусывает. Это он проехал сто километров. Переночевал и дальше поехал. Подъезжает к дому своему (он здесь не был год), он одет чисто, такой молодец. Вошел в хату и говорит:

— Здравствуй, папаша!

Мама его узнала:

— Вас,— говорит,— надо звать «ваше благородие».

— Нет, нет,— говорит,— я — Ваня.

Ваня разделся, своих лошадей отложил от коляски и поставил их под прикрылечек. Серебро и золото прибрал. Отец в лаптишках ходит, а Ваня привез разного кушанья.

— Папа, а Марфа взамуж вышла?

— Нет, не вышла. Я там был вчера. Два помещика ее сватали.

— Ступай, папа, и ты в сваты!

— Сынок, я в лаптях.

— Иди так, как я посылаю.

А помещик знал его.

— Если помещик спросит: «За кого сватаешь?», то скажи, что за сына, за Ваню-вора.

Пришел отец к помещику.

— Здравствуй, барин!

— Здравствуй, Василий!

— Ну, Василий, по каким делам пришел?

— За сына пришел сватать, за Ваню-вора.

Посмеялся барин и говорит:

— Ну, коль Ваня-вор, так пусть придет.

Приходит старик и говорит:

— Сынок, засмеялся, а велел прийти.

Ваня оделся, запряг лошадей. Цилиндр одел, касторового сукна костюм и поехал — таким богатым, каких помещиков и нет. Подъезжает к парадной, все вышли его встречать. Вошел в комнату, дали стул, он сел.

— Откуда ты?

— Я вор.

— Уж если ты вор, укради от меня одеяло и простыню. Украдешь, и дам тебе тогда я Марфу.

— Барин, завтра в двенадцать часов украду от тебя, но только бы огня не было.

— Ладно, приходи, а мы тебя здесь на кулачки вздымем.

Барин подобрал хороших мужичков, сильных бойцов. Как Ваня придет, так они будут сыпать ему кулаками.

Часы были сверены. Заведены — минута в минуту. А Ваня пошел к кладбищу, где покойников раньше ставили в часовнях. Одел покойника в свитку, шапку, штаны одел белые. Взял его и пошел.

Первый час ночи был. Ваня идет к помещику и стучит. Как дверь открыли и люди бросились колотить покойника, а Ваня в это время пошел и взял простыню и одеяло.

Колотили-колотили — наверное, забили и засветили огонь.

— Ай, ай, ай, тошнехонько... колотили покойника.

— Ходите за Ваней, я отдам ему Марфу!

Марфа рада. Она его раньше любила.

А Иван-вор убрал этого покойника. Снял все с него, положил двадцать пять рублей на домовье. Приходит к барину, а барин говорит:

— Вот, укради у меня еще жарковье из печки, тогда Марфу бери.

Следующий день одел Ваня парик, стал старичком. Купил двух зайцев, кормит их. Взял зайчиков и пустил их в плотный сарайчик, а там были утята. Бабка пошла корм давать и там увидела зайцев, и их ей не поймать. Барин и прислуга пошли ловить зайчиков, а Ваня в это время взял жарковье и пошел.

Поймал помещик зайчиков, скоро первый час, барин обедать хочет. Хватился, а в духовке жарковья нет. Ваня приходит с жарковьем.

— Не отдам Марфу. Вот укради еще ксендза польского.

— Украду!

Он подкупил сторожей, наловил раков, купил одежды в городе, коленкоров, венок, крылья и сделал ангельское платье; и, когда костел открыли, он подпустил раков и свечки каждому раку на спину поставил. А сам Ваня был дюжий-двусилок, и у него был кожаный мешок.

Стал он в райские ворота и сказал, что ангел требует ксендза и понесет его на небо. Ксендз пошел в костел. Везде — свечки. Открыл райские ворота, ксендз и говорит:

— Ангел божий, в чем ты меня понесешь?

— А я в кожаном мешке тебя понесу.

Взял кожаный мешок, ксендз залез в его мешок, а Ваня понес его.

Ксендз говорит:

— Светлый ангел, ты меня несешь по земле, а не по небу.

— Я несу тебя до помещичьего дома, а там святое место, и будем там вздыматься на небо.

А у помещика там много гусей, они думали, что овес в мешке, и стали клевать и кричать. Барин услышал. Видит — человек в мешке, открыли. Видит рядом Ваню с огнем и крыльями ангела. И помещик шапку снял. Ваня снял одежду.

— Барин, это я, Ваня-вор.

Так барин отдал Марфу за Ваню-вора, и он стал настоящим помещиком. Жили счастливо. Ваня уже не стал воровать. Были и так богаты.

21. РЫЖАЯ БОРОДА

У купца был приказчик Митрий (Иванов больше брать не будем — других надо). Да...

У него было уже в банке три тыщи рублей положено. Приходит он в Гостиный, где господа. Его все знали.

А там собрались богатые купцы, приехавши... И один господин — курчавая борода, рыжая.

Вот Митрий подходит и говорит:

— Продай мне свои волосы на бороду. Мне понравилась.

А тот приехавши в Петербург на три месяца. И гораз скупой был. Думает: «Он возьмет волоса, а за три месяца борода маленько отрастет».

— Я продам,— говорит,— за сто рублей.

— Бери!

(А раньше деньги — сто рублей были. Да, да.)

Митрий отдал, а купец получил.

Митрий — приказчик — подходит в гостинец, приказывает:

— Налейте мне две стопки (или лучше, может, сказать — два стакана?) коньяку.

Хорошо! Тот налил. Знал Митрича. Митрич подходит, выпивает один и второй.

А прочие осуждают.

— Вот дурак! Отдал сто рублей.

Выпил. Стал посмелее. Говорит:

— Борода, моя борода! Волосы мои сотенные! Не зря я денежки платил за эту красоту. Не налюбоваться! Интересно мне!

Гряб его обоими руками за бороду и давай трепать, этого купца-то.

— Что ты, что ты делаешь?!

— Что хочу, то делаю,— моя краса! Мне покрасоваться надо. Я холостой. Только самого себя потешаю.

Вот опять походит по Гостиному и опять треплет.

— Эх, борода моя сотенная!

А прочие господа считают Митрия дураком.

Рыжий разозлился, выкладывает сто рублей:

— На твои сто рублей! И мои сто бери. Не тягай больше за бороду!

Митрий говорит:

— Заплати, что мы с Богатырем гуляли!

И заплатил.

И вот эти деньги Митрий домой понес.

22. ДВА ЖУЛИКА

Были два жулика. А они одеваются — как настоящие господа. Один говорит:

— Трудно нам жить! Мне семью свою трудно содержать.

А второй и говорит:

— А я легко проживаю, мы все довольны. Дела у нас хватает — и всего хватает. Вот мне,— говорит,— сейчас объяснили мои товарищи, что в Исаакиевский собор,— говорит,— поедет архиерей. Вот, товарищ,— говорит,— давайте будто заложимся: вы говорите «шесть пальцев на ноге», а я — «пять». И будто сто рублей залог у нас.

Взяли они сапоги бумажные, лакированные сапоги и пошли. Так вот этот жулик, который говорит: «Мы хорошо проживаем», говорит:

— Едет владыка!

Тогда, значит, жулик (а он сам — господин) стал на колени и объясняет:

— Преосвященный владыка! Вот я с этим купцом на сто рублей заложился. Если моя правда будет, то я сто рублей ворочу свои назад, и евонные сто рублей возьму, а если по-евонному — он возьмет. Он говорит: «Шесть пальцев на ноге», а я — «пять».

А владыка говорит:

— Будет твой выигрыш! У меня пять пальцев на ноге!

— Разрешите здесь сосчитать при нем.

— А можно, можно.

Сейчас жулик сдвиг сапог с ноги архиерея и начал отсчитывать:

— Раз, два, три, четыре, пять... Мой выигрыш!

А тот второй за другую ногу:

— Там шесть,— говорит,— снимай и этот!

— Раз, два, три, четыре, пять... Твой выигрыш,— говорит.

Сейчас с этими сапогами — марш! — бегом.

А этот владыка — скок с коляски в одних чулках. А погода была мокрая, грязная.

Тогда говорят:

— Преосвященный владыка! Убежал он — где ж поймаешь! Мы видим,— говорит,— что жулики обманули тебя. Вот тебе лакированные сапоги. Они стоят восемнадцать рублей, а для тебя — двенадцать. Скинем!

Тогда владыка говорит:

— Ах молодец! Вот хорошо!

Вот он деньги заплатил. Сапоги обул в коляске. А погода мокрая... Походил он немного.

— Что это, уж подошва отвалилась?

Ай-ай-ай!

При мне дело было! Я видел эти сапоги...

Ой, обделывают эти жулики, да...

23. СТАРУХИНА МОЛИТВА

Одна старуха скупа была, а у них была икона большая, и старуха каждый день этой иконе молилась. А казак был парень молодой, он возьмет да и станет за эту икону.

Старуха встала в утрях и молится:

— Пресвята ты богородица, сохрани и помилуй!

А парень говорит:

— Не помилую, зачем худо казака кормишь.

Старуха опять молится:

— Очисти мою душу грешную!

Казак и говорит:

— Очищу, очищу.

— И мужа очисти!

— Очищу, очищу.

— И зятя моего очисти!

— Успею, так и того очищу.

Старуха ушла, казак старухины деньги, сколько было, обрал и у мужа обрал, а зять в другом доме был, к тому и не сходил. Старуха схватилась — денег нет:

— Ах, это верно меня господь очистил, ему, доброхоту, занадобилось!

А казака из пищи стала кормить хорошо, а не подумала, что это казак.

Казак и хорошей пищи добился, и деньги взял.

24. СКУПОЙ СТАРИК

В одном селе жил-был старик, да такой скупой, прижимистый. Как сядет за стол, нарежет хлеба, сидит да на снох посматривает: то на ту, то на другую, а сам ничего не ест. Вот, глядя на него, и снохи тоже поглазеют-поглазеют, да и полезут вон из-за стола голодные.

А старик опосля, только что уйдут они по работам, втихомолку наестся, напьется и разляжется на печи сытехонек.

Вот однова отпросилась меньшая сноха и пошла к своему отцу, к матери и стала жаловаться на свекра:

— Такой-де лютый, ненавистный! Жить нельзя, совсем есть не дает, все ругается: «Ненаеды вы этакие!»

— Хорошо,— говорит ей отец,— я приду к вам в гости, сам посмотрю ваши порядки.

И погодя денек-другой пришел он к старику вечером.

— Здорово, сват!

— Здорово!

— Я к тебе в гости. Рад ли мне?

— Рад — не рад, делать нечего, садись, так и гость будешь!

— Как моя дочушка живет, хорошо ли хлеб жует?

— Ништо, живет себе.

— Ну-ка, сватушка, соловья баснями не кормят; давай-ка поужинаем, легче говорить будет.

Сели за стол. Старик нарезал хлеба, сам не ест — сидит, все на снох глядит.

— Эх, сват,— говорит гость,— это не по-нашему: у нас нарезал хлеба да поел, еще нарезал — и то поел. Ну вы, бабы молодые! Больше хлеба ешьте, здоровее будете.

После ужина стали спать укладываться.

— Ты, сват, где ляжешь? — спрашивает хозяин.

— Я лягу на кутничке.

— Что ты! Я тут завсегда сплю,— говорит старик: вишь, в куте у него спрятаны были яйца, хлеб и молоко. Ночью, как заснут в избе, он украдкою встанет и наестся вдоволь.

Сват это дело заприметил.

— Как хочешь,— говорит,— а я лягу на кутничке.

Вот улеглись все спать. В самую как есть полночь старик ползком-ползком да прямо в завалок — скрип! А гость еще с вечера припас про него ременный кнут; как вытянет свата раз, другой, третий — сам бьет да приговаривает.

— Брысь, окаянная! Брысь!

Пришлось старику не евши спать.

Вот так-то прогостил сват у свата целых три дня и заставил надолго себя помнить.

Проводил его старик, и с тех пор полно — перестал у снох во рту куски считать.

25. СКРЯГА

Жил-был богатый купец Марка — скупей его не было! Раз как-то пошел он гулять; идучи дорогою, увидал нищего, сидит старец и просит милостыни:

— Подайте, православные, христа ради!

Марка Богатый прошел мимо. Следом за ним шел на ту пору бедный мужик, возжалел нищего и подал ему копеечку.

Стыдно показалось богатому, остановился он и говорит мужику:

— Послушай, земляк, дай мне взаймы копеечку; хочется убогому подать, да мелких нету!

Мужик дал ему и спрашивает:

— А когда за долгом приходить?

— Завтра приходи!

На другой день бедный идет к богатому за своей копейкою. Пришел на его широкий двор:

— Что Марка Богатый дома?

— Дома! Тебе что надо? — спрашивает Марка.

— За копеечкой пришел.

— Ах, брат! Приди после; ну, право, мелких нет.

Бедный поклонился, и назад.

— Я,— говорит,— приду завтра.

Наутро приходит — опять то же:

— Мелких денег вовсе нет, коли хочешь, давай с сотенной сдачи... а не то приходи через две недели.

Через две недели снова идет бедный к богатому, а Марка Богатый увидал его в окно и говорит жене:

— Слушай, жена! Я разденусь догола и лягу под святые; а ты покрой меня полотном, сиди и плачь, словно над мертвым. Когда придет мужик за долгом, скажи ему, что я сегодня помер.

Вот ладно, как муж приказал, так жена и сделала: сидит да горючими слезами заливается. Приходит мужик в горницу, она его и спрашивает:

— Тебе что?

— За должком к Марке Богатому,— отвечает бедный.

— Ну, мужичок, Марка Богатый приказал долго жить; сейчас только помер.

— Царство ему небесное! Позволь, хозяйка, за мою копеечку послужу ему — хоть грешное тело обмою.

С этим словом ухватил чугун с горячей водою и давай Марка Богатого кипятком ошпаривать. Марка еще терпит, морщится да ногами дрыгает.

— Дрыгай не дрыгай, а копейку отдай! — говорит бедный. Обмыл, снарядил, как надо.

— Ну, хозяйка! Покупай гроб да вели в церковь выносить; я стану над ним псалтырь читать.

Положили Марку Богатого в гроб и вынесли в церковь; а мужик стал над ним псалтырь читать.

Наступила темная ночь.

Вдруг открывается окно, и лезут в церковь воры-разбойники; мужик за алтарь спрятался. Воры влезли и начали меж собой добычу делить; все поделили, остается золотая сабля — всякий к себе тащит, никто не уступает.

Бедный как вскочит, как закричит:

— Что вы спорите? Кто мертвецу голову отрубит, того и сабля будет!

Марка Богатый вскочил сам не свой.

Воры испугались, побросали свою казну и кинулись бежать.

— Ну, мужичок,— говорит Марка,— давай деньги делить.

Разделили поровну; много досталось и тому, и другому.

— Что же копеечку? — спрашивает бедный.

— Эх, брат! Сам видишь — мелких нет!

Так-таки и не отдал Марка Богатый копеечки.

26. ДОРОГАЯ КОЖА

В одном селе жили два брата — Данило и Гаврило. Данило был богатый, а Гаврило — бедный; только и живота было у Гаврилы, что одна корова, да и тому Данило завидовал. Поехал Данило в город закупить кое-что и, воротясь из городу, пришел к брату и говорит:

— Что ты, брат, держишь корову? Я был сегодня в городе и видел: там коровы очень дешевы, по пяти и шести рублей, а за кожу двадцать пять дают.

Гаврило поверил ему, заколол корову и приел говядину, после дождался рынку и отправился в город. Приехал в город и поволок продавать кожу; увидел его кожевник и спрашивает:

— Что, любезный, продаешь кожу?

— Продаю.

— Что просишь?

— Двадцать пять рублей.

— Что ты, безумный! Возьми два с полтиной.

Гаврило не отдал и волочил кожу целый день: никто ему не дает больше. Наконец поволок ее мимо гостиного ряду. Увидал его купец спрашивает:

— Что, продаешь кожу?

— Продаю.

— Дорого ли просишь?

— Двадцать пять рублей.

— Что ты, шальной! Где слыхал про такие дорогие кожи? Возьми два с полтиной.

Гаврило подумал-подумал и сказал:

— Так и быть, господин купец, уступлю тебе! Только поднеси мне хоть водки стакан.

— Хорошо, об водке ни слова!

Отдал ему купец два с полтиной, да вынимает из кармана платок и говорит:

— Ступай вон в тот каменный дом, отдай хозяйке платок и скажи, что я велел тебе поднести полон стакан вина.

Гаврило взял платок и пошел; приходит в дом, хозяйка его и спрашивает:

— Ты зачем?

Гаврило ей отвечает:

— Так и так, сударыня! Продал я твоему хозяину за два с полтиной кожу, да еще вырядил полон стакан вина; дак он меня сюда послал, велел тебе платок отдать да сказать, чтобы ты винца поднесла.

Хозяйка тотчас налила стакан, только немного не полон, и поднесла Гавриле. Он выпил и стоит. Хозяйка спрашивает:

— Что же ты стоишь?

Гаврило говорит:

— У нас была ряда — полон стакан вина.

А в то время сидел у купчихи полюбовник, услыхал он эти слова и говорит:

— Налей ему, душа, еще!

Она налила еще полстакана; Гаврило выпил и все стоит. Хозяйка опять спрашивает:

— Теперь чего дожидаешься?

Отвечает Гаврило:

— Да у нас ряда была — полон стакан, а ты полстакана подала.

Любовник велел поднести ему в третий раз; тогда куп-

чиха взяла графин с вином, стакан отдала Гавриле в руки и налила его так, что через край побежало. Только Гаврило выпил, а хозяин на ту пору домой грядет. Она не знает, куда полюбовника девать, и спрашивает:

— Куда же я тебя спрячу?

Любовник забегал по горнице, а Гаврило за ним да кричит:

— Куда я-то денусь?

Хозяйка отворила западню и пихнула обоих туда.

Хозяин пришел и привел еще с собой гостей. Когда они подпили, то начали песни запевать; а Гаврило, сидя в яме, говорит своему товарищу:

— Как хочешь, это любимая батюшкова песня! Я запою.

— Что ты, что ты! Пожалуйста, не пой... На́ тебе сто рублей, только молчи.

Гаврило взял деньги и замолчал. Немного погодя запели другую; Гаврило опять говорит товарищу:

— Как хочешь, а я теперь запою; это любимая песня матушкина!

— Пожалуйста, не пой! На́ тебе двести рублей!

Гавриле то на руку — уже триста рублей есть; спрятал деньги и молчит. Вскоре запели третью песню; Гаврило говорит:

— Теперь хоть четыреста давай, так запою.

Любовник его всячески уговаривает: а денег больше нет. Хозяйка услыхала, что они там ерошатся, отперла западню и спросила потихоньку:

— Что вы там?

Любовник потребовал пятьсот рублей; она живо вернулась, подала пятьсот рублей; Гаврило опять взял и замолчал.

Как-то попалась тут Гавриле подушка и бочонок смолы; он приказал товарищу раздеться. Когда тот разделся, он окатил его смолой; потом распорол подушку, рассыпал пух и велел ему кататься. Вот так тот выкатался в пуху, Гаврило растворил западню, сел на товарища верхом, едет, а сам кричит:

— Девятая партия из здешнего дому убирается!

Гости увидели и кинулись по домам; думают, что то черти явилися.

Так все и разбежались, а купчиха стала говорить своему мужу:

— Ну вот! Я тебе говорила, что у нас чудится.

Купец сдуру-то возьми и поверь, и продал свой дом за бесценок.

Гаврило пришел домой и послал своего старшего сына за дядей Данилом, чтоб пришел к нему деньги пересчитать. Сын пошел, стал звать своего дядю; а тот ему смеется:

— Да что у него считать-то? Али Гаврило двух с полтиной сосчитать не может!

— Нет, дядя! Он много принес денег.

Тогда жена Данилова стала говорить:

— Подь, сходи! Что тебе не охота? Хоть посмеешься над ним.

Послушался Данило жены и пошел. Вот как Гаврило высыпал перед ним кучу денег, Данило удивился и спрашивает:

— Где ты, брат, взял столько денег?

— Как где? Ведь я корову заколол да кожу в городе продал за двадцать пять рублей; на те деньги сделал оборот: купил пять коров; заколол да кожи опять продал по той же цене; так все и перебивался.

Данило услыхал, что брат его так легко нажил богатство, пошел домой, заколол всю свою скотину и стал дожидаться рынку; а как время было жаркое, то говядина у него вся испортилась. Повез продавать кожи, и дороже двух с полтиной никто ему не дал. Так-то ему дался барыш с накладом, и стал он жить беднее Гаврилы; а Гаврило пошел на выдумки, да и нажил себе большое богатство.

27. ДУБ-БОГОРОДИЦА

Жили-были мужик да баба. Жили не тужили, но согласья между ними не было. Баба не любила мужика, а ходила к другому в гости. Мужик знал про бабино слабое место и решил ее проучить. Пошел мужик. Приходит вечером домой и говорит бабе:

— Баба, а баба, в лесу есть дуб-богородица, что у нее ни попросишь, она все даст!

Баба обрадовалась и спрашивает мужика:

— А далеко ли до этого дуба?

— Да прямо четыре, а кругом восемь,— говорит старик.

Вот собралась старуха и пошла к дубу через восемь, а старик решил идти к дубу через четыре. Пришел старик к дубу раньше, забрался в дупло и ждет старуху. Слышит — идет старуха и говорит:

— Дуб-богородица, возьми от меня старого мужика, дай мне волю любить другого.

Мужик слушает да на ус мотает, а потом и говорит бабе:

— Тогда возьму от тебя старого мужика, когда принесешь мне баранью шубку, масла кадушку, хлеба мякушку.

Пошла баба опять домой через восемь, а старик через четыре. Приходит раньше бабы домой и ждет ее. Приходит баба домой, а старик и спрашивает:

— Ну что, баба, сказала тебе богородица, о чем ты ее просила?

А баба говорит:

— Я просила богородицу, чтобы она тебе здоровья дала да чтобы ты дольше жил.

Старик молчит, ждет, что дальше будет. Вот дождалась старуха вечера, взяла баранью шубку, масла кадушку, хлеба мякушку и пошла к дубу. Пришла да положила в дупло и пошла домой. А старик взял шубку, масла кадушку, хлеба мякушку. Пришел раньше старухи домой и ждет ее. Пришла старуха домой, а старик и спрашивает:

— А где, старуха, наша баранья шубка, масла кадушка да хлеба мякушка?

Старухе нечего говорить, расплакалась да призналась во всем, а старик захотел проучить старуху, стал бить ее да приговаривать:

— Это тебе не шутка — баранья шубка, масла кадушка, да хлеба мякушка, и даю я тебе имя Лушка!

Так старик проучил свою старуху, набил ее, да и имя другое дал.

28. С ТОГО СВЕТА ВЫХОДЕЦ

Приходит солдат к старухе.

— Здравствуй, бабушка!

— Кормилец, откуда ты?

— Я с того свету выходец.

— А мой сынок? В егорьев день его хоронили. Может, видел?

— Видел, бабушка. Твой сын у бога коров пасет, да коровушку потерял; вот бог у него двадцать пять рублей требует, а где он возьмет?

— Вот у меня,— говорит старуха,— двадцать рублей есть, а больше нет. У меня в этом сундуке много денег, да хозяина нет...

— Бабушка, бог не мужик, попросим, за пятеркой не погонится. Давай сюда!

— Сапоги его еще возьми... снаряды все...

— Возьму, бабушка, все снесу!

И двадцать рублей денег дала. И масла предлагает, а он говорит:

— Там масла хватает, вот свининки нет.

— Дам окорок! Бери шпику, снеси.

Отдала все снаряды, и двадцать рублей денег, и окорок свинины, и пошел солдат.

Приезжает хозяин. Она плачет:

— Ты чего плачешь?

— С того свету выходец был. Сынок наш стадо коров там у бога пасет. Одну коровушку потерял, бог ругается, двадцать пять рублей требует. А у меня двадцать только было. Отдала я...

— У, дура, дура!

Запряг лошадку в тарантас. Взял нож с собой.

— Я догоню — луна светит. Свяжу, да и уряднику свезу!

Нож взял и погнался. Нагоняет солдата в лесу.

— Стой,— говорит,— солдат! Ты мою хозяйку обманул. Я пойду лыка надеру, да тебя свяжу и уряднику свезу. Держи лошадей!

— Иди, иди, батюшка! Я покараулю.

Он ушел в лес — солдат снял котомочку, положил и поехал своим чередом. Мужик пришел — лошадей не видать. И солдат пропал.

— Вот я дурак, прости господи! Хозяйку солдат обманул на двадцать рублей и на снаряды, а я лошадей отдал со всею рухлядью.

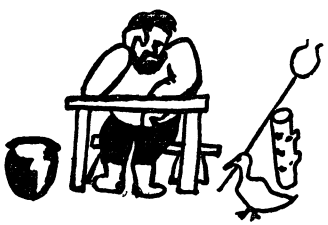
Идет домой. Голову повесил. «Что бы сделать, чтоб жена не ругала?»

Пришел.

— А где лошади? — спрашивает.

— А,— говорит,— я отдал. Неужели тебе дитенок, а мне щенок? Я отдал лошадок. Пусть сынок на том свете катается!

— А вот, родительское сердце!



29. ВОЙНА ГОРШКОВ

У старухи было два сына. Оба солдаты. Мать и спрашивает:

— Детушки, а что это такое война?

А они говорят:

— Тебе дела нет!

(А с французом тогда дрались, да, да, дорогие мои! И старухе они никогда не говорили про войну. И тогда николаевским солдатам земли не давали. Они побирались; их дарили хорошо, жалели.)

Приходит солдат николаевский.

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, сынок. Ты солдат?

— Солдат.

— Насчет войны-то как?

— Знаю, бабушка... Могу показать! А где ваши дети?

— Они на сенокос выехали. До вечера не приедут.

— А много у тебя горшков?

— Много,— говорит.— Коров много и горшков много.

— Неси,— говорит,— все!

Она наносит полную квартиру.

— Бабушка, поджарь мне подкрепиться,— солдат говорит.

Накормила она солдата.

— А мед?

И мед принесла. И свинины, и холста дала.

— А все горшки принесла?

— Нет, в печке один большой поставлен. Со щами.

— Неси и его!

Она принесла.

— Бабушка, все принесла?

— Все, кормилец.

— Теперь колун принеси. Буду войну устраивать. А ты, бабушка, полезай под печку. А то полетят шрапнели — убьют еще!

Залезла бабушка под печку. А он:

— Та-та-та-та-та! — по горшкам.

— Слышишь, бабушка? — кричит.— Это мы на неприятеля наступаем. Сейчас будем сражаться!

(Раньше только ружья и штыки были у нас в турецкую войну.)

Как крикнет: «Ура!» И начал горшки колотить. Горшки толкает. Рамы, стекла — вдребезги! Кирпич начал толочь, пока не устал.

А бабушка думает — солдат с ума сошел!

— Ой, кормилец, сколько тут набито!

— Эти черепки — солдатские тела. А молоко — кровь. Это я один был. А миллионная армия была бы — чай, и квартиры не было бы... Да, да, да, да.

И пошел. Приезжают хозяева. Везде ветер свищет.

— Что такое?

— Да солдат войну показывал.

Он — плюх ее. Она — брык на землю.

— Ах ты, дура, дура!..

30. ГАГАН ГАГАНОВИЧ

Жил мужик богатый. И никого ночевать не пускал. Солдат идет, а в деревне собрались мужички толпой вечером. Поздравствовался. Так один мужичок говорит:

— Солдатик, пойдем ко мне ночевать.

Видит солдат на краю очень богатый дом, роскошный. Постройка очень богатая.

— Я,— говорит,— пойду к этому мужичку ночевать.

— Он,— говорят,— ночевать не пускает! Он жадный, скупой. С хозяйкой живет.

— Не может быть!

Пошел солдат к этому богатому мужичку. Во дворе двери еще не были закрыты. Приходит в избу, снял шапочку, а они уже за столом ужинают. Наварена капуста со свининой, свинина поверху плавает, на густи.

— Здравствуйте,— говорит,— хлеб да соль вам!

— Милости просим,— они говорят.

Солдат и сел рядом.

— Вот как,— говорит,— а под Питером спасибо лишь скажут. А тут сразу пригласили меня!

Садится рядом. Берет ложку и крою хлеба. Хозяйка взяла подала мужу ложку еще. Стали втрех есть.

Этот мужик говорит:

— Ах, как я этих приплывнёв не люблю! (Это на солдата.)

— Дяденька! А я этих приплывнёв очень подлюбливаю! — И стал подлавливать свинину из-под евонного краю. Солдат знает, что делать!

Ну, больше ничего не подали — зачем солдат. А солдат этой капусты со свининой поел вволю. Постлали постель солдатику.

— Ну вот, дядюшка, хорошо угостил меня!

А тот думает: «Ладно!»

Солдат снял сапоги свои, взялся отдыхать. А у мужика богатые поршни с обором: богатый лапти не носил. Кладет на прилавок свои поршни, потом говорит:

— Ты слыхал, где Гаган Гаганыч, командир полка, служит?

— Дяденька, не слыхал. У нас только свои части знать надо.

— Ну вот,— говорит,— солдат, а не слыхал.

— Нет, не слыхал, дяденька. А где же он служит? — солдат спрашивает.

— Гаган Гаганыч служит в Печи-Печинском на Сковороды-Сковородынском.

Солдат думает: «Ага, погоди!»

— Нет, не слыхал,— говорит,— дяденька!

— Ну вот и солдат!

Вот, когда легли спать, как они работали сильно, этот богатый мужик, заснули они с женой крепко, захрапели. Солдатик чувствует, что они спят крепко.

Была лучина на столе у богатого (раньше лучину жгли). Зажег лучинку, сделал закурить, курит папиросу. Он чувствовал, что мертвым сном спят они. Засветил печку. Правда, на Сковороды-Сковородынском — Гаган Гаганович. Да. Он тогда взял его в свою сумку, завернул, а на сковороду поставил поршень и опять заслонил. Лег спать... Проснулся солдат и думает, что хозяйка встанет дров класть — хватится гуся. Как бы пораньше уйти. Солдат просыпается, а мужик кашляет. Тогда солдат говорит:

— Дяденька, мне надо встать!

(Да, да, да. Я вам правильно говорю. Как петух пропоет — вставать надо!)

А двадцать километров ему было до городу идти. Хозяин и покормить не покормил,— вот какой был жадный!

Солдатик встал, скоро оделся, обулся и берет свою сумку на плечи. Вот к хозяину подходит и говорит:

— Хозяин, вот я обдумал: Гаган Гаганыч переведен с того полка; теперь он служит в Сумы-Сумынском, а вместо Гаган Гаганыча там Поршень-Поршинский в Печи-Печинском.

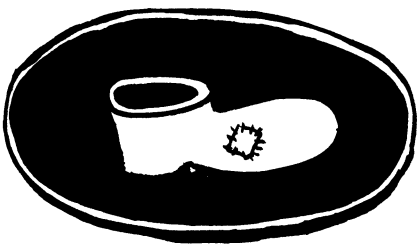
А хозяин думает:

«Я-то посмеялся, а он думает — правда, вот дурак-то!»

Солдат ушел. А хозяйка обулася, стала дрова класть в печку.

— Митрофан! Гусь-то улетел! Солдат-то догадался. Твой поршень здесь... Ай-ай!

Мужик только намекнул, а солдатик-то и воспользовался.



31. ПЕТУХАН КУРИХАНЫЧ

Жила-была старуха, у нее сын Иван. Раз Иван уехал в город, а старуха одна осталась дома. Зашли к ней два солдата и просят чего-нибудь поесть горяченького. А старуха скупа была и говорит:

— Ничего у меня нет горяченького, печка не топлена и щички не варены.

А у самой в печке петух варился. Проведали это солдаты и говорят между собой:

— Погоди, старая! Мы тебя научим, как служивых людей обманывать.

Вышли во двор, выпустили скотину, пришли и говорят:

— Бабушка! Скотина-то на улицу вышла.

Старуха заохала и выбежала скотину загонять. Солдаты между тем достали из печки горшок с похлебкой, петуха вынули и положили в ранец, а вместо него в горшок сунули лапоть.

Старуха загнала скотину, пришла в избу и говорит:

— Загадаю я вам, служивые, загадку.

— Загадай, бабушка.

— Слушайте: в Печинске-Горшечинске, под Сковородинском, сидит Петухан Куриханыч.

— Эх, старая! Поздно хватилась: в Печинске-Горшечинске был Петухан Куриханыч, да переведен в Суму-Заплеченску, а теперь там Заплетай Расплетаич. Отгадай-ка вот, бабушка, нашу загадку.

Но старуха не поняла солдатской загадки.

Солдаты посидели, поели черствой корочки с кислым квасом, пошутили со старухой, посмеялись над ее загадкой, простились и ушли.

Приехал из города сын и просит у матери обедать. Старуха собрала на стол, достала из печи горшок, ткнула в лапоть вилкой и не может вытащить. «Ай да петушок,— думает про себя,— вишь как разварился — достать не могу». Достала, ан... лапоть!

32. КАША ИЗ ТОПОРА

Пришел солдат с походу на квартиру и говорит хозяйке:

— Здравствуй, божья старушка! Дай-ка мне чего-нибудь поесть.

А старуха в ответ:

— Вот там на гвоздике повесь!

— Аль ты совсем глуха, что не чуешь?

— Где хошь, там и заночуешь!

— Ах ты, старая ведьма! Я те глухоту-то вылечу!

И полез было с кулаками:

— Подавай на стол!

— Да нечего, родимый!

— Вари кашицу!

— Да не из чего, родимый!

— Давай топор; я из топора сварю!

«Что за диво! — думает баба. — Дай посмотрю, как из топора солдат кашицу сварит!»

Принесла ему топор; солдат взял, положил его в горшок, налил воды и давай варить. Варил-варил, попробовал и говорит:

— Всем бы кашица взяла, только б малую толику круп подсыпать!

Баба принесла ему круп. Опять варил-варил, попробовал и говорит:

— Совсем бы готово, только б маслом сдобрить!

Баба принесла ему масла. Солдат сварил кашицу:

— Ну, старуха, теперь подавай хлеба да соли да принимайся за ложку: станем кашицу есть!

Похлебали вдвоем кашицу.

Старуха спрашивает:

— Служивый! Когда ж топор будем есть?

— Да вишь, он не уварился,— отвечал солдат,— где-нибудь на дороге доварю да позавтракаю!

Тотчас припрятал топор в ранец, распростился с хозяйкою и пошел в иную деревню.

Вот так-то солдат и кашицы поел, и топор унес!

33. ТИТУШКА

Не знаю где и в какой стороне жил-был один бедный мужик. У него был сын Титушка. Отец поехал раз в город на базар быков продать, а лошадь молодую купить, а старуха рядна наткала.

— Может быть там, старик, продадите заодно. Там аршин двадцать пять.

А Титушка говорит:

— Батя, возьми меня с собой, я никогда не был в Воронеже.

Он его и взял. Приехали в Воронеж на базар. Отец говорит:

— Ну, Титушка, сиди тут, смотри, как бы жулики не унесли, на рядно сядь, а я пойду в трактир, сейчас приду.

Когда отец ушел, а жулик подошел, увидал, что они быков приехали продавать, и видит рядно под ним. Подходит какая-то женщина:

— Милочек, дюже у меня изжога, дай сердечничек пососу.

Титушка говорит:

— Соси, соси, пожалуйста, мне что.

Да сам поднялся поглядеть, как это она сосать будет. А жулик из-под него рядно и украл. Он оглянулся — уже рядна нет. Отец пришел:

— Где рядно?

— А я почем знаю?

— Да это жулики унесли.

Стали быков продавать. Продал дед быков.

— Ну,— говорит,— Титушка, держи да смотри, а я пойду лошадь посмотрю подходящую.

И пошел. Отошел недалеко, жулик его нагоняет.

— Давай шапками поменяемся.

Старик посмотрел. Его — хорошая, жулика-то, а старикова — вся хлопьями пошла. Взял променял. Двадцать копеек додал. Взял.

Жулик прибегает к повозке.

— Титушка, отец подгадал лошадь хорошую, молодую, да денег не хватило. Давай денег, вот шапка его.

— На.

Отец приходит.

— Давай деньги.

— Какие деньги?

— Как какие?

— Да ты человека присылал.

Отец схватился сына бить. Схватил дугу, размахнулся одним концом, а другим — себе по затылку. Подумал на Титушку. Рассерчал.

— Уходи, такой-сякой, со двора долой.

— Да по каких же пор твой двор?

— Вон, вон, с базара вон.

Подходит к Титушке баба.

— Здорово, молодой человек. Ай ты меня не знаешь? Я матери твоей родная сестра, пойдем погреемся.

Привела его в пустую хату.

— Раздевайся. Снимай тулуп, шапку, валенки, садись на лежанку.

Приходит парень лет семнадцати. Она ему и говорит:

— Вон, смотри, брат из деревни приехал. Сходи в лавку, возьми селедки.

— Да холодно очень.

— Одень Титушкин тулуп да шапку.

Он одел и пошел.

Входит девушка.

— Что это,— говорит,— Гришки нет?

— Да пойди погляди, где он.

— Да холодно разумши-то идти.

— Да одень Титушкины валенки.

И та ушла. Посидели-посидели. Ни тот, ни другой не идет. Кого же послать? Надо самой идти. Одела Титушкин тулуп и ушла. Входит мужик с балалайкой. Сел на лавку и давай играть и приговаривать: «Эх, Тит, ты мой Тит, уходи, пока не бит». Размахнулся да цоп его. Этот выскочил да бежать. Бежит-бежит, навстречу извозчик, прямой его оглоблей в рот и сшиб. Он на базар, отец ищет, увидал его, скорей в халат завернул и поехали домой.

Старуха спрашивает:

— Ну как, Тит, в Воронеже?

— Не дай тебе бог, не приведи владыка, там одни разини живут. Когда я бежал, один мне оглоблей в рот заехал.

С тех пор ни мы, ни Тит в Воронеже не бывали.

34. СТАРУХА-ОТГАДЧИЦА

Вот жил старик да старуха, и у них не было хлеба куска поесть. Она говорит старику:

— Возьми,— говорит,— у соседа, сосед богатый. Возьми,— говорит,— коров стадо у богатого мужика, запри,— говорит...

Там и стали коров тех искать, и найти не могут. И она приходит к этому соседу.

— А что,— говорит,— батюшка, не могу ли я в сей вечер твоих коров отворотить?

Ну он и говорит:

— Ежели,— говорит,— твоя сила будет, чем могу, тем и поплачу,— говорит,— тебе, только коров вороти назад.

И она сейчас приходит домой вечером кряду и велела старику:

— Гони,— говорит,— старик, коров домой.

И пригнал старик коров. Ну, и сосед ей приносит на другой день пуд муки.

И там опять, как они в бедности жили, и опять нужда пришла, и они опять у другого соседа так сделали. И так они прокормились лето на этих хватанциях.

И потом дошло дело это до государя,— пропал самоцветный камень,— что есть этакая волшебница, что может отгонуть, кто этот камень унес.

И потом они и приезжают оттуль за ней, два лакея: одного звали Брюхом, а другого Хребтом. И они, эти лакеи, камень украли и говорят промежду собой:

— Ежели она может отгадать, что это мы взяли, то кладем,— говорят,— куриные яйца в сани; так ежели она может отгонуть, что мы взяли, то может отгонуть, что у нас яйца положены в сани, как ее повезем.

Положили в сани яйца куриные.

Она без старика не поезжает, надо старика взять с собой.

— Без старика не поеду; он тоже знает!

Ну, они приходят в сарай, собрались, котомку склали. Ну, она приходит, да и садится.

— Сесть мне бы,— сказала,— как курице на яйца.

Один одного так и толкнул:

— Вот злодейка, зараз узнала!

И они сели, их и повезли туды.

Они их и привезли туды, и она просит комнату особу со стариком.

И они приехали туды, в особую комнату положили их; старик и говорит старухе:

— Ой, ворона залетела в высокие хоромы, что-то нам будет?

Она и говорит старику:

— Старик, что будет брюху, то и хребту!

А лакей слышит, и он приходит к другому:

— Отдать надоть нам, отгонула зараз злодейка, отдать надо.

Ну, они взяли и принесли ей этот камень да сто рублей денег, и ей говорят:

— Не говори на нас, что он у нас хранился.

И она, как камень в руки попал, старику сказала:

— И поживем мы теперь на этом месте.

Ну, и в утре спрашивает государь:

— Что, ужель ты гадала? — говорит.

— Гадала,— говорит,— батюшка, и отгонула, где твой камень есть, в Москву унесенный; а я,— говорит,— достану его через неделю оттуль.

Через неделю камень она и оказала ему.

Он ей:

— Ну что же,— говорит,— бабушка, здесь ли ты желаешь аль в свою сторону едешь назад?

Она сказала:

— Батюшка, где меня взял, назад отвези меня,— говорит,— ужо.

Их государь до смерти хлебом наградил обоих.

35. СИРОТИНА СОБАЧИЙ ХВОСТ

Селенье-деревнюшка была небольшая — четыре двора; в трех дворах были мужички с женами и с семьями, со скотом, в четвертом мужичок жил один — сиротинка. У него была одна лошадь, одна корова, одна собака. Мужики куда уйдут, он к ихним женам похаживал. Они из-за этого были на него немножко с духом.

— А как ты, сосед, живешь? Мы наживаем, промышляем, а ты не промышляешь, а все живешь?

— А вы что на меня глядите: я говорить умею!

Мужики сговорились, убили у него кобылу; у него не на чем дров привезти. Опять говорят ему:

— Как ты живешь? У тебя и лошади нету!

— А вы что на меня глядите: я говорить умею!

Выйдет он на крыльцо утром, а бабы по охапке дров принесут ему, опять топит.

Мужики сговорились, убили у него и корову.

А ему была не нужна корова, лишь бы сам был здоровый: молока и масла — всего есть.

— Как, сосед, ты живешь, ни кобылы, ни коровы нет?

— А вы что на меня смотрите: я говорить умею!

Сговорились, убили у него и собаку. Он три кожи высушил, выделал и сшил лопотину — поверх шерстью: перёд коровий, зад кобылий, на хвост собачину. Пошел в город милостыню просить. Зашел в дом к купцу.

Купец был именинник и уехал собирать на именины друзей-братей. А у купца женка погуливала. У нее в ту пору был дружок на дому. Они от сиротины в нештатном платье не оберегаются. А он в таких несчастных случаях бывал сам, ему любопытно кажется, слушает. Приехал домой хозяин, дружок испугался.

— А я-то куда?

— А ты иди в погреб,— говорит хозяйка. Дружок пошел в погреб, а Собачий Хвост и говорит:

— Ну, когда его в погреб, так и я в погреб.

Хозяйка говорит:

— Что ты: дик или умен? Ты зачем в погреб?

— Не то я хозяину скажу,— говорит Собачий Хвост.

Не время стало пререкаться, и его в погреб спустила.

Зашел хозяин, и гости набрались; стали пировать. Хозяйка стала в погреб ходить за напитками и принесла приятелю бутылку, которая получше. Приятель налил стаканчик, да и выпил. Другой налил, да и другой выпил. А Собачий Хвост говорит:

— Как так?

— Что такое?

— А в нашем месте не так!

— А как?

— А один стаканчик выпьют, другой товарищу подают. Нет, так я выйду, хозяину скажу!

Оттоле так и стал хозяйкин приятель: один выпьет, другой товарищу подает. Допил одну бутылку, хозяйка другую принесла, не хуже и той. Распивают и другую бутылку.

В избе, наверху, и запевать стали. Когда наверху запевать стали, так Собачий Хвост и в исподи запевать стал.

— Что ты, дикий, что ли? Зачем поешь?

— А мы что здесь, не вино пьем, что ли? Там поют, а нам и не петь?

— Перестань, не пой!

— А давай платье на платье менять, так и петь перестану.

Сменяли платье на платье. Потом хозяйка пришла в погреб, сиротина и говорит:

— Меня нельзя ли как отсюда выпустить?

Хозяйка говорит:

— Народ, пожалуй, пьяноват стал, как-нибудь можно меж людей пройти.

Успела его выпустить хозяйка. Вышел сиротина на улицу, походил на улице и зашел к хозяину во беседу. Помолился богу, поздравил с пиром, с беседой.

— Хорош ваш пир, хороша беседа, только в доме есть несчастье.

А на это подхватились, стали спрашивать.

— А вот в доме у вас завелась нежить. Эту бы нежить если бы выжить, так сразу бы выжил, а сразу не выживешь, то ее век не выжить.

— А кто может выжить?

— А я могу, только не даром.

— А много ли возьмешь?

— А я с хозяина возьму сто рублей, а с посторонних гостей кто сколько. Я так могу эту нежить выжить, что все увидите, как она из дому пойдет.

Хозяин согласился. Посторонние гости говорят:

— Если мы все увидим глазами нежить, и мы по сотне дадим.

— Теперь нужно нежити дорогу дать, чтобы ни рукой, ни ногой не задеть, не то век из дому не выживешь.

Стал сиротина ходить, искать: в той кладовой, другой, и все кладовые обыскал, найти не мог.

— Ну, хозяин, нежить в доме найти не могу! Еще какие у тебя кладовые есть?

Подумал хозяин: больше кладовых нету.

— Еще в погребе не искали.

— А зачем сразу мне про погреб не сказал? Эти нежити более в погребах и проживают.

И пошел в погреб и сказал приятелю:

— Ты беги прямо в свой дом, никуда не приворачивай.

Взял сиротина помело, да сзади с помелом. Нежить в избу выскочила в нештатной лопотине.

Который пьяный — пошатнулся с ног да и упал, а другой и в рассудках — сзади бежал, смотрел.

И гнал сиротина нежить до самого его дома, оттуда воротился к хозяину назад. Хозяин хочет его угощать.

— Ну, хозяин, угощенье никуда не уйдет. Наперво надо рассчитаться?

ВОТЬСА ВОСКА НЕВЫЙ ГРАЙМЕ ДНОЙ ГРОШЬУ ПАР ОМОШ КИ
НЕПАЧЬЯУ РАКЪСУКИ НСЫНЪСАВО СКАБУМЕТЬ ОВЫГРАНЬЯ ПА РОМО ШКА
ПАРАМОШКАССАВОСКОЮВКАРТЫИГРАЛЪИПАРАМОШКАСАВОСКУ
ОБЫГРАЛБСАВОСКАВКОШЕЛЕКЪБРОСИЛСАЖНООДИНЪГРОШЪ
ОНУТИЛСАИСТАЛЪЕВОПЕРЕСМЕЛАТЬИОНЪСТАЛЬНАСЕБЕБОЛОСЫДРА

Хозяин на то сказал:

— Молодец! Я вам сулил сто рублей, а когда в этот дом загнал — я на того мужичка с духом,— получай двести рублей.

А посторонние купцы сидели, тоже по двести дали.

Оттуда купил мужик тройку лошадей и нанял кучера, распростился и поехал домой.

Приехал домой. Услышали соседи, что приехал сиротина на тройке, богатый, пришли его смотреть.

— Как ты, сосед, скоро денег нажил?

— А я вам раньше сказал, что я говорить умею. Вот у меня было три кожи: одна кобылья, другая коровья, третья собачья. Я эти кожи сделал и сшил лопотину — поверх шерстью: перёд коровий, зад кобылий, на хвост собачину, и понес эту лопотину в город, а нонче такую моду подхватили: эку лопоть носить. За эту лопотину я кучу денег сграбил.

Соседи стали убивать свой скот и стали готовить лопоть. Оставили у себя только по одной корове и по одной лошади. Нашили лопоти, повезли по возу в город, стали торговать, развешали рядами. А народ ходит и спрашивает:

— Что это у вас?

— Слепы вы, что ли? Не видите что? Это лопоть.

— А вы дики или что? Кто эку лопоть продает?

После того идут полицейские солдаты.

— Это что у вас?

— А то у нас лопоть.

— А дики вы или что? Кто экой лопотью торгует? Вы что, холеру, что ли, разводите? Вас забрать нужно.

Взяли и повели в полицию. Эти мужики от полицейских откупились и дали клятву уехать тот же час. Поехали домой. Стали соседа бранить:

— Ты обманул нас, насказал, что такую лопоть покупают.

— А я вам раньше сказывал, что я говорить умею: я умел одну лопотину продавать; тогда моду подхватили и купили; а вы сразу возами навезли, ну, и не стали брать; я разве виноват!

Мужики через это ушли, в работу нанялись, а сиротина и теперь с ихними женами живет.

36. ПОП НА ТОМ СВЕТЕ

Жил был поп бездетный: он и матушка. И такой был жадный до наживы, как, впрочем, они все... Проповедывал этот поп людям, что они должны делать, чтобы быть им в раю. И, между прочим, уговаривал прихожан, чтобы несли ему больше.

Матушка слышала, как он красиво говорит, и решила, что будет батюшка в раю. И все попрекала его, зачем он не протопоп или не архиерей.

Вот умер он... А матушка осталась, после смерти его начала жить добродетельно, чтобы не отстать от попа. Все имущество свое роздала, всем помогала. И когда умерла, повели ее в рай.

Ходит она по раю, ищет она батюшку, а его нет.

Спрашивает ангела:

— А где мой батюшка?

— Не заслужил твой батюшка благодати райской.

— А могла бы я его увидеть?

Ангел говорит:

— Для праведной души — все можно! Пойдем покажу.

Идут они и видят муки различные — червь неусыпный, огонь неугасимый и тина невылазная. Подходят ближе, видят — стоит поп по шею в тине и только головой качает.

— Эх, батюшка, батюшка! Надеялась ли я видеть тебя в этом гнусном месте! Ведь я думала, что ты в раю будешь!

А он отвечает:

— Эть,— говорит,— матушка, хорошо, что я тебя не послушал; ведь ты всегда надоедала мне, отчего я не протопоп, не заслужил высший чин... Хорошо, что я простой поп, так я не дюже втоп, а вот ниже меня протопоп, так я на нем ногами стою...

37. СТАРИННЫЙ ПОП

Сидят раз старик со старухой на печке и разговаривают:

— Хорошо бы, старик, как бы ты попом был, а я попадьей, житье-то хорошее бы было.

— Вот еще что вздумала, какой я поп, когда и грамоте не знаю, служить не умею?

— Велика грамота нужна, а служить-то научишься,— говорит старуха.

— Полно, старуха, пустяки-то выдумывать!

— Да я ли своего старика попом не сделаю, завтра же к архиерею пойду.

Наутро старуха собралась и отправилась в город. Приходит к архиерею.

— Ваше преосвященство! Сделай моего старика попом!

— Да знает ли твой старик грамоте?

— Да если бы грамоту знал, так просто бы было и дело сделать, а вот теперь-то надо горю пособить.

— Да что, бабка, поповская степень ученая, да и учиться-то много надо. Нет уж, воля твоя, не могу.

— Ну, не можешь сделать старика попом, и ладно, а я этого дела еще не брошу, схожу к митрополиту, а он старика моего еще архиереем сделает.

Подумал архиерей, что есть и грамотные-то у него попы, да тоже едва с делом справляются, а старик, может, и проживет недолго; да если один поп и неграмотный будет в его епархии, это ничего; и говорит старухе:

— Иди, бабушка, домой. Пошлю указ и сделаю старика попом.

Пришла старуха домой, а прошло немного времени — и указ пришел, и стал старик попом.

Приходит воскресенье, служить надо, а старик еще не научился служить. Собралось народу в церковь много. Выходит он с книгой и говорит:

— Православные! Знаете ли божье слово?

— Знаем, батюшка, знаем! — кричит народ.

— А знаете, так и читать нечего.

Тут и служба окончилась.

На другое воскресенье опять вышел с книгой и спрашивает:

— Православные! Знаете ли божье слово?

Крестьяне согласились сказать, что не знают.

— Не знаем, батюшка, не знаем! — кричат все.

— А не знаете, так и заводить нечего; я стар, а читать надо много, все равно не успею.

Но нужно же что-либо служить. На третье воскресенье поп думал отслужить и научился кое-чему, да беда стряслась: часы отчитали, надо бы обедню начинать, смотрит — генерал какой-то стоит, поп служить и не смеет. Долго стоял генерал — служба не начинается; он в алтарь к священнику.

— Что же, батюшка, служба не начинается?

— Да сегодня у нас праздник большой, нужно к верхним иконам прилагаться, а лестниц во всей деревне нет, так за лестницами за пятнадцать верст уехали. Привезут — и начну.

Подумал-подумал генерал и ушел из церкви, а потом и уехал.

Приехал генерал в город, а в это время у царя кто-то украл драгоценный камень, и было объявлено, что если кто найдет вора или отыщет камень, того царь наградит. Генерал явился к царю и говорит:

— Я, ваше величество, видел попа в деревне, так, пожалуй, он все знает и камень отыщет!

Думает генерал:

«Пусть хоть другие увидят такого интересного попа!»

Приказал царь вызвать попа. Приехал поп по царскому повелению и явился к царю. Царь и говорит ему:

— Я слыхал про тебя, что ты много можешь сделать; у меня украли драгоценный камень, отыщи его — награжу.

— Отыщу с божьей помощью,— говорит поп.

Вышел от царя, его повели в отведенную во дворце комнату, сидит и думает:

«Вот нужно было старухе попом сделать, так вот теперь что делать будешь? Казнит царь, вот тебе и поп! Ну да уж теперь дела не поправишь, что будет, то будет, а хоть к смерти приготовиться, сходить надо в баню да помыться и попариться!»

Крикнул слугу и приказал истопить баню.

Приготовили баню, попарился поп, стал мыться и думает:

«Эх, по спине побьют батогами».

И говорит громко:

— Да, Брюхову-то ничего, а Хребтову-то достанется.

Слышат это в сенях бани служители и заспорили. Один говорит:

— Ты украл камень, а он говорит, что Брюхову ничего не будет, а Хребтову достанется, а я не воровал; нужно сказать ему.

Приходят в баню и говорят:

— Батюшка, не объявляй нас ворами, а возьми камень и как-нибудь отдай царю!

Обрадовался поп и говорит:

— Давайте камень, а я там справлюсь как-нибудь!

Камень принесли, вышел поп из бани, а тут на дворе гуси, он бросил камень на двор, один гусь его и проглотил; приказал поп изловить гуся, заломил одно перо в крыле и пришел к царю.

— Ваше императорское величество! Гусь камень проглотил,— говорит поп.

Царь приказал поймать гуся, поп указал по заломленному перу, гуся разрезали, и камень нашли.

Приказал царь приготовить для попа обед в зале дворца, но чтобы испытать его, знает ли он что или нет, приказал в числе кушаний приготовить ворону; если, думает царь, ворону поп будет есть, то ничего не знает, а если не будет, тогда все знает.

Когда обед был готов, поп входит в зало, помолился богу и говорит:

— Вот деревенская ворона попала в высокие терема, а лучше бы тебе в деревне сидеть!

«Узнал!»— думает царь и приказал ворону убрать.

Пообедал поп и собирается домой; царь его примерно наградил, но еще захотел раз испытать. Когда была приготовлена карета, чтобы отвезти попа, царь приказал в карету положить под сиденье лукошко яиц, думая, что если сядет на яйца, то ничего не знает, а если не сядет, то знает. Идет поп к карете, ему наготово отворяют дверцы, он и говорит:

— Ну, поп до чего дожил, в карете поедет. Вот и слава богу: сяду теперь в карету, как курица на яйца, и поеду!

«Узнал,— думает царь,— верно, все знает!»

Приказал снять лукошко с яйцами. Так и уехал поп к своей попадье, и после жили богато, да он и служить научился.

38. БЕЗГРАМОТНАЯ ДЕРЕВНЯ

Деревня была безграмотна: поп безграмотный, дьякон безграмотный, да и дьячок безграмотный. А церковь была, приход служили. Прознал архиерей, поехал любопытствовать. Приехал к попу на фатеру, поп и побежал к дьякону:

— Вот беда! Архиерей приехал, как мы служить станем?

А дьякон сказал:

— А как-нибудь, сваракосим как-нибудь.

Поп скажет:

— Ты то пой, что я буду.

Дьячок скажет:

— Мне уж надо свое петь на клиросе, не с вами!

Поп скажет:

— Что знаешь, то и валяй!

Затем обедню зазвонили, поп и запоходил к обедне, архиерею и говорит:

— Владыка, благослови!

— Бог тебя благословит, поди служи.

Поп пришел в церковь, одел ризу, затем архиерей идет. Архиерей пришел, в алтарь стал.

— Ну, починай, служи!

Поп запел — голос громкий:

О-о-о! Из-за острова Кельястрова
Выбегала лодочка осиновая,
Нос-корма раскрашенная.
На середке гребцы-молодцы,
Тура-мара и пара.

Дьякон тоже запел:

О-о-о! Из-за острова Кельястрова
Выбегала лодочка осиновая...

А дьячок на клиросе:

Вдоль по травке, да вдоль по муравке,
По лазоревым цветочкам...

Архиерей вышел да рукой махнул:
— Служите как служили!
Да и уехал прочь.

39. ПОП ПАХОМ

Приходит мужичок в одно селенье и видит — толпа, и спрашивает:

— Что это у вас за толпа?

— А нет,— говорят,— у нас в приходе попа! Был отец Пахом, да унесло прахом.

— Так я,— говорит,— братцы, Пахом!

— Коли ты Пахом, так будь же у нас попом!

Приняли в священники. Служил пятнадцать лет у них. Он был неграмотный; за молебны, за обедни брал дорого. Из мирян один подал прошение преосвященному за то, что дорого берет: за молебны двадцать пять рублей. Архиерей в объезд приезжает в приход, заставляет его обедню служить. Начинает:

— Благословен бог наш...

Доходит дело до евангелия, он нараспев и станет:

— Шел мимо этого места, и увидел я народу толпа, и спросил: «Что же, братцы, у вас за толпа?» — «А вот у нас — толпа, нет у нас в приходе попа. Был отец Пахом, да унесло прахом». — «Так я, братцы, Пахом». — «Если ты Пахом, так будь же у нас попом!» Служил у них пятнадцать лет, ну и накопил денег три тысячи

рублей. Первая тысяча архиерею, вторая тысяча мне, а третья тысяча певчим.

А певчие:

— Слава тебе, господи, слава тебе!

Евангелие кончено. Преосвященный и говорит:

— Я, миряне, не нахожу в священнике дурного ничего, может он служить до скончания, покуда в силах!

40. ЦЕРКОВНАЯ СЛУЖБА

Выходит дьякон, становится на амвон, а поп и говорит:

— Дьякон, дьякон, посмотри-ка в окошко, нейдет ли кто, не несет ли чего?

Дьякон отвечает:

— Старуха идет, пёхтус масла несет!

А дьячок поет:

— Подай, господи!

Поп опять:

— Дьякон, дьякон, посмотри-ка в окошко, нейдет ли кто, не несет ли чего?

Дьякон отвечает:

— Старуха идет, четверть ржи несет!

Дьячок опять поет:

— Подай, господи!

Поп опять говорит:

— Дьякон, дьякон, посмотри-ка в окошко, нейдет ли кто, не несет ли чего?

Дьякон отвечает:

— Идет мужик, несет дубину на поповскую спину!

Поп и дьячок поют:

— Тебе, господи!

41. ПОПОВСКИЕ УВЕРТКИ

Однажды были именины у одного богатого человека, и среди гостей был священник. А дело было в великий пост. Среди разнообразных кушаний был подан хорошо зажаренный поросенок. Хозяева извиняются и говорят попу:

— Уж извините, батюшка! Вы ведь поросенка-то не будете есть!

Поглядел он на поросенка — вкусно! Поправил он рукава рясы, поднял руку с крестом и перекрестил поросенка, говоря:

— Господи, господи! Обрати порося в карася! — и стал спокойно кушать.

42. БРЮХАТЫЙ ПОП

Был у нас — ну, скажем, как вы больше знакомы, в Шуньге — жадный поп. Уж, знаете, по-крестьянски любят брюхо набить. А он так по-поповски. И то все дивовали. Кто к нему придет, корочки не даст, а сам за щеку прячет.

Ну, вот. Праздновали в Шуньге. Он и пошел с крестом. (Это так у нас попы ходят). Придет, лошадиным хвостом побрызжет — и гони ему чё-ле.

Ну он куда придет:

— Бла-а-гослови бог! (А хорош ли пирог?)

Все сам на стол заглядывает, помашет хвостом со святой водичкой. Кому в глаз, кому в лоб. А сам ногою топ-топ. К столу, значит, ближе.

— Православные, живите дру-ужно! (А к киселю молока нужно.)

— Во имя отца, и сына, и святого духа! (А в рыбнике запеклась муха.)

— Бойтеся греха и ада-а! (Покормить попа надо.)

Да и насядет. Только скулы потрескивают. Рыбник — так с костями, кисель — с блюда слизом. Нажрется так — пузо вздует. Ряса торчком стоит.

— Мир дому сему, отныне и до века-а! (Накормили человека.)

Да в новую избу.

Ходил это он до вечера. Нажрался зело, к душе подвезло. Он за брюхо схватился. Глаза закативши. А сам рукавом машет:

— Нет бога святе-ей! (Запрягайте лошадей.)

Его на дровни. Свалили и повезли. У нас какие дороги... Короста. Его и подпрыгивает.

— Ох-ох-ох! Помогите, родимые! Помираю!

А у него брюхо вспучило, ну не хуже, как у тяжелой бабы.

А уж мать-попадья у тына стоит.

— Что с тобой, батюшка?

— Обрюхател, матушка.

— Ох-ох-ох! Надо за бабкой Маланьей бежать, обабит.

Бабка Маланья пришла попа направлять:

— Здравствуй, батюшка, обрюхател?

— Обрюхател. Не направишь ли?

Она его и так, и сяк, и в бане парила.

— Ничего,— говорит,— веретешком не поможет, рожать будешь.

Тут поп завыл:

— Куда я рожать?! Засмеют! Прогонят! Архиерей в синоде судить будет.

— Надо потихоньку, из села долой.

— Куды-ы я пойду?

Ну, ночь пала. У попа воют. Собрала ему попадья шанежек, да еще и говорит:

— Иди, батюшка, из села. Сраму примешь.

Он и пойди. Идет да на брюхо косится. Шел это он леском-лединой. Лежит человек убитый. Он и говорит:

— Господи, помилуй и помоги-и! (А на нем хорошие сапоги.)

Да давай с мертвяка сапоги тащить. А тот уж заколел. Сапоги нейдут. Поп взял да сапоги-те с ногами отрезал. В сумку сложил, дале идет.

Ну, уж время на полночь. Стоит изба. Он и попросись ночевать.

Его запустили, он и лег на печь, сапоги под голову. И заспал.

А у хозяев тех корова тельна была. Да в ту ночь отелилась. Они и взяли теленочка, чтоб не замерз, на печь положили. Подле попа. Он ночью проснись — меж ногами мокро. Кто-то помыкивает.

— Свят, свят, свят, да я родил.

От сраму скорей с печи да вон из избы. И котомку призабыл, и сапоги-те.

Утром хозяева встали.

— Иди, батюшка, щей хлебать.

Ответу нет.

Они на печь полезли, а там два сапога, да с ногами. Они и вопят:

— Беда, наш теленок попа съел!

Созвали деревню, да того теленка и порешили. А ноги с сапогами зарыли, ведь батюшкины, священнейшего.

А поп и сейчас ходит. Может, брюхо-то сбавил.

43. Я, НИКОГО, КАРАУЛ

Жил-был поп — только двое с попадьей, а скота было много, управляться некому. Пошел поп казаков нанимать, навстречу мужик.

— Куда пошел?

— А куда глаза глядят.

— А ко мне нейдешь?

— Отчего, можно.

— А сколько жалованья в год?

— Пятьдесят рублей.
— А как зовут тебя?
— Меня зовут Я.

Дал ему поп задатку десять рублей, работник отправился домой, сам пошел дальше. Мужик оббежал кругом, опять валит навстречу:

— Куда пошел?
— А куда глаза глядят.
— А ко мне нейдешь?
— Отчего, можно.
— А сколько жалованья в год?
— Пятьдесят рублей.

Дал тридцать рублей задатку.

— А как тебя зовут?
— А Никого.
— Ну, иди, карауль дома моего!

Опять мужик оббежал и идет навстречу.

Поп думает:

«Что это все мне мужики-то рыжи попадаются?»

— Здравствуй, батюшка.
— Куда пошел?
— А куда глаза глядят.
— А ко мне нейдешь?
— Отчего, можно.
— А сколько жалованья?
— Пятьдесят рублей.

Дал задаток.

— Как тебя зовут?
— Караул.

Казака отправил домой, сам пошел вперед. Мужик шел с деньгами и ушел совсем.

Мало поп домой вернулся, подошел и кричит:

— Ей! Я, Никого, Караул, встречайте!

Матушка вышла, встречает:

— Что ты, батюшка, ведь никого нету!
— Где же казаки мои?
— Нет, не бывали!

Поп разгорячился, побежал настигать. Бежал-бежал, услыхал — мужик дрова в лесу рубит.

Поп кричит:

— Ей! Бог на помощь!
— Спасибо!
— Что делаешь?

— Дрова рублю!
— А кто тут?
— А я.
Поп обрадовался.
— А, это ты и есть! А еще кто есть?
— А никого!
— Никого? Вас двое тут!
Взял рябиновый батог и побежал за мужиком.
Мужик бежит и кричит:
— Караул, караул!
Поп настиг мужика и давай дубцом бить:
— Вас и все трое тут!
Мужики ехали, их розняли, а то бы поп мужика до смерти забил.

44. РАБОТНИК

Жил-был поп в селе; нанял он себе работника, сделал с ним условие: чтобы жить работнику всегда у попа, потому что у него работники не уживались. Если работник не уживется, то у него из спины ремень, а в голову молотком; если уживется, то у попа из спины ремень, в голову молотком.

Вот поп видит, что работник у него уживается. Поп что ни заставляет работника делать, он все делает. Поп видит, что дело плохо. А у них в лесу водилось множество медведей. Поп и послал его за медведем; сказал ему:

— Поди приведи мне бурка из лесу!

Работник пошел, привел медведя, спрашивает:

— Поп! Куда ж мне бурку девать?

Поп видит: дело плохо.

— Запряги,— говорит,— его в телегу. Поди собирай мои долги: мне должен в одном омуте водяной дедушка!

Работник поехал на медведе к этому омуту. Приехал, распряг медведя, пустил подле себя гулять. А у работ-

ника были вершки; он начал из них вить веревочки. Выскочил из воды чертенок и спрашивает:

— Что ты, дядюшка, вьешь?

— Веревочки вью! Берега сжимать, а вас, старых чертей, из воды выживать!

Чертенок бросился прямо в омут и сказывает своему водяному дедушке:

— Дедушка, дедушка! Я был на берегу; там сидит мужичок, веревки вьет. Я его спрашивал: «Что ты делаешь?» Он сказал: «Хочу берега сжимать, вас, старых чертей, выживать!»

— Поди спроси: что ему надо?

А работник вырыл яму; на яму поставил шляпу, а в шляпе на дне вырезал дыру.

Чертенок вышел и спрашивает:

— Что же тебе надо?

— Наноси мне вот в эту шляпу золота.

Чертенок пошел, сказал дедушке.

— Погоди,— говорит дедушка,— скажи ему: кто кого опередит бежать?

Пришел чертенок к работнику; а у работника был заяц. Работник и говорит:

— У меня есть мальчик-с-пальчик, и он тебя опередит!

Пустил чертенка с зайцем. Заяц туда, сюда, стал вертеться и убежал из глаз. Чертенок и не видал, куда тот убежал. Приходит назад в омут к дедушке и говорит:

— У него есть мальчик-с-пальчик: тот меня опередил и из глаз у меня ушел.

— Поди скажи ему: кто кого переборет?

Приходит чертенок к работнику и говорит:

— Дядюшка, дядюшка! Давай бороться!

— Где тебе,— говорит,— бороться? У меня есть старичок, и тот тебя поборет!

И послал его к медведю. Стали они бороться. Медведь ударил так, что чертенок сразу улетел под небеса. Воротился назад чертенок и говорит дедушке:

— Дедушка, дедушка! У него есть старичок: он меня как ударил, так я под небеса улетел!

Дедушка дал ему палку:

— Поди скажи ему: кто выше эту палку кинет?

Чертенок пошел, сказал. Работник и говорит чертенку:

— Кидай же ты наперед.

Чертенок кинул палку высоко, до облака. Приходится работнику кидать палку. Он и говорит чертенку:

— Зажмурься! Я брошу так высоко, что ты уж не увидишь — так высоко!

Тот зажмурился, а он бросил палку в кусты. Когда тот разжмурился, работник говорит:

— Видишь — моя палка из виду вон улетела!

Чертенок возвратился в омут.

— Дедушка, дедушка! Я высоко кинул палку, а он еще выше!

Нечего делать, стали носить золото, сыпать в шляпу. А шляпа была на яме: сколько они ни носят, все шляпа не наполняется. А у них уж почти все золото вышло, и стали они скучать, когда шляпа наполнится. Лишь яма была полна золотом, он сам сказал, что больше не надо; взял переложил золото в телегу, запряг медведя, повез к попу.

Поп удивился, что работник его везет целый воз золота. Работник и говорит:

— Поп! Вот я золото привез: куда мне девать золото и куда бурку?

Поп не знал, что сказать, говорит:

— Пусти к нашей лошади!

Работник пустил; медведь и съел лошадь.

Вот поп видит — дело плохо; начинает с женой сушить сухари — бежать от работника. Насыпали мешки сухарей. Работник, не будь дурень, сухари из одного мешка высыпал, а сам туда и сел. Ночью поп с попадьей собрались, взяли мешок, побежали куда глаза глядят, бежали-бежали и устали. Попадья и говорит:

— Сядем на корточках: отдохнем да съедим пирожок.

А работник из мешка и говорит:

— Поп, попадья, я здесь!

— А! Он нас догоняет, побежим дальше.

Вот они бежали-бежали и устали.

— Давай отдохнем.

Сели отдыхать, а работник из мешка:

— Поп, попадья, я здесь!

Соскочили поп с попадьей, побежали опять; бежали, бежали, устали и говорят:

— Ну хоть сейчас догоняй: силы больше нет!

Сели; стали доставать пирожок. Развязали мешок, а оттуда и вылез работник.

— Ну что, поп, вырезать ремень из спины, а в голову молотком?

Поп стал просить его помириться; они помирились; стали жить как родня.

45. СТАРИЧОК ОСИП И ТРИ ПОПА

Вот в одном селенье жил старичок Осип. Жили они со старушкой двое. У них были две коровушки и лошадка, амбаришко, овинишко и все такое. Однажды со старухой он стал разговаривать. Вот старуха говорит:

— Мы живем, слава богу, хорошо, а хорошо бы переехать когда-нибудь на пустошку одним пожить.

Этот старик на ответ:

— Не худо, старуха, пожить одним. Пожалуй, можно бы. А вот ужо, старуха, собранье будет, сберутся соседи, я поговорю об этом.

Как собранье сельское собралось, пришел старичок Осип на собранье.

— Здравствуйте,— говорит,— соседи!

— Здравствуй,— говорят,— Осип!

— Вот есть небольшая подскóтина. Для одного будет.

Вот судили, ему сказали:

— Ну, с богом, только земли нигде не бери, только знай одну подскóтину свою.

Старичку Осипу сделали приговор. Старичок преспокойно стал собираться на житье туды. Старичок потихоньку, помаленьку перевез избушку туды, поставил ее на место там, перевез овинчик, амбарчик крестьянский. И стали они жить-поживать да добро наживать, да земельку разделывать, распахивать, да сенокос чистить. Распахали земельку, посеяли овса, и овес уродился на первый год очень хороший. Дождались того время, как его надо обрабатывать. Намолотили овсеца, так что целый амбарчик овсеца навалили. И стали опять на другой год, и рож-

ки посеяли на землю, потом овса посеяли. У них хлеба как народилось! Очень много. И они стали жить так добро, хорошо, и хлеба три амбара накопили. В одно прекрасное время легли спать старик со старушкою. Старуха ему и говорит:

— Теперь мы, слава богу, живем хорошо, у нас всего вдоволь, благодать господня. Как бы нам денег, так жизнь прекрасная была, премилая!

А старичок Осип и говорит своей жене:

— Вот, баба, дура деревенская, из хлеба полдела деньги сделать!

— Да как, батько, сделаешь деньги?

— Да как сделаешь?! Взять его возик или два, да свезти на ярмарку, вот и деньги.

— Ну так ладно!

— Ну, коли, старуха, денег захотела, иди в амбар и нагребай воз ржи, пудов тридцать воз.

Старуха, не будь глупа, зашла в амбар, нагребла ржи десять мешков. Нагребла, приходит домой.

— Ну, батько, я нагребла!

— Нагребла, так ладно.

Старик никаких манеров не дожидался, взял наклал и поехал на ярмарку. Съехал он на ярмарку, стал на краешек базара. Стоит с хлебом, у него хлеба никто не купит, никто и не берет. Стоял, до вечера времени простоял, никто не берет этого хлеба.

— Ну, делать нечего! Не идти ли в трактир, не возьмут ли хлеба там? — говорит.

Пришел он в трактир, видит, что буфетчик за буфетом.

— Что, буфетчик, хлеба тебе надо или нету?

А буфетчик ему на ответ:

— Как хлеба не надо? Да денег нет, все деньги в расходе.

— Ну, да что денег нет — я и вином запью!

Значит, этот буфетчик послал своего полового, приказал, чтобы хлеб весили. Свесили хлеба пудов тридцать. Пришел старичок в трактир, сел на стул, разболок свой деревенский балахон серый, отороченный сукном. Снял с себя шляпу треугольную, скатанную из домашней шерсти. Вот его буфетчик и спрашивает:

— Что, дедушка Осип, много ли тебе вина надо?

— Да вина мне одну четвертную — да и будет,— говорит.

Как принесли старику четвертную водки на стол, подали ему стаканчик чайный. Старик сидит да винцо попивает. Вот четвертную выпил. А против этой комнаты была другая, против дружки дверь во дверь. Там в комнате сидел поп да чай пил, и смотрит на этого старика.

— Смотри,— говорит,— какой старик старый-престарый — да четвертную водки выпил!

Старик этот подзывает к себе буфетчика:

— Буфетчик, подходи, буду рассчитываться с тобой.

Буфетчик подходит к столу. Он надевает шляпу треугольную, домашней катки, снимает с головы и трясет, о стол колотит.

— Ну, буфетчик, плачено?

Буфетчик ему:

— Ну ладно, дедушка Осип, плачено, плачено.

А поп себе молчашком, молчашком про себя:

— Что за черт. Я чашку попью, и то пятачок берут, а он четвертную выпил — ничего не платит!

Старичок и говорит:

— Ладно, ехать пора домой!

Буфетчик приказал половым:

— Подите старику лошадь направьте. Честь честью.

Старику лошадку направили, сел и поехал домой. Подъезжает к дому да песенки напевает. Услыхала его старушка, отпирает ворота и встречает старика. Встретила.

— Ой, слава богу! Видно, с деньгами старик приехал, да водочкой еще угостили.

— Да, матка, угостили,— говорит.

— Ну, старик, а как: деньги домой привез или нет?

— Нет, матка, не привез.

— А кому хлеб-то продал?

— Да буфетчику!

— Ну да ладно, не пропадет за буфетчиком: деньги когда угодно получим.

Живут недельку, живут опять и другую. Старик и говорит:

— А, матка, у нас хлеба много,— еще воз свезти продать?

— Ну ладно, так, в самом деле, схожу нагребу в амбаре хлеба.

Старуха сошла опять, нагребла десять мешков овса. Вот старик опять преспокойно уклал возок, лошадку запряг и поехал. Съехал на базар. Стал по край базара. Постоял, постоял — никто хлеба не купит, и никто не берет.

— Эх, черт побрал! Чем стоять, свезти опять старому буфетчику — тот возьмет,— говорит.

Вот опять старичок лошадку заворотил и повез хлеб в трактир. Приходит буфетчик.

— Что, буфетчик, хлеба надо?

А буфетчик ему на ответ:

— Как хлеба не надо? Да деньги-то все в расходе!

— Ну, давай, да не разговаривай, я вином запью!

Буфетчик приказал слугам свесить хлеб. Свесили хлебец, старичок пришел в трактир. Ну и спрашивает его буфетчик:

— Ну что, дедушка, много ли тебе вина надо?

Старичок Осип:

— Да мне вина теперь нужно две четвертные.

Вот старику принесли вина две четвертные, поставили на стол. Старик как сел за стол, снял с себя серый балахон домашний, домашнюю шляпу катаную треугольную. Как он выпил две четвертные, а в другой комнате сидел да водочку пил поп. Вот как старичок Осип выпил винца, и говорит:

— Ну, буфетчик, подходи, рассчитываться буду.

Старичок шляпу с головы снимает и колотит во стол шляпой треугольной.

— Плачено,— говорит.

Буфетчик говорит:

— Ладно, ладно, дедушка Осип, плачено, поезжай с богом.

А поп сидел, сороковочку выпивал, и думает сам про себя:

«Вот я сороковочку выпью, деньги нужно отдать, а со старика не берут».

Как старик одевается, с богом и отправляется домой. Приезжает домой, песенки запевает. Старуха выбегает, радостно старика встречает. Вышла, ворота отворила:

— Что, старик, привез деньги?

— Нет,— говорит,— матка, не привез, у буфетчика все деньги в расходе.

А она ему в ответ:

— Ну ладно, за буфетчиком деньги не пропадут.

Старик ей говорит:

— Да вот на такое-то число посулил, деньги отдаст.

Вот опять дома живут недельку и другую. Опять старик старухе и говорит:

— Что, старуха, давай хлеба продадим еще.

— Ну ладно, старик, давай продадим.

Вот старуха сошла в амбар и давай ржи нагребать десять мешков.

Старик опять воз наклал, лошадку запряг и поехал опять на ярмарку. Съехал на ярмарку, постоял-постоял, хлеба никто не купит, никто и не берет. Постоял опять.

— А, черт! Место знаю, пойду свезу старому буфетчику, денег нету — вином запью.

Приехал к старому буфетчику и говорит:

— Что, хлеба надо?

А буфетчик ему на ответ:

— Нам, дядя Осип, хлеба-то надо, да деньги-то все,— говорит,— во расходе!

— Ну да ладно, я вином запью.

Буфетчик приказал прислуге свесить хлеб.

Вот как свесили хлеб, вот старик приходит в трактир и говорит:

— Давайте вина три четвертные. Две себе, да четвертная старухе за утруждение!

Старичок преспокойно снял домашний балахон да шляпу. Сидит, винцо пьет да песенки поет. Как водочки две четвертных выпил, опять таким способом напротив этой комнаты сидит поп да бутылочку водочки пьет. Это сам себе поп и говорит:

— Что за черт! Какая лафа! Вино пьет, а денег не платит.

Старик выпил две четвертные.

— Ну, буфетчик, подходи. Пора домой ехать, буду с тобой рассчитываться.

Вот буфетчик подходит ко столу. Старичок Осип снимает шляпу домашней катки и колотит о стол. Осип буфетчику и говорит:

— Ну, плачено, буфетчик?

А буфетчик:

— Ладно, ладно, дедушка Осип, поезжай с богом.

Буфетчик приказал дедушке лошадку выправить на дорогу. Дедушка в сани сел да песенки запел. Приезжает к дому, старушка выбегает, старика встречает:

— Ну что, старик, привез ли деньги?

А он на ответ:

— Нет, старуха, буфетчик посулил на такое-то число деньги.

Выпрягли они лошадку. Старушка самоварчик поставила, и сели чай пить. Этот старик и говорит старухе:

— Поди, старуха, в санях четвертная водки стоит.

Вот старушка сходила, четвертную водки принесла. И начали они водочку распивать и песенки попевать. Песенок попели, преспокойно уклались себе спать.

Вот однажды время, собрались попы на собранье. Выпили водочки попы и потом стали разговаривать кое-что про чего и про мелочи. Один скажет:

— Ох, у меня лошадь хороша!

А другой говорит:

— Что ты лошадь! У меня попадья хороша. Вот есть чем похвастать!

А третий поп говорит:

— Это что за рассказы! А я вот штучку знаю так знаю. А вот я однажды съехал в город, зашел в трактир, приказал чаю на одного. Подали мне чай — и сижу и чаек попиваю. А потом в аккурат комната против комнаты, сидел старик да вино пил, четвертную. А выпил четвертную, вдруг кликнул буфетчика и говорит: «Подходи, буфетчик, буду рассчитываться». А я на него все смотрел. Буфетчик подошел. Вдруг он снимает треугольную шляпу и колотит о стол: «Ну, буфетчик, плачено?»

Другой поп говорит:

— Да что ты! Да и я эту штуку видел.

Опять третий поп:

— Да что вы бахвалитесь! Да и я эту штуку видел, что шляпа платит деньги.

Вот как попы принапились пьяные вдрызг, один поп и говорит:

— Вот кабы эта шляпа нам, попам, так мы бы попили.

А эти три попа были родственники: тесть с двумя зятевьями. Эти попы сговорились между собой и стали разговаривать, что давайте поедем и купим эту шляпу у Оськи старика.

Сговорились, запрягли лошадь и поехали. Поехали до деревни. Приехали и спрашивают дороги:

— Где-то есть здесь такой старичок — зовут Осипом.

Тут им в деревне рассказали дорогу, где старичок живет. Вот они туды и поехали. Едут его стариковой пустошью. В аккурат выезжает сам Осип из лесу, везет воз дров. Увидал старик попов.

— Здравствуйте, батюшки,— говорит.

Вот эти попы:

— Дедушка Осип, мы к тебе едем, к вашей милости.

— А зачем вы едете?

— Да вот нам сказали, что у вас такая-то шляпа есть, вот мы идем купить шляпу.

Дедко и говорит им:

— Да что вы, батюшки, продам ли я шляпу? Она меня поит, и кормит, и баско водит.

— Да, дедушка, мы тебе денег за шляпу много дадим.

— Много ли, батюшки, денег дадите?

— А сколько?

— Да ниже пятисот не отдам. Да и то в том условии, да как старуха согласится. Та отдаст ли?

Поехали со стариком к его дому. Приезжают. Старуха выбегает.

— Ах, здравствуйте, батюшки!

— Здравствуй, бабушка, здравствуй.

— Ой, я сейчас самоварчик, батюшки, поставлю да вас чайком угощу.

А они ей в ответ говорят:

— Ой, бабка, мы не для чаю приехали, а дело делать.

— А зачем, батюшки?

— Да вот, у дедка шляпу покупать приехали. Вот мы у дедки шляпу сторговали.

— А за сколько вы, батюшки, шляпу сторговали?

— Да за пятьсот рублей.

— Что вы, батюшки! Дедко-то вам шляпу продал, а я не продам.

— А что, бабушка, что не продашь? Ведь денег много — пятьсот рублей.

— Что вы, батюшки, у нас шляпа поит, и кормит, и баско водит.

Ну, старуху уговорили.

— Делать нечего! Только вам я ниже пятисот пятидесяти рублей не отдам.

Три попа друг на дружку поглядели.

— Ну да уж,— говорят,— пятьсот рублей дали, а пятьдесят рублей не убьет нас, отдадим. На троих чего стоит!

Отдали пятьсот пятьдесят рублей денег за шляпу. Тесть и говорит зятьям:

— Ну, вы как хотите, любо не любо, а я вам шляпы не отдам. Спробую сам, каково шляпа работает!

Как попы от Осипа уехали домой, нарядился он в шляпу деревенскую треугольную и поехал в город. Приехал

в город, зашел где почище гостиница, занял там два номера себе, две комнаты, привел гостей и стал приказывать разных вин и кушанья. Эти гости попировали, оделись и отправились по домам все. Этот поп остался один, надо рассчитываться с буфетчиком.

— Ну, буфетчик, подходи, буду рассчитывать.

Снимает эту шляпу с головы треугольную и колотит о стол:

— Ну, буфетчик, плачено?

Вот буфетчик и говорит:

— Что ты, батюшка, меня морочишь! Деньги отдай пятьдесят рублей.

— Ах, извините, буфетчик, наверное, не тем углом колонул!

Ну, вот и другим углом колонул, дело ничего не выходит.

— Ну, буфетчик, плачено?

— Да что, батюшка, где плачено? Деньги отдай.

Ну, делать нечего! Как поп ни упирался, надо денег отдать пятьдесят рублей.

— Ах, черт тебя побери! Наказала меня шляпа на пятьдесят рублей!

Делать нечего, отдал поп деньги.

— Ну ладно, и зятевьям не скажу. Они побогатее — пускай изъян примут.

Домой приехал, помалкивает преспокойно себе. Приезжает к нему на дом старший зять.

— Ну что, тесть, каково шляпа отвечала?

Ему на ответ:

— Ну, шляпа ответит! Хоть на сто рублей, так заплатит!

И поехал старший зять опять это в город. Приехал в город, пришел, выбрал почище гостиницу, и взял себе две комнаты, и набрал там гостей вдвое больше, чем у тестя. Набрал гостей — попов, учителей, всех там набрал. Гости пришли, и давай их угощать. Приказал носить буфетчику разные водки, и кушанья, и всего. Гости погостили честь честью, и поблагодарили за хлеб за соль, и отправились домой. Этому попу надо рассчитываться с буфетчиком.

— Ну, буфетчик, подходи к столу, рассчитываться буду с тобой!

Буфетчик подошел к столу. Ну этот поп снял с головы шляпу треугольную. Колотит о стол.

— Плачено? — говорит.

Вот буфетчик и смотрит, и глаза выпучил:

— Да что ты? Меня морочишь ли, что ли? Отдай деньги сто рублей мне. Вот вас другой поп такой дурак находится. Что вы морочите!

Вот поп и говорит:

— Ах, извините, не тем углом колонул!

Колонул.

— Плачено? — говорит.

Буфетчик:

— Да что ты? Как плачено?

— Ах, извините!

И третьим углом колонул.

Буфетчик ему:

— Да что ты, батюшка? Плати, не то полицию позову. Грехом отдашь...

Попу делать нечего, сто рублей — да надо отдавать, да сто рублей не пеша ходят! Ну ладно, так и сяк. «Пускай-ко и я свояку не скажу. У него приход хороший, побогатее меня, и не скажу, что заплатил сто рублей». Приезжает свояк ко свояку и спрашивает:

— Ну что, свояк, каково шляпа работает?

А он ему на ответ:

— Да шляпа хоть на сто рублей ответит!

Свояк у свояка взял шляпу и поехал опять в город. Приезжает в город, в гостиницу, просит номер для гостей. Взял две комнаты, набрал гостей даже больше чем свояк, втрое больше. Ну, как гости пришли приказал этот поп буфетчику носить разных вин и кушаньев. Гости попировали несколько времени, погостили и отправились по домам. Остался поп, надо рассчитываться. Вот поп шляпу надевает и буфетчика призывает. Буфетчик подходит.

— Подходи, рассчитываться буду.

Поп шляпу с головы снимает, колотит о стол.

— Буфетчик,— говорит,— плачено?

А буфетчик глядел-глядел:

— Да что это у вас третий поп находится такой дурак, да все с этой шляпой.

Буфетчика разгорячили, он взял попа сгреб за косы и давай рвать. Делать нечего, поп закричал:

— Ладно, черт побери! Отдам деньги, только оставьте.

Вынул кошелек из кармана, и отдал полтораста рублей денег, и поехал домой. Приехал домой. Три попа и собрались в одном месте: тесть с двумя зятевьями. Как

они водочки привыпили, напились пьяные и стали разговаривать, один поп и говорит:

— Естолько, перестолько, поедем убьем Оську-старика.

А в то время, когда они разговаривали, ходил зимогор (в Петербурге зовут — посадский). Он эти разговоры услышал, что попы этого старичка хотят убить. Этот посадский отправился из этой поповы к старику. Приходит в деревню. Спросил дорогу, приходит к старику, к этому Осипу, и говорит:

— Дедко Осип! Тебя хочут такие-то попы убить.

Как зимогора старик чайком напоил и на напойку чай дал, и сахару, и краюшку хлеба.

— Ну, спасибо, что сказал. Вот, старуха, приедут, нас убьют. А пристать некому, а людей мало у нас.

Вот и придумал.

— Вот что, старуха! Я снаряжу крест, и потом ты меня наряди, а я лягу в передний угол, ты меня саваном закрой, а сама ворота запри, ходи по сараю и причитай.

Через несколько времени слышит, что попы едут; приехали попы, стукают у ворот, а старуха ходит по сараю да причитает. Эти попы ломятся в ворота.

— Ой, да куды вы, батюшки, приехали, как и старик у меня помер, надо снаряжать да класть в гроб. Вот хожу веточки сбираю, отрепчей да веников в гроб покласти.

Вот ворота выломали и в избу вошли, а старуха — та все ходит по сараю, и причитает, и в избу не заходит.

Один поп и говорит:

— Вот я его за пятьсот рублей мертвого да крестом колону.

Вот как колонул раз крестом, а тот руку и откинул.

А другой поп и говорит:

— Ну, ты неладно колотишь. Дай-ка я хорошенько!

Взял другой поп крест в руки и ударил. Он опять ногу откинул.

А третий поп говорит:

— Ну, вы неладно колотите, дайте-ка я колону, так он вскочит.

Вот третий поп взял крест да как его ударил. Старик свернулся с лавки, попу в ноги бух:

— Ой, батюшко, спасибо тебе, спасибо. Оживил меня, а не то старухе беда бы без меня жить было.

Попы обратно лошадь вернули и уехали. Приехали домой, разъехались по своим домам. Вдруг по всей Рос-

сии-империи и пошел слух: в таком-то городе такой-то помер генерал. Жена генерала дала знать по всей России: кто если мог бы воскресить ей мужа, того бы наградила несметной суммой. Эти попы собрались вместе и стали между собой толковать. Вот один поп и говорит:

— Мы одного старика Осипа воскресили этим крестом. Возьмем его, пойдем и купим у старика этот крест.

Вот эти попы запрягли лошадь и поехали туда к старику. Приехали к старику и стали говорить:

— Дедушка! Мы к твоей милости приехали.

— А зачем, батюшки, приехали?

— А вот приехали, крест у тебя надо купить нам.

— Что вы, батюшки, продам ли я крест? Он меня поит, и кормит, и баско водит. Я, глядишь, кого воскрешу! Мне и дают то пятерочку, то десяточку. Вот я со старухой живу и питаюсь этим.

— Ну да что, дедушка, продашь крест?

— Да ведь как, батюшки, продать-то! Сколько дадите мне?

— А сколько, дедушка, возьмешь ты-то?

— Да ведь как, батюшки? Как вам любо не любо, а я ниже пятисот креста этого не отдам.

Вот эти попы друг на дружку посмотрели и пятьсот рублей денег отдали за крест. Сели и поехали. Приехали домой и с дому отправились, где генерал помер. Приехали в такой-то город, допросились, дом какой номер, какая квартира. Дом номер пятьдесят, квартира тридцать три. Приходят на кухню туда, их спрашивают:

— Вы оживлять пришли?

— Точно так, мы оживлять пришли.

Их запустили в комнату, где генерал был наряженный. Тогда заперлись в комнату, их только трое. Один одному и говорит:

— Давай крестом.

Один взял крест и взял шмякнул генерала крестом. Покойник не встает. Один и говорит:

— Ты неладно колотишь, дай я снова колону.

Вот как снова колонул, так еле со столов не уронили, а родитель не встает. Вот третий опять поп говорит:

— Дай-ко я свисну, дак он у меня вскочит.

Третий так его ударил, что череп с него сшиб. Потом они тут напугались, склонились над столом. Захватят — беда, никуда не уйдешь. Оживить не оживили,

а наказовать наказовались. Вот стали друг дружке толковать. Один поп и говорит:

— Вот что, давай сделаем условие, чтоб никто три часа к нему не ходил.

Вот они так и сделали: вышли на кухню, сейчас генеральше:

— Вы через три часа только идите туда в горницу, а пока не ходите!

Три часа время много. Помаленьку, понемногу надо утекнуть из города. Вот лошадей наняли и тягу из города!

А уж на ихние деньги старичок Осип кабачок открыл. Преспокойно, как старушка померла, себе водочку поторговывал. Вот эти попики и едут. Едут, увидали, что вывеска старика Осипа на кабачке. Один поп посмотрит:

— Ух, здесь Оська торгует вином! Ишь на наши деньги как хапит!

Один поп и говорит:

— Он за наши деньги хапит, пойдем убьем его.

А два попа:

— А как мы его убьем? Поедем мимо!

— Нет, нельзя, надо убить его.

Слезли с тарантаса, ямщик вернул коней и уехал. Раньше кабаки ставнями закрывались. Старичок все ставни закрыл, попасть к нему нельзя.

Вот один поп:

— Я попаду!

Сейчас перелез через забор — и к окошку. Взял полено, разбил это окно и полез туда. Полез, а старичок-то, не будь глуп, сейчас туда, взял топор и бац его по голове. Этому попу делать нечего. Взял его старик за косы, затащил в кабак и бросил за бочку сороковку. Вот там два попа стоят, между собой и толкуют:

— Что же как долго он старичонку убивает?!

— Поди-ко,— посылает другого,— вам вдвоем сподручнее — скорее убьете.

Другой поп туда через забор. Приходит к окну, опять таким образом влезывает, как и тот. Старичок опять ударил его обухом, и свернулся тот. Взял за косы, вытащил в окно, опять за бочку бросил. Потом третий поп стоит ждет, долго дожидается. Сам себе и говорит:

— Что за черт! Неужели двое убить его не могут? Наверно, помирились, вино пьют там. Надо идти и мне!

Вот третий поп через забор, и тоже туда. Опять к окну подошел и полез. И опять таким способом по лбу обухом старик ударил и убил. Вытащил этого попа за косы и повалил в передний угол на лавку. Этот поп лежит. А у Осипа был такой человек, вроде как звали его Василием. День ходил куски собирал, а к ночи в кабачок к Осипу. Пришел этот Василий ночевать. Вот Осип и говорит:

— Ой ты, Василий, Василий! Чего вчера не пришел? Какой-то был: не знаю — поп, не знаю — монах, вино припил и меня прибил.

Вот этот Василий и говорит:

— Вот, дядя Осип, давай его потоплю!

Вот Василий взял монаха на плечо и понес в озеро топить. Взял на дорогу себе бутылочку водочки в карман и пошел преспокойно. Дошел до озера. Принес этого попа. Бац только в прорубь его, утопил, да сам и смотрит — не выходит ли где. Посидит-посидит, да стаканчик и выпьет. Как посидел до вечера, стало холодновато. И отправился опять к старику Осипу. А уж старик Осип, не будь глуп, повалил опять этого попа на эту же лавку. Васька приходит к Осипу, отворяет двери и спрашивает у дяди Осипа:

— Что, дядя Осип, что, поп пришел или нет?

Осип говорит этому Василию:

— Еще пуще стал хуже, пришел сердитее.

— Да что? Кажется, я его топил да посмотрел в прорубь, не выходит ли оттуда. Ну ладно, дядя Осип, давай я потоплю да подольше посижу,— четвертную водки дай.

Вот взял попа на плечо, а четвертную под пазуху. Донес его до озера. Опять таким же манером в прорубь, бац туда, только пузырьки, глядит — не выходит ли оттуда поп. Как просидел суточки, стало светать, на свету просмотрел на все стороны — не видать попа. Значит, без отрыжки готово! Опять преспокойно пошел к старику Осипу в кабачок. Приходит в кабак и спрашивает у дяди Осипа:

— Что же, дядя Осип, пришел ли поп?

А Осип ему на ответ:

— Да что, Василий! Пришел еще сердитее, меня почти прибил и вина больше выпил.

Василий не видел раньше, что в углу лежит третий поп.

— Давай полведра вина. Значит, я этого попа снесу, значит, без отрыжки не придет. Два дня просижу!

Осип дал полведра, он взял полведра, попа на плечо — и к озеру. Вот принес к озеру, бац его в прорубь — только пузырьки пошли. Стоит кверху ногам березой. Сидит себе Василий, покуривает да водочку попивает. Вот он суточки сидит, другие сидит, попа все нет, не выходит из озера: значит, утопил уж! И на другие сутки сидит, досидел до свету. А дело это было против воскресенья. Церковка была у озера; как стало светать, сторож действительно звонил. Надо заутреню служить. Оделся и пошел бережком. Вот Василий увидал этого попа, что поп идет. Скочил, да за попом драла и туда же.

— Ах ты, черт косматый! Я тебя три раза топил, а ты все выходишь.

Поп испугался:

— Что ты? Что ты? За что меня так?

Этот Василий:

— Эх! За что ты у Осипа-старика вино все припил и его прибил?! Я тебя прямо утоплю!

Никаким богам не мог молиться поп, схватил Василий его за косы и понес в прорубь. Донес до проруби, взял за ноги:

— Кайся грехами!

Попу неохота умирать. Взял его Василий за ноги и бац туды,— только пузырьки пошли. Утопил, посидел и отправился к старику Осипу в кабачок. Пришел и спрашивает:

— Ну что, дядюшка Осип? Не приходил поп?

— Нет, батюшка, не приходил.

— Ну, значит, я его утопил.

Сторож действительно звонил, а все попа нету.

— Что за черт? Попа все нету! Пойду домой, к попу схожу.

Пришел и спрашивает:

— Где, матушка, батюшка?

— Да батюшка ушел в церковь.

— Да как же, матушка, ушел в церковь? Я бы увидел — трезвонить стал!

— Да, наверно, в церкву пришел туда.

Сторож обратно вернулся в церковь, посмотрел — в церкви нету. Стали попа искать-поискать — найти не знают где. Тем и кончилось. Я там тоже был, сказки сказывал. Кто слушал — тот скушал, а кто сказал — тот слизал.

46. ТЫ УМЕН, ДА И Я НЕ ДУРАК

У одного мужика была красивая баба — жена.

Вот поп, дьякон и псаломщик — все подсватывались к этой бабе. Как она за водой идет — ей проходу не дают. Все подсватываются. Ну, она рассказала мужу, что вот проходу не дают прямо.

Ну, а мужик был не дурак и говорит:

— Назначь им время. Пускай псаломщик приносит двадцать пять рублей и приходит в шесть часов. Дьякону — пятьдесят рублей. В семь часов пускай приходит. А попу — в восемь часов. И сто рублей денег пускай приносит.

Ну, так и поступила женщина. Назначила всем время, сказала, что мужа дома не будет.

Вот на второй день приходит в шесть часов псаломщик. А мужик его по голове обухом, да и в подпол. А денежки взял. Ну вот, прибрал он так и дьякона, и попа — и всех в подвал.

Ну, а в девять часов вечера заходит к нему солдат. Как раз уже темненько было. Мужик вот и говорит солдату.

Говорит:

— Дела-то у меня неважные.

— Ну, а что ж такое? — солдат-то спрашивает.

— Да вот,— говорит,— пришел какой-то монах и помер у меня. И вот теперь не знаю, как похоронить.

— Давай,— говорит,— десять рублей — я его похороню!

Мужик дает ему десять рублей и вытаскивает из подвала псаломщика. (А они все в рясах ходили раньше.) Забрал солдат этого псаломщика и с моста бросил его в реку.

А мужик облил дьякона водой и говорит солдату, который пришел к нему обратно:

— Да,— говорит,— ты не похоронил его! Он опять весь мокрый пришел.

Солдат схватил этого и тоже туда же бросил.

А мужик попа облил и говорит:

— Вот черт! Опять пришел. Только еще больше мокрый.

(Уже воды не пожалел попа облить!)

Схватил солдат и попа. И понес туда же. Этому и камень на шею привязал, чтобы не ушел назад больше. Ну, бросивши, отошел немножко от моста и посмотрел назад,— не идет ли обратно монах.

Смотрит — и правда, по мосту идет монах в рясе. Солдат подскакивает к нему:

— Ах, черт, опять ты выполз! Опять идешь туда!

А тот говорит:

— Я — игумен. (Старший такой из монахов.)

— Ну, ты умен, да и я не дурак!

И бултых его туда в реку.

Ну, приходит к мужику обратно.

— Выкинул?

— Выкинул! Он опять вышел! Так я его снова бросил!

47. ПОП И ДУРАК

Жили себе поп и попадья. Они жили хорошо, но поп был очень скупой, и такой он был жадный, что работника нанимать не хотел, хотя его хозяйство было очень громадное — несколько быков, отара овец.

Однажды идет он на рынок и встречает Иванушку-дурачка.

— Хочешь,— говорит Иванушка-дурачок,— я у тебя буду работать, пока не осерчает кто из нас. Тому нос и отрежем.

Поп и решил взять такого работника. Он пришел домой и говорит:

— Нашел я выгодного работника.

И послал Иванушку пасти лошадей. А у Иванушки была скрипка: как заиграет — всё танцует.

У попа кони не пасутся, всё танцуют. В один прекрасный день поп решил проверить это дело. Когда Иванушка погнал коней, поп залез в терновник. Сел Иванушка и давай играть. Кони в пляс пошли, а поп в терновнике отплясывает.

Дурак играет себе. Пока он играл, поп танцевал до вечера. Потом едва до дому дошел в полночь, наморился танцуя, и говорит попадье, что есть у Иванушки скрипочка волшебная. Тут и дурак домой пришел. Попадья давай просить:

— Заиграй, заиграй.

А у них тесно. Иванушка и говорит:

— Вылезай на горище — я заиграю.

Поп полез, сел в ковш, а матушка себе тесто месит в макитре.

— Ну,— говорит Иван,— сейчас.— И заиграл.

Тут матушка макитру на голову и в пляс. И поп на ковше в пляс. А Иванушка играет да поет:

Поп по терну,
Поп по терну,
Попадья по хате,
А маленька попадья
Стала подпевати...

Поп свалился в дыру с чердака, разбился. Попадья вся в тесте. Тут Иванушка перестал играть.

Лег он и отдыхает. А поп думает, как бы от него избавиться вместе со скрипкой его. Решили послать его в лес, где много волков, и дал ему поп десять овец. Волки пришли овец есть. Иванушка говорит:

— Ешьте, не мое — не жалко.

Те съели.

Тут он скрипочку достал и начал играть. Пошли волки в пляс. Так он их к дому привел.

— Куда этих овец девать? — у попа спрашивает.— В отару пустить или во дворе оставить?

Поп говорит:

— В отару.

Загнал Иванушка волков в отару. Те всех овец и пе-

редушили до утра. А что поп ему сказать может? Серчать ведь нельзя, нос ему наймит отрежет.

Решил поп послать Иванушку-дурачка к чертям на волшебную мельницу, набил десять мешков золой и велел молотить. Тот берет и едет. Едет-едет, приезжает на волшебную мельницу.

— Можно у вас молотить пшеницу?

Те начали — и видят: зола. Все и бросились на него. Иванушка-дурачок расходился, давай их пороть. Те испугались. И наложили ему бричку совсем белой муки, четырехнулевки,— лишь бы тот отстал. Едет домой Иванушка. Но черти разозлились. Один из них сломал ось брички. Дурак поймал его и заставил всю бричку тащить. Черти просят пустить беса:

— Он еще маленький.

А тот мокрый весь.

— Нет,— говорит дурак,— не пущу.

Дали черти Иванушке хорошую бричку. «Ну его к черту»,— думают.

Приезжает дурак домой ночью. Поп и попадья спят.

— Куда муку рассыпать?

Поп и говорит спросонья (он думал, что бричка с золой):

— Рассыпай ее по двору.

Дурак и осыпал весь двор.

Утром поп встает, видит: соседи муку на дворе собирают. Сам было бросился, да уже почти всю разобрали.

Тошно попу, а серчать нельзя — нос отрежет.

Бедным уже поп стал — овец у него нет, коней тоже нет,— все хозяйство разваливается.

Не избавиться им от Иванушки-дурачка. Сговорились они удрать от него.

А попу главное — забрать церковные книги: псалтырь, евангелие, библию.

Набрали они этих книг, сухари туда же положили. Иванушка это услышал, выбросил книги, сел сам в мешок. Поп ночью взял мешок, взвалил на плечи, понес. Попадья сзади идет, а Иванушка знай сухари покусывает да потрескивает.

«Одна книга лопнула»,— поп говорит. Иванушка трах еще... «Еще,— говорит поп,— одна лопнула».

Шли они весь день; к вечеру у реки отдохнуть сели. Поп и говорит попадье:

— Давай кашу варить в котелке.

Сварили кашу. Не выдержал Иванушка-дурачок, решил попросить каши.

— Дай мне,— говорит. И полез из мешка.

Разозлился было поп, но не сказал ничего. Накормил Иванушку кашей, и решили они с попадьей бросить Иванушку в воду в мешке. Вот Иванушка полез в мешок спать, а когда все заснули, на свое место попадью посадил. Взял поп мешок и бросил в воду. Тут подходит к нему Иванушка-дурачок.

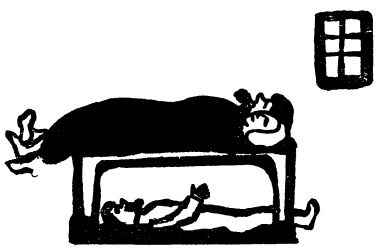
— А ты,— говорит,— не меня, а матушку бросил.

Расстроился поп, загоревал, а Иванушка спрашивает: «Что, батюшка, серчаешь на меня?»

— А как же мне не серчать, стадо ты мое погубил, хозяйство разорил, попадью я из-за тебя убил!

— Ну, раз серчаешь, давай нос!

Тут он и рассчитался с ним. Вот до чего довела попа его жадность!



48. ХИТРАЯ БАБА

Жил-был мещанин, у него была пригожая жена. Жили они и прожилися.

И говорит жена мужу:

— Надо нам с тобой поправиться, чтоб было чем свои головы прокормить.

— А как поправиться?

— Уж я придумала, только не ругай меня.

— Ну, делай, коли придумала.

— Спрячься-ка,— говорит жена,— да выжидай, а я пойду приведу к себе гостя, ты и застучи: тут мы дело и обделаем.

— Ну хорошо.

Вот взяли они короб, насыпали сажею и поставили на полатях. Муж спрятался, а жена набелилась, нарумянилась, убралася и вышла на улицу, да и села подле окошечка — такая нарядная.

Немного погодя едет мимо верхом на лошади поп, подъехал близко и говорит:

— Что, молодушка, нарядилася, али у тебя праздник какой?

— Какой праздник, с горя нарядилася: теперь я одна дома.

— А муж где?

— На работу уехал.

— Что ж, голубушка, твоему горю пособить можно: пусти-ка меня к себе в гости, так не будешь одна ночь коротать.

— Милости просим, батюшка!

— Куда ж лошадь девать-то?

— Веди на двор; я велю батраку прибрать ее.

Вот вошли они вдвоем в избу.

— Как же, голубушка! Надо наперед выпить; вот целковый — посылай за вином.

Принес батрак им целый штоф водки: они выпили и закусили.

— Ну, теперь пора и спать ложиться,— говорит поп,— поваляемся немножко...

Поп разделся донага и только улегся на кровать, как муж застучал шибко-нашибко.

— Ох, беда моя! Муж воротился! Полезай, батюшка, на полати и спрячься в короб!

Поп вскочил в короб и улегся в саже. А муж идет в избу да ругается.

— Что ты!.. Дверь долго не отворяешь!

Подошел к столу, выпил водки стакан и закусил; вышел потом из избы и опять спрятался, а жена поскорей на улицу и села под окошечком.

Едет мимо дьякон. С ним то ж случилось.

Как застучал муж, дьякон, раздетый догола, чебурах в короб с сажей и прямо попал на попа.

— Кто тут?

— Это я,— говорит поп шепотом.— А ты, свет, кто?

— Я, батюшка, дьякон.

— Да как ты сюда попал?

— А ты, батюшка, как?

— Уж молчи, чтоб хозяин не услыхал, а то беда будет.

Потом таким же образом заманила к себе хозяйка дьячка.

Очутился и он в коробе с сажей; ощупал руками попа и дьякона.

— Кто здесь?

— Это мы, я и отец дьякон,— говорит поп,— а ты, кажись, дьячок?

— Точно так батюшка.

Наконец пошла хозяйка на улицу и звонаря заманила.

Звонарь только разделся, как раздался шум и стук; он бултых в короб.

— Кто тут?

— Это я, свет, с отцом дьяконом и дьячком; а ты, кажись, звонарь?

— Так точно, батюшка.

— Ну, свет, теперь весь причт церковный собрался.

Муж вошел и говорит жене:

— Нет ли у нас сажи продажной? Спрашивают, купить хотят.

— Пожалуй, продавай,— говорит жена,— на полатях целый короб стоит.

Взял он с батраком, взвалили этот короб на телегу и повезли по большой дороге.

Едет барин.

— Сворачивай! — кричит во всю глотку.

— Нельзя, у меня черти на возу.

— А покажи! — говорит барин.

— Дай пятьсот рублей.

— Что так дорого?

— Да коли открою короб, только и видел их: сейчас уйдут.

Дал ему барин пятьсот рублей.

Как открыл он короб, как выскочил оттуда весь причт церковный да во всю прыть бежать — настоящие черти, измазанные да черные!

49. ЖАДНЫЙ ПОП

Жил-был поп, имел большой приход, а был такой жадный, что великим постом за исповедь меньше гривенника ни с кого не брал; если кто не принесет гривенника, того и на исповедь не пустит, а зачнет срамить:

— Экая ты рогатая скотина! За целый год не мог набрать гривенника, чтоб духовному отцу за исповедь дать, ведь он за вас, окаянных, богу молится!

Вот один раз пришел к этому попу на исповедь солдат и кладет ему на столик всего медный пятак. Поп просто взбесился.

— Послушай, проклятый,— говорит ему,— откуда ты это выдумал принести духовному отцу медный пятак? Смеешься, что ли?

— Помилуй, батюшка, где я больше возьму? Что есть, то и даю!

— По б... да по кабакам носить небось есть деньги, а духовному отцу одни грехи тащишь! Ты про этакий случай хоть укради что да продай, а священнику принеси что подобает: заодно уж перед ним покаешься и в том, что своровал; так он все тебе грехи отпустит.

И прогнал от себя поп этого солдата без исповеди:

— И не приходи ко мне без гривенника!

Солдат пошел прочь и думает: «Что мне с попом делать?» Глядит, а около клироса стоит поповская палка, а на палке висит бобровая шапка.

— Дай-ка,— говорит сам себе,— попробую эту шапку утащить!

Унес шапку и потихоньку вышел из церкви, да прямо в кабак; тут солдат продал ее за двадцать пять рублей, припрятал деньги в карман, а гривенник отложил для попа. Воротился в церковь и опять к попу.

— Ну что, принес гривенник? — спросил поп.

— Принес, батюшка.

— А где взял, свет?

— Грешен, батюшка, украл шапку да продал за гривенник.

Поп взял этот гривенник и говорит:

— Ну, бог тебя простит, и я тебя прощаю и разрешаю!

Солдат ушел, а поп, покончивши исповедовать своих прихожан, стал служить вечерню; отслужил и стал домой собираться. Бросился к клиросу взять свою шапку, а шапки-то нету; так простоволосый и домой пришел. Пришел и сейчас послал за солдатом. Солдат спрашивает:

— Что угодно, батюшка?

— Ну, скажи, свет, по правде, ты мою шапку украл?

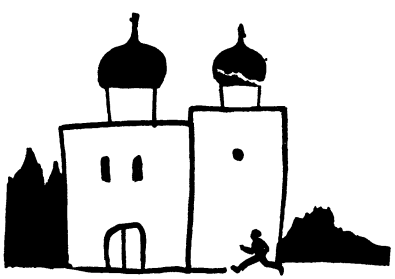
— Не знаю, батюшка, вашу ли украл я шапку, а только такие шапки одни попы носят, больше никто не носит.

— А из которого места ты ее стащил?

— Да в нашей церкви висела она на поповской палке у самого клироса.

— Ах ты, сукин сын, такой-сякой! Как смел ты уворовать шапку у своего духовного отца? Ведь это смертный грех!

— Да вы, батюшка, сами меня от этого греха разрешили и простили.



50. ПОП И РАБОТНИК

Раз поп с работником поехали купить сено. А поп скупой был.

— Ну, работник, ты хлеба себе бери, а мне не надо. Я поп, меня в каждом месте примут!

Вот и поехали. Приходит ночь. Поп и говорит работнику:

— Поди просись ночевать и скажи там хозяину: когда я приду в избу и скашляю первый раз, чтобы был

самовар готов; когда скашляю второй раз — ужин, и третий раз — постель чтобы готовили!

Работник сделал наоборот. Он так сказал, когда просился ночевать:

— У меня,— говорит,— батюшка совестливый. Когда он придет в избу и скашляет первый раз, чтобы баня готова, а второй раз — чашку холодной воды, а третий раз — постель готова.

Так все, понятно, и сделали хозяева, как говорил работник.

И работник проделывал это три ночи. Но стали ночевать они последнюю ночь, поп очень захотел есть.

Разбудил своего работника и говорит:

— Я видел: вчера баба поставила квашню; хотя бы мне теста похлебать!

Работник принес ему теста, и поп рукой хлебает.

Когда он кончил свою похлебку, и говорит:

— Где бы мне руки помыть?

— А вон стоит кружка с квасом, поди мой! — говорит работник.

Поп так и сделал. Затолкал обе руки в кружку и, когда вымыл, потянул свои руки, а они затянулись в узком горлышке.

— Работник, руки-то я не могу добыть,— говорит поп.

А работник был продувной.

— Поди, вон на лавке лежит точило, разбей кружку.

А на лавке спал плешивый старик; ночь была месячна, плешь у старика-то и сияет, как точило. Вот поп подходит и хлоп старика по плеши. Старик как закричит:

— Сыновья, вор здесь! Бьют меня!

Поп в испуге убежал на улицу.

Работник ушел за ним. И у него руки еще в кружке.

— Ну как, работник? О что я разобью свою кружку?

И в то время старуха вышла на волю (до ветру). Работник и говорит:

— Вон у столба стоит карга!

Как поп подходит — и хлоп старуху по голове. И опять крик. Поп чуть не плачет со своей кружкой.

Но, наконец, работник освободил у попа руки.

Но вот они поехали домой. А ночевать уже не стали в деревнях, а ночевали на поле.

Раз они ночевали. Работник и говорит попу:

— Смотри-ка, сколько волков! Нас съедят!

Поп испугался и говорит:

— Что будем делать?

А работник и говорит:

— Привяжу я тебя на бечевку. Ты стань на четыре лапы и лай; а я возьму дубину и буду ходить. Волки увидят, что ходит лесник, и убегут.

Так и сделали.

Но когда рассвело — и что же? — это были обгорелые пни!

Так вот как учат скупых попов! Наверно, он вперед уже: поедет за сеном — возьмет своего хлеба.

51. КАК ПОП РАБОТНИКОВ МОРИЛ

Вот в некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в каком живем мы, жил один мужик. У него было три сына — два умных, а третий дурак. Жили очень бедно. Отец посылает сыновей:

— Идите хоть один в работники: дома делать нечего!

Сыновья собрались; ни тому, ни другому неохота идти в работники. Перетолковали, вздумали жребий кинуть,— кому идти в работники. Кинули жребий, досталось большаку брату идти в работники. Большак брат справился и отправился в путь-дорожку. Поступил в работники к попу. Тот его ничем почти не кормил, проморил зиму. Ушел большак. На другой год отправился к попу средний брат — и тоже чуть с голоду не помер. Настала очередь меньшому брату идти — Ивану-дураку. Вот он снарядился и отправился в дорогу. Вышел — попадает поп встречу ему.

— Далеко ли, добрый человек, идешь? — спрашивает поп.

— Иду себе места искать! — говорит.

— Ну, наймись ко мне в работники!

— Найми! — говорит. — Сколько дашь?

— Сто рублей дам,— говорит,— за зиму!

— Ну, а сто рублей дашь, я и жить стану! — говорит.

— Ну, станешь, дак садись в сани и поедем ко мне!

Сели в сани и поехали к попу. Приехали к попу. Поп чаем напоил; ужином накормил.

— Ложись спать! — говорит. — Утром ехать за сеном.

Утром поп будит с полночи работника:

— Вставай, надо ехать.

Сам чаю напился, отзавтракал, а работника не кормит на дорогу. Работник запряг пару лошадей.

— Ну, садить, батька! Поедем,— говорит.

Сели и поехали. Выехали за поле.

— Батька,— говорит,— я веревки забыл! Нечем сено завязать.

— Экой ты чудак! Еще хорошо — скоро вспомнил! Беги, я подожду!

Иван-дурак прибежал к попадье:

— Матка, давай скорей белорыбник и бутылку вина. Поп велел дать!

Попадья сейчас подала. Работник побежал.

— На́ веревки, батька! Теперь есть чем сено вязать!

Верст сорок проехали. Наклали они возы, завязали. Поехали домой,— сумерилось, а еще верст сорок ехать домой. Иван-дурак на возу выпивает из бутылки и белорыбником закусывает. Поп и говорит Ивану-дураку:

— Ваня, гляди. Есть дорога направо, как бы туда лошадь не сбрела. А я дремлю.

— Ладно, батька, поезжай. Я усмотрю эту дорогу.

Ваня идет и смотрит эту дорогу. Увидал эту дорогу, скочил с воза и отвел лошадь в сторону по той дороге, по коей не надо было ехать.

Поехали они по этой дороге верст пятнадцать. Потом поп проснулся. Осмотрел место и видит, что в сторону едут, неладно.

— Ваня, ведь мы неладно едем!

— А я,— говорит.— почем знаю — ладно или неладно! Ведь ты впереди едешь, а я за тобой.

— Экой Ваня! Как я наказывал, что посмотри, дорога направо будет, а ты и заехал!

— Ишь, сам впереди, а я и заехал!

— Ну, стало быть, Ваня, делать нечего! Надо ехать по этой дороге. Должна тут быть деревня недалеко, нужно нам в ней ночевать.

Так поехали дальше продолжать. Приезжают они в одну деревню. Поп посылает работника:

— Пойди просись ночевать вот у такого-то мужика!

Работник побежал к дверям. Видит — двери заперты. Сейчас большуха вышла, двери отворила. Работник вошел и просит хозяина:

— Пусти нас, пожалуйста, с попом ночевать!

— Милости просим,— говорит,— ночуйте!

— Да, пожалуйста, я вас прошу, попа ужином не кормите: накóрмите, он еще горазже сшалеет. Примолвите так, а садить не садите более, а если посадите, так не взыщивайте, если сшалевать будет!

— Ну ладно!

Работник лошадей выпряг, поставил к возам. Вошли в избу, разделись поп и работник.

— Поужинать ли не хотите ли, батюшка?

Поп на ответ ничего не подает, а работник сверкнулся, да и за стол. Работник отужинал как ему надо, а попу сесть неловко, только примолвили, а больше не садят; а есть очень хочется. Так работник отужинал, полез на полати, и поп за ним. Работник захрапел, а попу не спится. Работника тычет под бока:

— Работник, ведь я есть хочу!

— Ох,... косматый леший! Садили тебя есть — не садился. Ведь не дома, где попадья за руки садит. Поди, я видел у большухи горшок каши стоит, пойди ешь!

Поп сошел со полатей, разыскал горшок в сошке.

— Работник! — говорит. — Чем я буду кашу есть? Ложки мне не найти,— говорит.

— Ах ты черт косматый, навязался! Есть ему дал, и то спокою не дает! Засучи руки и ешь так!

Поп загнёл туда руки и ожег; а там не каша была, а вар. Вот он и забегал с горшком опять:

— Работник, ведь мне рук не вынуть!

Работник и говорит:

— Ишь лешего косматого навязало на меня! Всю ночь спокоя не даешь со своей кашей.

А ночь была месячная, значит.

— Вон,— говорит,— у порога точило лежит, брякни горшком об него — и вынешь руки-то!

Этот поп разбежался — да как хряснет об это точило. А это лежало не точило, а хозяин лысый спал. Поп об его лысину и ударил. Хозяин завопил, а поп скочил, да

из избы вон: испугался. Тогда все хозяева скочили за огнем. Хозяин кричит чего-то, работник кричит:

— Куда поп девался?

Не знаю, что и делалось здесь. Хозяева за работника:

— Зачем старика убили?

А работник за хозяев:

— Куда попа дели? Давайте попа! А нет, сейчас схожу к десятскому: «Деревню собери!» Где хотите, попа давайте!

Потом хозяева одумались:

— Куда поп девался?

— Давайте,— говорит работник,— триста рублей, все дело замну, а нет — к десятскому пойду!

Хозяева мялись, мялись, дали триста рублей.

— Только не сказывай, что случилось!

Так работник запряг лошадей и поехал с сеном домой. Попа нет, значит. Проезжает деревню, стоит поп у пелевнюшки, стоит, из угла выглядывает, видит, что работник едет с сеном. Поп и спрашивает:

— Аль ты, Ваня, едешь-то?

— Я,— говорит,— косматый плут! Ужо в остроге будешь сидеть! Убил хозяина!

— Неужели его до смерти я, Ваня, убил?

— Да, быть, до смерти! Сейчас ладят за урядником ехать, протокол составлять.

— Не можешь ли, Ваня, как-нибудь этого дела замять?

— Триста рублей давай, так замну, а нет — так в остроге сидеть будешь!

Так поп согласился триста рублей работнику заплатить, только бы замял это дело. Работник вернулся в деревню, постоял за углом, постоял немножко и идет назад.

— Поезжай, батька! Теперь ничего не будет! Поедем назад!

Приехали домой. Поп сделался такой добрый; стал работников жалеть. Как сам садится чай пить, так и работника садит. Ваня прожил зиму, семьсот рублей денег получил заместо сотни. Приходит домой, отцу и говорит:

— Вот, тятька, на деньги! Гляди, сколько заработал! Не как твои два умные сына!

После этого стали жить-поживать и добра наживать. И теперь живут хорошо.

52. ПОП И РАБОТНИК

Поп сам ел хорошо, а своего работника кормил плохо. В праздник работник забрался пораньше в церковь, залез под престол и сидит там. Поп пришел, начал служить, стал читать:

— Господи, очисти меня, грешного, и помилуй!

А работник тихонько из-под престола говорит:

— Не помилую!

Поп услыхал, изумился. Опять говорит:

— Господи, очисти меня, грешного, и помилуй!

Работник опять:

— Не помилую!

Поп в третий раз говорит так же, и работник ему в третий раз отвечает то же. Поп осмелился, говорит:

— За что же, господи?

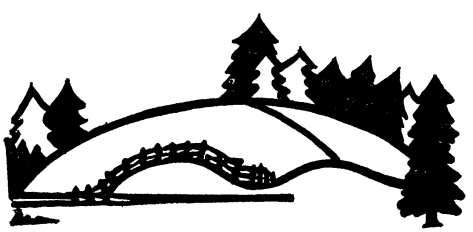
Работник отвечает:

— Работника плохо кормишь!

Поп пришел домой, говорит попадье:

— Мать, какое мне было преставление: я слышал голос,— и рассказывает, что было.

Пришел и работник. Его — за стол, стали кормить, угощать.



53. КАК ПОПЫ ССОРИЛИСЬ

Ты родное Мошенское, огромадное село!
Как зимою в Мошенское все дороги замело.

Вот в Мошенском все дело и вышло.

Жили в Мошенском два попа — приход-то большой, богатый,— поп отец Иван да поп отец Маврикий.

Поп Иван постаре был, а поп Маврикий вовсе молодой и горазно озорной — не то, чтобы пьяница, пить он шибко не пил, а так озоровал. Кого в церкви кадилом по лбу стукнет, кому крестом в зубы ткнет, так что зубы чуть не вышибет. Да только приключилась с отцом Маврикием настояща беда — овдовел он.

Сам, чать, знаешь, что попу овдоветь? Жениться другоряд попу нельзя, а мужик он молодой, всего два года как сан принял.

Да только поп Маврикий исхитрился. Накупил разных полушалков, а какие и от жены остались, и стал эти полушалки по окнам развешивать. Ну молодые бабенки враз поняли, что и к чему. Да и отец Маврикий видный сам из себя был. Ну и стали, которы побойчей да поладней, к нему полы мыть да белье стирать похаживать.

Все бы ладно было, да матушка отца Ивана — попадья — стала ему вдалбливать: пиши, дескать архиерею, что надо отца Маврикия в монастырь. Блудом-де он занялся. Весь приход тебе достанется, как его отправят.

Ну, отец Иван и написал.

Вызвал их обоих архиерей, а отец Иван дорогой помалкивает, ничего не рассказывает.

Вот приехали они, архиерей и говорит:

— Ты, Маврикий, блудом занимаешься — жену не успел похоронить, а уж о тебе слушок пошел!

А Маврикий-то и отвечает:

— Напраслину на меня возвели, отче! Ко мне только средь бела дня женщины убираться ходят. Что же мне, обовшиветь теперя?

А сам кулаком глаза трет, будто плачет.

Ну, архиерей видит, напраслину возвел отец Иван.

Отпустил он попа Маврикия, а попа Ивана спрашивает:

— Ты своими глазами видел, или на исповеди бабенки каялись?

Попу Ивану деваться некуда:

— Как же,— говорит,— я своими глазами видеть могу, и на исповеди в таких делах бабенки не покаются, потому как правильная женщина на такие дела не пойдет, а с энтих все как с гуся вода, потому бога они не боятся.

— Ну,— говорит архиерей,— ты сперва доказательства представь, а так первосвященного не с чем нам беспокоить!

Вот приехал поп Иван домой и все как есть обсказал своей попадье.

А матушка-то и говорит:

— Я буду глядеть — как он новый полушалок на окне вывесит, ты подберись, да в окно-то и загляни, а с собой дьячка возьми.

Ну поп Иван и рад — уж очень ему охота весь приход в руки забрать. Не долго дожидать-то пришлось.

Вот крадется поп Иван под окнами, а дьячок подале ползет. Да только поп попал невпопад.

Бабенка-та, коя полы в тот день мыла — словно сам отец Маврикий, озорница была. Она и приметила попа с дьячком.

Окно расхлобыснула да помои-те попу Ивану на голову и вылила.

Поп закричал:

— Анафеме предам тебя, подлую!

А она ему:

— Ой, батюшка, да как я знать могла, что ты под окном схоронился?

Побежал поп Иван домой, велел работнице байну топить. А поп на попадью кричит:

— На все село через тебя острамился — никуда больше не пойду!

Так дело между попами и кончилось.

А только поп Иван стал денно и нощно бога молить, чтобы покарал господь грешника отца Маврикия.

То ли услышал господь его молитвы, то ли еще что, а только жил в Мошенском богатый мужичок Пенюшка. И стало у этого Пенюшки в дому нечисто — кто-то с печки стал картошкой кидаться, да не только ночью, а средь бела дня.

По селу об этом только и речи. Стал народ бояться к нему в избу заходить.

Не бросать же дом, да и куда средь зимы подашься.

Вот и пошел Пенюшка к Маврикию, как все знали, что поп Маврикий бесстрашный был.

— Так и так, батюшка, ослобони от нечистого.

А поп-то и говорит:

— Чего же ты плачешься, тебе радоваться нужно! Ты картошку собирай да свинью на ей и выкормишь — это тебе, видно, дар божий!

— Какой же это дар божий, когда все в шишках да в синяках ходим, в летнюю избу перешли — а сам знаешь, каково зимой-то в летней избе?

Мы хоть народ темный, а не век свой круг скота ходили. Нельзя этой картошкой скотину кормить. Дак ты приходи, батюшко, освяти избу-то, ослобони нас от его!

— Ну ладно, завтра после обедни приду.

Вот после обедни поп и пошел вместе с дьячком молебен служить у Пенюшки. Все семейство собралось. Отслужил поп Маврикий обедню, побрызгал избу святой водой, сели обедать.

Только поп ложку ко рту поднес, как огромадная картошина ему по лбу и бац! — здоровую шишку набила.

Ну поп схватил эту картошину, да и закинул ее с матерком со всей силы обратно на печку.

На печке-то как взвоет, зашумит, и все тихо стало.

С тех пор у Пенюшки из дому нечистый сбежал.

Да и жила в Мошенском женщина Ольга, по-уличному Бомба. Очень толстая была, ну прямо как лежбак.

Муж у ней вовсе тихий был. А она бубликами торговала.

Сядет на лавку, поставит вперед себя маленьку лавочку, ногу заголит да протянет на маленьку лавочку. Тесто раскатает да по ноге и меряет, чтоб просчету не было. Коло лодыжки обернет — по копейке, круг икры — по три копейки, а круг ляжки выше коленки — по пятачку.

Уж не знаю почему, но только приглянулась эта Ольга-бомба попу Маврикию. И стал он удумывать, как бы ему с ней дело сладить.

Известно, самая сладкая брюква, что на чужом огороде растет.

Кабы не поп Иван, легче дело-то было. А только всякий поймет, что Ольга-бомба полы мыть не пойдет.

Решил поп Маврикий, чтобы Ольга-бомба к нему на исповедь ходила, а там видно будет. Ну и Ольге-бомбе,

видно, лестно показалось, что отец Маврикий на ее поглядывает.

Стала она в церкву ходить, когда отец Маврикий службу справлял.

А тут и великий пост подошел — скоро люди говеть начнут.

— Погоди же ты, поп Иван, я те выучу. Поране твоего приход объеду.

Вот запряг поп Маврикий мерина в розвальни, а впереди, не так что очень большой, дошник укрепил. Сел на краешек дошника и поехал по сбору.

А Ольга-бомба ране у отца Ивана яйца да сметану покупала, как они ей завсегда нужны.

Вот объехал поп Маврикий приход, чуть не полдошника сметаны насбирал. Едет, да и думает: «Отдам я эту сметану за так Ольге — все будут думать, что я продал, а она поймет».

Вот доехал поп до Мошенского, заворину вытащил, ворота снова затворил, сел опять на край дошника, да и поехал прогоном.

А ты что думаешь? Тот-то забыл, как поп его из Пенькиной избы выжил? Нет, брат, ничего он не забыл.

Только поп поехал, а тот как гикнет, лошадь-то и понесла! Поп и ковырнулся вверх ногам в дошник со сметаной.

Домчала лошадь до дома Ольги-бомбы и стала как вкопана.

Сбежался народ, вытащили попа из дошника-то — еле отхаркался поп,— еще бы немного и утонул бы в сметане, да, видно, не попустил господь нечистого безвинно погубить попа!

Хорошо еще, что дело-то великим постом было, у попа под подрясником штаны были одеты, а ну как в Петровки?

И то народ смеялся, как поп вверх ногам по селу промчался.

Ну Ольга-бомба на исповедь к ему не пошла и смотреть на его не стала. Вот как Пенюшку-то поп Маврикий выручил, а себя, значит, выучил!

54. ПОХОРОНЫ КОБЕЛЯ

Жил-был мужик, у него был кобель. Рассердился мужик на кобеля, взял — повез его в лес и привязал около дуба. Вот кобель начал лапами копать землю, подкопался под самый дуб, так что его ветром свалило.

На другой день пошел мужик в лес и вздумал посмотреть на своего кобеля, пришел на то место, где привязал его, смотрит: дуб свалился, а под ним большой котел золота. Мужик обрадовался, побежал домой, запряг лошадь да опять в лес. Забрал все деньги и кобеля посадил на воз. Воротился домой и говорит бабам:

— Смотрите угождайте у меня кобелю всячески! Коли не станете за ним ходить да не будете его кормить,— я с вами по-своему разделаюсь!

Ну, бабы стали кормить кобеля на убой, сделали ему мягкую постель, холят его всячески. А хозяин никому, кроме кобеля, и не верит: куда ни поедет, а ключи завсегда повесит кобелю на шею.

Жил-жил кобель, заболел да околел. Вздумалось мужику похоронить кобеля со всей церемонией; взял он пять тысяч и пошел к попу:

— Батюшка, у меня умер кобель и отказал тебе пять тысяч денег, с тем чтобы ты похоронил его по христианскому обряду.

— Ну, это хорошо, свет, только в церковь носить не надо, а похоронить можно! Приготовляйся, завтра приду к выносу.

Мужик изготовился, сделал гроб, положил в него кобеля, а наутро пришел поп с дьяконом и дьячками в ризах, пропели что надо и понесли кобеля на кладбище, да и закопали в могилу.

Дошло у попа до дележки с причтом; он и обидел дьячков, мало им дал; вот они просьбу на него к архиерею: так и так, дескать, похоронили кобеля по-христиански. Архиерей позвал к себе попа на суд.

— Как ты смел,— говорит,— хоронить нечестивого пса?

И посадил его под арест.

А мужик взял десять тысяч и пошел к архиерею попа выручать.

— Ты зачем? — спрашивает архиерей.

— Так и так,— отвечает мужик,— помер у меня кобель, отказал вашему преосвященству десять тысяч денег да попу пять.

— Да, братец, я слышал про то и посадил попа под арест, зачем он, безбожник, как нес кобеля мимо церкви, не отслужил по нем панихиды!

Взял архиерей отказанные кобелем десять тысяч, выпустил попа и пожаловал его благочинным, а дьячков сдал в солдаты.

55. ЗАВЕЩАНИЕ КОЗЛА

Пошел мужик лыко драть. Козла взял с собой. Козел холомок нашел, стал бороть, нашел котелок золота. Раньше золото в землю клали старики. Козел стал блекотать, хозяина подзывать.

— Что это козел блекочет?..

Подошел — котелок золота.

— Ай да козел, ну и козел у меня!

Пошел с этим золотом домой, а козел сзади. Приносит котелок золота.

— Вот, жена,— говорит,— козел-то у нас. Нашел холомок, стал бороть и выбрал котелок золота.

Мужичок стал богатеть, стал козла беречь. Года три прошло, козел околел. А хозяин очень разбогател.

Хозяин и говорит:

— Пойду козла зарою, отвезу в болото.

— Нет, козла надо похоронить. Ступай возьми денег, подкупи дьякона, псаломщика — я козла зарывать не дам,— вот, баба, как!

Приходит мужик к псаломщику:

— Вот я с похоронами.

— С какими?

— Козла хоронить.

— Дурак мужик!

— Как козел околевал, вам двадцать пять рубличков давал.

Псаломщик говорит:

— Иди к дьякону!

Пришел.

— Здравствуйте.

— За чем?

— За похоронами.

— Кого?

— Козла хоронить.

— Дурак ты, мужик. Нешто козла можно?

— А как козел околевал, вам пятьдесят рублей давал.

— Ах, можно. Ступай к попу.

— Батюшка, здравствуй!

— За чем?

— За похоронами.

— Кого?

— Козла хоронить.

— Дурак, нешто козла можно?

— Как козел околевал, сто рублей вам давал.

— Ходи за дьяконом и псаломщиком.

Козла привезли. Мужик зарыл его. Баба рада.

— Вот так и надо. Мы чем разбогатели?..

Через несколько времени архиерею доложил кто-то, помещик, что мужик козла хоронил. Сейчас владыко посылает к попу весть:

— Явиться туды — и мужичку, и попу.

— Смотри,— говорит баба,— дед, бери больше! Архиерею дай тысячу рублей, чтобы покрыть это дело.

Мужик взял денег много, поехали с попом. Так, сейчас, значит, требует владыко всех.

— Ты,— говорит,— козла привозил хоронить?

— Я, владыко. Как козел околевал, вам тысячу рублей давал.

Владыко сказал:

— Я,— говорит,— за то беспокоен, что мало трезвонили.

И правда, богатые вывернутся!..

58. АРХИЕРЕЙ

Богатый поп заспорил с бедным попом об одном селе. Они принуждены были жаловаться правосвященному. Вызывает лично к себе бедного и богатого архиерей. Те приезжают в Смоленск. Так что архиерей был в то время в соборе. Они подходят к нему. Архиерей и говорит:

— Из попов-то есть дураки! Нашли о чем спорить!

Спрашивает у богатого:

— Какой час?

Тот вытаскивает часы из кармана. Архиерей говорит:

— Двадцать лет ты учен, а оказываешься дураком!

— А в чем дело?

— Должен был посмотреть на сегодняшнее число и это время, что нужно начинать петь, что в какой час поется: глас первый или глас восьмой! Ну-ка ты,— на бедного попа говорит архиерей,— отвечай, голубчик, когда умеешь с богатыми судиться!

— Говорите, ваше правосвященное владыко!

— А что сегодня бог делает?

— А мне сказали, что его дома нет, когда я был у него!

— А где же он сегодня?

— Поехал в степь!

— Зачем?

— Пеньку скупать!

— На что ж ему пенька?

— А кнут вить!

— На что?

— А вас, долгогривых дураков, бить, зачем небыли спрашивать!

— Молодец! — сказал архиерей. — Село остается за тобой!

И сейчас служит в селе Бизюкове. Значит, дело тем кончилось, живет богато.

57. ДВЕ СТАРУХИ И АРХИЕРЕЙ

Однажды в один приход приезжает архиерей. В деревне, где был приход, жили две старухи, которые никогда не видали архиерея. Старухи стали говорить своим сыновьям, чтобы им сходить в церковь и увидеть архиерея. Сыновья стали готовить своих матерей, чтобы подойти старухам на благословение: тогда только тщательно могут увидеть архиерея.

— Чтобы подойти на благословение к архиерею, нужно правую руку положить на левую и приблизиться к нему, а он положит на ваши руки свою, тогда поцелуйте его руку и придете домой,— сказали сыновья своим матерям.

Вот пошли эти старухи. Подходят к церкви, увидали— стоит карета у церкви. Они думали, что архиерей сидит в карете. А на самом деле архиерей был в церкви, а в карете у него оставалась любимая собака. Старухи стали между собой толковать: «Заглянуть в карету или ждать выхода?» И решили заглянуть. Одна из них говорит:

— Я карету отворю, а ты правую руку на левую сложь, подойди ближе к двери и подставляй; а когда архиерей положит правую руку, ты тогда целуй его руку.

Одна старуха отворяет, а другая сложила свои руки, и подошла к дверцам кареты, и просунула их туда.

А в карете любимая архиерейская собака, увидя старуху со сложенными руками, подумала, что лапку просит. Собака дала лапку — положила старухе на ладонь. Старуха поцеловала эту лапку, стала придерживать дверцу, чтобы другая старушка подошла. Та тоже сложила так руки, просунула в карету,— собака и ей положила лапку на ладонь, и она поцеловала лапку. И веселые пошли домой.

Когда пришли домой, то дети стали спрашивать старух,— как, видели они архиерея или нет? А старушки говорят:

— Да, видели.

— Ну, кого он из себя представляет?

— Ой, батюшки! — говорят старухи. — Весь на нашего барбоса походит.

Сыновья удивились и подумали: «Видно, все архиереи — псы».

58. СОЛДАТ И СМЕРТЬ

Один солдат прослужил двадцать пять лет, а отставки ему нет как нет! Стал он думать да гадать: «Что такое значит? Прослужил я богу и великому государю двадцать пять лет, в штрафах не бывал, а в отставку не пущают; дай пойду куда глаза глядят!»

Думал-думал и убежал. Вот ходил он день, и другой, и третий, и повстречался с господом. Господь его спрашивает:

— Куда идешь, служба?

— Господи, прослужил я двадцать пять лет верою и правдою, вижу: отставки не дают — вот я и убежал; иду теперь куда глаза глядят!

— Ну, коли ты прослужил двадцать пять лет верою и правдою, так ступай в рай — в царство небесное.

Солдат замолчал. Опять ходил он, ходил по райским местам, подошел в другой раз к святым отцам и спрашивает:

— Не продают ли где близко вина?

— Ах ты служба-служба! Какое тут вино! Здесь рай, царство небесное!..

— Какой тут рай: ни табаку, ни вина! — сказал солдат и ушел вон из рая.

Идет себе да идет, и попался опять навстречу господу.

— В какой,— говорит,— рай послал ты меня, господи? Ни табаку, ни вина нет!

— Ну, ступай по левую руку,— отвечает господь,— там все есть!

Солдат повернулся налево и пустился в дорогу. Бежит нечистая сила:

— Что угодно, господин служба?

— Погоди спрашивать; дай прежде место, тогда и разговаривай.

Вот привели солдата в пекло.

— А что, табак есть? — спрашивает он у нечистой силы.

— Есть, служивый!

— А вино есть?

— И вино есть!

— Подавай всего!

Подали ему нечистые трубку с табаком и полуштоф перцовки.

Солдат пьет-гуляет, трубку покуривает, радехонек стал: вот взаправду рай так рай!

Да недолго нагулял солдат. Стали его черти со всех сторон прижимать, тошно ему пришлося! Что делать? Пустился на выдумки, сделал сажень, настрогал колышков и давай мерить: отмерит сажень — и вобьет колышек. Подскочил к нему черт:

— Что ты, служба, делаешь?

— Разве ты ослеп? Не видишь, что ли? Хочу монастырь построить.

Как бросился черт к своему дедушке:

— Погляди-тка, дедушка, солдат хочет у нас монастырь строить!

Дед вскочил и сам побежал к солдату.

— Что,— говорит,— ты делаешь?

— Разве не видишь? Хочу монастырь строить.

Дед испугался и побежал прямо к богу:

— Господи, какого солдата прислал ты в пекло: хочет монастырь у нас построить!

— А мне что за дело! Зачем таких к себе принимаете?

— Господи! Возьми его оттедова.

— А как его взять-то! Сам пожелал.

— Ахти! — завопил дед. — Что же нам, бедным, с ним делать?

— Ступай сдери с чертенка кожу и натяни барабан, да после выйди из пекла и бей тревогу: он сам уйдет!

Воротился дед, поймал чертенка, содрал с него кожу, натянул барабан.

— Смотрите же,— наказывает чертям,— как выскочит

солдат из пекла, сейчас же запирайте ворота крепко-накрепко, а то как бы опять сюда не ворвался!

Вышел дед за ворота и забил тревогу; солдат, как услыхал барабанный бой, пустился бежать из ада сломя голову, словно бешеный; всех чертей распугал и выскочил за ворота. Только выскочил, ворота — хлоп — и заперлися крепко-накрепко. Солдат осмотрелся кругом: никого не видать, и тревоги не слыхать; пошел назад и давай стучаться в пекло.

— Отворяйте скорее! — кричит во все горло. — Не то ворота сломаю!

— Нет, брат, не сломаешь! — говорят черти. — Ступай себе куда хочешь, а мы тебя не пустим; мы и так насилу тебя выжили!

Повесил солдат голову и побрел куда глаза глядят. Шел-шел и повстречал господа.

— Куда идешь, служба?

— И сам не знаю!

— Ну, куда я тебя дену? Послал в рай — нехорошо! Послал в ад — и там не ужился!

— Господи, поставь меня у своих дверей на часах.

— Ну, становись.

Стал солдат на часы. Вот пришла Смерть.

— Куда идешь? — спрашивает часовой.

Смерть отвечает:

— Иду к господу за повелением, кого морить мне прикажет.

— Погоди, я пойду спрошу.

Пошел и спрашивает:

— Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?

— Скажи ей, чтоб три года морила самый старый люд.

Солдат думает себе: «Эдак, пожалуй, она отца моего и мать уморит: ведь они старики».

Вышел и говорит Смерти:

— Ступай по лесам и три года точи самые старые дубы.

Заплакала Смерть:

— За что господь на меня прогневался, посылает дубы точить!

И побрела по лесам, три года точила самые старые дубы; а как изошло время — воротилась опять к богу за повелением.

— Зачем притащилась? — спрашивает солдат.

— За повелением, кого морить господь прикажет.

— Погоди, я пойду спрошу.

Опять пошел и спрашивает:

— Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?

— Скажи ей, чтоб три года морила молодой народ.

Солдат думает себе: «Эдак, пожалуй, она братьев моих уморит!»

Вышел и говорит Смерти:

— Ступай опять по тем же лесам и целых три года точи молодые дубы; так господь приказал!

— За что это господь на меня прогневался!

Заплакала Смерть и пошла по лесам, три года точила все молодые дубы, а как изошло время — идет к богу, едва ноги тащит.

— Куда? — спрашивает солдат.

— К господу за повелением, кого морить прикажет.

— Погоди, я пойду спрошу.

Опять пошел и спрашивает:

— Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?

— Скажи ей, чтоб три года младенцев морила.

Солдат думает себе: «У моих братьев есть ребятки: эдак, пожалуй, она их уморит!»

Вышел и говорит Смерти:

— Ступай опять по тем же лесам и целых три года гложи самые малые дубки.

— За что господь меня мучает! — заплакала Смерть и пошла по лесам, три года глодала самые что ни есть малые дубки; а как изошло время — идет опять к богу, едва ноги передвигает.

— Ну, теперь хоть подерусь с солдатом, а сама дойду до господа! За что так девять лет он меня наказует?

Солдат увидал Смерть и окликает:

— Куда идешь?

Смерть молчит, лезет на крыльцо. Солдат ухватил ее за шиворот, не пускает. И подняли они такой шум, что господь услыхал и вышел:

— Что такое?

Смерть упала в ноги:

— Господи, за что на меня прогневался? Мучилась я целых девять лет: все по лесам таскалась, три года точила старые дубы, три года точила молодые дубы, а три года глодала самые малые дубки... еле ноги таскаю!

— Это все ты! — сказал господь солдату.

— Виноват, господи!

— Ну, ступай же, за это носи девять лет Смерть на закортышках (на плечах).

Засела Смерть на солдата верхом. Солдат — делать нечего — повез ее на себе; вез-вез — и уморился; вытащил рог с табаком и стал нюхать. Смерть увидала, что солдат нюхает, и говорит ему:

— Служивый, дай и мне понюхать табачку.

— Вот те на! Полезай в рожок да и нюхай сколько душе угодно.

— Ну, открой-ка свой рожок!

Солдат открыл, и только Смерть туда влезла — он в ту ж минуту закрыл рожок и заткнул его за голенище. Пришел опять на старое место и стал на часы. Увидал его господь и спрашивает:

— А Смерть где?

— Со мною.

— Где с тобою?

— Нет, господи, не покажу, пока девять лет не выйдет; шутка ли ее носить на закортышках! Ведь она не легка!

— Покажи, я тебя прощаю!

Солдат вытащил рожок, и только открыл его, Смерть тотчас и села ему на плечи.

— Слезай, коли не сумела ездить,— сказал господь.

Смерть слезла.

— Умори же теперь солдата! — приказал ей господь и пошел куда знал.

— Ну, солдат! — говорит Смерть. — Слышал: тебя господь велел уморить!

— Что ж? Надо когда-нибудь умирать! Дай только мне исправиться.

— Ну, исправься!

Солдат надел чистое белье и притащил гроб.

— Готов? — спрашивает Смерть.

— Совсем готов!

— Ну, ложись в гроб!

Солдат лег спиной кверху.

— Не так! — говорит Смерть.

— А как же? — спрашивает солдат, и улегся на бок.

— Да все не так!

— На тебя умереть-то не угодишь! — и улегся на другой бок.

— Ах, какой ты, право! Разве не видал, как умирают?

— То-то и есть, что не видал!

— Пусти, я тебе покажу.

Солдат выскочил из гроба, а Смерть легла на его место.

Тут солдат ухватил крышку, накрыл поскорее гроб и наколотил на него железные обручи; как наколотил обручи — сейчас же поднял гроб на плечи и стащил в реку. Стащил в реку, воротился на прежнее место и стал на часы. Господь увидал его и спрашивает:

— Где же Смерть?

— Я пустил ее в реку.

Господь глянул — а она далеко плывет по воде. Выпустил ее господь на волю.

— Что ж ты солдата не уморила?

— Вишь он какой хитрый! С ним ничего не сделаешь.

— Да ты с ним долго не разговаривай; пойди и умори его!

Смерть пошла и уморила солдата.

59. ПРОНЬКА В АДУ

Был матрос Пронька: всю службу свою слыл горьким пьяницей; чарка для него была полглотка, а ендову осушал в два приема без отдыха. Что там ему ни говори, только и услышишь:

— Пей, да дело разумей! Пьян да умен — два угодья в нем! Пьяница проспится, дурак никогда!

И впрямь, дело он разумел, от работы не отказывался, говорил всегда правду, и все его любили и берегли. Раз как-то великим постом стал ему говорить священник:

— Пронька, бога ты не боишься! Не ровен час — во хмелю умрешь; ведь смерть ходит не за горами! Ну, что тогда скажешь ты, как пьяный предстанешь пред господом?

А он в ответ:

— Батюшка! Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке: всю правду, значит, скажу перед богом.

Как сказал священник, так и случилось. С каких — уж не знаю — радостей сильно подпил Пронька, да, видно, слишком на себя понадеялся, полез на мачту и свалился оттуда прямо в воду. Вот по сказанному, как по писаному, явился он на тот свет пьянешенек и не знает, куда идти? А там, дело известное, и для трезвого потемки, так пьяному просто беда. Вот прошла ранжировка да перекличка, кого куда; матросов-горемык — известно, всех в рай назначают, и Проньку вскричали туда ж. А он бурлит себе, замешался в толпу и попал в ад; шумит там пуще всех, только другим мешает... Много было хлопот, чтобы вывесть его из ада; долго не могли с ним справиться; да уж Никола Морской догадался, взял боцманскую дудку, стал у райских дверей и засвистал к вину. Как услыхал Пронька, сейчас бросился из ада вон и в ту ж минуту явился куда следует.

60. ГОРЬКИЙ ПЬЯНИЦА

Жил-был старик, да такой горький пьяница, что и сказать нельзя. Вот забрался он как-то в кабак, упился зелена вина и поплелся во хмелю домой, а путь-то лежал через реку; подошел к реке, не стал долго думать, скинул с себя сапоги, повесил на шею и побрел по воде; только дошел до середины — спотыкнулся о камень, упал в воду, да и поминай как звали!

Остался у него сын Петруша. Видит Петруша, что отец пропал без вести, потужил, поплакал, отслужил за упокой души панихиду и принялся хозяйничать. Раз в воскресный день пошел он в церковь богу помолиться. Идет себе по дороге, а впереди его тащится баба: шла-шла, спотыкнулась о камушек и заругалась:

— Кой черт тебя под ноги сует!

Петруша услыхал такие речи и говорит:

— Здорово, тетка! Куда путь держишь?

— В церковь, родимый, богу молиться.

— Как же тебе не грешно, идешь в церковь богу молиться, а поминаешь нечистого! Сама спотыкнулась, да на черта сваливаешь...

Ну, отслушал он обедню и пошел домой; шел-шел, и вдруг откуда ни возьмись — стал перед ним молодец, поклонился и говорит:

— Спасибо тебе, Петруша, на добром слове!

— Кто ты таков и за что благодарствуешь? — спрашивает Петруша.

— Я — дьявол; а тебе благодарствую за то, что как спотыкнулась баба да облаяла меня понапрасну, так ты замолвил за меня доброе слово.

И начал просить:

— Побывай-де, Петруша, ко мне в гости; я тебя во как награжу! И серебром, златом — всем наделю!

— Хорошо,— говорит Петруша,— побываю.

Дьявол рассказал ему про дорогу и пропал в одну минуту, а Петруша воротился домой.

На другой день собрался Петруша в гости к дьяволу; шел-шел, целых три дня шел и пришел в большой лес, дремучий да темный — и неба не видать!

А в том лесу стоял богатый дворец.

Вот он вошел во дворец и увидела его красная девица — выкрадена была нечистыми из одного села; увидела его и спрашивает:

— Зачем пожаловал сюда, добрый молодец? Здесь черти живут, они тебя в клочки разорвут.

Петруша рассказал ей, как и зачем попал в этот дворец.

— Ну смотри же,— говорит ему красная девица,— станет давать тебе дьявол золото и серебро — ты ничего не бери, а проси, чтоб подарил тебе того самого ледащего коня, на котором нечистые дрова и воду возят. Этот конь — твой отец; как шел он из кабака пьяный да упал в воду, черти тотчас подхватили его, сделали своей лошадью, да возят теперь на нем дрова и воду!

Тут пришел тот самый молодец, что звал Петрушу в гости, и принялся угощать его всякими напитками и наедками.

Пришло время отправляться Петруше домой.

— Пойдем,— сказал ему дьявол,— я наделю тебя деньгами и славною лошадью, живо до дома доедешь.

— Ничего мне не нужно,— отвечает Петруша,— а коли хочешь дарить — подари ту ледащую кляченку, на которой у вас дрова и воду возят.

— Куда тебе эта кляча! Скоро ли на ней до дому доберешься, она того и смотри околеет!

— Все равно подари; окромя ее, другой не возьму!

Отдал ему дьявол худую клячонку. Петруша взял и повел ее за узду. Только за ворота, а навстречу ему красная девица:

— Что, достал лошадь?

— Достал!

— Ну, добрый молодец, как придешь под свою деревню — сними с себя крест, очерти кругом этой лошади три раза и повесь ей крест на голову.

Петруша поклонился и отправился в путь; пришел под свою деревню и сделал все, что научила его эта девица: снял с себя медный крест, очертил кругом лошади три раза и повесил ей крест на голову. И вдруг лошади не стало, а на месте ее стоял перед Петрушей родной отец.

Посмотрел сын на отца, залился горючими слезами и повел его в свою избу; старик-ат три дня жил без говору, языком не владел.

Ну, после стали они себе жить во всяком добре и счастии. Старик совсем позабыл про пьянство и до самого последнего дня ни капли вина не пил.

61. ОДНА БАБА...

Одна баба, ставя по праздникам свечу перед образом Георгия Победоносца, завсегда показывала змию кукиш.

— Вот тебе, Егорий, свечка; а тебе шиш, окаянному.

Этим она так рассердила нечистого, что он не вытерпел; явился к ней во сне и стал стращать:

— Ну уж попадись ты только ко мне в ад, натерпишься муки!

После того баба ставила по свечке и Егорию, и змию. Люди и спрашивают, зачем она это делает?

— Да как же, родимые! Ведь незнамо еще, куда попадешь: либо в рай, либо в ад!

62. КОЛПАК ЗОЛОТА

Жил-был мужик, все по чужим людям в работниках жил. Пришел однажды к барину, а барин послал его сетями рыбу на озеро ловить; а он никогда не делал того, что хозяин приказывал, а что на ум придет.

Пришел он к озеру, бросил сети на берег, сел, попил, выспался и принялся яму рыть, вырыл яму глубокую; потом надрал липовой коры и замочил в озере, ходит по берегу, ждет, когда кора вымокнет, чтобы наделать лыка. Один раз нашел на берегу двух маленьких зайчат и положил их в ямку, а кругом сделал изгородь. Вымокла кора, он набрал лыка и вьет веревки; ночью в яму попался медведь.

Только лег он спать в эту ночь, из озера выбегает чертенок и говорит ему:

— Что ты, дядюшка, делаешь?

— А вот веревки вью, хочу все озеро сморщить и вас всех, чертей, скорчить!

Чертенок сейчас же в озеро, а через несколько времени вышел оттуда и говорит:

— Дедушка мне приказал с тобой потягаться; если ты меня обгонишь, то и морщи озеро, а если я тебя обгоню, то прочь уходи от озера.

— Эка невидаль,— говорит мужик,— с тобой бегать: ты пробеги с моим меньшим братишкой, и тот тебя обгонит, а со мной и тягаться нечего.

Взял мужик одного зайца, держит в руках и говорит:

— Ну, беги!

Чертенок побежал, а мужик пустил зайца, недолго его и видел чертенок: заяц в лес, а чертенок бежит кругом озера; прибежал чертенок, а мужик другого зайца в руках держит и говорит:

— Ну где же тебе тягаться с моим братом, он давно прибежал, видишь — уж отдыхает?

Черт — в озеро, а работник поспал и веревки вьет.

Снова выходит из озера чертенок и говорит:

— Бегаешь ты, дядюшка, лучше, а давай поборемся,— кто кого поборет.

— Эко диво бороться, мой средний брат — тот тебя поборет, а где же тебе со мной тягаться!

Спустился чертенок в яму, а мишка захватил так чертенка, что тот еле живой в озеро нырнул.

В третий раз выходит чертенок из озера и говорит:

— Вот, дядюшка, я принес палицу, давай тягаться, кто палицу выше бросит; если ты выше меня бросишь, то и морщи нас!

Работник попробовал поднять палицу, палица была тяжела — куда бросать, когда и поднять не может.

— Ну что ж, бросай; я смотреть буду, высоко ли улетит!

Бросил чертенок палицу, высоко палица улетела и упала назад и завязла глубоко в земле, одна ручка видна.

— А высоко, брат, ты бросил, а все-таки посмотрим, кто выше бросит!

— Ну, давай, дядя, тащи палицу!

— Сам завязил, сам и тащи, я после, буде придется, вытащу!

Вытащил чертенок палицу, работник держится за ручку палицы и пошевелить не может.

— Что же ты думаешь? Бросай,— говорит чертенок.

— Не торопись,— говорит мужик,— я вон подожду то облако; пусть нанесет его поближе, я швырну палицу на облако, она там и останется.

— Нет, нет, не бросай палицы на облако, палица дедушке нужна, он без палицы никуда не ходит и мне велел сейчас принести.

— Ну, как хочешь,— говорит работник,— велишь — брошу, не велишь — твое дело!

Чертенок схватил палицу — и в озеро. Работник опять вьет веревки, выбегает из озера чертенок и говорит:

— Что хочешь бери, только от озера уйди и нас не морщи!

— Да что с вас, чертей, возьмешь, как у вас, кроме золота, ничего нет. Наносите мне один колпак золота, да и будет с вас.

Чертенок согласился и ушел в озеро, а работник убил медведя, на ту яму наклал корьев и прикрыл хворостом; прорезал в колпаке дыру, приладил колпак над ямой, и ночью черти стали носить в колпак золото: вылью золото, а оно через дыру в яму, пока полной ямы не наносили; в колпаке не было золота, наконец колпак наполнился. Снес мужик сети барину и отказался от работы, купил четырех лошадей, и на них увез четыре воза золота, и стал жить да поживать, а после еще барин из ямы набрал воз золота и стал жить богачом!

63. МУЖИК И ВОДЯНОЙ

Идет мужик по мосту, видит — сидит на колодине водяной. Сидит и говорит:

— Год году хуже! Год году хуже!

А мужик как взял да как стукнет его по спине.

Водяной как закричит:

— Этот год всех хуже! Этот год всех хуже!

Да и нырнул в воду.

64. СКАЗКА ПРО МУЖИКА-БЕДНЯКА

Однажды мужик пошел в лес дрова рубить, подошел к озеру, сел на берег и нечаянно уронил топор в воду. Сидит он и плачет. Вдруг из воды выходит черт и спрашивает:

— Чего, мужик, плачешь?

— Топор, батюшко, утопил.

Ушел черт в воду и через недолгое время приносит мужику серебряный топор и спрашивает: «Твой топор?»—«Нет,— отвечает мужик,— не мой».

Черт снова ушел в воду и снова приносит ему топор — теперь золотой. И спрашивает: «Твой топор?»—«Нет,— отвечает мужик,— не мой».

В третий раз черт вынес мужику его собственный топор. И спрашивает: «Твой топор?»—«Мой, мой!»

Тогда черт подарил мужику все три топора, и пошел мужик домой с радостью.

Пришел он домой и рассказал все мужикам.

Тогда одному богатому мужику тоже захотелось получить золотой и серебряный топоры.

Пришел он к озеру, бросил свой топор в воду, сидит и горюет.

Выходит из воды черт, спрашивает: «Что ты горюешь?»— «Да топор потопил».

Ушел черт, потом приносит ему серебряный топор и спрашивает: «Твой топор?»—«Мой, мой, чур мой!»— закричал мужик.

А черт ушел с топором и больше не вышел из воды.

Так богатый мужик и остался без топора.

65. МУЖИК И ЧЕРТ

В одной деревне жил мужик. Женка у него была здоровая, а сам тощенький. Жена его колотила-колотила. Однажды он просидел у соседа. Она взяла полено и давай колотить его; он вырвался и кругом дома побежал. Она за ним. Он — раз под бревно. Женка пробежала, не увидела. Он слышит — еще кто-то ползет.

Щупает — человек лежит.

— Кто?

— Я.

— А ты кто?

— Черт.

— Я от женки.

— Да и я от женки.

— Что делать будем?

— Вот мне,— говорит,— женка рог сломала, я домой не пойду.

— Пойдем вместе путешествовать.

Ходят день, второй, третий, неделю. Хлеба не достали, не работают и не воруют. Голодом плохо жить. Черт говорит:

— Ты заделайся лекарем, а я буду ходить к богатым помещикам, царям, графьям, князьям. В утробу заберусь и буду мучить. Они не умрут, болеть будут. А ты лечи. Пошепчи чего-нибудь для вида, я и вылезу.

И вот они денег насобирали много.

— А теперь пошли домой, женки нас с деньгами примут,— говорит черт.— Но прежде давай деньги делить.

А мужичку жалко денег стало.

— Нет, я тебе, черт, не дам денег.

— А почему?

— Я заработал.

— Если б не я, ты б денег не получил.

— Не дам. А если ты полезешь, тогда рог тебе последний сломаю.

А чертенок был слабый, малосильный. Идет. Заплакал, осердился.

Мужик отдал жене все деньги.

Женка посмотрела — денег много: «Милый такой».

На печке мужик лежит, в потолок поплевывает. Такой мужик для бабы хороший стал — на божницу посадить и богу молиться!

А черт ухитрился и дочке короля в утробу забрался. Дочка молодая, самая любимая. Ходит и плачет:

— Ой, папочка, все хуже и хуже.

Все доктора, профессора лечили — не могут вылечить. Один говорит:

— Ваше королевское величество, вот в такой-то деревне мужичок-лекарь хороший.

Царь и говорит:

— Ой, и верно, я и забыл. Давай запрягай тройку.

Приехали к мужику гонцы.

— Ну, мужик, собирайся, поехали к королю, дочку лечить.

— Что вы, что вы! Я не знаю, я темный мужик, не могу я.

Он догадался, что там черт.

Привезли его все-таки к царю.

— Вот вылечи дочку. Я заплачу.

— Ой, что вы, я ничего не знаю, деревенский человек.

— Что такое? Графьев лечил, генералов, а мою дочку не хочешь! Даю трехдневный срок.

Он задрожал, заплакал, шепчет:

— Черт, выйди, я тебе половину денег отдам.

— Нет, не выйду.

— Черт, выйди, все деньги отдам и три года на тебя работать буду.

— Нет, не выйду.

Остается до сроку два часа. Пришел король.

— Ну, как доченька?

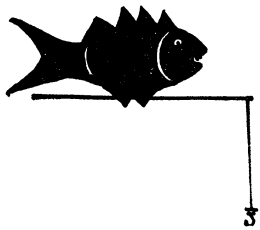
— Еще хуже.

Мужик сел и ревет на койке. Плакал, плакал, да как заорет во всю глотку:

— Ой, черт, женка идет!

Как черт оттуда выскочит, через раму, косяк сломал! Вот как женок-то боялись они.

Черт так и убежал в Японию. Там сейчас самодержавие.



66. ЗЛАЯ ЖЕНА

Муж с женой года четыре жил, двоих детей нажил. Но до того жена злая была, каждый день мужа била. Думал-думал муж — вот правда пословица: жениться не напасть, да как бы женатому не пропасть. Думал-думал; дай я ее утоплю в речке в Антошкиной Крути. Вот он и говорит:

— Баба, пойдем с тобой на речку рыбу ловить.

Как она зашумит на него:

— Ах ты такой-сякой. Люди покос косят, а ты рыбу ловить. Да знаешь русскую пословицу: иметь ружье да удочки, хлеба есть по чуточке. На покос надо идти.

Ну, он взял косу, грабли, кошель с хлебом и пошел на покос. Покос был за речкой. Пробыл там цельный день и приходит домой. Жена встречает, прямо ругает:

— Ну, много накосил?

Да прямо его бить давай.

— Много накосил. Копен тридцать накосил, в кучу сносил, в скирд наклал да тебе ягодок нарвал.

Она взяла ягоды, ест и хвалит.

— Дюже ягоды хороши, где ты их нарвал?

— Да около речки, где Антошкина Круть, там крутобережье. Ягоды! Осыпные!

— Правду говоришь?

— Правду.

— Ну, пойдем. Если придем, да ягодов нет, я тебя убью. Распрощайся с белым светом.

— Ну, пойдем.

Приходят на Антошкину Круть. Она:

— Где?

— Нагнись к забережью.

Она нагнулась. Он толкнул. Она бултых в воду, только забулькала.

— Ну,— говорит,— слава богу, отмучился.

И пошел домой.

Пришел домой, а тут делов!.. Надо коров доить, тел-

ка напоить, поросенка накормить, наседку с цыплятами загнать. Дети кричат, есть просят. Делов... Надо печь, варить. Бедствовал он так с неделю и говорит:

— С худом — худо, а без худа еще хуже. Пойду — может, я ее еще поймаю.

Взял палку, вырубил скалку, привязал посредине веревку и пошел.

Пришел к Антошкиной Крути, где он ее спихнул, бросил палку, а веревку в руках держит. Сидит, раз потрогал — легко, другой — легко, третий раз потянул—тяжело.

— Эх, должно, попалась.

И давай тянуть. Там крутобережье, обрыв, он не видит, кого тянет. Глянул, а он черта тащит.

— Куда ты, черт?

Хотел его бросить.

— Куда тебя дьявол несет на белый свет?

А черт говорит:

— Мужичок, вытащи меня, пожалуйста, я тебя сделаю богатым-пребогатым. Там какая-то баба окаянная завелась, никак не дает нам, чертям, покою.

— Да это жена моя.

Он тогда его вытянул.

— Ну, как нам быть, как договариваться?

Черт и говорит:

— Я сейчас пойду к самому богатому купцу в дом. Буду стучать, греметь. А ты возьмись лекарем быть. Только бери дороже.

Вот черт пошел к Карасеву (имение там было), стучит, гремит, покою не дает. Пошел слух, что такой лекарь есть. Приезжают.

— Умеешь нечистую силу выгонять?

— Умею. Это у вас домовой в трубе сидит.

Карасев, купец-то, говорит:

— Что хошь возьми, только выгони.

— Давай избу-восьмерик. У тебя много в лесу коров, корову дай дойную, а то у меня плохонькая. Уж зубов нету. Изба завалилась и корова без зуб.

— Пожалуйста, возьми.

Взяли, привезли, походил, нет ничего. А черт уже убежал к другому богатому-пребогатому. Шумит, гремит, никому покоя не дает. Опять приезжают за этим мужиком. Приехал управляющий, спрашивает:

— Мужичок, можешь нечистую силу выгнать?

— Могу. Это у вас домовой в трубе сидит. Давайте

лошадь с упряжью. А то у меня ни кнута, ни хомута, и телега никуда не годится.

— Ладно,— говорит.

Привели ему лошадь, телегу привезли. А черт уж убежал к графу Орлову.

— Давай,— говорит,— к самому богатому уйду.

Приезжает графа управляющий опять за этим мужиком.

— Можешь нечистую силу выгнать — никому покою не дает, стучит, гремит?

— Что же, могу. Дайте мне земли участок, да леску десятины хоть две-три, да деньжонок на первый случай с сотенку.

Все ему дали. Черт как увидел — убежал, да к королю. Приходят за ним и от короля.

— Как быть?

Уговор с чертом был до трех раз. Порвал шубу на клочки, краски навел на лицо, на руки, течет везде. Только к воротам подходит, а черт говорит:

— Ты зачем идешь? Уговор был до трех раз.

А мужик говорит:

— Друг мой милый, мне тебя жалко. Жена моя пришла, вот что со мной сделала. Тебя ищет.

Черт испугался, побежал и — бултых в Антошкину Круть. А Егор Степанович и сейчас с детьми живет. Всех выучил. Живет-поживает, нигде горя не знает, я недавно у него была, квас с мятой пила. Он еще приглашал заходить, кваску попить.

67. ЧЕРТ-ЗАИМОДАВЕЦ

У мужика случилась беда, а на беду надо денег. Между тем денег нет; где их взять? Надумался мужик идти к черту просить денег взаймы. Приходит он к нему и говорит:

— Дай, черт, взаймы денег.

— На что тебе?
— На беду.
— Много ли?
— Тысячу.
— Когда отдашь?
— Завтра.
— Изволь,— сказал черт и отсчитал ему тысячу.

На другой день пошел он к мужику за долгом. Мужик говорит ему:

— Приходи завтра.

На третий день он пришел. Мужик опять велел прийти завтра. Так ходил он сряду несколько дней. Мужик однова говорит ему:

— Чем тебе часто ходить ко мне, то я вывешу на воротах моих доску и напишу на ней, когда тебе приходить за долгом.

— Ладно,— ответил черт и ушел.

Мужик написал на доске: «Приходи завтра» и повесил ее к воротам. Черт раз пришел, два пришел — на воротах все одна надпись.

— Да,— говорит он сам с собой,— не пойду завтра к мужику!

И не пошел.

На третий день идет к нему и видит на воротах другую надпись: «Вчера приди».

— Эк меня угибало,— сказал черт,— не мог вчера я прийти, видно пропали мои денежки!

И с тех пор попустился он своему долгу.

68. КАК СОЛДАТ ШЕЛ СО СЛУЖБЫ

Прослужил солдат двадцать пять годов и выслужил пять пятаков. Вот идет, пятаки побрякивают в кармане, доходит до часовни.

— О спаситель! Давно,— говорит,— я хотел тебе свеч-

ку поставить, никак не пришлось. Ну вот в часовне,— говорит,— положу.

Положил в кружку. Идет — стоит вторая часовня Марии-девы. Он и тут положил пять копеек,— тоже обещание. Николаю Чудотворцу положил еще пять копеек, и осталось у него только десять копеек (два пятака), а идти — дорога дальняя, а поисть охота. И вот догоняют его два спутника: один такой молодой мужчина, а другой — старичок.

— Мир доро́гой,— говорят,— солдатик.

— Также и с вами мир, добрые люди.

— Устал,— говорят,— солдатик?

— Да, устал, добрые люди. Сейчас бы вот пирожка с капусткой, да бутылочку винца, да трубочку табачку — и боле не надо солдату.

— Так чего же тебе, солдатик, только этого и надо?

— Да, боле ничего,— говорит,— не надо, был бы пирог с капустой, да бутылочка с винцом, чтобы никогда не выливалась, да чтобы цельный кисетик завсегда табаку был.

А старший спутник и спрашивает:

— А ты про рай не думаешь, что когда ты умрешь?

— Что,— говорит,— про рай думать, надо здесь рай делать.

Ну вот хорошо. Они и ушли от него. Он опять один остался. Садится на канавочку — дескать, поустал, надо отдохнуть. Хватился, смотрит — в вещевом-то мешке что-то есть, сумка стала тяжелее. Вот расстегнул ее, смотрит — пирог с капустой, такой роскошный, шикарный! И бутылка выглядывает.

— Э, брат, выпьем, посидим.

Налил чарочку, выпил и давай пирог кушать. Накушался досыта, хватил за кисетик, смотрит — цельный кисет табаку.

— Ну теперь,— говорит,— не умру с голоду, можно идти целый год.

Пошел потихоньку. Идет так неделю, идет вторую. Вот приходит в одно село. Смотрит — дом шикарный, хороший. Что такое, смотрит — все стекла выбиты, ни одного стекла в окошках. Поглядел, приходит в первый дом и просится ночевать. Ну, его ночевать пустили. Сели ужинать — его тоже садят. Дескать, садись поужинай, солдатик, только тебе у нас не уснуть ни за что.

— А из-за чего же не уснуть? — солдат их спрашивает.

— Да вот,— говорят,— в барском доме как нечистая сила появилась, так и все. Хотим,— говорят,— перебраться в другой конец. Ночью покою нету. Свист, шум, гам.

— Хе! Дали бы мне волю, я бы выгнал всех чертей.

— Да что ты, солдатик!

— Ей-ей,— говорит,— выгнал бы. Ну-ко идите-ко до графа и скажите, что я пойду сейчас ночевать в этот дом.

Ну вот граф его подзывает к себе.

— Ты, солдат, хочешь в мой дом идти ночевать?

— Да, ваше сиятельство.

— И не боишься чертей?

— Ничего они мне не сделают. Только дайте мне буравчик такой, ну, сверло, и воску еще, и плеть хорошую, и книгу интересную.

— Ладно, хорошо,— говорит,— все это будет тебе. Еще чего надо?

— Боле ничего не надо,— говорит.

Приходит туда, обошел весь дом, выбрал себе комнатку маленькую такую, да чтоб окошка не были выбитые. Вот зажег лампу, и взял книгу, и начал читать. Ну, вот так читает часов до одиннадцати. Вдруг на крыше ворон заграял. Вот такой появляется свист, шум, гам, крик. И прямо все в дом бегут.

— Стой, стой,— говорят,— здесь человек.

Он сидит не оборачивается, только берет нагайку покрепче. Его хватают, он оборачивается:

— Вам чего надо?

За ним загоготали, засмеялись.

Он заорал:

— Смирно! Что вы, дисциплины не знаете? Я вас научу!

Тут над ним засмеялись:

— Так мы не солдаты, а мы черти!

— А думаете, чертям таким недисциплинированным быть? Смирно, давай вставай!

И давай нагайкой их пороть.

— Я,— говорит,— вам покажу, как жить.

Ну вот, которые не встают, он, значит, дерет. Рука устала. Встали все в строй.

— Ну вот сейчас я вас буду обучать поворотам. Пока что слушайте команду. Если как кто неладно повернулся, возьму проверну дыру и в дыру буду садить и воском замазывать.

Вот и давай их вертеть. Как повернутся неладно — он их в дыры. Вот их двадцать посадил в дыры и воском замазал. Потом уж третьи петухи пропели. Они стали проситься. Он их не пускает.

— Да пусти,— говорят,— солдат. Нам нельзя до третьих петухов.

— Я,— говорит,— вас заставлю не до третьих, а чтоб дисциплину знали, все сутки морить буду, чтоб знали. Ну а завтрашний день чтоб приходить потихоньку-полегоньку, чтоб никто не слыхал, а ты за старшего будешь, дескать,— указал тут на одного.

Вот их отправил, лег и уснул. Слышит во сне — кричит кто-то:

— Солдат, солдат, жив?

Ну он:

— Эй, кто там такое?

— Да граф послал. Если жив, так приходи завтракать.

— Сейчас иду, подождите, вместе пойдем.

Ну отправились. Приходят к графу. Ну, граф здоровкается.

— Ну как, солдатик, жив?

— А что мне сделается, ваше сиятельство?

— Так они опять же были!

— Ну да, были. Только что ушли несолоно хлебавши. Вот еще раз придут, а потом боле не захотят идти.

— Ежели ты их прогонишь, то ты проси, что тебе угодно, я тебе все дам.

Ну ладно. На второй вечер он опять приходит в тот дом, берет книгу, опять начинает читать.

Вот опять ворон гаркнул. Слышит — идут потихоньку. Подходят тихонько, и командует этот, старшой-то:

— Смирно!

— Команды не слышу. Шибче!

— Солдатик, отпусти,— говорят,— нас. Мы боле не придем, и отпусти тех, которых заключил.

— Я,— говорит,— вас отпущу! Я вас всех посажу в эти дыры, чтоб знали дисциплину.

— Да какая же у нас, у чертей, дисциплина? У нас сроду никакой дисциплины не было.

— Ну вот это и худо. Без дисциплины никто не может жить.

— Отпусти, солдатик. Уйдем и боле никогда не придем.

— Ну ладно, хорошо, отпущу. Ну только если попадетесь, тогда пеняйте на самих себя.

Вот выпустил, они все убежали на радостях.

Утром опять приходит к этому графу и говорит:

— Ну, граф, дворец готов. Можете переходить.

— Ну что тебе за это надо? Или оставайся, живи — ничего не делай, я тебя буду поить, кормить и обувать.

И вот он стал тут у него жить. Без дела солдат не привык: он взял пчел с собой, за ними стал ухаживать. Ну вот живет, за пчелами ухаживает. А постирать, значит, некому, и сварить, и обиходить — все везде сам. Он приходит и говорит:

— Ваше сиятельство, я,— говорит,— хочу жениться. Дайте мне какую-нибудь старушку, чтобы она постирала, попримыла, и мне боле ничего не надо.

— Какую тебе надо? На много ли годов?

— Ну годов сорок, под пятьдесят чтоб было.

Ну вот, граф приказал управляющему, чтоб собрать пожилых вдов и девок, какую он выберет. Ну вот, собрали человек около ста. И вот одна понравилась, и он ее взял и обвенчался с ней. И вот зажили так, что дай бог. И вот он подзахворал и помер.

Приходит на тот свет, значит. И там такая дорога: направо-то рай, налево-то ад. Он и думает:

— Куда же мне идти? Пойду,— говорит,— в рай.

Отворяет двери рая апостол Петр.

— Эй, солдат, я говорил — тебе рай надо. А тебе пирога с капустой, да бутылку вина, да кисет табака. Так тебе не сюда надо. Иди в ад с этим.

Он сел тут на дороге, задумался:

— Чего же мне теперь делать?

А дорога-то узенькая. А там народу много — идут ведь. Солдата толкают. Он сидит день, второй. Надоело уж, надо идти в ад. Вот спускается в ад. А там кричат:

— Сейчас, сейчас!

Только двери отворились, он входит. А один черт его узнал.

— Куда,— говорит,— вы его пускаете? Он всех,— говорит,— нас в дыры засадит. Да еще,— говорит,— дисцип-

лину здесь заведет: заставит,— говорит,— направо и налево ворочаться.

Так и не пустили солдата, оставили его на дороге. Проходит с месяц, а он все сидит на дороге. Вот идет Смерть.

— Ты чего,— говорит,— солдат, здесь сидишь?

— Да не пускают,— говорит.

— Да как в рай не пускают, так в ад иди!

— Да и в ад не пускают.

— Да как это так?

— А вот как хочешь.

— Давай садись на меня,— говорит,— наклоняйся пониже, чтоб не видать головы было. Да держись за плечи. Спросят, так я скажу: «Опившегося принесла».

Ну вот он сел на нее, она и потащила его. Прибежала, стукается ногой в ад-от. Там черти увидали.

— Кого тащишь?

— Да вот,— говорит,— один опился вином, так пришлось самой тащить.

— Давай его,— говорят,— сюда.

Вот она подбегает, бросила его, они это к нему, он соскакивает, да:

— Смирно! Я,— говорит,— вам дам. Что, забыли дисциплину?

Схватил березову палку и давай их утюжить — крепкая такая попалась. А Смерть бежать из этого аду.

Ну вот, чертей разогнал всех, выбрал себе комнатку — такая хорошенькая, небольшая, тепленькая. Постель себе приспособил. Стал жить. Как черти чего будут хулиганить, сейчас выходит и с ними распоряжается по-своему.

Вот черти и задумались, запечалились.

Надо как-нибудь солдата выживать. А то нам покою не дает, не только что сам чертей не боится, так и других-то отвадил.

Ну вот хорошо. Всяко его обманывали. Никак не обмануть. Потом один и придумал.

— Так давайте сделаем тревогу-то, как в солдатах-то. Он,— говорит,— спросонок-то и выскочит из аду-то.

Только он уснул, как брякнет тревога, а черт, как фельдфебель, закричал:

— Тревога! Вставай скорей!

И солдат вскочил, моментально одеваться: р-раз — и

бежать. Как выбежал из ада-то, а за ним дверь и захлопнулась. Он было туда.

— Нет, нет, голубчик, теперь не жди, чтоб ты сюда попал!

Так опять солдат остался на дороге. Приходит Смерть:

— Ты что же, опять здесь?

— Да ведь меня обманули, обманом выжили, тревогой.

— Что мне с тобой делать?

— Да как-нибудь опять не снесешь ли? В рай ведь не пустят же.

Вот та стукается в ад опять.

— Кого несешь?

— Да удавленника, один тут задавился.

— Кажи,— говорят,— лицо. Может, опять солдата несешь?

Ну что делать-то, увидели, не пустили.

— Трогайся назад, голубчик!

Ну вот Смерть говорит:

— Ну что мне с тобой делать? Хоть на землю тащи обратно. (А там на дороге тоже не разрешается жить беспризорникам-то.)

— Ну, тащи на землю.

Ну вот хорошо. Она его опять и потащила, и положила на то место, где похоронили.

Вот он встал и пошел опять к своей женке. Подходит к этой женке. А женка во как заливается-плачет да его вспоминает, уговаривает:

— Как мне с тобой было жить хорошо, да как мне радостно, да как мне весело. А без тебя-то я ведь совсем пропала.

А он выходит:

— Так вот я и пришел, коли при мне хорошо было.

— Ох ты, милый ты мой, как я рада, как нам опять с тобой хорошо жить будет.

Так опять и стали жить. Еще годов полсотни жили после этого. Оба вместе и померли. Старуха-то такая умная, хорошая была, она-то в рай попала и старика с собой привела. Так и теперь в раю живут. В ад-то черти не пустили. Солдат хотел в ад идти, ан не пустили. В раю-то хуже жить — там табачку не дают покурить и винца выпить не дают. У него бутылочку с винцом отобрали, и трубочку, и кисетик с табаком тоже. Ну и все.

69. СОЛДАТ И ЧЕРТ

Стоял солдат на часах, и захотелось ему на родине побывать.

— Хоть бы,— говорит,— черт меня туды снес!

А он и тут как тут.

— Ты,— говорит,— меня звал?

— Звал.

— Изволь,— говорит,— давай в обмен душу!

— А как же я службу брошу, как с часов сойду?

— Да я за тебя постою.

Решили так, что солдат год на родине проживет, а черт все время прослужит на службе.

— Ну, скидавай!

Солдат все с себя скинул и не успел опомниться, как дома очутился.

А черт на часах стоит. Подходит генерал и видит, что все у него по форме, одно нет: не крест-накрест ремни на груди, а все на одном плече.

— Это что?

Черт — и так, и сяк, не может надеть. Тот его — в зубы, а после — порку. И пороли черта каждый день. Так — хороший солдат всем, а ремни все на одном плече.

— Что с этим солдатом,— говорит начальство,— сделалось? Никуда теперь не годится, а прежде все бывало в исправности.

Пороли черта весь год.

Изошел год, приходит солдат сменять черта. Тот и про душу забыл: как завидел, все с себя долой.

— Ну вас,— говорит,— с вашей и службой-то солдатской! Как это вы терпите?

И убежал.

70. КУЗНЕЦ И ЧЕРТ

Жил-был кузнец, у него был сын лет шести, мальчик бойкий и разумный. Раз пошел старик в церковь, стал перед образом страшного суда и видит: нарисован черт, да такой страшный — черный, с рогами и с хвостом.

— Ишь какой! — подумал он. — Дай-ка я себе намалюю такого в кузнице.

Вот и нанял маляра, и велел ему нарисовать на дверях кузницы черта точь-в-точь такого, какого видел в церкви. Нарисовал маляр.

С той поры старик, как войдет в кузницу, всегда взглянет на черта и скажет:

— Здорово, земляк!

А после разведет в горне огонь и примется за работу. Жил эдак кузнец в ладу с чертом лет с десяток, потом заболел и помер. Стал сын его за хозяина, принялся за кузнечное дело; только не захотел он почитать черта, как почитал его старик.

Придет ли поутру в кузницу — с ним никогда не поздоровается, а заместо ласкового слова возьмет самый что ни есть большой молот и огреет этим молотом черта прямо в лоб три раза, да потом и за работу.

А как настанет у бога праздник — сходит он в церковь, поставит святым по свечке, а к черту придет и плюнет в глаза.

Прошли целые три года, а он все угощает нечистого каждое утро то молотом, то плевками. Терпел-терпел черт, да и вышел из терпения; невмоготу стало.

— Полно,— думает,— принимать мне от него такое надругательство! Дай ухитрюсь да что-нибудь над ним сделаю!

Вот обернулся черт парнем и приходит в кузницу.

— Здравствуй, дядя!

— Здорово!

— А что, дядя, возьми меня к себе в ученье? Буду тебе хоть уголья таскать да меха раздувать.

Кузнец тому и рад:

— Отчего не взять! Вдвоем все спорей...

Пошел черт в науку, пожил месяц и узнал кузнечное дело лучше самого хозяина: чего хозяин не сможет, то он сделает. Любо-дорого посмотреть!

Кузнец уж так его полюбил, уж так им доволен, что и сказать нельзя.

В другой раз сам не идет в кузницу — надеется на работника: он управится.

Раз как-то не было хозяина дома, а в кузнице остался один работник. Видит он — едет мимо старая барыня, высунул голову из дверей и давай кричать:

— Эй, господа! Вы пожалуйте сюда, здесь новая работа открывается, старые в молодых переделываются.

Барыня сейчас из коляски да в кузницу.

— Чем ты похваляешься? Да вправду ли? Да сумеешь ли? — спрашивает парня.

— Не учиться нам стать! — отвечает нечистый. — Коли б не умел, так и не вызывался бы.

— А что стоит? — спрашивает барыня.

— Да всего пятьсот рублев.

— Ну вот тебе деньги, сделай из меня молодую.

Нечистый взял деньги, посылает кучера на деревню:

— Ступай,— говорит,— притащи сюда два ушата молока.

А самое барыню схватил клещами за ноги, бросил в горн и сжег всю дочиста, только одни косточки и остались. Как принесли два ушата с молоком, он вылил их в кадушку, собрал все косточки и побросал в молоко. Глядь — минуты через три выходит из молока барыня: живая, да молодая, да красивая!

Села она в коляску и поехала домой; входит к барину, а тот уставил на нее глаза и не узнает своей жены.

— Что глаза-то выпучил? — говорит барыня. — Видишь, я и молода, и статна; не хочу, чтоб у меня муж был старый! Сейчас же поезжай в кузницу, пускай и тебя перекуют в молодого... а то и знать тебя не хочу!

Нечего делать, поехал барин.

А тем временем кузнец воротился домой и пошел в кузницу; смотрит — нету работника; искал-искал его, спрашивал-спрашивал — нет как нет, и след простыл.

Принялся один за работу, только молотом постукивает.

Приезжает барин — и прямо в кузницу.

— Сделай,— говорит,— из меня молодого.

— В уме ли ты, барин? Как сделать из тебя молодого?

— Ну, там как знаешь?

— Я ничего не знаю.

— Врешь, мошенник! Коли переделали мою старуху, переделывайте и меня, а то мне житья от нее не будет...

— Да я твоей барыни и в глаза-то не видал.

— Все равно, твой работник видел. Если он сумел дело повершить, так ты, старый мастер, и подавну должен уметь. Ну, живей поворачивайся, не то быть худу: попробуешь у меня березовой бани.

Принужден был кузнец переделывать барина.

Расспросил потихоньку у кучера, как и что сделал работник с его барыней, и думает: «Куда ни шло! Стану то же делать; попаду на лад — хорошо, не попаду — все равно пропадать!»

Тотчас раздел барина донага, схватил его клещами за ноги, сунул в горн и давай подувать мехами: сжег всего в пепел.

После того вынул кости, покидал в молоко и ждет — скоро ли выскочит оттуда молодой барин.

Ждет час и другой — нет ничего; посмотрел в кадушку — одни косточки плавают, и те обгорелые...

А барыня шлет послов в кузницу:

— Скоро ли будет готов барин?

Отвечает бедный кузнец, что барин приказал долго жить; поминайте как звали!

Как узнала барыня, что кузнец только сжег ее мужа, а молодым не сделал, сильно разгневалась, созвала своих верных слуг и велела тащить кузнеца на виселицу. Сказано — сделано. Побежали слуги в кузницу, схватили его, связали и потащили на виселицу.

Вдруг нагоняет их тот самый малый, что у кузнеца жил в работниках, и спрашивает:

— Куда ведут тебя, хозяин?

— Хотят повесить,— отвечал кузнец и рассказал все, что с ним сталось.

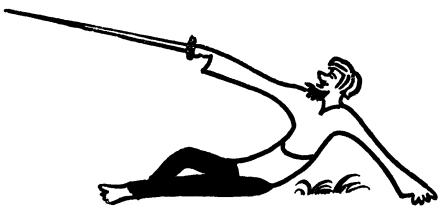
— Ну, дядя! — молвил нечистый,— поклянись, что никогда не будешь бить меня своим молотом, а станешь ко мне такую же честь держать, какую твой отец держал,— и барин сейчас будет и жив, и молод.

Кузнец забожился, заклялся, что никогда не подымет на черта молот, а будет отдавать ему всякую почесть.

Тут работник побежал в кузницу и наскоро воротился оттуда вместе с барином.

— Стой,— кричит слугам,— не вешайте! Вот ваш барин.

Они сейчас развязали веревки и отпустили кузнеца на все четыре стороны; с тех пор перестал кузнец плевать на черта и бить его молотом, работник его скрылся и больше на глаза не показывался, а барин с барыней стали жить да поживать да добра наживать, и теперь еще живут, коли не умерли.



71. БЫВАЛЬЩИНА

Народ блудил, а черт водил — я это точно знаю. У нас в Урлаке музыкант из бурят был. Голос слабый, но очень красивый.

Кто свадьбу играл, всегда этого человека приглашал. До того дошло, что он еще на одной свадьбе поет, а уже его дома ждут, на другую вести.

Поют, кормят, уважают. Вот однажды он уже совсем старый был, приехали за ним.

— Пойдем,— говорят,— к нам в гости.

Он не отнекивался долго, влез в сани, и поехали.

Они разогнались, да и выбросили старика в снег. Не увидели, ускакали, а он встал и побрел.

И дорогу потерял...

А те доскакали до своего села.

— Где,— говорят,— старик?

— Нет старика!

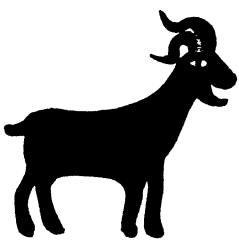
Возвратились, стали искать — нигде нет...

А он потом рассказывал. Прошел немного, совсем с дороги сбился, уже на озеро вышел. Вдруг человек навстречу идет:

— Пойдем к нам в гости!

Он и пошел... Смотрит — стол накрыт, водка, закуска.

Они его просят:
— Выпей!
А он говорит:
— Не могу!
Они еще говорят:
— Выпей!
А он возьми и скажи:
— Ей-богу, не могу!..
Хвать — и оказалось, сидит он на замерзшей кочке, а кругом снег — и никого нет!
Вот тебе и свадьба!
Уже темная ночь была, как он домой пришел.
Старуха плачет, голосит:
— Убили моего мужа!
А он живой и здоровый пришел. Его Прокопием звали...



72. СПОР С ЧЕРТОМ

Жили-были старик со старухой. Они были гультаи. Был у них огород. Что ни посеют — все не растет. Разозлилась старуха и говорит:
— Чтоб тебя черт взял, такой огород!
Появился черт и взял огород. Пахал, сеял, полол его, и вырос хороший урожай. Пошла старуха жать рожь. Появился черт и говорит:
— Это мой огород. Вы его мне отдали.
Прогнал старик черта. Пришел черт опять и говорит:
— Угадай, на ком я приеду завтра, тогда огород будет ваш.
В первый день черт приехал на осле. Угадал старик, узнал осла. На второй день черт приехал на козле. Опять угадал старик, узнал козла. На третий день пришел черт с дубиной, а старик говорит:
— Теперь ты отгадай, на ком я приеду.

Сказал, а сам думает, на ком ему приехать? Тут старуха и говорит:

— Садись на меня, я косы распущу, завяжу тряпками руки и ноги. Пусть отгадает.

Так они и сделали. Сел старик на старуху и поехал к черту. Вышел черт, видит — старик едет. Ходит-ходит черт, никак не может отгадать и говорит:

— Не знаю, старик, на ком ты приехал. Твой огород теперь.

Так остался огород за дедом и бабкой.

73. МУЖИЦКОЕ СЧАСТЬЕ

Два брата было. Один богатый. Другой бедно жил. В одно прекрасное время, как земелька пушок дает, у богатого родится, а у бедного нет.

— Пойду на поле караулить, кто-нибудь пушок берет с моей жнивы.

Пошел в ночное время на поле, взял кий. А жена боится сказать, думает — мужик с ума сошел, как хлопнет кием!.. В двенадцать часов ночи прилетают три птицы. Ударились об пол, сделались мужчинами. С бедной нивки берут, на богатую кидают, а с богатой глыбу берут и кидают на бедную. Тогда этот мужик бедный подбегает с кием.

— Не тронь! Мы богатого счастье.

— А где ж мое счастье?

— А твое счастье в ракитовом кусту, в плисовых штанах, кумачных рубахах лежит. Пробуди его!

Вот он, значит, приходит домой и говорит:

— Жена, мне на солнечном всходе встать. Не проспать бы!

Встал и побежал к этому кусту и стоит. Видит, правда, лежит молодчинище здоровый, широкоплечий, в кумачной рубахе, в плисовых штанах. Вот он его кием толкает.

— Чего ж ты лежишь? Богатого счастье старается, а ты... Голодаю!

А он и не почувствовал! Мужик второй раз развел. Ба! Стал шевелиться. Вскочил на третий раз.

— Что тебе, мужичок, надо?

— Как же,— говорит,— у богатого счастье старается. Пушок с моей жатвы берет, а ты...

— На тебе таз! Скажи: «Накорми нас!» Так оно и будет.

Таз взял, идет домой.

— Ну, ребята-дети, садитесь за стол! Ну,— говорит,— таз, развернись!

Откуда что взялось!

Вот он стал пить-гулять. Всего хватает. Только денег нет.

Тут богатый приходит.

— Что это брат постоянно пьет-гуляет, песни поет?

— А вот,— говорит,— сегодня суббота. А обедню следующую буду стоять. А после обедни всех родных позову.

Позвал всех родных. Сказал:

— У меня в субботу бал будет. Приезжайте ко мне на бал.

Всей родне объяснил. А все знали евонны прожитки, что нищий. А стол у его сделан с досок. Значит, много народу сесть может. Приезжает к нему родня. Ничем не пахнет. Сам знаешь: мясной студень варишь — все-таки слышно.

А там только одни доски.

Когда все собрались гости, все сели, смеются. Богатый говорит:

— Ты хоть пирог, жена, пшеничный дай, спечен у нас.

— Нет,— говорит бедный,— вашего не надо ничего! У меня хватает. Ну-ка,— говорит,— таз, накорми всех нас! Напой и накорми. Вот как!

И салфетки все явились, и водка разная, и печенье, и разные там напитки: и ром, и коньяк, и бальзам. И все удивляются — не шутка дело!

Забрала богатого зависть... Как бы этот таз выманить у него? Стал похаживать к бедному.

— У меня-то господа бывают — тебе он на что? Продай мне этот таз! А я тебе денег дам. И до веку благодарить будешь. Я тебе пару жеребцов дам. Денег пару сот, что я имею. Я тебя до веку буду кормить.

Тот и подумал, что я знаю, где счастье, променяю. Денег не хватает... Да... Пара жеребцов...

Как он променял, все израсходовал. Сам знаешь! Лошадей продал. Хлеб съел. Раз ходит. Другой раз ходит. А третий раз богатый говорит:

— Я тебя кормить не буду. Больше не ходи!

Тут у этого бедного обдумка:

«Пойду опять к счастью. Я знаю, где счастье мое».

Пошел на солнечном всходе. Тогда стал будить его. Да.

— Тебе что надо?

— Богатому таз отказал, деньги пропил. Больше не имею. Негде взять!

— Как, мать честна! Тебя богатый обманул, брался до веку кормить, а теперь хлеба не дает?! Водки нет? Ну, на тебе суму. Как скажешь: «Два с сумы!»— все будет. Как полно будет: «Два в суму!»

Красивая сумочка, золотая. Блестит все. Красивей тазу. Таз серебряный, а тут — золотая. Вот он, значит, пришел домой.

— Садитесь! — говорит.

Ребята — у! Думали, как с тазом. Сели за стол.

— Два с сумы! Два с сумы!

Как выскочили два с нагайками! Ай-ай-ай! Давай бить, поливать кого попало! Бьют! Бьют! Ай-ай-ай!

— Два в суму! Два в суму!

(Погоди, он обманет богатого!) Встал он и обдумал.

— Иди,— говорит,— жена, меру у богатого возьми!

А у самого двадцать копеек осталось, десять копеек и пятнадцать. Из пяти тысяч рублей.

Утром послал. Мерку до вечера держал. Да, да.

— Жена! — говорит. — На тебе двадцать копеек, и десять копеек, и пятнадцать копеек. Ты затисни за эти обручи. Богатый посмотрит, что меряно. Он знает, такой!..

Бедного мужика жена тоже умная была. Взяла она деньги, мерку и пошла.

И затиснула эти деньги. Поставила мерку:

— Братка, благодарю, что дали мерку на целый день!

Вздул огонь богатый. Уже темненько было. Как засветил, как тряхнул меркой — на пол упало двадцать копеек, десять копеек и пятнадцать.

— Ай-ай-ай! Он, стало быть, деньги мерил!

Переспал богатый ночку и пошел утром! А его караулят.

— Богатый идет! Дети, пойте песни!

А у самого сума лежит, так и блестит. Приходит:

— Брат, что это у тебя?

— А вот сума,— говорит,—я тебя деньгами зарою!

А богатый говорит:

— Брат, не серчай. Давай менять!

А тот думал: «Как бы скорее таз от тебя выхватить!»

— Надо брата уважить, он богатый. Бери!

Вот и поменяли. Таз попал назад. А богатый говорит:

— Что с ей делать?

— Как сойдешь домой — так скажи: «Два с сумы! Два с сумы!»

А не сказал: «Два в суму, два в суму!»

Вот, пришедши, богатый говорит:

— Два с сумы! Два с сумы!

Как выскочат два молодца с двумя ремешками. Как начали! Жена богатого побежала к бедному:

— Забили моего мужа!

— А так и надо, обманщика! Не обманывай!

А все пошел и говорит:

— Два в суму! Два в суму!

И стал бедный жить спокойно, с этим тазом проживать.

74. БАРИН-СПОРЩИК

С барином мы спорили. Барин и говорит:

— Богатырев,— говорит,— я тебя переспорю — год работником у меня проживешь, а если ты меня переспоришь — сто рублей тебе.

А свидетелька — барыня. Если он будет говорить, я поперечу — значит, год в работниках проживу, а если барин поперечит,— он сто рублей Богатырю. Ну, барин начал говорить:

— Я был в Одессе, верст за двести. И в Лондоне.

— Правильно,— говорю,— ваш капитал. Вы можете.

— Я был во Франции, в Париже.

— Верю, барин.

— Я был в Германии, в Берлине.

— Верю, барин.

Тогда он говорит:

— Я твоего батюшку бил, бил и в землю закопал. И матушку твою...

Я говорю:

— Так и надо.

Я стал говорить:

— Вот я был в Варшаве, в Москве. Ехали мы, барин, на рябых тараканах. Вчетвером в два дня откатали четыре сажени. И то благодаря, что далеко отпихнулись.

Барин все говорит:

— Да, да.

Ну, я потом:

— Барин, мой батюшка на твоем батюшке в уборную ездил.

— Брось, сукин сын!

Ногой как топнет.

А барыня:

— Дурак ты! Сто рублей отдал Богатырю...

75. СЕРДИТАЯ БАРЫНЯ

В усадьбе была барыня, и до того была сердитая — никому житья не было. Это староста утром как придет спросить что, наряд дать какой,— она его не отпустит, так что не отхвостнёт!

А мужикам-то житья не было никакого: драла как собак.

Солдатик приходил на побывку домой. Пришлось ему ночевать в этой усадьбе.

Ему все это рассказали, а он и сказал:

— У меня есть сонные капли!

Дали ей сонных капель. Она уснула.

Солдат велел лошадей запрячь.

В деревне был сапожник, и до того сердит — так страсть.

Вот он к этому сапожнику и отправил ее. Сапожник не знал, шил сапоги, а он положил на постель, а его жену взял туда, положил на барынину кровать.

Вот сапожника жена пробудилась, видит — дом преотличный. Сейчас служанки подбегают, подают на руки.

— Я до чего дослужила!.. Откуда берется? Это что такое?

Помылась. Подали полотенце. Вытерлась. Подают самовар. Села она чай пить. Староста приходит на цыпочках. Она взглянула, что за мужчина.

— Вам,— говорит,— что надо?

— Я,— говорит,— барыня, к вам пришел спросить, какой наряд дадите, что работать?

А она догадалась:

— Нешто вы не знаете? Что вчера делали, то и сегодня делайте!

Староста вышел в кухню и говорит:

— Сегодня какая барыня добренная, просто отроду такая не бывала!

Ну, она живет тут месяц и другой, и так ее расхвалили крестьяне, что в пору честь отдать.

Вот барыня утром пробудилась и кричит:

— Слуги!

А он сидит, шьет:

— Ты что, растакая...

А она:

— Что такое, сволочь?

— Ах ты, стерва несчастная!

Вскочил со стула, сдернул с ноги ремень и давай ее нахаживать:

— Ты нешто не знаешь своей должности? Ты должна вставать и печь затоплять!

И до того катал ее, сколько ему хотелось!

Потом она взмолилася. Побрела за дровами, принесла дров, затопила печь, кой-чего сварила. Ну, это время так продолжалося месяца два. А он ее раза три да четыре изрядно поколотил.

И потом этот солдат дал сонных капель и переменил их.

Утром встает барыня тихонько, выходит из своей комнаты.

— Что это? Я в старом доме. Откуда я взялась?

Спросила служанок:

— Служанки, как же я сюда попала?

— Ты, барыня, нигде и не бывала!

И с тех пор барыня мягкая-размягкая разделалась, а швецова жена стала жить по-старому.

76. МУЖИК И БАРИН

Рубит мужик дрова. Мороз градусов тридцать пять. Так расстарался мужик, что ему стало жарко. Он снял с себя кафтан и положил на пень. И старается, рубит дрова. С него пот градом.

Едет барин на тройке. Кучеру говорит:

— Остановитесь!

Подзывает барин мужика, говорит:

— Мужик, что такое — мне в тулупе холодно, а ты в одной рубахе — и пот градом.

Мужик и говорит:

— Что мне твой тулуп! Вот у меня кафтан волшебный. На пне лежит, и мне отсюда жарко.

Барин говорит:

— Давай, мужик, менять на тулуп.

Мужик говорит:

— Барин, придачу надо!

Барин говорит:

— Сколько?

— Пятерочку.

Барин достает пять рублей. Мужик берет пять рублей, подает барину кафтан, у барина берет шубу. Барин надел кафтан и поехал. А мужик берет шубу и пошагал домой. Барин с километр отъехал, его так забрал мороз, что все кости стягивать стало. Он закричал на кучера:

— Гони скорей лошадей!

Кучер до тех пор гнал лошадей, приехали домой — все лошади сдохли. А барин попал в больницу и все время ругался на мужика.

А мужик шубу понашивал да барина похваливал.

77. ПЛОТНИК И БАРИН

Один плотник работал у барина. Его звали Иван. И вот работал он не очень чисто. Вдруг приходит к нему барин и говорит:

— Иван, ты совсем плохо работаешь.

— Как, барин, плохо?

— Да видишь, какие щелки у тебя большие (неплотно, знаешь).

Иван усмехнулся и говорит барину:

— Э-эй, барин! Придет клин, так все замажет.

Барину интересно:

— Какой клин? А скоро ли он придет?

Иван ему и говорит:

— При вас, барин, не придет клин.

— А мне бы охота повидать его, клина этого.

— Ну, посиди, барин, может быть подойдет, и увидишь.

Ну, барин тут ждал, ждал, а клин не приходит все. Где он тут будет при барине заклинивать? Барин и говорит:

— Я пойду схожу, Иван, домой, может быть не скоро он придет.

Барин пошел домой. Иван и начал дырки заделывать. Заклинил, что самому черту не подкопаться. Барин бежит, прибегает:

— Что, клин был?

— Видишь, барин, что был, все дырки заклинил. Вы только, барин, ушли, и клин пришел.

— А жалко, что не посидел.

Вот Иван ему и сказывает:

— Барин,— говорит,— если бы не клин да не мох, то плотник бы с голоду сдох. Вот мох закладает, да клин вбивает — вон оно и чисто выходит.

Так барин ничего не узнал. А плотник по-своему работает, как работал.

78. БАРИН И ЛАКЕЙ

Барин имел лакея себе. И жили они с лакеем. Лакей был холостой, и барин был холостой. У него в доме был гостинец, свой дом был, а он в карты его проиграл. И идет он домой. А ему до своего двора сто километров надо идти. Там мыза была, имение. Он все проиграл, значит, ничего с собой не взял. Сам знаешь — уж гостинец проиграл, дом — так и все отдал.

Уходят они с лакеем, идут дорогой. Денег у них не было ни копейки — и не евши. Вот пятьдесят километров надо около большой реки им идти — дорога. На вторые сутки они захотели кушать Сам посуди! Не евши одни сутки — и то-то...

— Давай,— говорит лакей,— отдохнем около речки. А в речке щука и плеснула.

А барин и говорит:

— Эх, кабы эта щука да с хреном!

А лакей и отвечает:

— Эх, кабы эта вода — да с хлебом!

— Да, неплохо бы было...

79. БАРИН-КУЗНЕЦ

Барин один кузнецу позавидовал.

— Живешь ты,— говорит,— живешь, еще когда-то урожай будет и денег дождешься, а кузнец молотком постучит и — с деньгами. Дай кузницу заведу!

Завел кузницу; лакею велел мехи раздувать. Стоит, ждет заказчиков. Едет мужик мимо, шины заказать хочет на все четыре колеса (весь стан).

— Эй, мужик, стой! Заезжай сюда!

Тот подъехал.

— Тебе что?

— Да вот, барин, шины надо на весь стан.

— Ладно, сейчас, подожди!

— А сколько будет стоить?

— Да полтораста рублей надо бы взять, ну да чтобы народ привадить, сто всего возьму.

— Ладно.

Стал барин огонь разводить, лакей — мехи дуть; взял железо, давай его ковать, а ковать-то не умеет. Все сжег.

— Ну,— говорит,— мужичок, не выйдет тебе не то что весь станок, а разве один шинок.

— Ну ладно,— говорит,— шинок так шинок.

Ковал, ковал барин и говорит:

— Ну, мужичок, не выйдет и один шинок, а выйдет ли нет ли сошничок.

— Ну ладно,— говорит мужичок,— хоть сошничок.

Постучал барин молотком, еще железа испортил много и говорит:

— Ну, мужичок, не выйдет и сошничок, а дай бог, чтобы вышел кочедычок.

— Ну хоть кочедычок,— говорит мужик.

Только у барина и на кочедычок железа не хватило: все сжег. Поработал-поработал и говорит:

— Ну, мужичок, не выйдет и кочедычок, а выйдет один шичок. (Когда железо раскаленное в воду опустить, так оно шикнет.)

— Ладно,— говорит мужик,— сколько же вам?

— Да ведь я тебе, дурак, говорил, что сто.

— Со мной сейчас нет, я за деньгами пойду.

И пошел.

А барин и говорит лакею.

— Ты, когда он придет с деньгами-то, стой да приговаривай: прибавь, мол, прибавь!

— Хорошо,— говорит.

Вот мужик захватил дома плеть, пришел в кузницу и давай барина жарить, а лакей стоит да приговаривает:

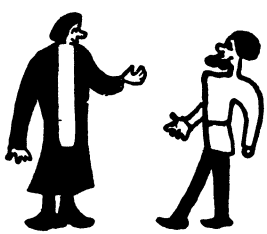
— Прибавь еще! Прибавь еще!

Отжарил и ушел.

Барин накинулся на лакея:

— Что ты, подлец? Я тебе приказывал, если он денег принесет, говорить это, а ты видишь, меня бьют, а орешь: «Прибавь еще!»

Приколотил барин лакея, кузницу разломал и не стал больше браться за кузнечное ремесло да завидовать кузнецу.



80. БАРИН И ПЛОТНИК

Шел плотник между двумя деревнями — Райковой и Адковой. Встретился ему барин приезжий из другой губернии и спрашивает:

— Ты, мужик, из какой деревни идешь?

— Из Райковой.

— А я куда еду?

— В Адкову.

— Ах ты, дурак! Ты, мужик, да из Райкова, а я, барин, да в Адкову... Слуги, взять его и всыпать ему хорошенько!

Лакей соскочил, схватил плотника и давай его бить; били сильно, а потом уехали.

«Ладно,— думает плотник,— не пройдет это тебе даром!»

Узнал мужик, где барин живет, и идет к нему; приходит. А барин любил строиться и строил мызу. Барин не узнал плотника и подрядил его мызу строить.

Зовет его плотник в лес, бревна выбирать. Барин пошел. Пришли. Плотник ходит по лесу, да обухом по деревьям постукивает, да ухо прикладывает.

— Ты что же это, как узнаешь?

— А ты обойми дерево, приложь ухо, и ты услышишь!

— Да у меня руки не хватают!

— Ну, я тебя привяжу!

Привязал плотник барина к дереву, взял вожжи и давай дуть. Дул-дул, барин еле жив остался. А мужик бил да приговаривал:

— Еще тебя, сукина сына, два раза взбучу. Не обижай мастерового человека!

Взял барскую коляску и уехал. Барина еле нашли в лесу через три дня, уж при смерти был.

Хворает барин от мужицкого угощенья, а плотник переоделся, так что не узнать, и приходит лечить барина. Докладывают барину, что пришел лекарь. Барин обрадовался, а лекарь велел истопить байну. Пошли в байну. Помыл, потер лекарь барина и говорит:

— Ну, теперь надо, барин, тебя попарить; только тебе не вытерпеть, надо тебя привязать к скамье!

Барин согласился, и опять плотник вздул барина, да еще по голому телу хуже пришлось.

— Ну, еще раз от меня тебе битому быть: не обижай напрасно мастерового человека!

Сговорился плотник с братом: велел брату прогнать мимо барского дома на барских лошадях, которых плотник угнал из лесу.

Барин увидел в окно и послал своих слуг в погоню.

Гнали-гнали слуги, вора не догнали, а пока ездили, барин был один дома, плотник пришел к барину и еще раз поколотил его:

— Ну, барин, помни, смотри, что нельзя напрасно обижать мастерового человека!

Наутро барин поехал в город, увидел плотника, спрашивает:

— Мужичок, ты ведь вчерашний?

— Никак нет, мне сорок пять лет, какой же я вчерашний!

81. КАК РАБОТНИК С ЧЕСТНОЙ КОПЕЙКИ РАЗЖИЛСЯ

Один пан нанял работника и спрашивает:

— Сколько тебе платы надо?

— Честную копейку дашь в конце года,— ответил работник.

Целый год работал работник. В конце года дал ему пан копейку. Шел-шел работник, захотел пить. Подошел к колодцу, наклонился, а копейка и упала в колодец. Пришел опять к пану и говорит:

— Возьми меня второй год работать.

— А сколько тебе платы надо?

— Честную копейку дашь в конце года.

Целый год работал работник. В конце года дал ему пан копейку. Шел-шел работник, захотел пить. Подошел к колодцу, наклонился, а копейка и упала. Опять пришел к пану в работники. В конце года дал пан ему копейку. Идет работник, а навстречу человек с черным, как жук, котом; и говорит:

— Купи у меня этого кота.

— А сколько тебе надо?

— Три копейки.

— У меня нет их. Только одна копейка, а две в колодец упали.

— Иди пей, нагнись — и всплывут копейки.

Пошел работник к колодцу, нагнулся, взял копейки и отдал их человеку за кота. Говорит ему человек:

— Иди туда, где нет котов. Там крысы заедают панов.

Шел-шел и приходит к брату пана. Пан и говорит:

— Переночуешь в моем дому, дам тебе сто рублей.

Пришел работник в дом, поел и лег спать, а кота в ноги посадил. Темно стало. Крысы все вылезли. Кот их нарезал кучу и опять сидит. Утром говорит пан слугам:

— Идите принесите его.

Пришли слуги, видят — спит работник, а рядом куча крыс нарезанных, и сидит страшный зверь черный. Бежат слуги к пану, кричат. Увидел пан, что работник жив остался, взял и купил у него кота. Дорого заплатил пан работнику. Дал ему двадцать пять га земли, коров, пару коней и покои.

82. БАРИН И МУЖИК

Жил-был мужик; имел у себя много овец. Зимним временем большущая овца объягнилась, и взял он ее со двора в избу, с ягненочком. Приходит вечер; едет барин, попросился к нему ночевать. Подошел под окошко и спрашивает:

— Мужичок, пусти ночевать!

— А не будете ночью озоровать?

— Помилуй! Нам бы только где темну ночку проспать.

— Заезжай, барин!

Взъехал барин с кучером на двор. Кучер убирает лошадей, а барин в дом пошел. На барине был огромный волчий тулуп. Взошел в хату, богу помолился, хозяевам поклонился:

— Здорово живете, хозяин с хозяюшкой!

— Добро жаловать, господин!

Сел барин на лавочку. Овца волчий тулуп увидала и глядит на барина; сама глядит, а ногой-то топ, и раз, да и два, да и до трех.

Барин говорит:

— А что, мужичок, овца ногой топает?

— Она думает, ты волк; слышит волчий дух. Она у меня волков ловит; вот нынешнюю зиму с десяток поймала.

— Ах, дорого бы я за нее дал! Не продажна ли она? Для дороги мне она хороша.

— Продажна, да дорога.

— Эх, мужичок, да не дороже денег; у барина хватит.

— Пожалуй, уважить можно.

— А сколько она стоит?

— Пятьсот рублей.

— Помилуй, много! Возьми три сотенки.

Ну, мужик согласился, продал. Барин ночь переночевал, на зорьке встал и в путь собрался; хозяину три сотенки отдал и овечку взял, посадил в санки и поехал. Едет. Идут встречу три волка. Вот овца увидала волков, так и прыгает на санях... Барин говорит кучеру:

— Надо пускать: вишь, как она раззадорилась!.. Сейчас поймает. (А она боится.)

Кучер и говорит:

— Постой немножечко, сударь, она раззадорится.

Сверстались волки с ними ровно. Барин выпустил овцу; овца испугалась волков, в лес полетела, коротким хвостом завертела. Как волки за ней залились, только снег раздувается, а кучер за ней собирается. Поколе лошадушку выпрягал, в погоню за овцой скакал, волки овцу поймали и шкуру с нее содрали, сами в лес убежали.

Кучер подскакал: овца на боку лежит, а ее шкура содрана лежит. Подъезжает к барину. Барин его спрашивает:

— Не видал ли чего?

— Ах, сударь, хороша овца! Вся изорвалась, а волкам не поддалась!

Мужичок три сотенки получил, сидит теперь барину сказочки рассказывает, а три сотенки в кармане лежат.

83. БАРИН И ОХОТНИК

Жил барин и мужик-охотник. Это заходит мужик к барину, а тот пригласил его по дружбе в кабинет, как охотника. А барин постоянно мужиков называл: «Ну, эти дураки». А мужик вторил ему: «Да, барин, мужики — дураки!»

Вот однажды едет в церковь барин, и идет этот охотник. Повстречались. Едет барин, а мужик, идя с коляской рядом, сказал:

— Барин, моя сучка принесла щенят. Хорошие такие есть, громко лают, а есть — негромко лают. Но их у меня просят другие охотники.

А барин говорит:

— Ты там для меня, Иван, оставь хороших охотничьих собачек.

Ну, вошли они в церковь и стали молиться богу, как барин, так и мужик. Помолясь в церкви, мужик ему говорит:

— Барин, а барин, а каких тебе собачек оставить — с громким голосом?

А барин говорит:

— С громким, с громким!

— А с каким громким голосом, покажи примерно.

Барин сказал:

– Гав-гав!

Священник заметил, как барин стал лаять:

— Выведите этого барина вон!

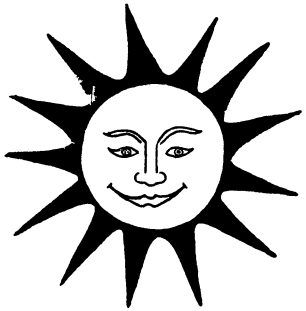
Мужики его под ручки и вывели.

А охотник и говорит:

— Мужики — дураки?

Барин и отвечает:

— Мужики — дураки, а я еще дурнее.



84. КАК БОГАТЫРЬ ГУСЕЙ ДЕЛИЛ

Барин раз говорит:

— Кто разделит гуся на шесть человек?

Никто не нашелся разделить на шесть человек одного гуся.

А дети и говорят:

— Папа, вот сунёвский Богатырь разделит, вот того надо потребовать...

Да... Ну вот, идут они и говорят, что на шесть человек надо разделить гуся.

Я иду и думаю:

«Как бы и самому отведать гуся? Охота!»

Вот я прихожу, говорю:

— Здравствуй, барин! Вот, поздравляю вас с днем ангела. От бога золотой венец, а вам, барин, доброго здоровья. А вас, барынька и детушки, проздравляю с дорогим именинником.

Тогда берет он графин, наливает мне водки бокал. Я выпил.

— И еще,— говорит,— выпей!

И жена говорит:

— И за меня!

И за ту выпил бокал. А детям я саночки делал, бывало, и те любили меня.

— Выпей,— говорят,— и за нас!

Я и за них выпил третий бокал. Во как Богатырь! Вот когда я посидел уже, у меня башка стала посмелей — в тыщу рублей, помещик и говорит:

— Богатырев, на шесть человек разделишь гуся?

— А если я седьмого себя приделю?

— А если ловко, то придели.

— Выйдет ловко,— я говорю,— барин, дайте тарелку только.

Ну вот, подали тарелку и дали мне вилку и нож.

Так я говорю:

— Барин, вы всему дому голова с барынькой — вот вам голова! Два сына — вот две ножки,— по ножке им, это к скорой посылочке. Две дочери — они к чужому папе улетят,— им по крылышку.

— Барин,— говорю,— а я мужичок неученый и глуп— беру весь гуся хлуп.

Дали газету завернуть и хлебом наградили.

— А раздели пять гусей на шесть человек,— говорят. — У нас в леднике лежат для гостей.

А я говорю:

— Можно, я себя седьмого приделю?

Барин говорит:

— Если ловко, так что же, пожалуйста.

И все тут гости собрались. Тогда приводят меня к гусям — и гости идут, и барин, и дети — смотреть, как я буду гусей делить. Я беру одного гуся и говорю:

— Барин, вас с барынькой двое — вот вам гусь. Теперь вас трое! Два сына и гусь — трое. Две дочери и гусь — трое. Два гуся и я — и нас трое.

Тут все закричали:

— Браво, браво!

— Насыпать Богатыреву воз хлеба. Хорошо разделил!

Там сказал тот, кто гусей привез:

— Барин,— говорит,— у его дочка хитрая!

А барыня говорит:

— Богатырь давно своим разумом живет.

Сейчас потребовали меня обратно туда. Не знаю, зачем иду. Не беда, что только подарил,— и наказать может. Боязно.

— Нет,— говорит барин,— у тебя дочь умная, хитрая, ты не своим разумом живешь.

Сейчас берет катушку ниток и дает три кусочка ниток.

— Когда,— говорит,— твоя дочка хитрая, пускай с трех ниток выткет холст.

Я прихожу с этими нитками.

— Вот, доченька, барин дал три нитки, чтобы выткать холст.

— Папа, нитки у меня.

Взяла три лесинки сломала.

— Пускай барин сделает став с трех палочек. Тогда я вытку холст.

Я и радуюсь, думаю:

«Так, моя доченька,— я-то, дурак старый, не понял».

— Вот,— говорю,— барин, три палочки, став надо сделать, тогда выткет.

Барин говорит:

— А мне и с целого дерева не сделать!

Так ничего и не вышло!

85. КАК БАРИН ЛЮБИЛ СЛУШАТЬ СКАЗКИ СВОЕГО СЛУГИ

Ну вот, был-жил барин, а у него был слуга. Этот барин все заставляет слугу сказки сказывать, и очень был любопытный слушать. Слуга не знал, что и сказывать, сказок не знал совсем. А барин все заставляет и заставляет. Вот слуге это надоело и думает:

«Ну, давай тебе скажу уж!»

И начинает:

— Вот раз мы, барин, с тобой шли, шли, шли, шли, шли...

Барину надоело это слово «шли», и он спрашивает:

— Да куда мы пришли-то?

А тот все свое:

— Вот мы, барин, с тобой шли, шли, шли, шли, шли...

Осерчал он и прогнал слугу прочь.

Вот на второй день барин опять призывает его и заставляет рассказывать. Тот и говорит:

— Вот, барин, мы шли, шли, и пришли к высокой горе. И давай в эту гору ставать. Ставали, ставали, ставали...

И так целый день все говорил, как они ставали. Барин не может терпеть:

— Да скоро ли мы выстанем-то?

А он все свое:

— Ставали, ставали, ставали,— и так без конца.

Барину надоело это, и он прогнал слугу.

Приходит этот слуга на третий день. Барин опять его спрашивает:

— Ну, так когда мы выстанем?

— Вот погоди, барин, выстанем. Вот мы ставали, ставали, да и выстали. Потом опять и пошли. Шли, шли, шли, пришли. Стоят две бочки: одна с навозом бочка, а другая с медом. Вот меня, как слугу, посадили в навоз, а тебя, как барина, так в мед.

— Ну вот это, слуга, правильно, это хорошо,— говорит барин.

— И вот мы сидели, сидели, сидели...

А барин все слушал, слушал и говорит:

— Да скоро ли нас вытянут?

А он все свое:

— Сидели, сидели, сидели...

Барин опять осерчал и прогнал его.

На четвертое утро опять барин и спрашивает:

— Так долго ли мы там сидели?

— Вот, барин, нас и вытянули. Пришло два начальника. И вот заставили меня тебя лизать, а тебя меня облизывать.

— Ах, сукин сын, уходи, чтобы духу твоего не было! На́ сто рублей и больше ко мне вовеки не ходи!

Слуга получил деньги и пошел искать себе другое место. На том она и кончается.

86. СОЛДАТСКАЯ ШИНЕЛЬ

Говорил барин с солдатом; солдат стал хвалить свою шинель:

— Когда мне нужно спать, постелю я шинель, и в голова положу шинель, и покроюсь шинелью!

Барин стал просить солдата продать ему шинель; вот

они сторговались за двадцать пять рублей. Пришел барин домой и говорит жене:

— Какую я вещь-то купил! Теперь не нужно мне ни перины, ни подушек, ни одеяла; мою шинель постелить, в голова положить и одеться шинелью.

Жена стала его бранить:

— Ну, как же ты будешь спать?

И точно, барин постелил шинель, а в голова положить и одеться нечем, да и лежать-то на ней жестко.

Пошел барин к полковому командиру жаловаться на солдата. Командир велел фельдфебелю позвать его.

Привели солдата.

— Что же ты, брат,— говорит командир,— обманул барина?

— Никак нет, ваше высокоблагородие,— сказал солдат, взял расстелил шинель, голову положил на рукав и накрылся полою.

Полковой командир еще наградил солдата, дал ему на выпивку.

Вот как поработаешь да долго не спишь, так и на камне заснешь; а кто ничего не делает, тот и на перине не уснет!

87. СОЛДАТ И БАРИН

Вышел солдат в отпуск, нанялся служить к скупому барину: в год за сто рублей. Помещик велел ему и лошадей чистить, и навоз возить, и воду таскать, и дрова рубить, и сад мести,— словом, не дает ему отдыху ни на минуту, совсем измучил работой. Отслужил солдат год и просит расчета. Помещику жалко отдавать деньги, стал доставать, а сам ревмя ревет.

— О чем вы, сударь, плачете?

— Да денег жалко!

— Экой ты, барин! Ведь я тебе целый год прослужил. Если б ты мне прослужил три дня, так я б тебе отдал сто рублей и слова не сказал.

«Три дня немного»,— думает барин. Пошел советоваться с барыней. Она говорит:

— Что же, отслужи три дня!

А сама думает: «Ведь не мне служить, а мужу, ему — не мне плохо будет». Барин согласился.

Солдат поужинал, лег спать в сарае, разулся, один сапог забросил в один угол в сено, другой — в другой угол. Поутру проснулся, кричит: «Эй!» Помещик входит.

— Подай сапоги, я хочу одеваться!

Помещик хвать — сапогов нету, и запорол горячку, спрашивает солдата:

— Где твои сапоги?

— Ах ты, сукин сын, каналья, ты у барина спрашиваешь о сапогах? Верно, и не чистил их! — да хвать его по уху, да по другому.

Барин туда-сюда, насилу один сапог отыскал, а другого нет.

— Подайте палок! — закричал солдат и давай дуть помещика. До того промял, что он не рад и деньгам.

— Не хочу,— говорит,— тебе служить, возьми свои деньги, черт с тобой!

88. СОЛДАТ-ЛЕКАРЬ

Шел солдат на побывку домой, а в те времена — давно это было, конечно,— двадцать пять лет служили. Побывка была положена.

Домой солдат идет через деревню — не свою, а через чужую.

Видит, толпа у одной избы — народ собрался.

Он тоже подошел и смотрит — понять не может. Крик слышит:

— Ой, худо мне, ой, худо!

— Что глядите? — солдат спрашивает.

Ему отвечают — мужики тут и бабы:

— У батюшки дочка заболела... И никак ее не вылечить!

Солдат посмотрел в дверь или в окно — молодая, красивая у батюшки дочка, мечется, кричит:

— Ой, худо мне, ой, худо!

— Есть,— говорит солдат,— у меня лекарство. Я ее вылечу!

Отвели солдата в избу к дочке. Он двери запер... Ну, конечно, лечил ее, лечил... Она и поправилась. Веселая такая стала. Наградили солдата, и он пошел домой на побывку...

Прожил дома сколько положено и назад пошел. Через эту деревню.

Смотрит солдат — около этого дома опять народ стоит, мужики все больше. Опять слышит:

— Ой, худо мне, ой, худо!

Только вроде бы голос не тот.

Солдат спрашивает:

— В чем дело?

Ему мужики отвечают:

— Вот,— говорят,— матушка (батюшки жена) заболела... Дочерь ее болела-болела — солдат приходил один и вылечил, а с матушкой мы всем селом сделать ничего не можем...

89. ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Расскажу, как жил у монашек один мужик... Жил там, жил, не понравилось ему там или стар стал. Взял он бросил все и ушел. По пути заходит к одному переночевать и рассказывает, почему не понравилось, почему он ушел — монашки к нему приставали. И кормили, и поили, а ушел:

— Не выдержал я и ушел!

Мужик это на ус намотал:

— А ты там что делал?

— А я дрова рубил!

Мужик собрал тогда пилу, топор, взял и сам в монастырь пошел. На пути решил прикинуться глухонемым.

Подошел к монастырю.

Его спрашивают монашки:

— Ты чего хочешь?

Он на руках показывает — дрова пилить могу, рубить могу.

Игуменша, старшая там, руководительница, посоветовалась с монашками — принять его или нет. Подумали они, посмотрели на мужика и решили принять.

Вот мужик ходит по саду, дрова пилит, сучья рубит.

Монашкам он приглянулся, этот парень,— мужчина в соку.

Вот две монашки решили с ним согрешить.

Одна говорит:

— Согрешим с этим?

А другая говорит:

— Нет, не согрешим, боязно...

Одна говорит:

— Чего бояться? Он глухонемой, не скажет.

А другая говорит:

— Ну, если так...

Мужик лежит в саду будто спит, а сам все слышит, что они говорят. Вот они его разбудили — сперва на дерево показали: «Руби мол!»

Он срубил.

Потом одна на другую... Он не отказался...

Вот и стали они это продолжать — все договорились, хотя объяснялись только руками.

Узнала игуменша об этом.

Разругалась:

— Ах вы такие-сякие! Вам все, а мне — ничего!

И взяла его к себе.

И держала сколько-то дней, когда монашки хватились, что нашего глухонемого нету!

Отпустила его игуменша к монашкам, а потом опять к себе взяла...

Жили они так не очень долго — только видит игуменша, что у монашек живот растет что-то...

И у самой живот дует...

Ненормально это...

Как им быть?

Монашки плачут. Игуменша плачет. Мужик молчит. Вдруг глухонемой встал и говорит:

— Я уйти из монастыря хочу!

Когда он заговорил, они придумали:

— Давай объявим, чтоб все знали, что у нас работал глухонемой. Мы за него молились, и стал он говорить и слышать!

90. ВЕСТОВОЙ У ГЕНЕРАЛА НА ВЕСТЯХ, ИЛИ СОЛДАТСКОЕ „ОТЧЕ НАШ"

В одно прекрасное время солдат находился у генерала на вестях в передней комнате. Закурил трубку и говорит:

— Эх ма, плохая моя доля! Разуму хотя и много, да денег нет ни гроша.

А в это время генерал находился в кабинете, занимался письменными делами и услыхал, как солдат обижается на свою долю. Любопытство подстрекнуло его спросить, и он вскричал:

— Вестовой, поди сюда!

Вестовой подходит и говорит:

— Что изволите, ваше превосходительство?

— Что ты за умница такая, что у тебя разуму много?

— Конечно, много, ваше превосходительство! Я на каждый вопрос могу отвечать и ни в чем не запнусь.

— Хорошо, посмотрим, как отвечать-то будешь.

Генерал начал спрашивать вестового:

— Послушай, вестовой, почему это так: бог сотворил небо и землю и всем управляет, ему должны все повиноваться и исполнять его заповеди, а мы говорим ему «ты», а не «вы», а начальнику — «вы»?

Вестовой отвечал:

— Вас, чертей, много, а бог один, поэтому и говорим ему «ты», а не «вы», ваше превосходительство.

Генерал отвечал:

— Хоть ты и правду говоришь, но лично оскорбил меня, за это тебе грех будет.

— Эх, ваше превосходительство, горе теперь грехи искать: грех скончался, правда сгорела, правосудие убежало, добродетель ходит по миру, роскошь под арестом, закон на пуговицах, верность на аптекарских весах, надежда с якорем на дне моря, да и терпение скоро лопнет.

Генерал подумал, да и говорит:

— Вижу, на словах-то ты ловкий, как на деле-то будешь...

Вестовой отвечал:

— Я и на деле такой же, ваше превосходительство. Извольте спрашивать о полковнике или генерале, я на все буду отвечать словесно; молитвы, заповеди в особенности, как дважды два, много лучше соборного пономаря отвечу, без запинки.

— Хорошо, посмотрим, как-то отвечать ты будешь. Читай-ка мне хоть... «Отче наш».

— Извольте слушать, ваше превосходительство.

Вестовой начал читать:

Когда солдат в строй вступает,
Тяжко вздыхает и говорит:
«О т ч е н а ш».
Румяная заря играет,
Рота командира ожидает,—
И ж е е с и.
Шумит, гремит,
Рвется, как
На н е б е с и.
Подайте палок и плетей
Для солдатских плечей
От солнечных лучей.
Да с в я т и т с я.
Тогда солдат солдата,
По приказанью начальства,
Бьет и в уме своем клянет
И м я т в о е.
Потом входит к ним фельдфебель,
Кричит: «Стройся, равняйся,
Смотри на начальника бравей!»
Да п р и и д е т.
Теперь вся рота наша в отряде,
Командир наш помрет,
Будет во аде,
Тамо же будет
Ц а р с т в и е т в о е.
Вот здесь командуешь нами,

А там будешь командовать чертями,—
Над ними
Да будет воля твоя.
Там будешь более в почете,
Нежели у нас в батальоне или роте,
Яко на небесех.
Хоть ты не более червя,
Который пресмыкается
И на земли.
Провиант наш ты на что меняешь?
У нас последнее отнимаешь.
Ведь это —
Хлеб наш насущный
Царь нам от казны отпускает,—
Даждь нам днесь.
А если мы перед тобой в чем провинились
Или на службу не явились,
В кабаке просидели,—
Остави нам.
А что вы муку нашу продаете,
А денежку в карман кладете,
Это за вами —
Долги наши.
Хотя вы мукой не торгуете,
Ничем не барышуете,
Яко же и мы оставляем,
Если с нами честно разочтетесь
И во всем нас удовлетворите.
А если по-прежнему, то будете
Должниками нашими.
А командир наш до самой смерти
Смотрел на нас сурово,—
Не дай нам бог другого
И не введи нас во искушение,
Но избави нас,
А ровно и мы от тебя избавиться
Очень рады, как
От лукавого.

Генерал его за это поблагодарил и три рубля на водку подарил.

91. КАК В СВАТЫ ЕЗДЯТ

Пошел вор красть, что бог даст! Шел-шел, нагоняет его мужичок.

— Здорово!

— Здорово!

— Ты кто?

— А я вот иду красть, что бог даст!

— А я Антон, давно думаю о том!

— Пойдем вместе!

Дальше пошли. Встречается мужичок.

— Здорово!

— Здорово!

— Ты кто?

— Я иду красть, что бог даст!

— А я Антон, давно думаю о том!

— А я Влас, давно ищу вас!

— Пойдем вместе!

Пошли. Шли-шли, пришли к хорошему господскому дому. Барин гуляет, разогнал своих лакеев. И они пришли к тому дому, воры-то эти.

Как быть? Надо лезть в кладовую. Сделали лестницу из веревок и уговариваются, кому лезть:

— Лезь, не лезь,— вору!

Ну, вор полез, в окно или в трубу, куда уж там ловко лезть. Ну, и подает им в окно:

— Кладите на три части.

Он подает, они раскладывают на три части. Остается одна енотовая шуба, и не могут поделить они ее на три части. Вор вылез.

— Вот так и так, остается у нас одна шуба, не знаем, куда ее положить!

— Постойте, схожу к барину, спрошусь, куда ее положить.

Приходит к барину:

— Барин, хочешь я тебе сказочку скажу?

— Ах, брат, давно я искал, кто мне сказочку скажет.

— Шел вор красть, что бог даст. Встретился с ним Антон, что давно думал о том, да Влас, что давно ждал вас. Пришли к барину. Давай прихитряться лезть в кладовую. Вор влез, все им в окно подал, они на три части поделили, а шубу не поделят. Кому, барин, приглашаешь ее дать?

— Конечно, вору, который лазил!

— Слушайте, ребята!

Оделись, имущество забрали и пошли. Пошли за своего бедного барина в сваты. Далеко зашли, чтоб и слыху о них не было. Одеяние у них теперь хорошее.

— Ты сватай, я буду хвастать, а ты подлыгай.

Сомневаются между собой сами, как же это хвастать, как же это подлыгать?

— А вот как я вас научу,— говорит вор. — Он будет, барин-то, имением своим хвалиться, посевом, огородом; вы будете по разным деревням. Я буду к вам присылать, а вы говорите, то правда, что у нашего жениха такая капуста, горох али там что.

Этот вор сватает богачку невесту. Сказывают, что по одеянию встречают, по уму провожают. Видят, что разодет хорошо. Ну, думают по одеянию, что действительно хороший сват. Приняли его по чести добрым сватом.

— Пойдем посмотрим, как у меня посевы, как огород.

Отправились в поле.

— Вот у меня горох какой!

И действительно — хорош.

— Нет, у нашего барина лучше!

— А что?

— Да вот, когда Литву гнали в военное действие, приперли их к реке, взяли у нашего барина струк, распазили, на каждой половинке по полку солдат перевозили через реку.

— Это,— говорит,— не может быть!

— А не может быть, вон у нас в деревне есть оттули портной, съездим, полюбопытствуй, когда неправда!

Приезжают в ту деревню.

— То правда, что у вашего барина такой горох, что на каждой половинке по полку солдат перевозили?

— Я гороху не видал, а знаю, что в такое-то время один струк распазили, по всей империи горох развозили, да и то не убрали весь.

— А! Это дюже хорошо! — удивляется барин.

— Ну, пойдем в огород. В огороде капуста дюже хороша.

— Что, хороша капуста?

— Хороша-то хороша, да у нашего барина лучше!

— А как?

— Да так, что каждый кочан с чан, да с одного кочана два чана!

— Не может быть!

— А не может быть, поедем в деревню, там с нашей стороны есть сапожник, он тебе скажет!

Приехали.

— То правда, что у вашего барина кочан с чан, да с одного кочана два чана?

— Я, брат, сам той капусты не видал, а видал, как Литву перевозили через реку, захватил дождь, как литвиняка перевозили, значит, так под одним листом хоронился полк солдат.

— Ну, и правда! Капуста же у вашего барина!

Повел свата домом хвастать. Хорош дом выстроен, пяти этажей, здоровый.

— А у него хороший дом?

Сват и говорит:

— Не знаю, хорош ли, а как строили его, плотник, как его рубили, дом-то, топор уронил с угла. Плотник за ним полез; прилетел дятел на тот угол, как плотник вниз полез, гнездо свил, яиц нанес, детей вывел, да выкормил, да и улетел с ними!

— Тьфу ты! — говорит. — Неужели это правда?

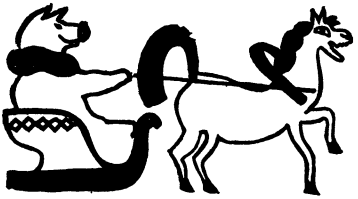
— А вот съездим в такую-то деревню, есть там с нашей стороны человечек, он докажет тебе!

Они и поехали.

— Я этого не видал, как дятел прилетал; а шел я около его дома, когда он был завершен, нарешечен под крышу. Тогда куры ходили по слегам, снимали звезды, а голландский петух, так тот за месяц хватил да половину месяца и отхватил,— вон другая половина и посейчас на небе (в то время была половина месяца как раз).

Ну, что ж? Отдал дочку, хорошее приданое, тройку лошадей, тарантасик, свадьбу сыграли, а у него, у жениха-то, изобка, глиной обитая, и коней приданых поставить негде!

Во как в сваты умеючи ходят!



92. СВИНЬЯ НА СВАДЬБЕ

Жил барин. И была у него свинья с поросятами: Аксеньей ее звали. И мужик неподалеку жил. Жена у него была.

Вот приезжает мужик этот к барину на санях, снег уже выпал.

Кланяется и говорит:

— Есть у тебя, барин, свинья Аксения! А у меня есть жена — Ефросения! Хочу я с Ефросенией свадьбу сыграть, а твою свинью Аксению на свадьбу позвать.

Барин смеется:

— Ну, раз ты такой дурак — свинью на свадьбу зовешь, сажай мою Аксению в сани да вези — пусть погуляет. Береги ее только как во лбу глаз!

— Спасибо, барин,— мужик говорит.

Подгоняет сани к крыльцу, и туда свинью впихивает:

— Да как она одна поедет, на кого поросят оставит?

— Пусть и поросята едут,— барин говорит.

— А холодно им не будет — мороз ударил?

— На, возьми шубу, прикрой их — потом заодно привезешь!

Достает барин из сундука шубу — шик-маре! Кладет в сани.

Уехал мужик.

День барин ждет. Гуляет свинья Аксенья на свадьбе.

Другой день ждет. Гуляет!

На третий день нервничать стал, слугу подзывает:

— Поди к мужику, узнай, почему Аксенью домой не везет!

Пошел слуга к мужику. Тот ему и говорит:

— Никакой свиньи Аксеньи я не звал, свадьбы не гулял, да и женат я на Ефросенье давным-давно, какая уж тут свадьба...

Слуга возвращается и рассказывает барину.

— Никакой свиньи Аксении мужик не звал, свадьбы не играл, да и женат он на Ефросенье давным-давно — какая уж тут свадьба!

Барин очень разозлился. Решил мужика проучить. И подал на него в суд.

Вызывает судья барина и мужика.

Барин прямо в палату к судье идет, а мужик у двери стоит, шапка снята.

Судья спрашивает:

— Расскажите, барин, что у вас произошло?

— А вот что у нас произошло. У меня свинья — Аксенья, а у него — жена Ефросенья. Задумала Ефросенья свадьбу играть, решила Аксенью на свадьбу позвать, да не одну, а с поросятами. Вот ее муж, мужик этот, приехал мою Аксенью в гости звать на Ефросеньину свадьбу.

Судья говорит:

— Ничего понять не могу — у кого жена Ефросенья, а у кого Аксенья? И если он Аксенье муж, то зачем с ней свадьбу играть? И что за поросята еще?

Барин объяснять пустился:

— Аксенья — это свинья моя. А у мужика жена Ефросенья. Вот мужик этот приехал Аксенью на свадьбу звать...

— Какую Аксенью? Свинью, что ли?

— Свинью с поросятами! Я ей еще шубу дал, чтоб не замерзли!

— Кому шубу?

— Как кому? Аксенье, свинье! Не понимаешь, что ли?

Мужик стоит у двери, смеется.

Посмотрел судья, решил, что барин с ума сошел, и говорит:

— Кому жена Аксенья, кому Ефросенья — нет на вас моего терпенья. А чтоб я не отправил вас на поселенье — катитесь-ка вы лучше по домам!

Так свинья у мужика и осталась!

93. БАРИН И СЛУГА

— Здравствуй, барин голой.

— Здравствуй, Афонька малой. Принеси-ка мне стакан водки алой,— говорит барин.

— А где бы я взял?

— Вон там, в подставе.

— Какой там черт поставил. Я все четыре обошел и ничего не нашел...

— Но где же ты пропадал?

— Да у богатого мужика в овине был,— говорит Афонька.

— Чего ты там делал?

— Кашу варил.

— В чем ты варил там?

— В ведре.

— Что такое, мне плохо слышится?

— В котле, глухой барин.

— Велик ли у тебя котел-то был?

— Да в сорок ведер.

— Как ты в нем варил?

— Я перегородил, да и варил: одну половину мусору набил, а в другую пшена навалил. — Попробуйте, батюшко барин.

— Ах ты, сукин сын, заставляешь барина кашу пробовать. Какова же у тя была, спрашиваю?

— Расхлебаешься, батюшко барин.

— А как бы у тя овин-то загорелся?

— Да что, я вышел бы, да и погрелся.

— Кабы вспыхнул вдруг?

— Я поел бы, да остатки в огонь — бух...

Афонька ушел. Барин думает про себя: «Экая какая моя участь: мундира нет, брюки совсем порвались, а староста нейдет и оброку не несет...»

А Афонька переоделся, да тут как тут.

— Здравствуйте, батюшко барин.

Барин не узнаёт и спрашивает его:

— Чей ты, сукин сын?

— Я староста ваш.

— Какого поместья?

— Села Помела, деревни Веникова.

— Да, действительно, это мое поместье. Каково там мои крестьяне живут?

— Хорошо, батюшко барин, на семь дворов один топор...

— Что такое говоришь, мне плохо слышится?..

— По семи топоров у каждого крестьянина!..

— Да, от прожитку нужно иметь семь топоров крестьянину... Ну, каков год? Каков урожай?

— Хорош, батюшко барин. Колос от колосу — не слыхать человеческого голосу, сноп от снопа — неделя езды, суслон от суслона — как от Москвы до Ростова.

— Что такое говоришь, мне плохо слышится?

— Эх, глухой барин, колос на колосе, сноп на снопе, суслон на суслоне!

— А каков примолот был?

— Хорош, батюшко барин: мы молотили тридцать ден, а намолотили одно решето.

— Что такое говоришь, мне плохо слышится?

— Мы молотили, говорю, тридцать дней и все по тридцати четвертей...

Барин думает: если молотили тридцать дней, да по тридцати четвертей, то у каждого крестьянина хлеба должно быть целый магазин, говорит:

— Ну давай, староста, оброк.

— Эх, батюшко барин, оброк-то я потерял.

— Врешь, сукин сын!

— Верно, барин, потерял.

— Вернись, подлец, ты ведь пропил?..

— Верно, батюшко барин, я пропил: была погода-то ясная, солнышко печет, а дождик так и сечет, я задел за сучок, привернул в кабачок, выпил на пятачок, закусил на копеечку, закурил папиросочку... Пожалуйте, батюшко барин, три копеечки — шапку выкупить.

— Эх он, сукин сын, не то что оброк не привез, а еще с барина три копейки требует. Я тебя, подлеца, сейчас в солдаты запишу.

— Нельзя ли, батюшко барин, в офицеры?

— Ах ты, сукин сын, ведь воля-то не моя, а царская.

— Да лучше бы в офицеры, легче служить, говорят.

94. ХОРОШО, ДА ХУДО

— Афонька! Где был-побывал, как от меня бежал?

— В вашей, сударь, деревне — у мужика под овином лежал.

— Ну, а кабы овин-то вспыхнул?

— Я б его прочь отпихнул.

— А кабы овин-то загорелся?

— Я бы, сударь, погрелся.

— Стало, ты мою деревню знаешь?

— Знаю, сударь.

— Что, богаты мои мужички?

— Богаты, сударь! У семи дворов один топор, да и тот без топорища.

— Что ж они с ним делают?

— Да в лес ездят, дрова рубят; один-то дрова рубит, а шестеро в кулак трубят.

— Хорош ли хлеб у нас?

— Хорош, сударь! Сноп от снопа — будет целая верста, копна от копны — день езды.

— Где ж его склали?

— На вашем дворе, на печном столбе.

— Хорошее это дело!

— Хорошо, да не очень: ваши борзые разыгрались, столб упал — хлеб в лохань попал.

— Неужто весь пропал?

— Нет, сударь! Солоду нарастили да пива наварили.

— А много вышло?

— Много! В ложке растирали, в ковше разводили, семьдесят семь бочек накатили.

— Да пьяно ли пиво?

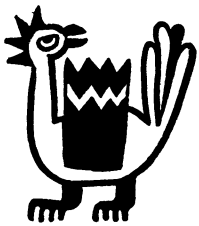
— Вам, сударь, ковшом поднести да четвертным поленом сверху оплести, так и со двора не свести.

— Что ж ты делал, чем промышлял?

— Горохом торговал.

— Хорошее твое дело!

— Нет, сударь; хорошо, да не так.
— А как?
— Шел я мимо попова двора, выскочили собаки, я бежать — и рассыпал горох. Горох раскатился и редок уродился.
— Худо же твое дело!
— Худо, да не так!
— А как?
— Хоть редок, да стручист.
— Хорошо же твое дело!
— Хорошо, да не так!
— А как?
— Повадилась по горох попова свинья, все изрыла-перепортила.
— Худо же, Афонька, твое дело!
— Нет, сударь! Худо, да не так.
— А как?
— Я свинью-то убил, ветчины насолил.
— Эй, Афонька!
— Чего извольте?
— С чем ты обоз пригнал?
— Два воза сена, сударь, да воз лошадей.
— А коня моего поил?
— Поил.
— Да что же у него губа-то суха?
— Да прорубь, сударь, высока.
— Ты б ее подрубил.
— И так коню четыре ноги отрубил.
— Ах, дурак, ты мне лошадь извел!
— Нет, я ее на Волынский двор к собакам свел.
— Ты, никак, не дослышишь?
— И так коня не сыщешь.
— Жену мою видел?
— Видел.
— Что ж, хороша?
— Как сука пестра.
— Как?
— Словно яблочко наливное.



95. СОЛДАТСКАЯ ШКОЛА

Шел солдат из деревни в город на службу и остановился ночевать у одной старухи. Много он насказал ей всякого вздора, а та — известное дело — в лесу родилась, пню молилась, дальше поскотины не бывала и ничего не видала, слушает развеся уши, всему верит и дивится.

— Где же вас, служивый, учат так мудрости? — наконец спрашивает старуха солдата.

— У нас, бабушка, в полку есть такая школа, где не только человека, но и скотину выучат так, что и не узнаешь, как есть человеком сделают!

— Вот бы мне, родимый, своего бычка отдать в вашу школу!

— И то дело! Собирайся и веди его в город; не бойся — я его пристрою к делу, спасибо скажешь!

Старуха бычка на веревочку и повела в город. Пришли с солдатом в казармы.

— Вот, бабушка, и школа наша! — говорит солдат. — Оставь бычка да денег дай на корм и за ученье!

Старуха раскошелилась, дала денег, оставила бычка и ушла домой. А солдаты бычка на бойню — и зарезали, мясо съели, шкуру продали и деньги пропили. Прошло времени около года. Вот старуха опять бредет в город; пришла в казармы и спрашивает про бычка: что он, каково учится, здоров ли?

— Эх, бабушка,— отвечают ей солдаты,— ты опоздала, твой бычок уж давно выучился и в купцы произведен; вон дом-то каменный — это его; сходи повидай: может, и признает тебя или ты его!

Старуха пришла к каменному дому и спрашивает у дворника:

— Не здесь ли, почтенный, бычок живет?

— Бычков? Купец Бычков? — Здесь, бабушка, здесь; коли дело есть, заходи в дом!

Старуха зашла в дом; вышел к ней хозяин и спрашивает:

— Чего тебе надобно, бабушка?

Старуха смотрит на Бычкова и глазам не верит: как есть человек.

— Ах ты мой батюшка! Скотинушка благословенная! — вымолвила наконец старуха и принялась Бычкова гладить и ласкать, приговаривая:

— Вишь ты как выправился, и не узнать, что скотина... Прусь! Прусь!.. Пойдем-ка в деревню!

И старуха хотела уже на Бычкова накинуть оброть, чтобы вести в деревню, но тот ее оттолкнул и прогнал от себя.

96. ПРАВЕДНЫЙ СУД

Были два брата. Один богатый, другой бедный. Бедный брат пошел к богатому, просит лошадь — съездить за дровами. Богатый лошадь дал, хомут не дал. Тот завязал за хвост сани и поехал по дрова. Воз наклал, поехал, воз большой, у лошади хвост оторвался. Ну, приехал. Повел брату лошадь.

— Ну-ко, брат, я те хвост оторвал, ты-ко мне хомута не дал.

— Я-ко пойду судиться.

Ну, он боится, да и пошел на мост, да и с моста соскочил, а по-под мостом мужик отца в баню волокет мыться. Он с мосту пал, да старика и убил, а сам жив. А сын старика пошел судиться. Он зашел ночевать, на полати лег спать, а сам думает: «Меня обсудят,— думает,— с полати лучше упасть да убиться». Он с полати пал, да ребенка в зыбке убил. И тот мужик пошел на него судиться. Третий суд на него. А он в плат наклал каменьев.

— Судья,— говорит,— станет судить не по мне, так я его убью.

Судья сидит за столом, и один подошел и говорит:

— Он у меня хвост оторвал, а я его лажу судить.

А тот показывает судье каменья, а судья думает — он ему деньги показывает, и говорит:

— Ты,— говорит,— отдай ему лошадь-ту, доколь у ней хвост вырастет, пусть будет у него работать.

Тот и отошел от суда.

Другой говорит:

— Вот он у меня отца убил.

Он судье каменья в плату показывает, а судья думает, что деньги сулит, и говорит:

— Ну,— говорит,— ты стань на мост, а он станет под мост, ты на него соскочи да его убей.

И тот отошел.

Третий подошел и говорит:

— Он у меня ребенка убил.

А он опять судье каменья в плату показывает. Судья говорит:

— Ты ему отдай жену на ночь, а он пусть такого ребенка сделает.

Ну, на другой день он пошел коня забирать, пока хвост вырастет.

Тому коня жалко, и он ему дал корову, да два четверика хлеба, да десять рублей денег.

И пошел к другому.

— Давай,—говорит,— пойдем на мост, ты на меня соскочи.

А тому неохота.

— Не пойду,— говорит.

И дал ему кобылу с жеребенком, да четыре четверика хлеба, да двадцать рублей денег.

Ну, он уже тут со скотом, да и с деньгами, да и хлеба припасено. Собрался и пошел к третьему и говорит:

— Ну-ко, мужик, дай мне жену-то, я буду ребенка делать.

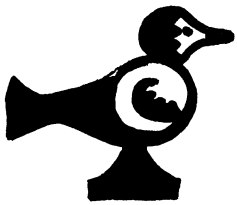
А тому жену жалко, он и дал ему корову с теленком, кобылу с жеребенком да пятьдесят рублей денег.

Судья пошел к нему.

— Ну,— говорит,— мужик, давай деньги, что ты мне сулил, в плату показывал.

— А я,— говорит,— тебе показывал, что у меня в плату каменья; если не по мне судил бы, я тебя бы убил.

— Ну,— судья говорит,— слава богу, что я по тебе судил-то!



97. НА СУДЕ

Мужик вывел на базар продавать быка. Подходит покупатель, сторговал у мужика быка, дал задатку, указал, куда вести его — в такой-то, дескать, дом.

Ведет мужик быка; попадается ему навстречу еще купец.

— Мужик, продай быка!

— Изволь, господин купец.

Сторговались, и этот дал задатку, указал, куда вести.

— Я,— говорит,— сейчас приду!

Повел мужик быка дальше. Подходит третий покупатель, и с этим сторговался, взял и у этого задаток, ведет с ним к нему быка, а тут и прежние двое покупателей подошли: тот тащит к себе покупку, другой — к себе...

Дело добром не уладилось, пошли в суд. Покуда просители объясняли судье свое дело, мужик стоял в прихожей.

К нему выбегает чиновник и говорит мужику:

— Если дашь мне на чай, я тебя научу, как оправдаться!

— Сделай божескую милость, батюшка, будь отцом родным — заплачу!

— Идет. Что бы тебя ни спросили, сперва отвечай: «Ну так что?», а потом — «Вот еще!»

Позвали мужика пред судью.

— Ты, мужик, вот этому купцу продал быка? — спрашивает судья.

— Ну так что? — говорит мужик.

— А деньги получал?

— Вот еще!

— А этому продавал?

— Ну так что?

— А деньги получал?

— Вот еще!

— Ну, и этому продавал?

— Ну так что?

— А деньги получал?
— Вот еще!
— Да что ты, сумасшедший, что ли?
— Ну так что?
— Пошел вон, вот я тебя в кутузку запрячу!
— Вот еще!

Только мужик за порог вышел, как чиновник догоняет его:

— Давай, мужик, обещанное, ты обещал мне на чай!
— Ну так что?
— Давай, братец!
— Вот еще!

Так и отбился этим мужик.

98. БАЙКА О ЩУКЕ ЗУБАСТОЙ

В ночь на Иванов день родилась щука в Шексне, да такая зубастая, что боже упаси! Лещи, окуни, ерши — все собрались глазеть на нее и дивовались такому чуду. Вода той порой в Шексне всколыхалася: шел паром через реку, да чуть не затопился, а красные девки гуляли по берегу, да все порассыпались. Экая щука родилась зубастая! И стала она расти не по дням, а по часам: что день, то вершок прибавится; и стала щука зубастая в Шексне похаживать да лещей, окуней полавливать: издали увидит леща, да и хвать его зубами — леща как не бывало, только косточки хрустят на зубах у щуки зубастой.

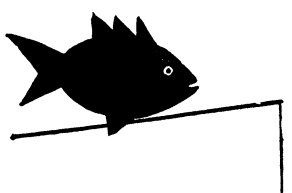
Экая оказия случилась в Шексне! Что делать лещам да окуням? Тошно приходит: щука всех приест, прикорнает. Собралась вся мелкая рыбица, и стали думу думать, как перевести щуку зубастую да такую торовастую. На совет пришел и Ерш Ершович и так наскоро взголцыл:

— Полноте думу думать да голову ломать, полноте мозг портить: а вот послушайте, что я буду баить. Тошно

нам всем теперича в Шексне; щука зубастая проходу не дает, всякую рыбу на зуб берет! Не житье нам в Шексне, переберемтесь-ка лучше в мелкие речки жить — в Сизму, Коному да Славенку; там нас никто не тронет, и будем жить припеваючи да деток наживаючи.

И поднялись все ерши, лещи, окуни из Шексны в мелкие речки Сизму, Коному да Славенку. По дороге, как шли, хитрый рыбарь многих из ихней братьи изловил на удочку и сварил забубенную ушицу, да тем, кажись, и заговелся. С тех пор в Шексне совсем мало мелкой рыбицы. Закинет рыбарь удочку в воду, да ничего не вытащит; когда-некогда попадется стерлядка, да тем и ловле шабаш! Вот вам и вся байка о щуке зубастой да такой торовастой. Много наделала плутовка хлопот в Шексне, да после и сама несдобровала: как не стало мелкой рыбицы, пошла хватать червячков и попалась сама на крючок. Рыбарь сварил уху, хлебал да хвалил: такая была жирная!

Я там был, вместе уху хлебал, по усу текло, в рот не попало.



99. СКАЗКА О ЕРШЕ

В некотором царстве, в некотором государстве, король на королевстве, на ровном месте, как на бороне, выехал ершишка в липовых санишках, в берестяных лаптишках. Становился этот ершишка на калиновый мостишко, мостишко обломился, ершишка в воду ввалился и напросился к щуке Калуге ночь переночевать, день передневать, платье пересушить и все крепости пересмотреть.

Щука Калуга пустила и про ерша баенку стопила. Этот ершишка ночь переночевал, день передневал, платье пересушил, крепости пересмотрел и в баенку сходил. Этот ершишка на Ораске-озере валяется, на озере Ораско

похваляется: хочет всю рыбу победить, головней покатить, большую колоть, а маленькую вон гнать.

Вот рыбка испугалась, становится в круг и думает думу вдруг:

«Как быть, как жить, как ерша сгубить, костроватую рожу? Кого будем посылать к сому большим усам, судье праведному? Посылать и не посылать рыбину щуку?»

Щука и говорит:

— Я, щука, щекотлива, на речах смутлива, скажет: «Зачем... пришла? Я тебе говорю, ты вон пошла!»

Рыбка опять становится в круг и думает думу вдруг:

«Как быть, как жить, как ерша сгубить, костроватую рожу? Кого будем посылать к сому большим усам, судье праведному? Послать и не послать рыбину окунь?»

Окунь и говорит:

— У меня глаза посоловевши, крылья подопревши, скажет: «Не успел глаз налить, да пришел ко мне говорить? Я тебе говорю, чтобы ты вон пошел!»

Опять рыбка становится в круг и думает думу вдруг:

«Как быть, как жить, как ерша сгубить, костроватую рожу? Кого будем посылать к сому большим усам, судье праведному? Послать и не послать рыбину плотицу!»

Плотица и говорит:

— У меня глаза красны, крылья подопревши, скажет: «Зачем, плёха, пришла? Я тебе говорю, вон пошла!»

Опять рыбка становится в круг и думает думу вдруг:

«Как быть, как жить, как ерша сгубить, костроватую рожу? Кого будем посылать к сому большим усам, судье праведному? Послать и не послать рыбину налим?»

Налим и говорит:

— У меня губы толсты, брюхо передавится, скажет: «Зачем, шипялюн, пришел? Я тебе говорю — вон пошел!»

Рыбка опять становится в круг и думает думу вдруг:

«Как быть, как жить, как ерша сгубить, костроватую рожу? Кого бы послать к сому большим усам, судье праведному? Послать и не послать рыбину карась?»

Карась и говорит:

— Давно я дожидался этого от вас!

Рыбина карась вставала раненько, умывалася беленько и поскакала к сому большим усам, судье праведному. Прискакал — сом спит. Он раз хвостом плеснет, другой раз плеснет, третий — сом пробуждается и спрашивает:

— О чем ты, карась?

— Сейчас, сударь, только до вас.

— О чем же?

— Да вот ершишка на Ораске-озере валяется, на озеро Ораско выхваляется, хочет всю рыбку победить, головней накатить, большую колоть и маленькую вон гнать. Мы испугались!

— Ах, глупец, нашел бы Першу да поставил бы вершу!

Карас откланялся и поскакал.

Нашел Першу, поставил вершу. На этот случай пришел Абрам — закол забрал. Пришел Богдан — ерша бог дал. Пришел — Егорка — стащил ерша на горку. Пришел Антон — убил ерша гантом. Пришел Вавила — повесил ерша на вилы. Пришел Антроп — повесил ерша под строп. Пришел Тереня — принес дров беремя. Пришла Марина — ерша помыла. Пришла Ирина — ерша сварила. Пришел повар — ерша пробал. Пришел верблюд — разлил ерша на семь блюд. Пришел кот Иаков — всего ерша смякал. Пришел дракон — завел об ерше драку. Пришел Епифан — и все дело распихал.

О

100. ВОРОНА

Жил да был старик. Поехал об Афанасьеве дне в гости со старухой. Сели рядом, стали говорить ладом. Ехали-попоехали, по ногам дорогой. Хлобыстнул кобылу бичом трехузлым. Угнал ночью верст пять-шесть, оглянулся — тут и есть, еще и с места не подался! Дорога худая, гора крутая, телега немазаная.

Ехал-попоехал, до бору доехал. В бору стоит семь берез, восьмая сосна виловата. На той сосне виловатой кукушечка-горюшечка гнездо свила и детей свела. Негде взялась скоробогатая птица, погуменная сова — серы бока, голубые глаза, портеное подоплечье, суконный заворотник, нос крючком, глаза по ложке, как у сердитой кошки. Гнездо разорила, и детей погубила, и в землю схоронила.

АХЪ МАТКИ МОИ ВОРЪ ПРИШЕЛЪ КОМНѢ ВОДВОРЪ ЕКИЯ ВѢСТИ УКРАЛЪ
ПЕТУХА СНАСЕСТИ ОДАИ ВОРЪ МОЕВО ПЕТУХА
БИТЪ НЕСЫТА БУДЕТЪ ТВОЯ ТРЕБУХА 2 МОЛЧИ БАБА ПОЛНО А
ЗАШЕЛЪ НЕСТОИ УЛИЦЫ НЕЗАБЫЛЪБЫ ВЗЯТЬ ВСЕ ТВОИ КУРИЦЫ
АЯ ТЕБЯ НЕСЛУШАЮ ИСОДИНЪ ЕВО ОЖАРЯ СКУШАЮ

ѾГЛУПИ ЖЕНѢ
Жена невеа удслала глупость такую поставила в печь маса часть жерковю когда она поставила толь скоро одеванное
каедо простанла она нерпасть как мужу сказать принуждена была солгать батки мои кошка в печь скочила и часть маса у
тащила муж стал просить обедать жена от него стала бегать будто сама сошла неполата на двор ушла муж тому дивился и
отчего уней ум повредился жена моя любезная что ти приключилось или ты от кошки взбесилась а кошку поимаю и кто са ра
злаестию тот час кошку поимал и жене наспину привязал начал кошку хлестать а кошка начела ногтами спину драты
ах батка мои смерть моя сыми кошку сжена глупою кошку развязали бьют и жене поточки не дают

Пошла кукушечка, пошла горюшечка с просьбой к зую праведному. Зуй праведный по песочку гуляет, чулочки обувает, сыромятные коты. Наряжает синочку-рассылочку, воробушка-десятника к царю-лебедю, к гусю-губернатору, павлину-архиерею, коршуну-исправнику, грачу-становому, к ястребу-уряднику, к тетереву польскому — старосте мирскому.

Собрались все чиновники и начальники: царь-лебедь, гусь-губернатор, павлин-архиерей, коршун-исправник, грач становой, ястреб-урядник, тетерев польской — староста мирской, синочка-рассылочка, воробей-десятник и из уездного суда тайна полиция: сыч и сова, орел и скопа.

— Что есть на белом свете за скоробогатая птица, погуменная сова, белы бока, голубые глаза, портеное подоплечье, суконный заворотник?

И добрались, что ворона.

И присудили ворону наказать: стряхнули о грядку ногами и заначали секчи по мягким местам, по ледвеям. И ворона возмолилася:

— Кар-каратаите, мое тело таратаите, никаких вы свидетелей не спрошаите!

— Кто у тя есть свидетель?

— У меня есть свидетель воробей.

— Знаем мы твоего воробья — ябедника, и клеветника, и потаковщика. Крестьянин поставил нову избу,— воробей прилетит, дыр навертит; крестьянин избу затопляет, тепло в избу пропущает, а воробей на улицу выпущает... Неправильного свидетеля сказала ворона!

И ворону наказывают пуще того.

И ворона возмолилася:

— Кар каратаите, мое тело таратаите, никаких вы свидетелей не спрошаите!

— Кто у тя есть свидетель?

— У меня есть свидетель жолна.

— Знаем мы твою жолну — ябедницу, клеветницу и потаковщицу! Стоит в роменью липа, годится на божий лик и на иконостас. Жолна прилетит, дыр навертит; дождь пошел, липа изгнила,— не годится на иконостас; после того и лопаты из нее не сделати! Неправильного свидетеля опять сказала!

И пуще того ворону стегают по ледвеям и по передку.

Опять ворона возмолилась:

— Кар-каратаите, мое тело таратаите, никаких вы свидетелей не спрошаите!

— Кто у тя есть свидетель?

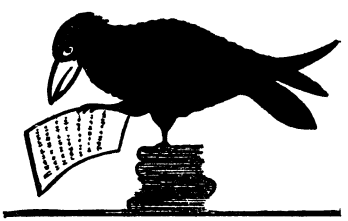
— У меня есть свидетель последний — дятел!

— Знаем мы твоего дятла — ябедника, клеветника и потаковщика! Крестьянин загородил новый огородок, и дятел прилетел, жердь передолбил, и две передолбил, и три передолбил; дождь пошел, огород рассеялся и развалился; крестьянин скот на улицу выпущает, дятел в поле пропущает.

И ворону наказали, от грядки отвязали. Ворона крылышки разбросала, лапочки раскидала...

— Из-за кукушечки, из-за горюшечки, из-за ябедницы я, ворона-праведница... Ничем крестьянина не обижаю: поутру рано на гумнешке вылетаю, крылышками разметаю, лапочками разгребаю,— тем себе и пищу добываю! Она кукушечка, она горюшечка, она ябедница, она клеветница! Крестьянин нажал один суслон — кукушечка прилетит и тот одолбит! Больше того под ноги спустит!..

И выслушали воронины слова. И ворону подхватили, в красный стул посадили. Кукушечку-горюшечку, в наказание ей, в темный лес отправили на тридцать лет, поглянется — живи весь век! И теперь кукушечка в лесу проживает и гнезда себе не знает!



101. ВОРОНА-КАРАБУТА

(О неправом суде птиц)

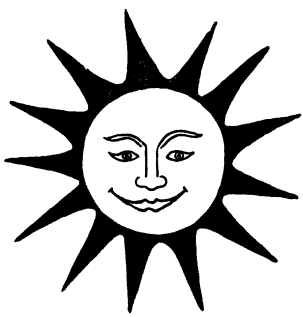
В некотором царстве,
В некотором государстве
Собирались, солетались
На зеленый на лужок,
Во единый во кружок.
Выбирали себе начальников:
Царя — бела лебедя,
Филина — губернатора,
Журавля — приказчика,
Синка — мелка рассылка,
Воробей — коморка,

Галка — с палкой,
Сорока — сотник.
Вороне-карабуте недостало чина.
Она полетела с этого совета,
Залетела в кабак,
Выпила вина на пятак —
Стала пьяна и хмельна.
Летела мимо кукушкина дому:
У кукушки дом новый,
Верх шатровый.
Ворона верх сломала,
Двери выставила,
Избу выстудила;
Детей перевязала
Да в голбец побросала.
Опять полетела на сушину,
На самую вершину.
Кукушка домой прилетает.
Свой дом не узнавает:
«У меня весь дом был новый,
Верх шатровый,
А теперь верху нету,
Двери выставлены,
Изба выстужена!»
Дети отвечали:
«Ворона-карабута летела с совета,
Верх сломала,
Двери выставила,
Избу выстудила;
Нас перевязала
Да в голбец побросала!»
Вот сделали розыск:
Послали сороку-сотника,
Галку с палкой,
Воробья-коморку.
Вот летят они искать.
Сидит ворона на сушине,
На самой вершине.
Галка палкой: тар-тарки,
А ворона-карабута: кар-карки!
Полетела ворона-карабута
Ко царю белу лебедю,
К филину-губернатору,
К журавлю-приказчику.

Они судили да рядили,
Да на волю ворону и пустили.
Вот ворона полетела
К молодой вдовой солдатке.
Солдатка-та ткала пестрядь;
На эту пестрядь налетел ястреб.

Ворона-карабута накупила пестряди, на штаны да на рубахи начальникам и раздарила.

Тут ворону обвинили,
Наказанье присудили:
Сделать топорик
Из игольного ушка,
Да нарубить топориком
Три воза сырняка.
Судьи говорят: тар-тарки,
А ворона-карабута: кар-каркн!



102. ГРИБЫ

Вздумал гриб, разгадал боровик; под дубочком сидючи, на все грибы глядючи, стал приказывать:

— Приходите вы, белянки, ко мне на войну.

Отказались белянки:

— Мы грибовые дворянки! Не идем на войну.

— Приходите, рыжики, ко мне на войну.

Отказались рыжики:

— Мы богатые мужики! Неповинны на войну идти.

— Приходите вы, волнушки, ко мне на войну.

Отказалися волнушки:

— Мы господские стряпушки! Не идем на войну.

— Приходите вы, опенки, ко мне на войну.

Отказалися опенки:

— У нас ноги очень тонки! Мы не идем на войну.

— Приходите, грузди, ко мне на войну.

— Мы грузди — ребятушки дружны, пойдем на войну!

Это было, как царь-горох воевал с грибами.

103. НЕ ЛЮБО — НЕ СЛУШАЙ

Было три брата. Один безногий удался — наперегон с зайцами гонялся. Второй — косолапый, больно прыток удался. А третий одно и знал, что ворон считал.

Вот собрались три брата в лес дрова резать. Пока безногий за зайцами гонялся, косолапый ноги расправлял, третий всех ворон пересчитал, глядь — и вечер настал. Надо ужин варить. А огня-то нет!

Вот срубили три брата большую сосну. Сложили костер. Вот полез смотреть один из братьев — нет ли где огоньку. И увидели впрямь огонек. Ну, вот и пошел безногий. Он видит, около огонька сидит старичок. Он и просит:

— Дедушка, дай огоньку!

Тот говорит:

— А ты меня, старика, потешь чем-нибудь. Хоть песню спой!

Тот говорит:

— Не умею!

— Ну так спляши!

— Тоже не учился.

— Сказку скажи!

— Тоже не знаю.

— Ну, и убирайся с чем пришел!

Так и второй брат пошел, и тоже ни с чем. Такие же ответы были.

Тогда подошел третий:

— Здорово, дед!

— Здорово, свет!

— Дедушка, дай огоньку!

— А ты старика меня потешь,— говорит. — Песню спой!

— Не умею.

— Ну так,— говорит,— спляши!

— Тоже не горазд.

— Ну так сказку скажи!

— Ну,— говорит,— это мое дело. Только — уговор. Не любо — не слушай, а врать не мешай. А если перебьешь — сто рублей с тебя.

Ну вот, он согласился, старик этот. А он начал говорить сказку:

— Когда начался свет, мне было семь лет. Батька мой не родился, дед не был женат.

Вот тогда-то жили мы богато. От наготы да босоты ломились шесты. Было медной посуды — крест да пуговица. А рогатой скотины — таракан да жужелица. А в упряжь — две кошки лысы да один кот-иноход.

Изба была большая: на земле порог, и тут же потолок. Хоть сидеть нельзя, да зато посмотреть хорошо. А земли было — и глазом не окинешь. Пол да лавки — сами засевали, а печь да полати — внаймы сдавали. Вот засеяли мы на полу ячмень, а на лавку не хватило.

Ну, и вырос наш ячмень высок да густ. Да завязалась в нем крыса. Как пошла наша кошка лыса ловить крысу — и заблудилась. И теперь там бродит. Ну, а ячмень мы сжали, а сложить-то и некуда.

А я хоть меньшой, да разумом большой. Склал скирду на печном столбе.

А бабушка моя — куда была резва — на печь три года лезла. Лезла-лезла, скирду нашу в лохань уронила, сама надвое переломилась.

Дед завыл. Я заголосил. Бабушку мы лычком сшили, так она еще десять лет так ходила. Ну, а ячмень мы из лохани вытащили, высушили и обмолотили. Сварили два пива — одно жидкое, другое как вода. Выпьешь любого бурак — станешь совсем дурак. Ну, а как гостю поднесешь, да за волосы потрясешь, да сверху поленом оплетешь — и с ног долой!

Да была у нас еще кобыла сива. Поехал я в лес дрова рубить. Еду трусцой — трюх-трюх, а топор у меня за поясом сзади: тю-тюх... И отрубил лошади весь зад! Так на передке я три года катался. Вот еду раз лесом, глядь —

на опушке задок моей лошади пасется. Вот я его поймал, оборотал, березовым прутком и сшил.

Ну, и стала березка вверх расти. Росла, росла и выросла под самые облака. Надумал я по ней влезть. Влез на облака, походил, посмотрел — нет ничего!

Надумал я назад спускаться, глядь, а кобылу-то мою дедушка увел поить. И не по чему спускаться. Стал я на облаках проживать, голодом голодовать.

Завелися с той худобы у меня блохи немалые. Стал я блох ловить, да шкуры с них сдирать, да веревку вить.

Свил веревку длинную! Привязал одним концом к облакам и стал спускаться. На ту беду мне веревки не хватило. Ну, я сверху срежу, на низ наставлю. И все-таки веревки не хватает! Я сижу — не тужу; по сторонам гляжу. Смотрю — мужик овес веет, а полова вверх летит.

Вот я стал полову ловить да веревку вить. Вил, вил... и мертвую крысу завил. А она ни с того ни с другого ожила, веревку перегрызла. Ну, и полетел я в болото, по самый рот ушел.

Хотел воды напиться — шеи не нагнуть. Прибежала лисица, на моей голове гнездо свила, семерых лисенят принесла. Шел мимо волк, лисеняток уволок. Да я ему тут за хвост вцепился. Вцепился, да и крикнул:

«Утю-лю-лю!..»

Волк меня и вытащил из болота. Вышел я из болота голодный-преголодный.

Смотрю — в дупле жареные перепелята сидят. Хотел руку просунуть — не лезет! Влез сам, наелся, растолстел, оттуда никак не вылезти! Сбегал домой за топором, прорубил дупло пошире — выкарабкался!..

Пошел за сине море, где скот нипочем. За муху с мушонком дают корову с теленком, за больших оводов — больших быков. Вот я наловил мух да мушат три куля. Наменял быков да коров три табуна. Пригнал к синему морю и давай горевать: как стадо домой гнать?

Вплавь пускать? Половина перетонет. Корабли нанять? Дорого возьмут. Вот я схватил одну корову за хвост да на ту сторону и швырнул; раза два на лету перевернулась! Так на ту сторону носом уткнулась. Так перешвырял я все три табуна. Остался один бык бурый, большущий. Вот окрутил я хвост вокруг руки, собрался с силой, развернулся — да как пустил! На ту сторону вместе с быком перелетел.

Ну вот, так ненароком попал я в самую преисподнюю, где черти живут. И три года у них все навоз возил... И все на твоем дедушке...

А старик и говорит:

— Не может быть, чтоб на моем дедушке!

— Может — не может, а плати сто рублей. Не любо — не слушай, а врать не мешай!

Получил он сто рублей, получил огонек. Пришел к братьям. Сварили они ужин. Спать легли. И теперь еще спят...

104. О ЦАРЕ И ПОРТНОМ

Досюле жил-был царь на царстве, на ровном месте, как сыр на скатерти. Этот царь был охотник сказок слушать, и сделал он по царству указ, чтоб сказали сказку, которой никто не слыхивал:

— За то, кто скажет, отдам полцарства и царевну!

Этой сказки сказать никто не находится!

Приходит из кабака швец, говорит царю:

— Ваше царское величество! Извольте меня напоить-накормить: я вам буду сказки сказывать!

И напоили, и накормили, и на стул посадили.

И стал сказки сказывать:

— Как досюль был у меня батюшка — богатого живота человек! И он состроил себе дом: что голуби по шелому ходили — с неба звезды клевали! У этого дома был двор — от ворот до ворот летом, меженным днем, голубь не мог перелетывать!.. Слыхали ль этакую сказку вы, господа бояре, и ты, надежа — великий царь?

Те говорят, что не слыхали.

— Ну, так это не сказка, а присказка: сказка будет завтра, повечеру. Теперь меня прощайте!..

Ушел.

И приходит опять на другой день и говорит:

— Ваше царское величество! Извольте меня напоить-накормить: я вам буду сказки сказывать!

И напоили, и накормили, и на стул посадили.

И стал сказки сказывать:

— Как досюль был у меня батюшка — богатейшего живота человек! И он состроил себе дом: что голуби по шелому ходили — с неба звезды клевали! У этого дома был двор — от ворот до ворот летом, меженным днем, голубь не мог перелетывать! И на этом дворе был выращен бык: на том рогу сидел пастух, на другом — другой; в трубы трубят и в роги играют, а друг другу лица не видно, и голоса не слышно!.. Слыхали ль этакую сказку вы, господа бояре, и ты, надежа — великий царь?

— Нет, не слыхали!

Шапку взял, да и сшел.

Царь видит, что это человек непутный,— жаль стало царевну отдать.

Говорит господам:

— Что, господа бояре? Скажемте, что слыхали эту сказку, и подпишемся.

Господа согласились, что слыхали эту сказку, и подписались.

На третий день приходит этот портной и говорит:

— Ваше царское величество! Извольте меня напоить-накормить: я вам буду сказки сказывать!

И напоили, и накормили, и на стул посадили.

И стал он сказки сказывать:

— Как досюль был у меня батюшка — пребогатого-богатого живота человек! И состроил он себе дом: что голуби по шелому ходили — с неба звезды клевали! У этого дома был двор — от ворот до ворот летом, меженным днем, голубь не мог перелетывать! И на этом дворе был выращен бык: на том рогу сидел пастух, на другом — другой; в трубы трубят и в роги играют, а друг другу лица не видно и голоса неслышно! И на дворе была выращена кобыла: по трое жеребят в сутки носила, все третьяков, то есть сразу трех лет возраста! И он в ту пору жил весьма богато! И ты, надежа — великий царь, занял у него сорок тысяч денег! Слыхали ль вы, господа бояре, этакую сказку? И ты, надежа — великий царь?

Господа видят, что нечего делать,— говорят все, что слыхали.

— Ты, великий царь, занял у моего батюшки сорок

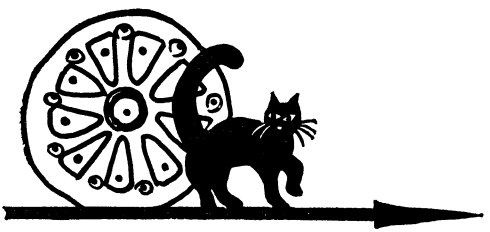
тысяч денег — вишь, господа все слыхали! А ты мне денег до сих пор не отдаешь!

И видит царь, что дело нехорошее: надо отдать царевну и полцарства — либо сорок тысяч денег!

Отдал ему сорок тысяч денег.

И пошел этот портной опять в кабак с песнями!..

Вот те и сказка вся!

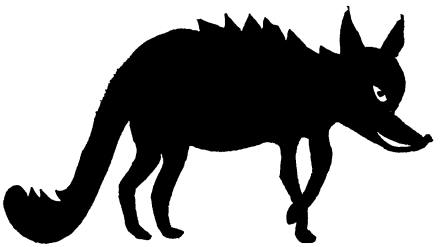


105. ПРИСКАЗКА

Был старик да старуха. У них была пестрая курочка. Снесла яичко у Кота Котофеича под окошком на шубном лоскуточке. Глядь-ка, мышка выскочила, хвостом вертнула, глазком мигнула, ногой лягнула, яйцо изломала. Старик плачет, старуха плачет, веник пашет, ступа пляшет, песты толкут. Вышли на колодец за водой поповы девки, им и сказали, что яйцо изломали. Девки ведра изломали с горя. Попадье сказали, та под печку пироги посадила без памяти. Попу сказали, поп-от побежал на колокольню, в набат звонит. Миряне собрались. «Что же сделалось?» Тут между собой миряне стали драться с досады.

106. КВАСЫ

Мы живем с братом рядом. Квасы у нас хорошие. Мой с колодца, у брата Сеньки — с болотца. Как схватятся бороться! Один другого как ма́хнет! Оба речной водой пахнут.



107. ВОТ ОДНАЖДЫ...

Вот однажды шел я с Петрограду пешком со своим пестрым мешком. Одежина была плохая. Ночевать проситься совестно. Смотрю — амбар хлебный. Забрался я под него, думал — ночь пролежу. Потом, значит, ночью слышу — лезут еще какие-то люди туда. Оказывается, жулье — воровать. Вот они ощупью пощупали.

— Вот тоже человек. Ты что тут?

— Я тоже воровать.

— Ну, давай заодно, вместях будем.

Провернули они в полу дырки, выломали. Влезли в середину мы все. Дверь со середины открыли. Стали обирать. Что там есть — обобрали все.

Они и говорят:

— Посмотрим в сундуке, в тряпочках нет ли денег?

Когда я наклонился туда, они сграбили меня в этот сундук, закрыли пробой, палочкой заторнули, там и остался я.

Сижу, дожидаюсь, думаю: «Вот теперь я пропал. Хозяин придет — плохо будет».

Слышу наутро — приходит хозяйка. «Ох, тошно! Ох, лихо!»

Вошла.

— Ох, мазурики, все обобрали. Нужно хоть посмотреть в сундуке, не оставшись что?

Открывает сундук, а там был горшок гороховой муки. Забираю пястку муки; как она открывает, я ей прямо в глаза. Покуда она ковырялась — я бежать.

За мной гнались. Лес был недалеко, убежал я в лес. Лес большой; бежал я бежал лесом — выбежал на частину. Гляжу — мои други делят это добро. Бочки были с рыбой или там с селедкой.

— Ах,— говорят,— товарищ. Поешь, покушай с нами.

Дали покушать как следует, потом схватили меня, в эту

бочку и заложили. Тут я сижу и думаю: «Теперь пропал. Здесь с голоду погибнешь в лесу».

Потом приходят волки, кругом бочки стали ходить, как тут рыбный дух идет. А в бочке гвоздь был большой. Вынул я его. Тогда один волк положил лапу на бочку, схватил я его за лапу; вот он тут пошел, а бочка то об дерево, то об пень. А я держу его. Потом бочка рассыпалась. Тогда я пустил.

А куда идти — не знаю. Шел-шел, думаю: «Залезу на дерево, посмотрю — может, увижу край». Вот, лез, лез. Осина толстая. А влез я высоко, а осина была с дуплом. Я ошибился, и прямо в это дупло, и по самый этот корень въехал. «Ну, теперь,— думаю,— пропало. Не вылезти».

Слышу, приезжают мужички резать на ульи для пчел. А для пчел надо пустые стволы. Стали они обухом бить по деревьям. В аккурат по этому стукнули.

— А вот,— говорят,— пустое дерево, надо срезать.

Резали-резали, стали до ног подрезать. Я понемногу на локти поднимусь, а заморюсь — стану на пилу.

Тогда они говорят:

— Зажало ветерком. Надо клин вбить.

Покуда они клин вбивают — я отдохну да на локтях подтянуся.

Срезали они осину, повалилась осина; она валится, а я прикорчиваюсь, ниже опускаюсь. Когда упала, остался я на пню...

Тогда эти люди испугались, да бежать. Все мне оставили: и лошадину, и хлебишко, и все.

Я поел, и запряг лошаденку, и пиленку и армячишко взял. И поехал. Ехал-ехал я много-мало, уснул на дровянках. Потом проснулся, да кнутом:

— Эй ты, что же стала!

А там, оказывается, лошаденку волки съели, а волк шею доедал в хомуте. Когда я подмахнул кнутом, он вскочил — и прямо в хомут, и повез меня.

Тогда я понял, что это не моя лошаденка. Моя так не везла — тут только дровянки стали подскакивать. Тогда я стал на коленки, смотрю — что такое? Вижу — волк меня везет. Я забрал руками за раздуги и держусь, а он прет прямо дорогою. Подвез меня на мое поле. Потом встречает мужичок. Узнал меня, что я:

— Ты где, Михаил, такую лошадь взял?

Взмахнул руками, волк в сторону побежал, я остался. Домой пошел, вот и теперь живу.

108. ПРИШЕЛ Я В ВЕЛИКИЙ ПОСТ...

Пришел я в великий пост к маме молока
хлебать.
Мама меня гнать,
Я бежать.
Бежал два дня,
Нашел на дороге игольные уши,
Положил на плечо,
Стало горячо.
Пошел в кузницу ковать топор.
«Скуй мне, кузнец, топор.
Ни мал, ни велик — в мой рост».
«Что ты будешь делать?»
«Буду дерево рубить».
Сковал мне кузнец топор.
Ни мал, ни велик — в мой рост.
Зашел я на овин рубить дерево-крапиву.
Дерево пало, меня задавило.
Прилетели два ангела —
Крыса боровая и мышь летучая.
Посадили меня на колеса
И подняли на небеса.
Там все не по-нашему,
Там все не по-здешнему:
Церковь из пирогов сделана,
Калачом заперта,
Блином прикрыта.
Калач я перегрыз да в церковь походил.
Сидит Тимошка на окошке,
Я его пристрастил.
Идет поп Ермошка,
В липовых лапоточках,
В синем зипунишке,—
Одна рука к уху,
Другая — к брюху.
Запевает свой любимый стих:

«Постой-ка, великомученица,
Пронеси еси.
Прошла сквозь шубные рукава,
Прошли все кресты и пророки
По большой дороге...»
А сзади и нам можно идти.

109. КАК Я МОЛОДОЙ ХОТЕЛ ЖЕНИТЬСЯ

Отец у меня был из бедных казаков. Нас, детей, у него было восемь человек. Числился мой отец отставным, на действительной службе не бывал и платил в станичное правление двадцать рублей.

Я самый больший был, старшой. И свататься можно бы, но за меня, бедняка, усватать добрую невесту и думать было нечего. Хотя и года мне не вышли, полгода не хватало до восемнадцати лет, все же старшие решили меня вокруг налоя окрутить. Одногодки мои все пожанились, а на меня за бедность никто из девок и не приглядывается.

Отец поглядел на меня и решил женить.

На свадьбу деньги надобно. Вот и решил два воза пшеницы отвезти в станицу Еланскую продать ее там купцам-ссыпщикам. Лошадь у нас была одна, другую попросили у сродственников.

Взял меня отец с собой, и мы поехали. Подъезжаем к станице Буканской, в балку Чиганаки спустились. В ней у дороги сбочь колодец. Я и решил забечь к колодцу воды попить.

Отец не приметил, как я с воза слез. Он на передней подводе был, а я на задней. Время уже далеко за полдень, солнце близу заката. Отец из балочки выехал и тронул лошадей побыстрее. Я этого не приметил.

Воды попил, загляделся на муравейник. Он вблизу колодца был. От него муравьи себе проделали дорожки

и по ним к себе зерно несут. В муравейник идут с грузом, а им навстречу из муравейника — порожняком. Загляделся я на них, глядел-глядел, думал недолго. Забыл и про отца, и что едем пшеницу продавать.

Потом хватился — глядь, а оно, солнышко-то, уже вот-вот сядет, закатится. Тут выскочил я из балочки, туда-сюда поглядел — ни подвод наших, ни отца нигде не видать. А отец себе лошадей погонял и назад поглядеть не оборачивался. Он думал, что я лежу на задней подводе и за ним поспехаю.

Тут я кинулся за ним вдогонку. Добег, где дорога пошла по пескам, что у хутора Антоновского,— и тут еще дорога надвое разделилась. Одна вправо пошла над песками, а другая прямиком через них. Я и не знаю, по какой из них идти. Остановился. Смотрю — пастух гонит скот. Дождался его. Спрашиваю, какая дорога на Еланскую станицу. А он — они обе на Еланскую. Я ему рассказал, как с отцом мы ехали и как я от него отстал.

Пастух и посоветовал — идти через пески. Отец твой в объезд поехал, и ты придешь ему под перед. А не нагонишь, так в хуторе заночуешь. Пока я шел по пескам — стемнело. К хутору вышел, отца нигде не видать и подвод наших тоже.

Постоял-постоял и пошел в хутор. Гляжу — в одном дворе народу много собралось, свадьбу играют. Я тоже туда. Хуторские ребята сразу приметили, что я чужой, приглядываются, и чую, что хотят мне кулаками малость ребра помять. Я от них поскорее в сторону подался. Зашел под сарай.

Смотрю — там сани стоят. Думаю, здесь прилягу, отдохну, меня тут никто не тронет, не заметит. Хотел лечь в обшивни — там постель. Я обрадовался без ума, того не подумал, что ее кто-то себе приготовил, ночевку.

Лег. С часок не прошло, прибегает девушка. Спрашивает:

— Ты тут?

Не обдумавшись, ей отвечаю:

— Тут.

— Ну, я сейчас тебе есть принесу, — говорит она.

Я еще дюжее обрадовался. Смотрю — идет она и сует мне большущую миску. Говорит:

— На, ешь, а я пойду да скорехонько к тебе вернусь.

А я и пошел на ущупь действовать. Сверху куски мяса и краюшка хлеба. Я их сразу к себе в живот прибрал.

Щупаю — блинцы и вареники. Под исподом молочная каша, на ней лежала ложка. Я и это все прибрал.

Тут думаю — вот добрая девушка. А невдомек, что на какого черта я ей нужен был. И подумал, что тут кто-то помимо меня должен быть.

Смекнул, что все это пока благодать, а потом как бы чего такого дрянного не вышло. Из сарая выглянул — полон двор пьяных, не уйдешь, изобьют. И решил на кладни залезть. И любопытно, кто заместо меня сюда придет. Влез на кладни, на них конопли, огляделся, заночевать тут неплохо. Только улегся, как в сарай вошел и идет к саням здоровенный дядуня.

Ложится в них. Закуривает. Я тут и увидал, что попадись я ему, то он бы меня в муку смял. Закурил. Лежит. Вскорости девушка приходит. Спрашивает его:

— Ну, как подзакусил?

Она думала, что его кормила. Он же подумал, что она на смех его подымает.

— Это чем же я подзакусил, мякиной, что ли? Смешочки из меня строишь.

Она поняла, что тут понесла оплошку и кормила кого-то другого, и говорит:

— А ты чего же, разве на свадьбе не ужинал?

Малость они повздорили. Потом она к нему в обшивни легла. Улеглись, а потом пошли у них разговоры.

Она и говорит ему:

— А что я да и рожу, ты меня ведь замуж не возьмешь. Кто же дитя кормить будет?

Он помолчал-помолчал, да так, чую, с улыбочкой и говорит ей:

— Вот дура-то, кто выше нас, тот и кормить будет.

Он, видать-то, сказал про бога, а я подумал, что он про меня. Меня тут кто ножом по сердцу резанул — я и заорал изо всей силы:

— Нет, такой козел не пойдет: вы будете родить, а мне кормить,— дулю с Мартынова сада не хотите?

Они, как мой голос услыхали, из обшивней долой и бежать.

Я с кладней тоже сиганул да тоже бежать, что было у меня силенок, а то дядуня одумается и даст мне таких чертей, что до седых волос помнить будешь. Дело было за полночь, огней нигде ни в одном дворе не видно.

Иду, смотрю — в самой крайней хатенке чуть-чуть огонек горит. Я решил попроситься, не пустят ли перено-

чевать. Подхожу к окну, вижу — молодая бабенка в зыбке дитя качает. Я постучался.

Бабенка выходит, дверь отворяет, говорит:

— Заходи.

Зашел, сел на лавку. Гляжу — из мужчин никого нет, спрашиваю:

— Где же у тебя муж?

Она мне:

— На свадьбе.

И начала она свое горе и печаль выкладывать.

— Я — сирота, из бедных, он-то из богатеньких. Каждым куском хлеба попрекает. К тому же дурковат. Сейчас вот придет и всю свою дурость окажет, сам увидишь.

Хотела она мне еще чего-то сказать, да муж пришел, на весь двор заорал:

— Паранька, отворяй дверь!

Я так и оробел, в голове дурные мысли побрели, — муж-то у ней дурковат да пьян, добра от него не жди.

Она дверь кинулась отворять, а я сижу. Входит муж и ну черным словом ругаться, за каждым словом черта поминает!

— А это что за человек? — и кулаком по столу. Я весь, как овечий хвост, затрясся. Она ему:

— Захожий человек, переночевать попросился.

— Так к тебе без меня человеки заходят!

Схватил меня за шиворот и норовит под ребра кулаком.

— Так вот что, захожий человек, руки об тебя марать не хочу, суну тебя к Лизеню, он с тобою управится.

Я сроду про Лизеня не слыхивал, сам трясусь весь, а сам думаю, что это за страсть такая за Лизень. А он со мною из хаты вон и через весь двор поволок. Подволок к хлеву и сунул меня туда, а дверь снаружи сохою подпер. Я в угол зажался. Присел, по земле пошарил, нашел какую-то здоровую железяку, взвалил на плечо. Приготовился сражаться с Лизенем. Слышу — дышит. Встает и ко мне. Я как изловчусь да изо всех сил его садану.

Сам трясусь, а сам слушаю. Лежит Лизень, не дышит, не шевелится. Я на прицапки опустился, пощупал — мертвый лежит. Осмелел я тут — всего Лизеня ощупал,

и что же оказывается — это телок! Убил я его зазря. Не хотел, а убил.

Поскорее раскопал крышу, солому раздвинул — и бежать, а то проспится хозяин — и быть тогда мне в ответе. Будет мне за телка. Из хутора выскочил — и назад, уж не отца догонять, а домой бежать кинулся.

Верст пять пролетел — рассвело, и солнце взошло. Гляжу, а сбочь дороги соседская лошадь, на какой я с отцом ехал, пасется; отец ее стреножил, пустил, а она от него и ушла.

Я обрадовался, домой-то мне не пешедралом теперь идти. Поймал ее, сел верхи и еду. Верст десять отмахал и вижу — неподалеку от дороги цыганский табор стоит.

Про цыган рассказывать не приходится, что они за люди. Лошадей любят, а пуще того — меняться, да торговать, да простака объегорить. Поближе к табору подъезжаю, а они меня и сзаду, и спереди, и с боков огарнули:

— Давай, молодой казачок, сменяем твою кобылку.

Один за уздечку, другой за рукав меня трясет, третий за ногу тянет. Я подумал, а что и вправду сменять. А тут цыганка подошла, на меня глядит и говорит:

— Смотри, какой же ты красавец, кобылку сменяешь, не прогадаешь, невесту возьмешь богатую, тороватую, не девку, а королевну.

Я сдуру уши и развесил. Сменял кобылку. Подвели они мне лошадку круглую, пузатую. На месте не стоит, танцует. Уж после я узнал, что у цыган все лошади танцуют — водкой их они подпаивают. А тогда гляжу и думаю — добрую коняку выменял. Сел на нее и поехал.

Не доехал я до Буканской, лошадь-то цыганская стала и ни с места, хоть слезами заливайся. Слез я с нее и повел на поводу. Иду, на нее поглядываю, а она у меня на глазах меняется, то была она пузатая, а то остались одни кости да кожа.

А из-под хвоста из нее дурной воздух так и прет, так и прет. Это цыгане ее через камышину надули. Еле-еле к вечеру я с ней домой приплелся.

Отец мой дома уже сидит, вечеряет. Как узнал, что я цыганам променял соседскую лошадь, сгреб — да кнутом, кнутом.

Соседям отдал свою лошадь, а цыганскую коняку отвел живодеру, отдал ему за четвертак (двадцать пять копеек).

Мне в хуторе прохода не было, засмеяли — на улицу глаз я боялся показать. Где там жениться, ни одна девка за меня тогда бы не пошла. Женился уж тогда, когда в полку действительную службу сломал. Вот как мне пришлось по-первому с сватовством и женитьбой.

110. ЛГАЛО И ПОДЛЫГАЛО

Были такие два лгуна — Лгало и Подлыгало. Один лжет, другой подлыгает. Так только и жили. Работать не любили, а враньем деньги добывали. Пойдут в деревню, один в одну избу, а другой в другую...

Зашли раз Лгало да Подлыгало в деревню, один в одной избе остановился, другой — в другой, будто рассердились дорогой. Вошел Лгало в избу. А изба у мужика новая; Лгало избу хвалит. А хозяин рад.

— Да,— говорит,— изба добрая, такого лесу теперь нигде не найдешь!

— Нет! — говорит Лгало. — Нет!

— А я говорю: «Да».

— А я говорю: «Нет!»

— Давайте положим по сто рублей, что есть!

— Давай!

Заложились.

— Шел раз я,— говорит Лгало,— по деревне, и везли там одно бревно — от пасхи до рождества везли, а только корень вывезли. Всей деревней молебен служили — ни пройти ни проехать было! Вот это так дерево!

— Да ты и лгешь,— говорит мужик.

— Коли мне не веришь, так позовем моего товарища. Хоть мы с ним рассердивши, а солгать не даст!

— А где он?

— Да вон в избе!

Привели Подлыгалу.

— Правда ль, твой товарищ про дерево рассказывал, будто с рождества до пасхи только корень вывезли?

— Нет, что не видал, то не видал, и лгать не буду! А вот дом видать видывал, с одного дерева выстроен. Как зашел я, вижу избу, ходил-ходил — заблудился. В одной половине мужики водку пьют, в другой свадьбу играют, в третьей сватьи дерутся. Насилу люди вывели...

Видит мужик, что не лгал Лгало, и проиграл сто рублей. Разделили деньги поровну и в другую деревню идут. Один в одну избу, другой в другую, будто рассердивши.

Стали Лгалу ужином кормить, щей налили. Лгало капусту похваливает. А хозяин и рад.

— Да, такой капусты во всем свете нет. Таких кочанов отродясь не видывал никто.

— Ну, я-то поболе видывал,— подраздоривал мужика Лгало.

— Где?

— Давай заложимся по сту рублей?

— Давай!

Заложились и деньги на стол выложили.

— Шел я раз по полю,— врет Лгало.— И в поле рос кочан. Как зашла туча, как пошел дождь, так целый полк солдат под кочном спрятались. Вот это кочан!

— Да ты лгешь!

— А коли не веришь, так позовем моего товарища! Хоть мы с ним и рассердивши, а только солгать не даст!

Привели Подлыгалу.

— Правда ль, что твой товарищ кочан такой видывал, что целый полк спрятался?

— Нет,— говорит Подлыгало,— что не видал, то не видал, и лгать не стану! А видел, как кочан с земли тащили. Запрягли двенадцать лошадей, и то еле-еле вытащили...

Видит мужик, что проиграл, и отдал сто рублей.

Лгало да Подлыгало разделили деньги поровну и в другую деревню пошли. Лгало в одну избу, Подлыгало в другую — будто рассердивши. Лгалу обедом кормят, гороху дают. Лгало горох похваливает. А хозяин рад.

— А только это не горох! Вот я видывал горох так горох. Одна стеблина с дуб толщиной, а струк в небо уперся.

— Да ты лгешь!

— Зачем лгать; не веришь, давай заложимся по сту рублей!

— Давай!

Заложились. И деньги на стол выложили.

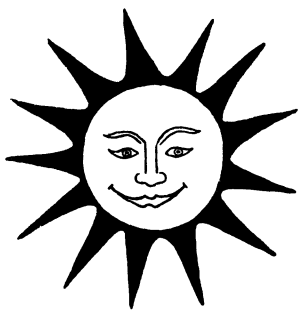
— Позовем моего товарища, он не даст соврать, хоть мы с ним и рассердивши.

Позвали Подлыгалу.

— Правда ль, твой товарищ видел горох в дуб толщиной, а струк в небо упирается?

— Нет, что не видал, то не видал, и лгать не стану! А вот видел, как горошком улицу мостили, а в гороховине через реку двадцать человек зараз переплывали!

Видит мужик, что проиграл, и отдал сто рублей. Разделили Лгало да Подлыгало деньги поровну и пошли далее...



111. РЫБАЦКАЯ БАЙКА

Поехали на рыбалку двадцать рыбаков. Взяли с собой одну поллитровку водки. Вот когда половили рыбы, сварили уху и задумали, значит, достать эту поллитровку и распить. Ну, один и говорит:

— Что, ребята, одна поллитровка на двадцать человек, как делить — не знаю.

А второй и говорит:

— Давайте так: кто обхитрит — тому и пол-литра. Кто лучше соврет.

Вот первый и говорит:

— Вот, ребята, раз у меня клюнула щука. Я ее стал тащить — она сильно крупная. Думаю, ее мне в лодку не вытащить. Я взял топором как тюкнул — и разрубил пополам. Она от боли сыграла и оторвалась. Голова ушла, а хвост остался, килограмма на четыре. Ну, я забрал хвост, принес домой... А на следующий год на этом же месте закинул блестку — обратно эта же щука хватила, без хвоста.

Другой говорит:

— Бывает...

Теперь второй говорит:

— Вот что, ребята. У меня была собака. Как пойду на охоту — если она заметила одного зайца, делает стойку и поднимает одну лапу. А если два зайца — значит, две поднимает лапы.

А другой говорит:

— А если четыре зайца?

— Ну что, тогда она четыре лапы поднимает.

А он ему говорит:

— А на чем же она стоит?

— На хвосте!

Другой говорит:

— Бывает...

А самый молодой рыбак и говорит:

— Вот, ребята, у нас был тоже такой случай. Поехали нас трое.

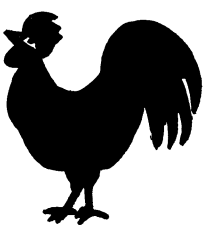
Взяли бутылку водки. Задумали выпить — распечатывали-распечатывали (распечатать нечем было), так и не могли распечатать. И пришлось бутылку домой везти.

А другой-то и говорит:

— Ну уж это-то не бывает — чтобы пол-литра домой с рыбалки увезти!

Он забирает бутылку и говорит:

— Раз вы не можете разделить, то я и эту домой увезу...



112. ДОКТОР И МАШИНИСТ

Значит, так. Вот однажды ехали в поезде один профессор-доктор и машинист. Вот. Разговорились между собой. Ну, значит, доктор и говорит:

— Знаешь, дорогой мой... (А разговорились — ведь это всегда под рюмочкой. Понял?) Вот такой у меня

случай был. Один больной заболел — а парень-то хороший. У него болела голова. Вот. Ну, что же делать? Думаю, что вылечить я его больше не могу. Ну, что же делать теперь?.. А у одного болел желудок. Ну, тому-то все равно умирать. Ну, я взял отрезал у того голову и пришел к этому. Ну, а тому все равно умирать, понял? Вот. А человек-то остался, живет.

А машинист послухал-послухал и говорит:

— Да, доктор, бывают такие вещи. А я тоже однажды ехал на паровозе, смотрю — километра три впереди путь разобран. Думаю: что делать? А я взял да свернул на левую сторону, да пять километров по лесу проехал, чтоб не убить людей-то.

А профессор и говорит:

— Э-э, дорогой мой. А как же ты лесом-то ехал?

— А как ты у больного голову-то отрезал?..

113. ХУДО, ДА НЕ ДЮЖЕ...

Ехал мужик с базару, купивши двадцать фунтов гороху, да дорогой рассыпал. Ну вот и говорит соседу:

— Вот горох рассыпал.

А сосед и говорит:

— Это худо.

— Худо, да не дюже: рассыпал двадцать, а собрал пуд.

— Это хорошо!

— Хорошо, да не дюже. Больше земли было, как гороху.

— Это худо!

— Худо, да не дюже: я горох-то посеял, да горох вырос стручист.

— Это хорошо!

— Хорошо, да не дюже: повадились поповы свиньи горох есть; и переели весь горох.

— Это худо!

— Худо, да не дюже: я поповых свиней-то перебил да три бочки мяса насолил.

— Это хорошо!

— Хорошо, да не дюже: повадились поповы собаки да всю свинину перетаскали.

— Это худо!

— Худо, да не дюже: я собак перебил да бабе шубу сшил.

— Это хорошо!

— Хорошо, да не дюже: крысы шубу съели.

— Это худо!

— Худо, да не дюже: я крыс перебил — воротник сшил...

114. МУХУ СВАТАЛИ

Таракан муху сватал,
Сватал, сватал.
Блошка свахой была,
Была, была.
Муху она уговаривала,
Уговаривала, уговаривала:
«В тепле будешь жить зимой,
Зимой, зимой.
Всю зиму под печкой,
Под печкой, под печкой».
Муха соблазнилась,
Соблазнилась, соблазнилась.
Выйти замуж согласилась,
Согласилась, согласилась.
Поехала муха венчаться,
Венчаться, венчаться.
Попом был паук-паучище,
Паучище, паучище.

Наложил он на муху ручищу,
Ручищу, ручищу.
Муха паука напугалась,
Напугалась, напугалась.
Она глаза закатила,
Закатила, закатила.
Душу богу отдала,
Отдала, отдала.
Остался таракан не женатый, не вдовой,
Не вдовой, не вдовой.
Ходит он теперь холостой,
Холостой, холостой.

115. НЕБЫЛИЦА

Жила я одна —
бедна.
Призадумалась,
призагорюнилась.
Думала, теперь никто
по моей улице не пройдет,—
петух с курицей
об... мою улицу.
Не успела оглянуться,
вздумала зима навернуться.
Зима лютая, жестокая, а нет вышки
класть дровишки.
Как быть?
Прилетели птички —
надели кички,
прилетели пичужки —
сызнова поправили избушки,
прилетели птицы —
принесли тряпицы,
прилетели грачи —

притащили калачи.
Прилетели журавки —
молока налили целые муравки.
Прилетели обезьянки —
принесли клеянки...
Тут упала порошка,
зятю дорожка.
Упала порога
до самого порога,
потом вприпрыжку
под самую крышку.
Думала, буду тосковать,
да некогда мне тосковать,
когда нечего стало доставать.
Пришлось тоску
забить в доску,
а пристачу
наместо молока и мяса на сдачу,
а кругом снег упал свыше
выше крыши.
Пришлось мне отгребаться от печки
до самой речки,
пришлось от свинячьего мерлога
до зарода,
и до другого, и до третьего...
И поставила я Федькиного у третьего
караулить...
Пришлось от печки
и до речки
отскребаться,
где была вода ближе прямо.
Вздумала вода теряться,
а я за ей гнаться.
Гналась-гналась,
вдруг вода совсем потерялась.
Пришлось мне есть лед,
пить мед.
Но вдруг вода отыскалась, шумит, гремит,
думала я, потону тут.
Стала откебаться кое-как.
Пройди, вода, руслом, не утопи мои крошки
в этой ложке,
не дай врагу,
оставь на берегу.

Белая скатерть всю мою степь застлала,
где я проживала.
Но я потом все думала, печалилась,
Уйдет эта скатерть,
потом будет потоп!
А не откуль взялась пчела,
белу скатерть собрала,
отомкнула замки, уронила ключи,
побежали со всех сторон ручьи.
Но тут-то я в моей жизни смешалась.
Так давай
бога просить: «Не дай утопить меня, бедную,
не дай врагу,
оставь на берегу».
Ночь была темная, спустил бог комарика
с фонариком и на помогу муху.
И стало сухо!
Поглядишь на восток —
только один хвосток,
поглядишь на запад —
один закат!

116. ДВА СЫНА

Я на свадьбах отроду не гуляла... Водочку не пью никогда, от пьяных болею... Вот еще о жизни рассказать могу.

Было два сына, один — Доронька, другой — Хома.
А работала более мать сама.
Они были маленькие. Потом возмужались,
моей жизни испужались.
И подались в города,
где не вшива борода.
Один далеко улетел,
другой поближе в городе засел.

Жил-жил. Поеду, думает, как там мать. Обману ее. Ну, там корова с буруном, сад и огород...

— Здравствуй, мамаша!

— Здравствуй, сынок.

— Как вам не скучно тут в деревушке, в захолустье?

— Можно тут с ума сойти!

— Не лучше ли здесь — маленький огородок подсадить, сенца подносить.

— Что ты мать, столько муки
и нет большой науки!
Там в городе
все при сковороде,

и сено прессовано сколько угодно. А что здесь мучиться?

Там проведены провода,
бежит светлая вода,
освещение — листричество, кругом танцы, кругом кружки, кругом милые дружки...

Уговорил старуху. Переехали они. Пожили немного, сын говорит:

— Я думаю жениться. Я в прачечной влюбился, чуть не убился.

Брюхо бурчит, сатана торчит.

Мать говорит:

— Как же жениться, когда есть нечего?

Сын говорит:

— А корова и бурун? Здесь город, корову держать нельзя, кормить нечем. Навоз некуда девать...

Убили они буруна. Продали. Женился. Жена и говорит:

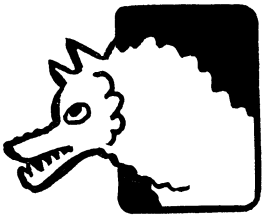
— Я теперь не прачка, больше не стираю,
хожу по фонарикам гуляю.
Надо продать корову, купить виктролу.

Продали корову...

Жена говорит:

— Поедем в Москву разгонять тоску.

Так и уехали. А мать, это самое, назад в деревню вернулась.



117. СКАЗКА ПРО КУЗЬМУ СЕРАФОНТЬЕВИЧА — МОГУЧЕГО БОГАТЫРЯ

В некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, в котором мы живем, против неба на земле жил старик в одном селе. Был у него единственный сынок Кузьма.

Когда Кузьма вырос, вошел в совершенные свои лета, тогда отец заставил его жениться. Когда Кузьма женился, недолго времени старик прожил, помер.

Кузьма остался один на хозяйстве со своей женой и матерью-старухой. Через несколько времени после смерти старика померла и мать-старуха. Кузьма, сколько ни работал в крестьянстве, никак не мог зажиться, а жил все хуже и хуже, как помер его отец.

Однажды весною выехал Кузьма пахать, как все крестьяне. Вспахали пашню, стали сеять. У Кузьмы лошаденка плохая, но кое-как посеял.

Когда поспел урожай в уборочную кампанию, тогда убирали рожь и готовили пашню под рожь. В это время сильно много было слепней, комаров и мух.

В один прекрасный день Кузьма поехал подготовлять пашню под рожь. Плугов в тое время не было, были сохи. У Кузьмы была очень плохая приправа — хомут ничего не стоил, гужи еще хуже, соха совсем плохая.

День был жаркий, на его лошаденку насело много мух и слепней. Он снял шапку, и ударил по лошади шапкой, и убил много слепней и мух.

Когда убил слепнев, сел на канаву и говорит сам себе:

— Какого черта я буду на пашне работать, когда с одного маху столько слепнев и мух побиваху. С меня будет хороший богатырь. Поеду я разъезжаться с богатырями.

Бросил свою соху, которая ни черта не стоила, и последки сломал ее. Сел на лошаденку и поехал домой. Приезжает домой и говорит своей жене:

— Больше я работать не буду на пашне, а уезжаю разъезжаться с богатырями.

Жена тут закричала:

— Что ты надумал, Кузьма Серафонтьевич! Куда ты поедешь? Как ты бросаешь дом, и с кем же останусь я?

Кузьма отвечает:

— С кем останешься? Разве мало баб живут без мужиков?

Тогда жена отвечает:

— А как же работать — посеять, убирать урожай?

Кузьма говорит:

— Поговорим об этом после, а ты начинай приготовлять меня в поход — пеки больше лепешек и вари ботвы.

И тот же час жена стала приготовляться и принесла дров, затопила печь и стала делать то, что велел Кузьма. А Кузьма пошел, стопил баню, вымылся, выпарился, одел чистое белье, принес пол-литра вина, сел за стол, закусывает и выпивает.

Два дня отдохнул, после двух дней стал собираться в поход. Наточил косу хорошо, налил ботвы, взял с собой лепешки, хлеба, вообще набрал продуктов сколько можно. Вывел свою лошаденку со двора, сел на лошаденку, попрощался с женой и поехал в путь-дорогу.

Едет день, едет два — едет всю неделю. Сказка говорится скоро, а дело делается не скоро.

Подъезжает к лесу, застает его ночь. Он слезает со своей лошади и располагается ночевать. Раскинул палатку, поужинал и лег себе спокойно спать.

На следующее утро Кузьма позавтракал, садится на лошадь и продолжает ехать дальше. Долго ли, мало ли он ехал — это никому не известно. Выезжает с лесу, смотрит — стоит большой столб. На столбе написаны крупными буквами разъездные дороги, кто по какой дороге должен ехать: «Направо,— написано,— ездят одни крестьяне; налево,— было написано,— всем, кому желательно, тот и поезжай; прямо,— было написано,— ездят одни богатыри».

Кузьма, остановившись, все это прочитал.

— Налево мне ехать — там мне нечего делать. Направо ехать — я же теперь не крестьянин, а сильно могучий богатырь Кузьма Серафонтьевич.

И тут же вынимает с кармана карандаш и начинает писать на столбе крупными буквами: «Здесь проезжал могучий богатырь Кузьма Серафонтьевич».

Написал и садится на лошадь. Косу на плечо — и поехал дальше.

Проехал он долго иль мало, суток трое иль четверо, за это время он проехал верст пятнадцать.

Вдруг, спустя это время, подъезжают к этому столбу два могучих богатыря, смотрят на этот столб, на котором было написано крупными буквами: «Такого-то числа, в такие-то часы здесь проезжал сильно могучий богатырь Кузьма Серафонтьевич».

Богатыри проговорили между собой:

— Что такой за богатырь, которого мы и не слыхивали в свете, сколько мы ни ездили?

Сказав эти слова, и говорят:

— Во что бы то ни стало нужно догнать, посмотреть — что за богатырь.

Сказав эти слова, вскакивают на своих богатырских лошадей и помчались догонять Кузьму. Только разогнали своих лошадей, смотрят — впереди себя едет человек, на плечах с косой и с фляжкой с ботвой.

Богатыри переглянулись, взглянули друг на друга и говорят:

— Что это за богатырь с косой? Это просто смерть.

Ну, какой бы то ни был, подъезжают к нему и здороваются.

— Здравствуй, сильно могучий богатырь Кузьма Серафонтьевич.

Кузьма оглянулся и в свою очередь ответил:

— Здравия желаем.

Богатыри спрашивают:

— Как прикажете ехать: вперед вас ехать или сзади вас ехать?

Кузьма отвечает:

— Конечно, сзади.

Тогда богатыри поехали сзади. Кузьма едет впереди, богатыри едут сзади. Если посмотреть со стороны, то навряд ли что узнаешь — или вперед двигаются, или назад.

Сколько они времени проехали, долго ли, мало ли до царских лугов — это неизвестно, но только рассказчик этой сказки предполагает, что проехали они не менее как суток восемь. А расстояние было не более как двадцать пять верст, ну, от силы тридцать. Так можно предположить, что они ехали с очень большой скоростью.

Доехавши до царских лугов, все три богатыря слезают со своих лошадей, раскидывают палатки, остаются здесь на отдыхе. Живут день-два и всю неделю.

Царь увидел, что кто-то находится в его лугах, посылает своих слуг к неизвестным людям, которые

расположивши на его лугах и приказывает узнать, кто это такие.

Когда пришли слуги к этим богатырям и спросили их:

— Что за люди?

Богатыри ответили:

— Мы есть богатыри.

Тогда слуги вернулись от богатырей к царю, рассказали ему, что в наших лугах находятся неизвестных три богатыря.

Тогда царь снова посылает своих слуг и наказывает слугам сказать богатырям, чтобы они выехали с царских лугов.

Приезжают слуги вторично к богатырям и говорят:

— Царь приказывает вам выехать из царских лугов куда желаете.

Богатыри, не обращая никакого внимания, как стояли, так и стоят. Пьют, гуляют, отдыхают — ничего не знают.

Тогда царь посылает слуг в третий раз и наказывает своим слугам сказать богатырям:

— Если не уедут завтрашний день, то я посылаю войско их разбить.

Слуги подъезжают к богатырям и рассказывают им такую штуку, как им приказывал царь. Богатыри тогда ответили царским слугам:

— Войско послать — это дело царя, а выехать — это дело наше.

Тогда слуги вернулись к царю от богатырей и сказали такую штуку, как им говорили богатыри.

Царь, спустя дня три, видит, что богатыри не уезжают с его лугов, собрал большой бал, и на балу гуляли два дня и две ночи. После балу царь собрал свою думу и стали советоваться, что делать с этими богатырями. Ну, и решил пойти на них войной и разбить. Больше с ними не остается ничего делать.

На следующий день царь собрал много войска: солдат и офицеров. Командующим выбрал одного генерала и направил на богатырей.

Когда богатыри увидели, что двигается царского войска сильно много, тогда один богатырь спрашивает Кузьму:

— Что будем делать?

Кузьма отвечает:

— Приказываю из вас одному, который старше, ехать и расправиться с этой ратью. — Сказавши эти слова, Кузьма Серафонтьевич достает вина и закуски. Садятся все

МСАВЕАЬ СКАЗОЮ ПРОКЛАЖАЮТСА · НАМУЗЫКЕ СВОЕИ
ЗАВАВЛАЮТСА ИМЕАВЕАЬ ШЛАПЪ ВЗАСЛЪ
ИГРАЛЪ · АКОЗА СИВА ВСАРАФАНС
СИНЕМЪ СРОШКАМИ ИСКОЛОКОЛЧИКАМИ
ИСЛОШКАМИ СКАЧЕТЪ · ИВПРИСАТКУ
ПЛАШЕТЪ

три богатыря вместе, выпили, закусили. Старший из двух богатырей садится на свою богатырскую лошадь и выезжает навстречу царскому войску.

Когда встретился с царским войском, стал бить направо и налево, и через несколько часов было перебито все царское войско.

Когда перебил войско, богатырь явился к палатке к своим богатырям и доложил Кузьме Серафонтьевичу:

— Сильный, могучий богатырь Кузьма Серафонтьевич, царское войско перебито!

Тогда Кузьма сказал:

— Молодец. Завтракай и ложись отдыхать.

На следующее утро царь собрал еще боле того войско. Тогда Кузьма Серафонтьевич приказывает второму богатырю расправиться с царским войском. А сам, как и в первый раз, приносит вина и закуски. И все трое садятся закусывать.

Когда закусили, богатырь садится на свою лошадь и выезжает против царского войска.

Поравнявшись с царским войском, стал бить направо и налево. Не столько побил, сколько лошадью стоптал. Управившись с царским войском, возвращается в свои палатки и докладывает Кузьме:

— Сильный, могучий богатырь Кузьма Серафонтьевич, царское войско перебито!

У царя в то время сидел закованный богатырь. Он был в цепях, его по земле пускать нельзя было. Тогда царю пришлось выпустить этого богатыря, чтобы он расправился с этими неизвестными богатырями.

Царь выпустил этого богатыря и приказал ему ехать в царские луга, где находятся три богатыря, и расправиться с ними как следует.

А на третий раз приходится ехать самому Кузьме Серафонтьевичу против одного богатыря и сражаться с ним. И вот он принес вина и закуски — все трое сели за стол, выпили, закусили.

Кузьма вывел свою лошадь, налил фляжку ботвы, наточил как следует косу, сел на лошадь, косу на шею и поехал против такого богатыря, которого царь послал против всех троих.

А эти два богатыря говорят:

— Что он начнет делать с таким богатырем? Ну, да, впрочем, ему очень свободно — он ведь не богатырь, а смерть.

И вот, когда царский богатырь, поравнявшись с Кузьмой, спрашивает:

— Слушай, дедушка, скажи, пожалуйста, где здесь находятся три богатыря в царских лугах? Я еду с ними расправиться, чтобы они слушали царский приказ, чтобы они выехали.

Тогда Кузьма Серафонтьевич отвечает богатырю:

— Смотрите, вон стоят. Видите? Видите?

Богатырь отвечает, вытянувши свою шею:

— Вижу.

А Кузьма в это время, когда богатырь вытянул шею, ударил косой по шее, и с богатыря покатилась голова.

Когда царь увидал, что у его богатыря свалилась голова, он собрал свою думу, и они решили позвать всех богатырей к себе в гости.

Кузьма явился в свою палатку и говорит:

— Вот как по-нашему. Раз — и голова долой.

Богатыри посмотрели друг на друга и ничего не сказали. И подумали:

«Действительно, смерть».

А у царя было три дочери, очень красивые.

И вот царь послал своих слуг к этим богатырям и стал просить, чтобы богатыри ехали к нему во дворец.

Когда слуги приехали к богатырям и доложили обо всем, как им приказывал царь, богатыри согласились, сказали слугам:

— Мы приедем, хорошо.

И с этим слуги возвратились во дворец и доложили царю, что богатыри согласились и скоро приедут.

Царь стал подготовлять большой пир и поджидать в гости богатырей.

Богатыри на следующее утро собрали свои палатки, сели на своих лошадей и поехали во дворец. Кузьма Серафонтьевич, как за старшего, ехал впереди с косой на плечах и с фляжкой с ботвой, а два богатыря позади. Приезжают ко дворцу, царь со своей свитой встретил богатырей. Приводит во дворец, и тут начался бал. На балу пили и гуляли полных три дня. После бала царь выдал своих дочерей за этих богатырей. Самую красивую — за Кузьму Серафонтьевича.

Эти два богатыря, поживши несколько времени, и говорят промеж себя:

— Что это за богатырь? Это просто старый дурак, мужик.

— Попробую,— говорит один,— хоть один раз дать ему кулаком. Что будет? Если же будет неустойка, то я скажу: «Прости, я пошутил».

И вот, в один прекрасный день, один из младших богатырей в царском саду размахнулся и как стукнет Кузьме в ухо кулаком,— он, Кузьма, четыре раза перевернулся через голову и отлежал два часа без памяти.

Когда богатыри ушли из сада, Кузьма опамятовался: видит, что около него никого нету, он соскочил — и бежать из дворца.

Вышел за город и говорит:

— Слава богу, что жив остался. Довольно ездить с богатырями. Надо ехать домой к своей старухе,— и отправился домой.

Приехал домой, рассказал старухе своей, как было с ним дело, и стал жить со старухой по-старому, как и раньше. А царь разделил свое царство двум богатырям, и они остались царствовать. А Кузьма пропал без вести из царского дворца.

118. СКАЗКА О ФОМЕ И ЕРЕМЕ

Жили-были два брата, Фома да Ерема. Вздумали ребята, присоветовали пашенку пахать. Пашню распахали, ржи накидали; уродилась рожь хороша, ядрена, колосиста, волокниста. Колос от колосу — не слыхать голосу; сноп от снопа — палками кидали; суслон от суслона — перегонами гоняли. Еще тут нас, ребята, не повынесло, не повыздунуло.

Вздумали ребята, присоветовали с торгу торговать. Ерема-то сел с лаптями да с граблями, Фома-то с пшеницей да с торицей. У Еремы-то не торгуют, у Фомы-то не берут. Еще тут нас, ребята, не повынесло, не повыздунуло.

Вздумали ребята, присоветовали в божью церковь поехать Ерема-то стал на клирос, Фома-то — в алтарь. Ерема-то запел, а Фома-то заревел. Взглянутся, приулыбнутся: «Не бежит ли за нами лихой пономарь с вязовым батогом?» Еще тут-то нас, ребята, не повынесло, не повыздунуло.

Вздумали ребята, присоветовали рыбаковничати. Ерема-то сел в лодку, Фома-то в ботник. Ерема-то утонул, а Фому-то черт утянул.

119. НАБИТЫЙ ДУРАК

Жил-был старик со старухою, имели при себе одного сына, и то дурака. Говорит ему мать:

— Ты бы, сынок, пошел около людей потерся да ума набрался.

— Постой, мама, сейчас пойду.

Пошел по деревне, видит — два мужика горох молотят, сейчас подбежал к ним: то около одного потрется, то около другого.

— Не дури,— говорят ему мужики,— ступай, откуда пришел!

А он знай себе потирается.

Вот мужики озлобились и принялись его цепами потчевать: так ошарашили, что едва домой приполз.

— Что ты, дитятко, плачешь? — спрашивает его старуха.

Дурак рассказал ей свое горе.

— Ах, сынок, куда ты глупешенек! Ты бы сказал им: бог помочь, добрые люди! Носить бы вам не переносить, возить бы не перевозить! Они б тебе дали гороху, вот бы мы сварили да и скушали.

На другой день идет дурак по деревне; навстречу несут упокойника.

Увидел и давай кричать:

— Бог помочь! Носить бы вам не переносить, возить бы не перевозить!

Опять его прибили; воротился он домой и стал жаловаться:

— Вот, мама, ты научила, а меня прибили!

— Ах ты, дитятко! Ты бы сказал: канун да свеча! Да снял бы шапку, начал бы слезно плакать да поклоны бить; они б тебя накормили-напоили досыта.

Пошел дурак по деревне, слышит — в одной избе шум, веселье, свадьбу празднуют; он снял шапку, а сам так и разливается, горько-горько плачет.

— Что это за невежа пришел,— говорят пьяные гости,— мы все гуляем да веселимся, а он словно по мертвому плачет!

Выскочили и порядком ему бока помяли...

120. ДУРЕНЬ НЕНИЛО И ЖЕНА ЕГО НЕНИЛУШКА

Был муж да жена. Жена-то умная, а муж-то не совсем. Ходил он на работу или куда там. Видит, в поле мужик рожь сеет. Вот он и говорит:

— Сеять бы тебе не пересеять, ничего бы у тебя не выросло!

Вот этот мужик трепал-трепал, до полусмерти его истрепал. Приходит он домой и плачет:

— Ненила, Ненилушка, все мое несчастьюшко!

Она говорит:

— Что же?

— Я в поле иду, и увидал мужика, и говорю: сеять бы тебе да сеять, ввек тебе не пересеять!

Она и говорит:

— Дурак ты, дурак! Ты бы говорил: возить бы тебе не перевозить, носить бы тебе не переносить.

— Пойду, хозяйка, скажу,— говорит.

Идет, а покойника везут.

Он и кричит:

— Возить вам не перевозить, носить вам не переносить!

Опять его истрепали. Он опять домой идет, заплакал:

— Ненила, Ненилушка, все мое несчастьице! Иду,— говорит,— покойника несут, а я говорю: «Возить вам не перевозить, носить вам не переносить!»

Она и говорит:

— Дурак ты, дурак! Ты бы говорил: «Вечная память!»

— Пойду,— говорит,— хозяйка, скажу!

Идет, а свадьба идет, а он и кричит:

— Вечная память!

Ну, вот его опять истрепали всего. Он опять пришел к жене и плачет. Она говорит:

— Ты бы плясал и веселился, тебе бы пирог выкинули.

Он говорит:

— Пойду попляшу!

Идет, а у мужика овин горит, а он давай плясать и веселиться. Его опять мужик истрепал: мужику горе, а он пляшет. Он приходит домой, и плачет, и жалится жене:

— Иду, жена, вижу, у мужика овин горит, а я и заплясал.

Она и говорит:

— Дурак ты, дурак! Ты бы ведро схватил и заливал!

— Ну, пойду, хозяйка, залью!

Идет, а мужик свинью палит. Он схватил ведро и залил всю. Опять мужик схватил его, истрепал. А он опять заплакал, пошел домой и стал жене жалиться:

— Ненила, Ненилушка, все мое несчастьице! Иду я, иду, вижу, мужик борова палит, а я взял его и залил!

Она и говорит:

— Дурак ты, дурак! Ты бы говорил, что репа — мясо!

— Пойду, хозяйка, скажу!

Ну вот, пошел, идет по задворкам, а мужик в нужном месте сидит, а он и говорит, что:

— Репа — мясо, мужичок!

Тот его опять схватил, трепал, трепал, всего истрепал. Идет к жене и жалится.

— О чем ты плачешь?

— Иду я, вижу, мужик в нужном месте сидит, а я и говорю: «Репа — мясо!»

— Дурак ты, дурак, ты бы говорил: черная гадина, с дороги долой!

— Ну, пойду, хозяйка, скажу!

Идет, а священник на поле скотину обходит. Он и говорит: «Черная гадина, с дороги прочь!»

Они его схватили, трепали-трепали, чуть живого оставили. Он идет опять домой, плачет, хозяйке жалится.

— Иду,— говорит,— священник скотину обходит, а я говорю: «Черная гадина, с дороги долой!»

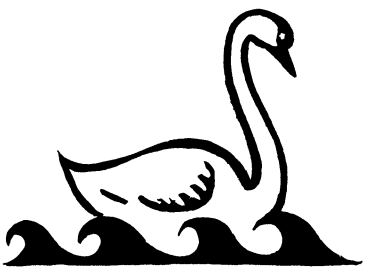
— Ты бы, дурак, сказал: «Батюшка, благословите меня!»

— Ну, пойду, хозяйка, скажу!

Вот идет, а медведь навстречу попадается. Вот он подходит к медведю, руки сложил и говорит:

— Батюшка, благословите меня!

Он лапами затипал его, а чашу его с плеч и своротил долой. Тут и жизнь кончилась, и сказка кончилась.



121. ПРО МУЖА И ЖЕНУ

Вот лет десять муж с женой жил. И все время жене говорил:

— Жена, жена, ты не прядешь, не ткешь. Ведь я помру, а чем же ты меня покроешь?

— Ничего, мужик, помирай! Найду чем покрыть.

Мужик и думает: «Ну чем же она меня покроет?»

А ведь раньше что — бедно жили. Только точем покрывать.

Вот, значит, что?

Мужик, значит, и думает: «А давай я притворюсь да помру — посмотрю, чем же она меня накроет?»

Вот мужик взял и притворился. Притворился, значит, лег — и помер. Вот жена его на лавку повалила. А сама взяла прялку и давай прясть. Вот большой клубок на-

пряла. И берет с его большого пальца ноги — и на голову, со среднего — на голову. Вернее всего, перемотала все пальцы на голову. Села и заплакала, начала причитывать:

— Милая ты косая лапушка! На кого-то ты похожа?..

А мужик не вытерпел, да и сказал:

— На гитару!

122. ИВАНУШКО-ДУРАЧОК

Был-жил старик со старухою; у них было три сына: двое умные, третий — Иванушко-дурачок. Умные-то овец в поле пасли, а дурак ничего не делал, все на печке сидел да мух ловил.

В одно время наварила старуха аржаных клецок и говорит дураку:

— На-ка, снеси эти клецки братьям; пусть поедят.

Налила полный горшок и дала ему в руки; побрел он к братьям. День был солнечный; только вышел Иванушко за околицу, увидел свою тень сбоку и думает:

«Что это за человек? Со мной рядом идет, ни на шаг не отстает; верно, клецок захотел?»

И начал он бросать на свою тень клецки, так все до единой и повыкидал; смотрит, а тень все сбоку идет.

— Эка ненасытная утроба! — сказал дурачок с сердцем и пустил в нее горшком — разлетелись черепки в разные стороны.

Вот приходит с пустыми руками к братьям; те его спрашивают:

— Ты, дурак, зачем?

— Вам обед принес.

— Где же обед? Давай живее.

— Да вишь, братцы, привязался ко мне дорогою незнамо какой человек, да все и поел!

— Какой-такой человек?

— Вот он! И теперь рядом стоит!

Братья ну его ругать, бить, колотить; отколотили и заставили овец пасти, а сами ушли на деревню обедать.

Принялся дурачок пасти: видит, что овцы разбрелись по полю, давай их ловить да глаза выдирать; всех переловил, всем глаза выдолбил, собрал стадо в одну кучу и сидит себе радехонек, словно дело сделал. Братья пообедали, воротились в поле.

— Что ты, дурак, натворил? Отчего стадо слепое?

— Да почто им глаза-то? Как ушли вы, братцы, овцы-то врозь рассыпались, я и придумал: стал их ловить. в кучу сбирать, глаза выдирать; во как умаялся!

— Постой, еще не так умаешься! — говорят братья и давай угощать его кулаками; порядком-таки досталось дураку на орехи!

Ни много, ни мало прошло времени; послали старики Иванушко-дурачка в город к празднику по хозяйству закупать. Всего закупил Иванушко: и стол купил, и ложек, и чашек, и соли; целый воз навалил всякой всячины. Едет домой, а лошаденка была такая, знать, неудалая, везет — не везет!

«А что,— думает себе Иванушко,— ведь у лошади четыре ноги, и у стола тож четыре, так стол-от и сам добежит».

Взял стол и выставил на дорогу. Едет-едет, близко ли, далеко ли, а вороны так и вьются над ним да всё каркают.

«Знать, сестрицам поесть-покушать охота, что так раскричались! — подумал дурачок. Выставил блюда с яствами наземь и начал потчевать: — Сестрицы-голубушки! Кушайте на здоровье».

А сам все вперед да вперед подвигается.

Едет Иванушко перелеском; по дороге всё пни обгорелые.

«Эх,— думает,— ребята-то без шапок; ведь озябнут, сердечные!»

Взял понадевал на них горшки да корчаги. Вот доехал Иванушко до реки, давай лошадь поить, а она не пьет.

«Знать, без соли не хочет!»— и ну солить воду. Высыпал полон мешок соли, лошадь все не пьет.

— Что ж ты не пьешь, волчье мясо? Разве задаром я мешок соли высыпал?

Хватил ее поленом, да прямо в голову, и убил наповал. Остался у Иванушки один кошель с ложками, да и тот на себе понес. Идет; ложки назади так и брякают: бряк, бряк, бряк! А он думает, что ложки-то говорят: «Иванушко-дурак!» — бросил их, и ну топтать да приговаривать:

— Вот вам Иванушко-дурак! Вот вам Иванушко-дурак! Еще вздумали дразнить, негодные!

Воротился домой и говорит братьям:

— Все искупил, братики!

— Спасибо, дурак, да где ж у тебя закупки-то?

— А стол-от бежит, да, знать, отстал, из блюд сестрицы кушают, горшки да корчаги ребятам в лесу на головы понадевал, солью-то пойло лошади посолил, а ложки дразнятся — так я их на дороге покинул.

— Ступай, дурак, поскорее! Собери все, что разбросал по дороге.

Иванушко пошел в лес, снял с обгорелых пней корчаги, повышибал днища и надел на батог корчаг с дюжину всяких: и больших, и малых. Несет домой. Отколотили его братья; поехали сами в город за покупками, а дурака оставили домовничать. Слушает дурак, а пиво в кадке так и бродит, так и бродит.

— Пиво, не броди! Дурака не дразни! — говорит Иванушко.

Нет, пиво не слушается; взял да и выпустил все из кадки, сам сел в корыто, по избе разъезжает да песенки распевает.

Приехали братья, крепко осерчали, взяли Иванушка, зашили в куль и потащили к реке. Положили куль на берегу, а сами пошли прорубь осматривать.

На ту пору ехал какой-то барин мимо на тройке бурых; Иванушко и ну кричать:

— Садят меня на воеводство судить да рядить, а я ни судить, ни рядить не умею!

— Постой, дурак,— сказал барин,— я умею и судить, и рядить; вылезай из куля!

Иванушко вылез из куля, зашил туда барина, а сам сел в его повозку и уехал из виду. Пришли братья, спустили куль под лед и слушают; а в воде так и буркает.

— Знать, бурка ловит! — проговорили братья и побрели домой.

Навстречу им, откуда ни возьмись, едет на тройке Иванушко, едет да прихвастывает:

— Вот-ста каких поймал я лошадушек! А еще остался там сивко — такой славный!

Завидно стало братьям; говорят дураку:

— Зашивай теперь нас в куль да спускай поскорей в прорубь! Не уйдет от нас сивко...

Опустил их Иванушко-дурачок в прорубь и погнал домой пиво допивать да братьев поминать.

Был у Иванушка колодец, в колодце рыба елец, а моей сказке конец.

123. ЛУТОНЮШКА

Жил-был старик со старухой; был у них сынок Лутоня. Вот однажды старик с Лутонею занялись чем-то на дворе, а старуха была в избе. Стала она снимать с гряд полено, уронила его на загнетку и тут превеликим голосом закричала и завопила. Вот старик услыхал крик, прибежал поспешно в избу и спрашивает старуху: о чем она кричит? Старуха сквозь слёзу стала говорить ему:

— Да вот если бы мы женили своего Лутонюшку, да если бы у него был сыночек, да если бы он тут сидел на загнетке,— я бы его ведь ушибла поленом-то!

Ну и старик начал вместе с нею кричать о том, говоря:

— И то ведь, старуха! Ты ушибла бы его!..

Кричат оба что ни есть мочи! Вот бежит со двора Лутоня и спрашивает:

— О чем вы кричите?

Они сказали, о чем:

— Если бы мы тебя женили, да был бы у тебя сынок, и если б он давеча сидел вот здесь, старуха убила бы его поленом: оно упало прямо сюда, да таково резко!

— Ну,— сказал Лутоня,— исполать вам!

Потом взял свою шапку в охапку и говорит:

— Прощайте! Если я найду глупее вас, то приду к вам опять, а не найду — и не ждите меня!

И ушел. Шел-шел и видит: мужики на избу тащат корову.

— Зачем вы тащите корову? — спросил Лутоня.

Они сказали ему:

— Да вот видишь, сколько выросло там травы-то!

— Ах, дураки набитые! — сказал Лутоня. Взял залез на избу, сорвал траву и бросил корове. Мужики ужасно тому удивились и стали просить Лутоню, чтобы он у них пожил да поучил их.

— Нет,— сказал Лутоня,— у меня таких дураков еще много по белу свету!

И пошел дальше. Вот в одном селе увидел он толпу мужиков у избы: привязали они в воротах хомут и палками вгоняют в этот хомут лошадь, умаяли ее до полусмерти.

— Что вы делаете? — спросил Лутоня.

— Да вот, батюшка, хотим запрячь лошадку.

— Ах вы, дураки набитые! Пустите-ка, я вам сделаю.

Взял и надел хомут на лошадь. И эти мужики с дива дались ему, стали останавливать его и усердно просить, чтоб остался он у них хоть на недельку. Нет, Лутоня пошел дальше.

Шел-шел, устал и зашел на постоялый двор. Тут увидал он: хозяйка-старушка сварила саламату, постановила на стол своим ребятам, а сама то и дело ходит с ложкою в погреб за сметаной.

— Зачем ты, старушка, понапрасну топчешь лапти? — сказал Лутоня.

— Как зачем? — возразила старуха охриплым голосом. — Ты видишь, батюшка, саламата-то на столе, а сметана в погребе.

— Да ты бы, старушка, взяла и принесла сюда сметану-то; у тебя дело пошло бы по масличку!

— И то, родимый!

Принесла в избу сметану, посадила с собою Лутоню. Лутоня наелся, залез на полати и уснул. Когда он проснется, тогда и сказка моя дале начнется, а теперь пока вся.

124. СКАЗКА О ГЛУПЫХ ЛЮДЯХ

Жили-были старик да старуха, у них было двое детей: сын Иванушка да дочь Аннушка. Старуха пришла раз на реку с бельем и плачет. Подошел к ней старик и спрашивает:

— О чем, старуха, плачешь?

— Да как мне не плакать? — отвечает старуха. — Вырастет наша милая дочь Аннушка, отдадим ее за реку замуж; она родит сына Иванушку, а тот пойдет к нам за реку в гости, да и утонет.

И старик тоже давай плакать. Подошел к ним сын Иванушка и спрашивает:

— О чем, батюшка и матушка, плачете?

— Как нам не плакать? — отвечают старики. — Вырастет наша милая дочь Аннушка, отдадим мы ее за реку замуж, она родит сына Иванушку, а тот пойдет к нам за реку в гости, да и утонет!

Не вытерпел Иван и говорит:

— Пойду я от вас, батюшка и матушка, если найду вас глупее на свете, то назад ворочусь, а не найду — не ворочусь!

Вот идет Иван и видит: два мужика над бревном трудятся, что есть силы за концы тянут.

— Что это вы, братцы, делаете?

— Да вот,— говорят,— бревно коротко — вытянуть хотим.

Посмеялся Иван над глупыми людьми и пошел дальше.

Идет и видит: баба что-то решетом в избу носит.

— Что это ты, тетушка, решетом носишь?

— Свет, родимый, ношу, свет! — отвечает баба. — Чтобы по ночам лучины не жечь.

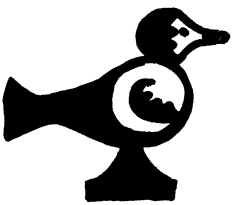
Посмеялся Иван над глупой бабой и пошел дальше.

Идет и видит: баба над курицей хлопочет.

— Что это ты, тетушка, с курицей делаешь? — спрашивает Иван.

— Да вот, родимый, у курицы соски ищу, молочка подоить, цыплят покормить!

«Ну,— думает Иван,— много есть на свете дураков». И воротился к отцу с матерью.



125. ТОЛЬКО НЕ ВРИ!

Вятские — ребята хватские: семеро одного не боятся. Много про вятских рассказывают. Они корову на крышу таскали, когда там травинка выросла; потом толокно в проруби разводили...

А раз пошли они на охоту. Нашли медвежью берлогу. Теперь надо посмотреть, есть там медведь или нет.

Мужика за ногу обвязали, в берлогу опустили...

Только не ври!

Хорошо, опустили мужика. Медведь-то был там, он ему голову и отъел.

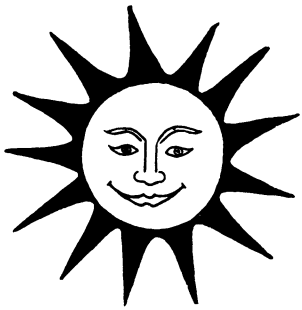
Вытянули мужика. Стали спорить: была у него голова или нет? Спрашивают у жены:

— Баба, была у твоего мужа голова на плечах?

— Вроде бы не была...

Мужик как вскочит:

— Не ври!



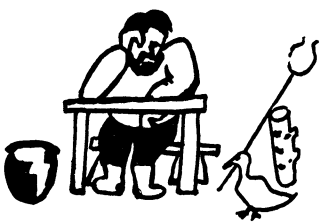
126. ПРИШЛИ ВЯТСКИЕ В МОСКВУ

Пришли вятские в Москву. Стоят перед башней Ивана Великого и говорят:

— Как они туда затащили крест?

А другой стоит и говорит:

— Вот чудо великое! Башню Ивана Великого нагнули да крест воткнули!



127. ДОГАДА

Была в лесу глупая деревня. Люди в лайде жили, широкого места никогда не видали, так уж... Был один поумнее, Догадой звали, так и тот глуп. Вот эти мужики собрались в лес на охоту и видят: в снегу дыра, а из дыры пар идет... Что такое? Стали думать, часа два думали.

— Надо Догаду спросить.

— Ну, Догада, он знает, он понимает.

И пошли все к Догаде. Приходят и говорят:

— Догада! Были мы в лесу, видели дыру, а из дыры пар идет. Что такое? Советовались, ничего не усоветовали. Скажи, пожалуйста.

А Догада на тот час с женой обедал и говорит:

— Так нельзя сказать, надо посмотреть. Вот ужо пообедаю, пойдем все в лес.

Пообедал Догада, пошли все в лес. Догада видит: в снегу дыра, а из дыры пар идет. Что такое? Стал думать. Часа два думал. Ничего не придумал и говорит:

— Так нельзя сказать, надо посмотреть. Вот что, товарищи: берите меня за ноги да суйте в дыру. Да держите крепко. А как если что будет, так обратно волоките.

Мужики взяли Догаду за ноги и сунули в дыру... А там было логово! Медведь был! Он и стяпал Догаду за голову.

Догада ногами голит, рычать не может... А те держат крепко. Все думают: «Было что али не было?» Часа два думали, а потом говорят:

— Что Догада сам смотрит, а нам не показывает! Тащите его назад!

И вытащили одно туловище, без головы. И заспорили: одни говорят, что и ранее такой был, а иные — нет, с головой!

Спорили-спорили — доспориться не могли. Говорят:

— Надо к Догадихе пойти...

— Ну, Догадиха мужа знает. Догадиха понимает. Догадиха скажет.

К Догадихе пришли и туловище приволокли.

— Скажи, пожалуйста, Догадиха, как Догада ранее, с головой был или без головы?

А Догадиха на ответ:

— Да как обедали, бороденка болталась. А была голова, нет,— не припомню. Мне ведь ни к чему!

128. ПРИСКАЗКА

Я у них был, да мед пил. Мне дали колпак, да начали из избы толкать. Дали щуку — я дверей-то не ущупал. Дали шлык — я в поворотню-то швырк. Мне дали ледяную лошадку, да репное седелышко, да сименную уздечку, да синий кафтан, да красные коты. Я еду — синичка и кри-

чит: «Синь да хорош!» А мне почудилося: «Скинь да положь!» и положил под кокору, и сам не знаю, под кокору. Синичка опять кричит «Красны коты!» А мне чудится: «Драны коты!» Я взял да и бросил. Я замерз без кафтана-та; вот увидел огонь; приехал — у меня лошадката и растаяла; а седелышко-то свиньи съели.

129. КАК ОДИН БОГАЧ ХОТЕЛ СВОЕГО СЫНА ЖЕНИТЬ

У одного богача сын был с порядочной дурью, но «богач и быка женит» говорят наши старики, и верно так! Вздумал богач сына женить своего.

Говорит своей старухе

— Ну как, баба, думаешь, надо при своих глазах женить!

Та очень рада была, что старик желает сына женить. И давай его мать научать, как бы покруглей слово говорить, получше.

— Смотри же,— говорит,— когда с отцом поедешь в сваты, попроворнее будь, словно как духовские мужики.

И он только это одно и знал, что не бояться и как бы быть посмелей. Ну что ж? Они приезжают к одному тоже богачу.

— Ну что,— говорит,— брат, долго нам нечего калякать; надо говорить, об чем приехали.

— Ну, говори!

Тот начал говорить:

— Вот, как я, собственно, знаю, что у вас есть барышня, а у меня есть жених, не будете ли согласны быть со мной сватом?

— Ну, отчего ж,— говорит,— мы вами не брезгуем!

— Живем мы еще как, по-старинному, слава богу, и сейчас,— говорит. — Иногда трапляется деньги мерками мерить. Слава богу, имею шестерку рабочих лошадей.

А товарищ его, кум, который был крестный тому жениху:

— Ну что ты,— говорит,— врешь! А жеребец-то на стойле четвертый год стоит! Что ж ты не считаешь? Тот разве не лошадь?

Тот прибавлять начинает:

— Семь штук коров имеем!

А кум опять:

— Ну что ты врешь? А две-то еще телки по третьему году ты нешто за коров не считаешь?

— Ну вот что,— говорит,— садитесь, чего-либо закусим.

Вот они сели за стол; раньше самоваров, конечно, не было у мужиков в то время. Подают кусок мяса. Ну, как жених, конечно, проворный.

— Вы, — говорит,— старики, погомоните! Дай-ка я займусь крошить мясо!

Столько не крошит, сколько в рот кладет, а другим хоть ничего не будь! Потом говорит невестин отец:

— Нет, брат, так мне обсудилось, обождем до налетья отдавать.

Поехали они домой. И говорит жених матери:

— Ну, матушка, и наклался же я мясом в два ряда, хотя невесту и не засватал. Ужинать не хочу!

— Как же это так?

— А так,— говорит,— я как попроворней, взялся я мясо крошить, большую часть сам поел!

— Чем же ты крошил?

— Вот еще чем! Да ножиком!

— Эх ты, как я тебя научаю быть попроворнее! Ты ж бы спросил вилки и ножик, а пальцы в рот не позволял бы лизать при компании!

— Ну ладно! Буду знать впредь!

Поехали к другому. Приезжают тоже к богатому. Богач, понятно, по-богатому! Жених хорошо материно слово помнит. То их потчуют опять.

— Сядьте-ка,— говорят,— за стол! Не желаете ли чего закусить?

— Нет, мы только сейчас закусывали!

— Ну, чем же вас угощать? Баба, принеси-ка орешков. От неча дела займемся покусать!

Приносит та в тарелке орехов. То проворный жених и говорит:

— Дайте-ка мне ножик и вилку!

Ножом как намерится резать, да «Стой! — говорит. — Не так вздумал: надо вилкой поддержать!» Держит вилкой орех во всей тарелке, какой он намерился задержать. Как с размаху резанет ножом, орехи все засыпались не только с тарелки, а ни одного и на столе не осталось! Чуть и тарелку не разрубил за один замах. То видит хозяин, что он вовсе дурак.

— Нет, брат,— говорит,— мы не отдадим нынче, не думаем отдавать!

— Ну что,— говорит кум,— ничего больше! Поедем домой.

Приезжают домой.

— Ну, матушка, орехов насыпали полную тарелку, кусать не пришлось!

— Как так?

— А так! Вы мне сказывали дома, что надо брать вилку и ножик. Мне это все было подано; я вилкой поддержал, ножом так резанул, так не только что в тарелке, на столе ничего не осталось, и тарелка чуть пополам не развалилась!

— Эх ты,— говорит,— дурак! Ты ж бы взял горсточку, да в другую руку, одну бы ты себе в карман положил, а другую бы невесте подал и сказал бы ей: «На-ка вот тебе горсточку, и эта мне горсточка! Бог знает, может, господь даст, не пришлось бы вместе жить!»

Он так и думает:

«Ладно ж, матушка, теперь буду ж умней!»

— Ну,— говорит дед,— съездим еще в село к одному такому-то, если уж неудача, то уж нынче ездить не будем!

Тот поехал с кумом. Приезжают. Аккурат попали, ужинать сели. Оно, значит, удача.

«Поехали от хлеба-соли,— думают,— приехали аккурат к делу, все собрание за столом».

— Ну,— говорит,— садись за стол, Иван Пахомов, и ты, Василий Мартынов, садись! Садись, брат, молодой человек!

Но тот хотя не хотел садиться, столбом стоять неприлично. Делать нечего, наверно по задаче пойдет. Много кушанья переменяли, в конце — только хотели они вылазивать из-за стола, хозяйка кричит:

— Подождите, братцы, молочка волью на закусочку.

Так, приносит на стол молоко с киселем. Думает жених:

«Ну все не очень ел, ну уж киселя прохвачу, силён на молоко с киселем!»

Да и вздумал маткины слова. Как бы ж это попроворнее сделать? Все едят ложками, он ложку положил перед собой на стол и думает.

— Нет,— говорит,— не так!

Потом вдруг —цап! Горсть в одну руку, потом еще в другую. Аккурат напротив сидела на скамье невеста.

— На-ка,— говорит,— барышня! Может,— говорит,— господь даст нам вместе жить — тебе горсточку и мне горсточку!

Думает, как орешки. Сам весь обрызгался молоком и товарища своего кстати обмазал. Да и этот понял, что он совсем дурак. С тем и поехали домой.

Ну что ж? И сейчас холостой ходит. В Белом у Зарецкого, мы видали, жил; сам он это рассказывал.

130. ДВА БРАТА И ДВА ГОСТЯ

Два брата привели по гостю. А гости эти никогда их не угощали. Они и сговорились проучить их. И положили две ложки — одну старую, вторую новую.

Один говорит:

— Моему гостю новую ложку!

Другой говорит:

— Моему!

Потом один говорит:

— Вот я твоего гостя!

И бух его гостя в ухо.

Другой говорит:

— А вот я твоего гостя!

И влепил тому тоже.

Гости выскочили на улицу и говорят.

— Вот дураки! О чем дерутся — мы бы и старой ложкой поели...

131. МУЖИК И ЗАЯЦ

Бедный мужик, идучи по чистому полю, увидал под кустом зайца, обрадовался и говорит:

— Вот когда заживу домком-то! Возьму этого зайца убью плетью да продам за четыре алтына, на те деньги куплю свинушку; она принесет мне двенадцать поросенков; поросятки вырастут, принесут еще по двенадцать; я всех приколю, амбар мяса накоплю; мясо продам, а на денежки дом заведу да сам оженюсь; жена-то родит мне двух сыновей, Ваську да Ваньку. Детки станут пашню пахать, а я буду под окном сидеть да порядки давать: «Эй вы, ребятки,— крикну,— Васька да Ванька! Шибко людей на работу не туганьте; видно, сами бедно не живали!»

Дак так-то громко крикнул мужик, что заяц испугался и убежал, а дом со всем богатством, с женой и детьми пропал.

132. ЛЕНИВАЯ ЖЕНА

Иван жил. Один. Отец с матерью умерши были. Иван остался на хозяйстве отцовском. Два душевых надела. Жил самостоятельно. Четыре коровы имел. Потом овец семь штук пускал... Осенью мясо ел. И курей держал. Масла, молока — всего хватало.

Пошел к крестной матке.

— Мамаша, я хочу жениться. Надо и в поле, и в доме.

— А кого ты хочешь взять?

— А вдовину Марфу. Трое там. Две вышедши, а одна есть.

А крестна матка говорит:

— Они лентяйки, не хотят работать.

— А я,— говорит,— научу.

Ну, поехали, высватали. Парень красивый. Всяк знал Ивана. Женился, взял жену. Отвели свадьбу. Погуляли честно, благородно. После этого через две недели его попросили в гости, Ивана. Он попросил соседей своих, родных — посмотрите. А к ночи ходил домой.

Вот Марфа не хотела работать, все лежит. Вот коровато отелилась, он подпустил — две недельки надо пососать, — и сам все справлял, а Марфа — ничего.

Вот приносит теленка, положил под койку ее, где она спит. Через малое время теленок завизжал, а он подошел, за ухо его взял.

— Не вячи,— говорит,— третьего раза не ожидай! Зарежу.

А Марфа смеется.

Вот второй раз теленок завизжал. Он опять говорит.

Ну, теленок опять, третий раз.

— Ах, вы не слушать меня! — Взял нож и отрезал ему голову.

Тогда Марфа видит — кошка курлявкает. Кровь увидела и курлявкает.

Он говорит:

— Отойди! Замолчи! Третьего раза не ожидай!

Кошка и второй раз закурлявкала. Он и второй раз сказал:

— Замолчи!

Как в третий раз она не послушалась, он ее убил. А поганый нож и кошку — выбросил.

Так Марфа с койки слезла и говорит:

— Может, надо теленка подержать?

— Ага, надо снимать шкурку.

Иван принес кадочку. Она стала перемывать, солить, в кадку класть.

Потом она почистила картошку, насыпала крупы. Варит.

И каждый раз стала она так — коровкам давать, овечкам давать. А Иван — только лошадке дает и в поле ездит. Видит, что хорошо.

И стали жить хорошо.

А люди стали завидовать.

— Как же так? Сестры бегали, не хотели работать, а эти согласно живут...

И видят, что дела идут хорошие. А как такое хозяйство — нелегко управиться.

Мать идет ее в гости проведать:

— Как живете, доченька?

— Хорошо. Только, маменька, он раз скажет, второй скажет, а третий — не ожидай, зарежет. А ты, маменька, чуть заговоришь — он запорет.

Теща — домой!

133. БОЛТУНЬЯ

Жил старик со старухой: у него старуха была ужасно на язык слаба, все болтала. Пошел он в лес; нашел там клад и боится своей старухе сказать — та разболтает всем. Наконец сказал своей жене:

— Жена, я нашел клад. Не говори только никому; а то мне и тебе от барина достанется!

— Нет,— говорит,— я никому не скажу.

Ночью взяли они заступ, пошли отрывать клад.

Вышли они в поле. Жена и поднимает блин.

— Муж! Что это такое?

— Молчи! Нынче блинные да пирожные тучи шли.

Идут они дальше. Нужно было им переходить мост; идут они по мосту. В этой реке в сетях заяц ворочается. Она у него и спрашивает:

— Муж! Что это такое?

— Это барские рыболовы в реке зайца поймали!

Идут они дальше. В капкане в поле щука ворочается.

— Муж, что это такое?

— Это барские охотники в капкан щуку поймали!

Идут они дальше, подходят к лесу; там козел закричал.

— Муж, что это такое?

— Это нашего барина в лесу черти бреют!

А это он все подделал, чтобы ее обмануть. Пришли к месту, откопали клад, принесли домой, поставили его под печку.

Стали они жить богато. Соседи стали спрашивать у нее, откуда у них такое богатство.

Она и проговорилась, что клад нашли. Узнал об этом староста, сказал барину. Этот мужик узнал, что барин знает, что он нашел клад, взял клад из-под печки, спрятал в подпол. Вот барин призывает его, спрашивает:

— Нашел ты клад? Твоя жена рассказывает, что ты нашел!

Он и говорит:

— Она у меня полоумная; вы извольте ее призвать и спросить у ней.

Барин приказал позвать его жену. Пришла она. Барин и спрашивает:

— Правда ли, что твой муж клад нашел?

— Правда, батюшка, истинная.

— Где же он у него?

— Сперва лежал под печкой в чашке, а теперь не знаю где.

— Да когда же он нашел?

— Да помните, сударь, когда блинные да пирожные тучи шли?

Барин думает: «Не полоумная ли она в самом деле?»

— Да помните, как ваши рыболовы в реке зайца поймали?

Барин молчит, все смотрит на нее.

— Да помните, когда ваши охотники в капкане рыбу поймали?

— Что ты врешь?

— Да невдомек ли вашей милости, когда вашу милость в лесу черти брили?

Барин рассердился на нее, велел ее высечь. И с тех пор муж стал доволен своей женой.

134. БАБА И СОЛДАТ

Глядит одна женщина на солдата, а он корявый был и горбоносый, а ростом был — гвардеец. Это в японскую войну было. Баба смотрит и говорит:

— Сзади корпус красивый, а горбоносый и корявый.

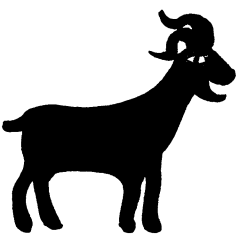
А солдат ей отвечает:

— Наши доктора-то дурашливы: как мою голову-то срубили, они взяли, что поближе была, и прилепили...

— А как ты, милый, дом теперь свой знаешь?

— А так вот и брожу по свету...

А баба и верит...



135. УПРЯМАЯ ЖЕНА

Жил мужик с женой. Муж ездил в торг, купил коты. Приезжает муж с базару домой. Жена поглядела: в кошле коты.

— Муж,— говорит,— кому коты купил?

— Матушке.

— Умру; зачем коты матери купил?

День не ест, два не ест. Пришел муж.

— Дура, что ты делаешь, за что умираешь?

— Ну, скажи, кому коты купил?

— Матушке.

Она не пьет, не ест; больна лежит. Опять муж приходит

— Дура, за что умираешь?

— Ну, скажи, кому коты купил?

— Матушке.

Она пуще захворала; послала за священником. Приходит муж.

— Дура, за что умираешь?

— Кому ты коты купил?

— Матушке.

Пришел священник, приобщил ее, маслом соборовали. Опять муж подходит; она спрашивает:

— Кому ты коты купил?

— Матушке.

— Делай гроб; клади меня в гроб!

Сделали гроб; положили в гроб, понесли хоронить; отслужили погребальное. Муж подходит к ней.

— Глупая! За что умираешь?

— Скажи, кому коты купил?

— Матушке.

— Зарывайте меня в землю!

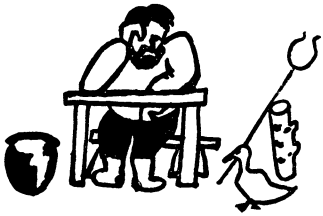
Так и зарыли.

136. НЕУМЕЛАЯ ЖЕНА

Мужик стащил в лавке куль пшеничной муки. Захотелось к празднику гостей зазвать, пирогами попотчевать. Принес домой муку, да и задумался.

— Жена! — говорит он своей бабе. — Муки-то я украл, да боюсь — узнают! Спросят: откуль ты взял такую белую муку?

— Не кручинься, мой кормилец! Я испеку из нее такие пироги, что гости ни за что не отличат от аржаных!



137. МУЖИК С ЖЕНОЙ

Жили-были мужик с женой. Она не любила своего мужа и все приглашала к себе побратима. Мужу говорила:

— Хоть бы ты куда-нибудь делся... Помер бы лучше!

И все в лес его посылала, какая бы ни была погода — все дров у нее нет!

Вот однажды она и говорит мужу:

— Поезжай в лес!

А сама бога молит, чтоб он мужика ослепил, или бы муж ее оглох, или подохнул бы вовсе!

Решил мужик не ехать в лес; походил по двору, лошадь за амбаром привязал, а сам в избу вошел, да и залез в божницу, за занавески! И спрятался.

Вот жена приходит, довольная такая:

— Нил ты Столобенский, Николай Чудотворец! Ослепите вы моего мужа, да чтоб не слышал он, да и подох скорее!

Мужик все это слышит и говорит из-за занавески:

— А ты возьми муки побольше, масла, яиц... От блинов он ослепнет, от масла слуха лишится...

— Вот спасибо! Вот спасибо!

Мужик вылез потихоньку, в лес поехал...

А жена его досыта не кормила.

Приезжает он домой, а она и говорит:

— Ты устал, мой миленький! Голоден небось! Я уж тебе блинов напекла, яиц наварила! Садись и ешь досыта!

Вот он начал есть и говорит:

— Я что-то слышать плохо стал, вижу что-то плохо!

Еще поел немного:

— Я не слышу ничего, не вижу ничего!

Вот она его на кровать отвела, свалила, а сама за побратимом своим побежала.

Позвала побратима этого, посадила, а сама за водкой побежала...

А мужик взял этого побратима за горло, да и задушил — и блин ему в рот втиснул, будто он задавился.

Вот жена приходит, водку приносит, видит — этот сидит, умерши. Она и кричит:

— Ой, Иван! Иван! У меня нищий был! Я его накормила, а он блином подавился! Унеси его!

Тот взял и унес.

— А теперь ты его хорони!

Не знаю, что с ней дальше случилось... Пусть от разрыва сердца умерла...

Можно и так сказать:

Я там была,
Пиво пила,
Мне дали мякушку,
Я бросила под подушку,
Мужику дали денег мешок,
А бабе грязи катышок!

138. СВЕКР И МОЛОДУХА

Один свекр к молодухе приступал... Очень она ему нравилась — стариковское это дело... Только старуха собирается выйти, свекровь эта, а свекр к молодухе. Молодуха говорит:

— Не хочу я с дедом.

А он, только старуха за дверь, приступает, балуется.

Вот молодуха и говорит старухе:

— Ты только за дверь, а он приступает, балуется.

Старуха говорит:

— А ты посули ему, чтоб пришел в сено, а сама не иди — я вместо тебя приду...

Вот старик давай теребить эту молодуху. Она говорит:

— Ладно, приду я в сено, только смотри, чтоб старуха не узнала.

А сама старухе говорит:

— Условилась я с дедом, уговорилась.

Старуха говорит:

— Платье давай свое, коралины-бусы...

И сама идет в сено. И ложится.

Ночь темна, не месячна была. Старик идет, зовет молодуху. Старуха ему — шепотом:

— Я тут, иди сюда.

Тут старуха с ним подружилась... Старик лежит, думает: «Вот тако дело — молодое тело. А моя-то состарилась — старь осталась».

Старуха молчит. Тут старик вынул рубль денег и дает:

— На тебе...

Старуха — цап-цап.

Он и говорит:

— Овес продам да еще дам...

«Ладно,— старуха думает. — Давай!»

Пришел старик в избу, потом старуха приходит.

Он говорит:

— Ну, что, старь, где была-шаталась?

А старуха отвечает:

— Где я ни была, а рубль денег добыла... Овес продаст и мне еще даст...

Старик ухмыльнулся, а потом по лбу себя трах — все понял!

139. СКАЗКА О ТОМ, КАК ПРИЕХАЛИ В ДЕРЕВНЮ ЧАСОВОЙ МАСТЕР, ЛЕКАРЬ И ПОГОДЫ ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ

Вот приехали они в одну деревню — часовой мастер, лекарь и предсказатель погоды. Зашли чайку попить в один дом.

Часовой мастер спрашивает:

— А когда ваш муж обедать придет?

Старуха и говорит:

— В обед придет, ровно в полдень.

Часовой мастер на часы глядит, видит — к полдню дело, и слышит — старик уже по дороге едет, с поля возвращается, на лошадь покрикивает.

«Нет,—думает часовщик,— часы здесь не нужны».

Сел старик кушать. Вытащила старуха с печи горшок щей, едва до стола донесла.

Старик взял горшок, ложку и ест.

Врач смотрит: «Не лопнет ли?»

А тот и не думает. Старик все съел, повел лошадь поить, говорит старухе:

— Прибрось-ка мне чайку!

Доктор только глаза раскрыл. «Здесь,— думает,— и без меня обойдутся!»

Старик говорит:

— Телегу надо в сарай закатить. Сегодня дождь будет! Я как знаю — у нас свиньи к ненастью шибко ревут!»

Тут и этот предсказальщик погоды рукой махнул.

— Не нужны мы тут!

Так и пошли с деревни.

140. КАК МУЖИК ХОЗЯЙНИЧАЛ

Заспорили раз мужик с бабой, кому тяжелее хозяйство вести. Баба гомонит:

— Мне!

А мужик спорит:

— Мне!

Ну, и побились о заклад.

Баба обрядилась, всю мужицкую работу справила и в город за покупками поехала.

А у мужика ничего не спорится. Покуль воду носил — свиньи квашню опрокинули, вместо масла постного картошку керосином полил; покуль с коровой возился — сынишка весь квас выпустил с квасника.

А хуже всего мужику с коровой. Вот мужик и надумал разом двух зайцев убить. Чтоб корову в поле не пускать, задумал мужик на крышу, на сарай пустить — благо трава на крыше большая выросла. Вот взял он большую до-

ску, привязал веревку корове на шею, да и выволок корову на крышу. А чтоб знать, если корова с крыши сошла, веревку через трубу провел и себя этой веревкой обвязал, а сам щи варить взялся.

А корова с крыши-то поскользнулась, и повесилась на веревке, и мужика в трубу втянула. Висит в трубе да ногами болтает.

На евонное счастье баба с городу воротилась рано. Видит — корова висит на веревке, сейчас затухает. Подбежала баба, обрезала веревку ножиком, корова свалилась, и мужик с трубы прямо в щи попал...

— Ну что, будешь спорить со мной? — смеется баба.— Вот и знай бабье дело. Хозяйство вести — не лапоть плести!

Так и проиграл мужик бабе заклад и с той поры спориться ни с кем более не стал...

141. ЛУЧШИЙ СОН

Двое, русак и поляк, будучи в трактире, спросили ужинать. Хозяйка им сказала, что у ней только осталось небольшой кусок вареной баранины и одна жареная куропатка. Каждому хотелось съесть оную дичинку, и, долго о том между собой ссорясь, напоследок согласились поесть только баранины, а куропатку съесть завтре тому, кому из них привидится лучший сон, и пошли спать. Русак, приметя, где положена была та птица, и встав ночью, ее убрал. Поляк выдумал поутру сказать великолепный сон: «Я, брат, был ангелами взят на небо в вечное блаженство, и тебе не удастся видеть такого хорошего сна». — «А я видел, как ты полетел в рай,— отвечал русак,— и после того съел куропатку, думая, что ты уже оттуда не возвратишься».

142. НЕМЕЦ И СОЛДАТ

Шли немец и солдат. У немца жареный рябчик, у солдата — хлебца кусочек.

— Нет ли у тебя чего съестного? — солдат говорит. — У меня хлеб есть, не пожалею.

— У меня рябчик! Давай, кому сон лучше соснится, тому рябчик.

Идут на ночлег. Приходят под окно солдат и немец с ним. Двери были закрыты. Солдат в окно. Хозяин и говорит:

— Кто там?

Солдатик говорит:

— Солдат я, да не один, мы с немцем, нас двое. Пусти ночевать.

Хозяин посадил ужинать обоих. Для солдата он поджарил, принял, как сына родного. Постелил постель обоим. Немец повесил сумку с рябчиком на стене, где постели.

Вот, значит, как все заснули — и немец заснул,— солдатик приподнялся и в сумку! Правда — рябчик в газете завернут. Вытащил этого рябчика — и в свою сумку.

Встала утром хозяйка. Хотел солдат идти с немцем.

— Погодите,— говорит,— у моей хозяйки блины пшенные растворены. С маслом помакаете, тогда пойдете.

Солдата они берегут, ну и немца заодно.

Тогда солдат спрашивает:

— Сколько я за ужин и за завтрак заплачу и немец заплатит?

— У меня не каждый день ночлежники. У меня не куплено — свое. Ни копейки не возьму — ни с тебя, ни с немца!

Поблагодарили они хозяина и ушли. Вышедши, идут дорогой. Солдат уже забыл, что у него рябчик. А немец и спрашивает солдата:

— Видел сон?

— Хороший видел, хороший,— солдат говорит.

— А вот и я видел!

— Ну, рассказывай!

— Я,— говорит,— как спал, видел, прилетели два ангела и взяли меня, и небо расщепилось на две половины, и они понесли меня на небо, к богу.

А солдат говорит:

— Правильно! В то время я проснувшись был. И видел, как тебя понесли на небо, и думал, что ты там пробудешь долго. У бога хватит всего. А я в то время встал и твоего рябчика скушал, так хорошо,— говорит,— аппетитно!..

Немец раскрыл сумку и говорит:

— Ай-ай-ай!..

143. СКАЗКА О ЛИСИЦЕ И ВОЛКЕ

Одна лукавая лисица захотела поесть рыбки, а не знала, где взять; думала, думала, да и вздумала лечь на дорогу. Мужик едет с рыбой, вдруг у мужика лошадь остановилась; мужик и говорит сам про себя: «Что бы это значило, что там лежит?» Пошел посмотреть; смотрит, а лежит лисица; он ее пнул, а она будто околела; он ее взял и положил в воз с рыбой, да и закрыл рогожей. Едет мужик, радуется, что лисицу нашел славную, оттает, так оснимает. А лисица в эту пору прогрызла дыру на санях, да и спускает по рыбке в дыру, а мужик гонит и ничего не знает. Вот лисица чуть не всю рыбу выудила из воза и выскочила из-под рогожки, да и драла в лес.

Мужик как-то остановился, посмотрел — лисицы нет, да и давай реветь; ревел-то он, ревел, чего сделаешь.

— Экая проклятая! Ведь отогрелась, черт ее возьми! Ну, а не дорого дана, не больно и жаль.

Он поехал вперед и не хватился рыбы. А лисица пошла подбирать рыбку и сносила ее в свою лачужку, да и лакомится. Приходит волк, да и говорит:

— Хлеб-соль, кумушка!

— В хлев зашел, так двери ищи, куманек!

— Ой, милая кумушка, ты еще рыбку ешь?

— Как же! Сегодня маленько, бог дал, наудила!

— Ой ли! Где ты удила?

— В проруби, в проруби, мой миленький куманек!

— А как?

— Очень просто: только хвост-от погрузи в воду, так такие палтухи ссарапаются, что любо-два! Как дольше посидишь, так больше наудишь; не дергай скоро, дай заклёву; а если клевать не будет, то заговор читай: «Рыбка, клюнь-попади, меня за хвост потяни!»

Куманек опрометью кинулся на прорубь удить, пришел и запустил хвост свой в воду, сидит, сидит, а клёву нет, да и только! В это время у него так хвост замерз в проруби, что и пятерым бы волкам его не вытащить. Вот идет баба за водой и видит нашего рыбака; сперва гнала его словами, говоря:

— Пошел ты к черту, прожора, видишь, нашел место, куда костить!

Потом она видит, что волк ни с места, подошла к нему и давай его коромыслом зваривать. Волк сколько ни ревел, ни бился, ни рвался, на все стороны метался, покуда хвост не оторвался,— баба ему так назудила бока, что он кое-как уплелся. А лисица в это время прибежала в избу, где жила баба, да и давай в квашне стряпать по-своему. Маленькие ребята убежали все на печь, да и говорят лисице:

— Не тронь, не меси, собака, квашню! Мамка сама пригустит ее!

Но лиса свое стебенит, тёпает тесто, да и только; назюзгалась так, что бока прочь, и рыло, и уши — все сыто. Она успела отстряпаться до хозяйки и пошла легла на дорогу, по которой куманьку идти; лежит и стонет, плутовка. Вот и идет волк и говорит ей:

— Нет, кумушка, плохой лов — слава богу, только хвост проудил, а не голову! Ох, кумушка, почто это у тебя голова-то испроломана?

— Молчи уж лучше, куманек, видишь, у меня голова вся испроломана коромыслом, и мозг-от вышел!

— Ой, бедная, нечего делать, садись на меня, увезу до двора.

Волк думает: «Не мне же одному досталось!»

Лисица расхохоталась:

— Хи-хи-хи, бит небитого везет.

Волк привез лису домой и бает ей:

— Не нужно ли духовника, кумушка любезная?

— Нет, куманек любезный, не проторься, я слышу теперь себе получше! Тебе не дурно ли, мой друг?

— Не знаю, скоро ли кровь не будет капать из хвоста, всякое место что-то не так покойно!

Лисица волку бает:

— Дай-ка я тебе заговорю кровь, как рукой снимет!

— Заговори, кумушка.

Она и давай заговаривать:

— Стань на камень — кровь не канет; стань на кирпич — кровь закипит; у сороки боли, у вороны боли, у сыча всех шибче. Ну, куманек, если не отвалится, так переболится.

144. МУЖИК, МЕДВЕДЬ И ЛИСА

Был-жил старик со старухой. У них зимой не было ни дров, ни лучины; старик и поехал в лес по дрова. Не успел еще нарубить дров, подбегает к старику лиса и говорит:

— Старик, а старик, это что лежит? — указывая на медведя.

Старик говорит:

— Это пень лежит.

Лиса говорит:

— Кабы был пень, то на дровнях бы лежал,— и сама убегла.

И медведь говорит старику:

— Положи меня на дрова.

Старик положил. Лиса опять подбегает и говорит:

— Старик, а старик, это что на дровнях лежит?

Старик говорит:

— Пень лежит.

Лиса опять говорит:

— Кабы был пень, то бы привязан был,— и сама убегла.

Медведь говорит старику:

— Привяжи меня.

И старик привязал. Лиса опять подбегает к старику и говорит:

— Старик, а старик, это что у тебя на дровнях лежит привязано?

Старик говорит:

— Это пень лежит.

Лиса говорит:

— Кабы был пень, то в него бы ты воткнул топор,— и сама убегла.

Медведь говорит:

— Старик, а старик, воткни как-нибудь в меня топор.

Старик и давай его рубить, и отрубил ему голову, и привез домой, из шкуры сшил старухе шубу. На другой день поехал старик опять по дрова. Попадается ему та же лиса и говорит:

— Ты хоть бы мне, старик, за труды привез пирогов да курочек.

Старик сказал:

— Дожидайся здесь, я теперь же поеду и привезу тебе.

Поехал, и наклал в мешок борзых собак, и приехал в лес к лисе.

— Спасибо, лиса, тебе за то, что ты помогла мне изрубить медведя, и я за твою услугу привез тебе куриц. На, развязывай сама мешок.

Лиса обрадовалась и начала зубами развязывать. И только успела развязать, выбегают из него борзые собаки и бросились за лисой. Но она успела влезть на дерево и начала спрашивать:

— Глазоньки мои, что вы делали, как я бежала?

Глаза сказали:

— Мы искали, глядели место, куда бы тебе убежать.

Стала спрашивать ноги:

— Ноженьки, а вы что делали?

— Мы торопились, чтобы тебе скорее убежать.

Стала спрашивать хвост:

— Ты, хвост, что делал?

— Я переплетал ноги, чтобы ты упала и тебя загрызли собаки.

Лиса рассердилась, спустила с дерева хвост и сказала:

— Собаки борзые, съешьте мой хвост.

Собаки подбежали, за хвост стащили лису и отнесли старику. Старик обрадовался и везет домой. Старуха увидела из окошка, и бежит к нему навстречу, и говорит:

— Вот спасибо, старик, догадался, что у меня шуба-то медвежья, а воротника-то нет.

Пришила к шубе воротник, и стали жить да быть да добра наживать.

145. ЛИСА, МЕДВЕДЬ И МУЖИК

Сперва вот так:

Блошка баинку топила,
Решетом воду носила.
Вошка парилася,
С полки свалилася.
Охи, охи, не могу!
Потяните за ногу!
А уж вошь лежит в гробу!

Лиса везде проказничает! На то она и Лиса Патрикеевна! У всех имена есть:

Кошечки — Маши,
Котики — Николаши,
Гусыни — Орлянки,
Гусенки — Абрамки,
Кобылы — Немилы,
Кони — Данилы,
Коровы — Матрены,
Быки — Харитоны,
Долгие балахоны...

Лиса Патрикеевна медведя научала:

— Иди, медведь, к мужику, заломай у него кобылу!

Вот приходит медведь к мужику и говорит:

— Я тебе кобылу заломаю!

Мужик испугался очень — кобыла у него одна, просит:

— Мишенька, милый, не трогай мою кобылу! Давай лучше посеем репку!

— Ну, давай!

Посеяли репку, прошло лето, наступила осень. Приходит медведь к мужику. Медведь говорит:

— Видишь, как репка выросла? Давай делить!

— Давай, Мишенька! На́, любок, бери — тебе вершки или тебе корешки?

Медведь говорит:

— Я возьму вершки!

Взял ботву. Пошел в берлогу и сосет.

Бежит Лиса Патрикеевна:

— Мишенька, милый! Ты что делаешь?

— Репку ем! Мы с мужиком посеяли, потом поделили...

— Дай-ка мне! — Лиса попробовала и говорит:

— Дурак ты, дурак! Это не репка, а трава! Обманул тебя мужик как путреника! Иди, Мишенька, заломай у него кобылу!

Идет медведь к мужику:

— Я тебе кобылу заломаю! Ты меня обманул! Одну траву дал вместо репки!

— Да как же я тебя обманул — ты сам любком брал... Что ты хотел, то и дал! Давай, Мишенька, милый, посеем теперь пшеничку!

Посеяли пшеничку, дождались осени. Приходит к мужику медведь и говорит:

— Давай пшеничку делить!

— Бери, Мишенька, на́, любок!

— Ну, теперь я возьму корешки!

Взял медведь корешки, мужик взял колосья, да еще ему жницы дал. Залез медведь в берлогу, жует корешки и сено.

Лиса Патрикеевна бежит:

— Ты, что, Мишенька, жуешь?

— Пшеничку у мужика забрал!

— Да какая это пшеничка — это жница одна! Дурак

ты, дурак, он тебе одной соломы дал! Иди к мужику и заломай у него кобылу!

Идет медведь к мужику, а лиса вперед бежит.

— Идет медведь — кобылу заломать хочет! Давай я охотником оденусь, медведя прогоню.

— Давай, Лисанька!

— А что мне за это дашь, мужичок?

— У меня в амбаре есть два красных петуха — я их тебе отдам!

— Хорошо! — лиса говорит.

Вот идет медведь, кричит:

— Я у тебя, мужик, кобылу заломаю!

А лиса оделась охотником, кричит:

— Эй, нет ли здесь врагов —

Зайцев, медведей, бирюков?

— Нет,— мужичок говорит.

— А это кто? — лиса на медведя показывает.

Мужик говорит:

— Это пень!

— Был бы пень, ты бы его на дровни положил!

Мужик медведя на дровни кладет.

— Был бы пень, ты бы его к дровням привязал!

Мужик медведя к дровням привязывает.

— Если бы это был пень, ты бы в него топор воткнул!

Мужик берет топор, да и убил медведя!

— Ну,— говорит лиса,— давай мне твоих петухов красных!

Берет мужик мешок, к амбару идет и двух собак в мешок посадил. Несет лиса мешок, думает: «Посмотрю, какие это петухи!» Развязала, а оттуда две собаки выскочили...

Пустилась лиса от них бежать... Бежит, бежит, елва дышит, а собаки за ней!

Видит лиса пень горелый — она в дупло прыг!

Лежит трясется.

И спрашивает:

— Глаза-глаза! Смотрели ли вы, куда мне бежать?

— Смотрели, лисанька!

— Уши, уши! Слушали ли вы, от кого мне бежать?

— Слушали, лисанька!

— Ноги, ноги! Бежали ли вы, меня спасали?

— Бежали, лисанька!

— Хвост, хвост! А ты что делал?

— А я за пень, да за колоду, за гнилую за березу цеплялся!

Она и говорит:

— Собачища, собачища! На́ мой хвостище!

Собачищи хвостище схватили, лисаньку проглотили...

Тут и сказке конец.

Можно и так:

Сказка вся, говорить нельзя,
Когда б рюмочка винца,
Сказала б до конца,
Коза-сера, куда рога дела?
Соль дорогая,
рюмочка скупая,
На соль пролилась...

148. ЛИСА И КУВШИН

К одному мужику повадилась лиса ходить кур красть. Мужик повесил кувшин. Ветер в кувшин дует. Он гудит: «Бу-у-у, бу-бу-у!» Приходит лиса и слушает, что такое гудёт. Увидала кувшин, схватила его за обрывок и надела себе на шею.

— Погоди, кувшинище-дурачище, я тебя,— говорит,— утоплю.

И понесла кувшин в прорубь; стала его топить. Кувшин захлебнулся водою: бурк-бурк-бурк-бурк,— и тянет лису с собою на дно. Лиса просит:

— Кувшин, кувшин, не топи меня, я не буду, это я тебя только так пострашала.

Кувшинище-дурачище не слушается, все тянет на дно, и утопил лису!

147. ЛИСА И ЖУРАВЛЬ

Лиса с журавлем подружилась, даже покумилась с ним у кого-то на родинах.

Вот и вздумала однажды лиса угостить журавля, пошла звать его к себе в гости:

— Приходи, куманек! Приходи, дорогой! Уж я как тебя угощу!

Идет журавль на званый пир, а лиса наварила манной каши и размазала по тарелке.

Подала и потчевает:

— Покушай, мой голубчик-куманек! Сама стряпала.

Журавль хлоп-хлоп носом, стучал-стучал, ничего не попадает! А лисица в это время лижет себе да лижет кашу — так всю сама и скушала.

Каша съедена; лисица говорит:

— Не бессудь, любезный кум! Больше потчевать нечем.

— Спасибо, кума, и на этом! Приходи ко мне в гости.

На другой день приходит лиса, а журавль приготовил окрошку, наклал в кувшин с малым горлышком, поставил на стол и говорит:

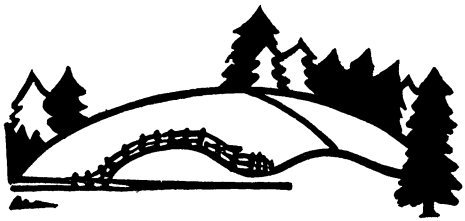
— Кушай кумушка! Право, больше нечем потчевать.

Лиса начала вертеться вокруг кувшина: и так зайдет, и этак, и лизнет его, и понюхает-то — все ничего не достает! Не лезет голова в кувшин. А журавль меж тем клюет себе да клюет, пока все поел.

— Ну, не бессудь, кума! Больше угощать нечем!

Взяла лису досада, думала, что наестся на целую неделю, а домой пошла, как несолоно хлебала. Как аукнулось, так и откликнулось!

С тех пор и дружба у лисы с журавлем врозь.



148. ЛИСА-ЛЕКАРКА

Бывал-живал старик со старухой. Старик посадил кочешок в подпольецо, а старуха в попелушку. У старухи в попелушке совсем завял кочешок, а у старика рос-рос, до полу дорос. Старик взял топор и вырубил на полу прямо против кочешка дыру.

Кочешок опять рос-рос, до потолку дорос; старик опять взял топор и вырубил на потолку против кочешка дыру. Кочешок рос-рос, до неба дорос.

Как старику поглядеть на верхушку кочешка? Полез по корешку, лез-лез, лез-лез, долез до неба, просек на небе дыру и влез туда. Смотрит: стоят жерновцы; жерновцы повернутся — пирог да шаньга, наверх каши горшок. Старик наелся, напился и спать повалился.

Выспался, слез на землю и говорит:

— Старуха! А старуха! Какое житье-то на небе! Там есть жерновцы: как повернутся — пирог да шаньга, наверх каши горшок!

— Как бы мне, старичок, там побывать?

— Садись, старуха, в мешок; я тебя унесу.

Старик взял мешок в зубы и полез на небо; лез-лез, долго лез; старухе стало скучно, она и спрашивает:

— Далеко ли, старичок?

— Далече, старуха!

Опять лез-лез, лез-лез.

— Далеко ли, старичок?

— Еще половина!

Опять лез-лез, лез-лез. Старуха снова спрашивает:

— Далеко ли, старичок?

Только старик хотел сказать: «Недалече!» — мешок у него из зубов вырвался, старуха на землю свалилась и расшиблась. Старик спустился вниз по кочешку, поднял мешок, а в мешке одно костье, и то примельчалось.

Пошел старик из дому и горько плачет. Навстречу ему лиска:

— О чем, старичок, плачешь?

— Как не плакать? Старуха расшиблась.

— Молчи, я вылечу.

Старик пал лисице в ноги:

— Вылечи, что угодно заплачу!

— Ну, вытопи баньку, снеси туда толоконца мешочек, маслица горшочек да старуху, а сам стань за двери и не смотри в баньку.

Старик вытопил баню, принес что надо и стал за двери; а лиса зашла в баню, двери на крюк, стала мыть старухины кости; моет — не моет, а все огладывает. Старик спрашивает:

— Каково старушка?

— Пошевеливается! — говорит лиска, а сама доела старуху, собрала костье, и сложила в уголок, и принялась месить саламату.

Старик постоял-постоял и спрашивает:

— Каково старушка?

— Посиживает! — говорит лиска, а сама саламату дохлебывает. Съела и говорит:

— Старичок! Отвори дверь шире.

Он отворил, а лиса прыг из баньки и убежала домой. Старик вошел в баню, поглядел: только старухины кости под лавкой, и те оглоданы, толоконце и маслице съедено. Остался старик один в бедности.

149. ЛИСА И РАК

Лиса и рак стоят вместе и говорят промеж себя. Лиса говорит раку:

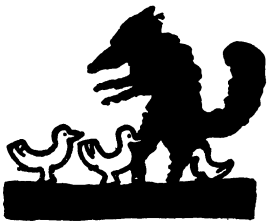
— Давай с тобой перегоняться.

Рак:

— Что ж, лиса, ну, давай.

Начали перегоняться. Лишь лиса побегла, рак уцепился лисе за хвост. Лиса до места добегла, а рак не отцепляется. Лиса обернулась посмотреть, вертнула хвостом, рак отцепился и говорит:

— А я давно уж жду тебя тут.



150. ЛИСА-ИСПОВЕДНИЦА

Однажды лиса всю большую осеннюю ночь протаскалась по лесу не евши. На заре прибежала она в деревню, взошла на двор к мужику и полезла на насест к курам. Только что подкралась и хотела схватить одну курицу, а петуху пришло время петь: вдруг он крыльями захлопал, ногами затопал и закричал во все горло. Лиса с насеста-то так со страху полетела, что недели три лежала в лихорадке.

Вот раз вздумалось петуху пойти в лес — разгуляться. а лисица уж давно его стережет; спряталась за куст и поджидает: скоро ли петух подойдет. А петух увидел сухое дерево, взлетел на него и сидит себе. В то время лисе скучно показалось дожидаться, захотелось сманить петуха с дерева; вот, думала-думала, да и придумала: «Дай прельщу его!» Подходит к дереву и стала здороваться:

— Здравствуй, Петенька!

«Зачем ее лукавый занес?» — думает петух. А лиса приступает со своими хитростями:

— Я тебе, Петенька, добра хочу — на истинный путь наставить и разуму научить. Вот ты, Петя, имеешь у себя пятьдесят жен, а на исповеди ни разу не бывал. Слезай ко мне и покайся, а я все грехи с тебя сниму и на смех не подыму.

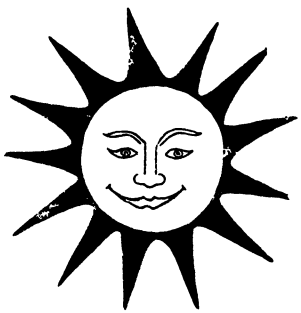
Петух стал спускаться ниже и ниже, и попал прямо лисе в лапы. Схватила его лиса и говорит:

— Теперь я задам тебе жару! Ты у меня за все ответишь: попомнишь, блудник и пакостник, про свои худые дела! Вспомни, как я в осеннюю темную ночь приходила и хотела попользоваться одним куренком, а я в то время три дня ничего не ела, и ты крыльями захлопал и ногами затопал!..

— Ах, лиса! — говорит петух. — Ласковые твои словеса! Премудрая княгиня! Вот у нашего архиерея скоро пир

будет; в то время стану я просить, чтоб тебя сделали просвирнею, и будут нам с тобой просвиры мягкие, кануны сладкие, и пойдет про нас слава добрая.

Лиса распустила лапы, а петух порх на дубок.



151. ЛИСА И ТЕТЕРЕВ

Лиса увидела тетерева — на дереве в леску сидит,— подошла к нему и говорит:

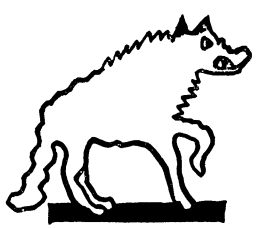
— Терентьюшка-батюшка, приехала я из города; слышала указ: тетеревам не летать по деревам, а ходить по земле.

— Так что, я слезу! Да вон, лиса, кто-то идет, да что-то на плече-то несет, да за собой что-то ведет.

— Хвост не крючочком ли?

— Да, да, крючком!

— Ах нет; мне некогда тебя ждать: у меня ножки зябнут да ребята дома ждут. Я пойду!



152. ЛИСА-ПОВИТУХА

Жили-были кум с кумой — волк с лисой. Была у них кадочка медку. А лисица любит сладенькое; лежит кума с кумом в избушке да украдкою постукивает хвостиком.

— Кума, кума! — говорит волк. — Кто-то стучит.

— А, знать, меня на повой зовут! — бормочет лиса.

— Так поди сходи,— говорит волк.

Вот кума из избы да прямехонько к меду, нализалась и вернулась назад.

— Что бог дал? — спрашивает волк.

— Початочек,— отвечает лисица.

В другой раз опять лежит кума да постукивает хвостиком.

— Кума, кто-то стучится,— говорит волк.

— На повой, знать, зовут!

— Так сходи.

Пошла лисица, да опять к меду, нализалась досыта: медку на донышке осталось. Приходит к волку.

— Что бог дал? — спрашивает ее волк.

— Середышек.

В третий раз опять так же обманула лисица волка и долизала уже весь медок.

— Что бог дал? — спрашивает ее волк.

— Поскребышек.

Долго ли, коротко ли — прикинулась лисица хворою, просит кума медку принести. Пошел кум, а меду ни крошки.

— Кума, кума! — кричит волк. — Ведь мед съеден.

— Как съеден? Кто же съел? Кому окромя тебя! — погоняет лисица.

Волк и крестится, и божится.

— Ну, хорошо! — говорит лисица. — Давай ляжем на солнышко, у кого вытопится мед, тот и виноват.

Пошли, легли. Лисице не спится, а серый волк храпит во всю пасть. Глядь-поглядь, у кумы-то и показался медок; она ну-тко скорее перемазывать его на волка.

— Кум, кум! — толкает волка. — Это что? Вот кто съел!

И волк, нечего делать, повинился. Вот вам сказка, а мне кринка масла.

153. КОТ И ЛИСА

Жил-был мужик. У него был кот, только такой шкодливый, что беда! Надоел он мужику. Вот мужик думал-думал, взял кота, посадил в мешок, завязал и понес в лес. Принес и бросил его в лесу: пускай пропадает!

Кот ходил-ходил и набрел на избушку, в которой лесник жил. Залез на чердак и полеживает себе, а захочет есть — пойдет по лесу птичек да мышей ловить, наестся досыта и опять на чердак, и горя ему мало!

Вот однажды пошел кот гулять, а навстречу ему лиса, увидала кота и дивится: «Сколько лет живу в лесу, а такого зверя не видывала».

Поклонилась коту и спрашивает:

— Скажись, добрый молодец, кто ты таков? Каким случаем зашел и как тебя по имени величать?

А кот вскинул шерсть свою и говорит:

— Я из сибирских лесов прислан к вам бурмистром, а зовут меня Котофей Иванович.

— Ах, Котофей Иванович! — говорит лиса. — Не знала про тебя, не ведала. Ну, пойдем же ко мне в гости.

Кот пошел к лисице. Она привела его в свою нору и стала потчевать разной дичинкою, а сама выспрашивает:

— Что, Котофей Иванович, женат ты али холост?

— Холост,— говорит кот.

— И я, лисица — девица, возьми меня замуж.

Кот согласился, и начался у них пир да веселье.

На другой день отправилась лиса добывать припасов, чтоб было чем с молодым мужем жить, а кот остался дома. Бежит лиса, а навстречу ей попадается волк и начал с ней заигрывать.

— Где ты, кума, пропадала? Мы все норы обыскали, а тебя не видали.

— Пусти, дурак! Что заигрываешь? Я прежде была лисица-девица, а теперь замужня жена.

— За кого же ты вышла, Лизавета Ивановна?

— Разве ты не слыхал, что к нам из сибирских лесов

прислан бурмистр Котофей Иванович? Я теперь бурмистрова жена.

— Нет, не слыхал, Лизавета Ивановна. Как бы на него посмотреть?

— У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: коли кто не по нем, сейчас съест! Ты смотри, приготовь барана, да принеси ему на поклон, барана-то положи, а сам схоронись, чтоб он тебя не увидел, а то, брат, туго придется.

Волк побежал за бараном.

Идет лиса, а навстречу ей медведь, и стал с ней заигрывать.

— Что ты, дурак, косолапый Мишка, трогаешь меня? Я прежде была лисица-девица, а теперь замужня жена.

— За кого же ты, Лизавета Ивановна, вышла?

— А который прислан к нам из сибирских лесов бурмистром, зовут Котофей Иванович,— за него и вышла.

— Нельзя ли посмотреть его, Лизавета Ивановна?

— У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: коли кто не по нем, сейчас съест! Ты ступай, приготовь быка да принеси ему на поклон. Волк барана хочет принесть. Да смотри, быка-то положи, а сам схоронись, чтоб Котофей Иванович тебя не увидел, а то, брат, туго придется!

Медведь потащился за быком.

Принес волк барана, ободрал шкуру и стоит в раздумье. Смотрит — медведь лезет с быком.

— Здравствуй, брат Михайло Иванович!

— Здравствуй, брат Левон! Что, не видал лисицы с мужем?

— Нет, брат, давно дожидаю.

— Ступай, зови.

— Нет, не пойду, Михайло Иваныч! Сам иди, ты посмелей меня.

— Нет, брат Левон! И я не пойду.

Вдруг, откуда ни взялся, бежит заяц. Медведь как крикнет на него:

— Поди-ка сюда, косой черт!

Заяц испугался, прибежал.

— Ну что, косой пострел! Знаешь, где живет лисица?

— Знаю, Михайло Иванович!

— Ступай же скорее да скажи ей, что Михайло Иванович с братом Левоном Иванычем давно уж готовы, ждут тебя-де с мужем, хотят поклониться бараном да быком.

Заяц пустился к лисе во всю свою прыть. А медведь и волк стали думать, где бы спрятаться. Медведь говорит:

— Я полезу на сосну.

— А мне что же делать? Я куда денусь? — спрашивает волк. — Ведь я на дерево ни за что не взберусь! Михайло Иванович, схорони, пожалуйста, куда-нибудь, помоги горю.

Медведь положил его в кусты и завалил сухим листьём, а сам взлез на сосну, на самую-таки макушку, и поглядывает: не идет ли Котофей с лисою?

Заяц меж тем прибежал к лисицыной норе, постучался и говорит лисе:

— Михайло Иванович с братом Левоном Иванычем прислали сказать, что они давно готовы, ждут тебя с мужем, хотят поклониться вам быком да бараном.

— Ступай, косой! Сейчас будем.

Вот идет кот с лисою. Медведь увидел их и говорит волку:

— Ну, брат Левон Иваныч, идет лиса с мужем. Какой же он маленький!

Пришел кот и сейчас же бросился на быка, шерсть на нем взъерошилась, и начал он рвать мясо и зубами, и лапами, а сам мурчит, будто сердится: «Мало, мало!»

А медведь говорит:

— Невелик, да прожорист! Нам четверым не съесть, а ему одному мало. Пожалуй, и до нас доберется!

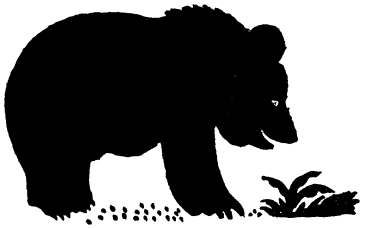
Захотелось волку посмотреть на Котофея Ивановича, да сквозь листья не видать! И начал он прокапывать над глазами листья. А кот услыхал, что лист шевелится, подумал, что это — мышь, да как кинется — и прямо волку в морду вцепился когтями.

Волк вскочил да давай бог ноги! И был таков. А кот сам испугался и бросился прямо на дерево, где медведь сидел. «Ну,— думает медведь,— увидал меня!» Слезать-то некогда; вот он положился на божью волю да как шмякнется с дерева обземь,— все печенки отбил. Вскочил да бежать!

А лисица вслед кричит:

— Вот он вам задаст! Погодите!

С той поры все звери стали кота бояться. А кот с лисой запаслись на целую зиму мясом и стали себе жить да поживать. И теперь живут, хлеб жуют.



154. ЗВЕРИ В ЯМЕ

Лисица пошла богу молиться. И ей навстречу попался медведь и спросил:

— Куда ты пошла?

А она отвечала, что пошла богу молиться, и позвала его с собою.

Потом попался волк и спрашивает:

— Куда ты пошла?

А она отвечает, что пошла богу молиться. И он пошел с ней.

Попал заяц и спросил:

— Куда пошла?

И после ответа пошел с ней.

Вот дошла до ямы. Не знала, как перейти яму. Положила жердочку и стала хвалить медведя, чтобы он пошел:

— Так как у тебя ноги толстенькие, лапки широконькие, то пойдешь, так не упадешь!

Правда, медведь пошел: но только как ступил, так и бухнул в яму.

Потом говорит волку:

— Ты, куманек-волчонок, поди! У тебя лапки хорошенькие, ноготки востренькие! Ты ими поймаешься.

Вот пошел волк и бухнул в яму.

Потом стала просить зайца, чтобы он пошел:

— Ты, зайчик-боботунчик! У тебя ножки тоненькие, сам легонький, скорехонько пробежишь по жердочке!

Заяц пошел — и бух в яму.

А потом залезла в яму и всех приела. А сама стала жить-поживать да добра наживать.

155. ЖУРАВЛЬ И ЦАПЛЯ

Летала сова — веселая голова; вот она летала, летала и села, да хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела и опять полетела; летала и села, хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела... Это присказка, сказка вся впереди.

Жили-были на болоте журавль да цапля, построили себе по концам избушки. Журавлю показалось скучно жить одному, и задумал он жениться. «Дай пойду посватаюсь к цапле!» Пошел журавль — тяп, тяп! — семь верст болото месил; приходит и говорит:

— Дома ли цапля?

— Дома.

— Выдь за меня замуж!

— Нет, журавль, нейду за тя замуж: у тебя ноги долги, платье коротко, сам худо летаешь, и кормить-то меня тебе нечем! Ступай прочь, долговязый!

Журавль, как несолоно похлебал, ушел домой.

Цапля после раздумалась и сказала:

— Чем жить одной, лучше пойду замуж за журавля.

Приходит к журавлю и говорит:

— Журавль, возьми меня замуж!

— Нет, цапля, мне тебя не надо! Не хочу жениться, не беру тебя замуж. Убирайся!

Цапля заплакала со стыда и воротилась назад. Журавль раздумался и сказал:

— Напрасно не взял за себя цаплю; ведь одному-то скучно. Пойду теперь и возьму ее замуж!

Приходит и говорит:

— Цапля! Я вздумал на тебе жениться; поди за меня.

— Нет, журавль, не иду за тя замуж!

Пошел журавль домой.

Тут цапля раздумалась:

— Зачем отказала? Что одной-то жить? Лучше за журавля пойду!

Приходит свататься, а журавль не хочет. Вот так-то и ходят они по сю пору один на другом свататься, да никак не женятся!

156. НАПУГАННЫЕ МЕДВЕДЬ И ВОЛКИ

Жил себе старик и старуха, у них был кот да баран. Старуха укоп копит, а кот проказит.

— Старик,— говорит старуха,— у нас на погребе нездорово.

— Надо поглядеть,— говорит ей старик,— не со стороны ли кто блудит.

Вот пошла старуха на погреб и усмотрела: кот сдвинул лапкой с горшка покрышку и слизывает себе сметанку; выгнала кота из погреба и пошла в избу, а кот наперед прибежал и запрятался на печи в углу.

— Хозяин! — сказывает старуха. — Вот мы не верили, что кот блудит, а он самый и есть. Давай его убьем!

Кот услыхал эти речи, как бросится с печки, да бегом к барану в хлев, и начал его обманывать:

— Брате баран! Меня хотят завтра убити, тебя заезати.

И сговорились они оба бежать ночью от хозяина.

— Как же быть? — спрашивает баран. — Рад бы я с тобой лыжи навострить, да ведь хлев-то заперт!

— Ничего!

Кот тотчас взобрался на дверь, скинул лапкой веревочку с гвоздя и выпустил барана.

Вот и пошли они путем-дорогою, нашли волчью голову и взяли с собой; шли-шли, увидели: далеко в лесу светится огонек; они и пустились прямо на огонь. Подходят, а вокруг огня греются двенадцать волков.

— Бог помочь вам, волкам!

— Добро жаловать, кот да баран!

— Брате,— спрашивает баран у кота,— что нам вечерять будет?

— А двенадцать-то волчьих голов! Поди выбери, которая пожирнее.

Баран вошел в кусты, поднял повыше волчью голову, что дорогой-то нашли, и спрашивает:

— Эта ли, брате кот?

— Нет, не эта, выбери получше.

Баран опять поднял ту же голову и опять спрашивает:

— Эта ли?

Волки так напугались, что рады были убежать, да без спросу не смеют. Четверо волков и стали проситься у кота и барана:

— Пустите нас за дровами! Мы вам принесем.

И ушли. Остальные восемь волков еще пуще стали бояться кота да барана: коли двенадцать смогли поесть, а осьмерых и подавно поедят. Стало еще четверо проситься за водою. Кот отпустил:

— Ступайте, да скорее ворочайтесь!

Последние четыре волка отпросились сходить за прежними волками: отчего-де не ворочаются? Кот отпустил, еще строже наказал — поскорее приходить назад; а сам с бараном рад, что они ушли-то.

Волки собрались вместе и пустились дальше в лес. Попадается им медведь Михайло Иванович.

— Слыхал ли ты, Михайло Иванович,— спрашивают волки,— чтобы кот да баран съели по двенадцати волков?

— Нет, робятушки, не слыхивал.

— А мы сами видели этакого кота да барана.

— Как бы, робятушки, мне посмотреть, какова их храбрость.

— Эх, Михайло Иваныч, ведь больно кот-от ретив, нельзя к нему поддоброхотаться: того и гляди, что в клочки изорвет! Даром что мы прытки над собаками и зайцами, а тут ничего не возьмешь. Позовем-ка лучше их на обед.

Стали посылать лисицу:

— Ступай, позови кота да барана.

Лисица начала отговариваться:

— Я хоть и прытка, да неувертлива; как бы они меня не съели!

— Ступай!..

Делать нечего, побежала лисица за котом и бараном. Воротилась назад и сказывает:

— Обещались быть! Ах, Михайло Иванович, какой кот-то сердитый! Сидит на пне да ломает его когтями: это на нас точит он свои ножи! А глаза так и выпучил!..

Медведь струхнул, сейчас посадил одного волка в сторожа на высокий пень, дал ему в лапы утирку и наказал:

— Коли увидишь кота с бараном, махай утиркою: мы пойдем их повстречаем.

Стали готовить обед; четыре волка притащили четыре коровы, а в повара медведь посадил сурка.

Вот идут в гости кот да баран; завидели караульного, смекнули дело и стакнулись меж собою.

— Я,— говорит кот,— поползу тихонько по траве и сяду у самого пня супротив волчьей рожи, а ты, брат баран, разбежись и что есть силы ударь его лбом!

Баран разбежался, ударил со всей мочи и сшиб волка, а кот бросился ему прямо в морду, вцепился когтями и исцарапал до крови. Медведь и волки, как увидели то, зачали меж собою растабарывать:

— Ну, робятушки, вот какова рысь кота и барана! Евстифейка-волка умудрились сшибить и изувечить с какого высокого пня, а нам где уж на земле устоять! Им, знать, наше готовленье-то нипочем; они придут не угощаться, а нас пятнать. А, братцы! Не лучше ли нам схорониться?

Волки все разбежались по лесу, медведь вскарабкался на сосну, сурок спрятался в нору, а лиса забилась под колодину. Кот с бараном принялись за наготовленные кушанья. Кот ест, а сам мурлычет:

— Мало, мало!

Обернулся как-то назад, увидел, что из норы торчит сурков хвост, испугался, да как прыснет на сосну. Медведь устрахался кота, да напрямик с сосны на землю и ринулся и чуть-чуть не задавил лисы под колодиной. Побежал медведь, побежала лиса.

— Знать, ты, куманек, ушибся? — спрашивает лисица.

— Нет, кумушка, если б я не спрыгнул, кот бы давно меня съел!

ПРИМЕЧАНИЯ

Тексты сатирических сказок, включенных в данное издание, взяты из записей разных лет — от середины прошлого века до наших дней. Из нескольких вариантов каждого сюжета отбирался наиболее острый социально, а также наиболее яркий в художественном отношении. Собиратели сказок не всегда сохраняли особенности языка сказочников; использованные нами тексты разнятся по языку. В одних он близок к литературному, в других — насыщен диалектными словами и оборотами речи. В отдельных случаях литературность языка сказок является отражением их книжных источников или грамотности и начитанности исполнителя. Следует учитывать и характер самой записи.

При редактуре текстов мы стремились сохранить по возможности характерные черты лексики, а в отдельных случаях — ее морфологические особенности. Фонетические диалектизмы, как правило, в издании не воспроизводятся. Орфография сближена с современной.

В тексте комментария встречаются следующие сокращения:

Азадовский — Русские сказки в Карелии (старые записи). Подготовка текстов, статья и комментарии М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1947.

Азадовский, Элиасов — Сказки Магая (Е. И. Сороковникова). Записи Л. Элиасова и М. Азадовского. Вступительная статья М. Азадовского. Комментарии М. Азадовского и И. Колесницкой. Л., 1940.

Андреев — Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929. (Номера, данные в скобках, говорят о приблизительном совпадении сюжетов.)

Афанасьев — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева под редакцией М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова. М.—Л., 1936—1940.

Афанасьев. Легенды — Народные русские легенды. Т. 1. Легенды, собранные А. Н. Афанасьевым. Казань, 1914.

Афанасьев. Заветные сказки — Афанасьев А. Н. Народные русские сказки, т. 3. М.—Л., 1940, с. 362—467.

Бахтин, Ширяева — Сказки Ленинградской области. Собрали и подготовили к печати Вл. Бахтин и П. Ширяева. Л., 1976.

Господин Леший... — Господин Леший, господин Барин и мы с Мужиком. Записки о сказочниках Дм. Молдавского и сказки, собранные Вл. Бахтиным и Дм. Молдавским. М.—Л., 1965.

Зеленин. Вятский сборник — Великорусские сказки Вятской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Пг., 1915.

Зеленин. Пермский сборник — Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Пг., 1914.

Карнаухова — Сказки и предания Северного края. Запись, вступ. статья и комментарии И. Карнауховой. Предисл. Ю. М. Соколова. М.—Л., 1934.

Королева — Русские народные сказки (рассказанные воронежской сказочницей А. Н. Королевой). Составитель и ответственный редактор Э. В. Померанцева. Записи Э. В. Померанцевой, Н. И. Савушкиной и В. Д. Шершавицкой. М., 1969.

Минц, Савушкина — Сказки и песни Вологодской области. Составители С. И. Минц и Н. И. Савушкина. Вологда, 1955.

Ончуков — Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губернии). Сборник Н. Е. Ончукова. Спб., 1908.

Садовников — Сказки и предания Самарского края. Сборник Д. Н. Садовникова. Спб., 1884.

Смирнов — Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Издал А. М. Смирнов. Вып. 1—2. Пг., 1917.

Соколовы — Сказки и песни Белозерского края. Записали Борис и Юрий Соколовы. М., 1915.

Худяков — Великорусские сказки. Сборник И. А. Худякова. Вып. 1—3. М., 1860—1862.

1. НЕСТЁРКА. Записана Вл. Бахтиным и Дм. Молдавским от И. Д. Богатырева. Андреев, № 847. По принятой классификации относится к легендарным сказкам, хотя мотивы чуда утрачены.

Зоблиться — заботиться.

Рахманьше — добрее, смирнее.

2. ЛЕГЕНДА О САПОЖНИКЕ НА НЕБЕ. Господин Леший..., с. 215. Записана Дм. Молдавским от И. Петневича. Андреев, № 801.

3. КАК БЕДНЯК КУМА ИСКАЛ. Господин Леший..., с. 217. Записана Дм. Молдавским от И. Петневича. Андреев, № 332.

4. БЕСПЕЧАЛЬНЫЙ МОНАСТЫРЬ. Азадовский, Элиасов, № 13; Андреев, № 922. Записана от Е. И. Сороковникова-Магая. Приведенный текст — один из самых полных в русском сказочном репертуаре.

Сюжет сказки использован С. Маршаком в балладе «Король и пастух» (английский вариант) и М. Исаковским в стихах «Царь, поп и мельник». В стихах А. Суркова «Разведчик Пашков» также есть мотивы сказки о мудром ответе.

5. ЦАРЬ И ВОР. Ончуков, № 17. Записана Н. Е. Ончуковым от Г. И. Чупрова. Андреев, № 951-В (950).

Заемно овратить — отдать долг.

Посоиваться — соваться.

Храпы — когти.

6. ГОРШЕНЯ. Афанасьев, № 325; Андреев, № 921-II.

По данным комментаторов сказок А. Н Афанасьева (т. 3, 1940, с. 422), эта сказка была признана цензурой в 1870 году вредной, так как она изображала «историю самодурства царя Ивана Васильевича и преимущество простонародья перед дураками-боярами».

Шабер — сосед.

Жадать — желать.

7. ЕЛЕВЫ ШАШКИ. Садовников, № 37. Записана от А. Новопольцева. Андреев, № 921-II (1535).

Шашки — шишки.

Чехаус — цейхгауз.

8. ЦАРЬ, СТАРИК И БОЯРА. Ончуков, № 18. Записана Н. Е. Ончуковым от Г. И. Чупрова. Андреев, № 921-I, В.

Другиж — другой раз.

Третьиж — третий раз.

9. ВОЕВОДА И МУЖИК. Смирнов, № 288. Записана в Пермской губернии. Андреев, № 921-I. Примыкает к сказкам о мудром ответе. Вместо обычного персонажа, царя,— вельможа.

10. АЛЕКСЕЙ ДОБРОДОВИЧ. Записана Вл. Бахтиным и Дм. Молдавским от И. Д. Богатырева. Андреев, № (922).

Батарейка — здесь: записная книжка.

11. ПЕТР I, СВЯЩЕННИК И ДЬЯКОН («Петр I и два брата»). Господин Леший .., с. 234. Записана Дм. Молдавским от А. Москвичева. Андреев, № 922.

12. ПЕТР ВЕЛИКИЙ И СОЛДАТ. Записана Дм. Молдавским от Г. М. Корчакова в Монголии, Дзунхаре в 1972 году. Полностью публикуется впервые.

Горище — чердак.

13. ПЕТР ПЕРВЫЙ НА ПРОГУЛКЕ. Королева, с. 269; Андреев, № 952.

14. ПЕТР ПЕРВЫЙ НА ОХОТЕ. Королева, с. 272.

Сделаюсь — разделаюсь.

15. ЗАГАДКИ. Афанасьев, № 323. Записана в Архангельской губернии. Андреев, № 921-I А.

16. ШУТ БАЛАКИРЕВ. Соколовы, № 40. Записана от Г. Е. Медведева. Андреев, № 1586, 1610-II, 1636. В этой сказке образ шута, известный по многочисленным сказкам, связывается с именем Балакирева, подобно тому как в таджикском фольклоре он связывается с именем поэта Мушфки, в тюркском — с именем Ходжи Насреддина и т. п. В действительности Иван Андреевич Балакирев (1699—1763), дворянин Костромской губернии, служил в Преображенском полку и придворным стал при Анне Иоанновне. Видимо, этот период его жизни и послужил для привлечения к его имени давно известных сказок о шуте, посрамляющем своего хозяина. В лубочной и книжной литературе Балакирев — герой многочислеиных проказ, шуток. В народно-поэтическом истолковании он — друг народа, смело разговаривающий об его нуждах с царем и при случае посрамляющий самого царя.

Шалапуга — здесь: дубина.

17. ШУТ БАЛАКИРЬ. Н. Новиков. Сказки Филиппа Павловича Господарева. Запись текста, вступительная статья, примечания Н. В. Новикова. Петрозаводск, 1941; № 29. Записана от Ф. П. Господарева. Андреев, № (1525), 1528, 1537, 1538-I, 1539, 1636, 1637, (1676), 1730-I.

Сказка, вернее сказочная повесть, представляет собой соединение ряда стилистически близких сказок, объединенных одним героем.

Ригач — рига, овин.

Опружить — перевернуть.

Потылица — затылок.

18. БАРМА. Ончуков, № 160. Записана Д. Георгиевским (Олонецкая губерния). Андреев, № 950, 1525-I, 1137.

19. ОЛЕНЬ — ЗОЛОТЫЕ РОГА. Записана Вл. Бахтиным и Дм. Молдавским от И. Д. Богатырева. Андреев, № 950, 1521-I. Публикуется впервые.

Домовье — гроб.

20. ПРО ВАНЮ ВОРА. Записана Вл. Бахтиным, Е. Изигкейт, А. Моцегоро и Дм. Молдавским от И. Д. Богатырева. Андреев, № 1525-А, С., I, Д; 1740. Публикуется впервые.

Камаша — калоша, род обуви.

21. РЫЖАЯ БОРОДА. Записана Вл. Бахтиным и Дм. Молдавским от И. Д. Богатырева. Андреев, № 1525.

22. ДВА ЖУЛИКА. Записана Вл. Бахтиным и Дм. Молдавским от И. Д. Богатырева. Андреев, № 1525-I. Публикуется впервые.

23. СТАРУХИНА МОЛИТВА. Ончуков, № 263; Андреев, № 1575. Записана от И. Н. Макарова.

Казак — здесь слуга.

24. СКУПОЙ СТАРИК. Афанасьев, № 520; Андреев, № 1567-II. Напечатана без названия.

Кут — угол, тупик.

Кутник — нары.

25. СКРЯГА. Афанасьев, № 452; Андреев, № 1654.

26. ДОРОГАЯ КОЖА. Афанасьев, № 447; Андреев, № 1360-I, 1535-А. Обработка этого сюжета (как и ряда других, близких к нему) содержится в повести Б. Шергина «Шиш московский». М.—Л., 1930.

27. ДУБ-БОГОРОДИЦА. Записана группой студентов Карельского педагогического института (руководитель В. С. Бахтин) от М. Е. Фроловой (деревня Вицино-Кузоранда). Андреев, № 1380.

28. С ТОГО СВЕТА ВЫХОДЕЦ. Записана Вл. Бахтиным и Дм. Молдавским от И. Д. Богатырева. Андреев, № 1540.

29. ВОЙНА ГОРШКОВ. Записана Вл. Бахтиным и Дм. Молдавским от И. Д. Богатырева.

30. ГАГАН ГАГАНОВИЧ. Записана Вл. Бахтиным и Дм. Молдавским от И. Д. Богатырева. Андреев, № 1545, (1570-А), 1570-I.

Имя хозяина Митрофан, возможно, литературного происхождения («Недоросль» Фонвизина).

Поршень — род обуви.

31. ПЕТУХАН КУРИХАНЫЧ. Смирнов, № 277. Записана в Пермской губернии. Андреев, № 1545.

32. КАША ИЗ ТОПОРА. Афанасьев, № 503; Андреев, № 1548.

33. ТИТУШКА. Королева, с. 346; Андреев, № 1525.

Сердечничек — металлический шпиль оглобли.

34. СТАРУХА-ОТГАДЧИЦА. Ончуков, № 94. Записана А. А. Шахматовым от крестьянки Анны Ивановны в деревне Кедрозеро (Петрозаводский уезд). Андреев, № 1641.

35. СИРОТИНА — СОБАЧИЙ ХВОСТ. Ончуков, № 14. Записана Н. Е. Ончуковым от Г. И. Чупрова. Андреев, № 1360-I. Одна из сказок, которые, безусловно, легли в основу сатирической повести («История о российском дворянине Фроле Скобееве» и др.).

Лопотина — одежда.

36. ПОП НА ТОМ СВЕТЕ. Господин Леший..., с. 227. Записана Дм. Молдавским от А. С. Москвичева.

37. СТАРИННЫЙ ПОП. Ончуков, № 165. Запись Д. Георгиевского. Андреев, № 1641, 1826.

38. БЕЗГРАМОТНАЯ ДЕРЕВНЯ. Ончуков, № 63. Записана Н. Е. Ончуковым от А. М. Дементьевой. Под сильным влиянием сказок такого типа складывались произведения XVII века — «Повесть о попе Савве», «Повесть о крестьянском сыне» и др.

39. ПОП ПАХОМ. Соколовы, № 136. Записана от Г. Д. Якуничева. Андреев, № 1825-А.

40. ЦЕРКОВНАЯ СЛУЖБА. Ончуков, № 262. Записана Н. Е. Ончуковым от И. Н. Макарова. Андреев, № 1829.

Пёхтус — комок масла.

41. ПОПОВСКИЕ УВЕРТКИ. Красноженова М. В. Сказки нашего края. Красноярск, 1940, с. 188. Записана от А. М. Артамасовой.

42. БРЮХАТЫЙ ПОП Карнаухова, № 11. Записана И. В. Карнауховой от П. Я. Белякова. Андреев, № 1739, (1829).

Лядина — низкое место, поросшее лесом.

43. Я, НИКОГО, КАРАУЛ. Ончуков, № 251; Андреев, № 1701.

44. РАБОТНИК. Худяков, № 27; Андреев, № 1000, 1045, 1071, 1072, 1130, 1132.

45. СТАРИЧОК ОСИП И ТРИ ПОПА. Соколовы, № 87; Андреев, № 1539, 1730-I. Записана от Василия Васильевича Богданова.

Попова — приход.

Подскотина — выгон, пастбище.

Баско — хорошо.

46. ТЫ УМЕН, ДА И Я НЕ ДУРАК. Записана Вл. Бахтиным и Дм. Молдавским от С. И. Богатырева. Андреев, № 1730-I.

47. ПОП И ДУРАК. Записана Дм. Молдавским от Николая Зазимко. Андреев, № 592, 1000, 1535.

48. ХИТРАЯ БАБА. Афанасьев, Заветные сказки, № 7; Андреев, № 1730.

49. ЖАДНЫЙ ПОП. Афанасьев, Заветные сказки, № 5.

50. ПОП И РАБОТНИК. Зеленин, Вятский сборник, № 63. Записана Д. К. Зелениным от А. Х. Селезнева. Андреев, № 1775.

«Поп и работник» — одна из сказок, близкая той, которую гениально пересказал А. С. Пушкин в своей «Сказке о попе и о работнике его Балде».

51. КАК ПОП РАБОТНИКОВ МОРИЛ. Соколовы, № 53. Записана от П. Богданова, Андреев, № 1775.

Пелевнюшка — сараюшка.

52. ПОП И РАБОТНИК. Чернышев В. Сказки и легенды пушкинских мест. Записи на местах, наблюдения и исследования В. И. Чернышева. М.—Л., 1950, № 53. Записана в селе Михайловском Псковской области в 1928 году (пересказ). Андреев, № 1575.

53. КАК ПОПЫ ССОРИЛИСЬ. Записана по памяти Ниной Ивановной Серпуховой (г. р. 1908). Впервые сказка была услышана

ею в детстве в селе Машенском Боровического уезда Новгородской губерии от Михаила Ильича Захаржевского в 1921—1922 годах. Сказочные мотивы (см. № 1000—1029, 1730) сочетаются с бывальщиной и местными преданиями. Имена и прозвища — подлинные имена священников и крестьян — жителей села Машенского.

Дошник — чан, или кадка.

54. ПОХОРОНЫ КОБЕЛЯ. Афанасьев, Заветные сказки, № 2.

55. ЗАВЕЩАНИЕ КОЗЛА. Записана Вл. Бахтиным и Дм. Молдавским от С. И. Богатырева.

56. АРХИЕРЕЙ. Смирнов, № 207. Записана от Ивана Шорника в Смоленской губернии. Андреев, № 1843.

Небыли — небылицы.

57. ДВЕ СТАРУХИ И АРХИЕРЕЙ. Азадовский, Элиасов, № 17. Записана от Е. И. Сороковникова-Магая. Андреев, № 2067.

58. СОЛДАТ И СМЕРТЬ. Афанасьев, Легенды, № 16 (А); Андреев, № (804), (1166), (1172).

59. ПРОНЬКА В АДУ. Афанасьев, Легенды. Примеч. к № 16 «Солдат и смерть». Из собрания В. Даля.

60. ГОРЬКИЙ ПЬЯНИЦА. Афанасьев, Легенды, № 29 (из собрания В. Даля); Андреев, № 761.

61. ОДНА БАБА. Афанасьев, № 524; Андреев, № 1625.

62. КОЛПАК ЗОЛОТА. Ончуков, № 162. Записана Д. Георгиевским. Андреев, № 1045, 1063, 1072, 1130.

63. МУЖИК И ВОДЯНОЙ. Записана И. А. Кабановой в селе Бережное Усть-Кубенского района Вологодской области в 1945—1946 годах. Публикуется впервые.

64. СКАЗКА ПРО МУЖИКА-БЕДНЯКА. Записана И. А. Кабановой (см. предыдущий текст). Андреев, № (750). Публикуется впервые.

65. МУЖИК И ЧЕРТ. Минц, Савушкина, № 16. Записана Н. Савушкиной и Л. Шведковой в Вологодской области в 1953 году. Андреев, № (1164).

66. ЗЛАЯ ЖЕНА. Королева, № 232; Андреев, № 1164.

67. ЧЕРТ-ЗАИМОДАВЕЦ. Зеленин. Пермский сборник, № 97. Записана А. Н. Зыряновым в Шадринском уезде в 1850-х годах. Андреев, № 1183.

68. КАК СОЛДАТ ШЕЛ СО СЛУЖБЫ. Песни и сказки Ярославской области под редакцией Э. В. Померанцевой, 1958; № 9. Записана от А. И. Криункова. Андреев. № 330.

69. СОЛДАТ И ЧЕРТ. Садовников, № 80. Записана от симбирского мещанина П. С. Полуэктова. Андреев, № 1166.

Была, видимо, одним из источников «Сказки о попе и черте», печатавшейся на страницах подпольных большевистских изданий. В ней рассказывается о том, как черт услышал, будто поп пугает прихожан ужасами ада, и, явившись к нему, доказал, что для рабочего человека и земная жизнь — тот же ад. Была известна и в устном бытовании. Пелась она на мотив «Из-за острова на стрежень...». (См. кн.: Революционная поэзия. Вступ. статья, подготовка текстов и примеч. А. Л. Дымшица. Л., 1954, с. 449).

Это же сюжетное положение использовано В. В. Маяковским в его «Мистерии-Буфф». Когда черти окружают нечистых, батрак говорит: «Да что ты кичишься какими-то вилами! Твой глупый ад — все равно что мед нам...»

70. КУЗНЕЦ И ЧЕРТ. Афанасьев, Легенды, № 31 (из собрания В. Даля); Андреев, № 753 (839). Мотив изображения черта, подвергшегося издевательству кузнеца, использован Н. В. Гоголем в заключении повести «Ночь перед рождеством».

71. БЫВАЛЬЩИНА. Записана Дм. Молдавским от Г. М. Корчакова в Монголии, в Дзунхаре.

72. СПОР С ЧЕРТОМ. В кн.: Русский фольклор в Литве. Исследования и публикация Н. К. Митропольской. Вильнюс, 1975, № 113. Записана от Е. Н. Петрова в деревне Кимбартишкес Зарасайского района Литовской ССР. Андреев, № 813 и 1091.

Гультай — лентяй.

73. МУЖИЦКОЕ СЧАСТЬЕ. Записана Вл. Бахтиным и Дм. Молдавским от И. Д. Богатырева. Андреев, № 564, 735.

Кий — дубина.

74. БАРИН-СПОРЩИК. Записана Вл. Бахтиным и Дм. Молдавским от И. Д. Богатырева. Андреев, № 1376.

75. СЕРДИТАЯ БАРЫНЯ. Соколовы, № 45. Записана от Г. Е. Медведевой. Андреев, № 901-I.

76. МУЖИК И БАРИН. Бахтин, Ширяева, № 44. Записана Вл. Бахтиным от П. К. Тимофеева.

77. ПЛОТНИК И БАРИН. Сказки Филиппа Павловича Господарева. Запись текста, вступ. статья, примеч. Н. В. Новикова. Петрозаводск, 1941, № 35. Записана от Ф. П. Господарева.

78. БАРИН И ЛАКЕЙ. Господин Леший..., с. 92. Записана Вл. Бахтиным и Дм. Молдавским от И. Д. Богатырева. Андреев, № (1775).

79. БАРИН-КУЗНЕЦ. Садовников, № 39; Андреев, № 1695. Легла в основу одного из сатирических стихотворений Демьяна Бедного — «Горе-кузнец».

Кочедычок — шило, применяемое при плетении лаптей.

80. БАРИН И ПЛОТНИК. Ончуков, № 223; Андреев, № 1538. Записана Н. Е. Ончуковым со слов неизвестного.

81. КАК РАБОТНИК С ЧЕСТНОЙ КОПЕЙКИ РАЗЖИЛСЯ. Русский фольклор в Литве. Исследования и публикация Н. К. Митропольской. Вильнюс, 1975, № 112. Записана от Е. Н. Петрова. Андреев, № 842, 1951.

82. БАРИН И МУЖИК. Садовников, № 41; Андреев, № 1529-II. Записана от А. Новопольцева.

83. БАРИН И ОХОТНИК. Записана Вл. Бахтиным и Дм. Молдавским от М. Е. Евдокимова в деревне Красные Мытищи Псковской области.

84. КАК БОГАТЫРЬ ГУСЕЙ ДЕЛИЛ... Записана Вл. Бахтиным и Дм. Молдавским от И. Д. Богатырева. Сюжет использован в повести XVIII века «О разделившем по писанию куря». Пересказана Л. Н. Толстым в его «Третьей русской книге для чтения». Андреев, № 1580.

85. КАК БАРИН ЛЮБИЛ СЛУШАТЬ СКАЗКИ СВОЕГО СЛУГИ. Сказки М. М. Коргуева. Запись и комментарии А. Н. Нечаева. Кн. 2. Петрозаводск, 1939, № 66; Андреев, № (1920-Д), 1976.

86. СОЛДАТСКАЯ ШИНЕЛЬ. Смирнов, № 232 («Солдат и барин»). Записана в Рязанской губернии.

87. СОЛДАТ И БАРИН. Афанасьев, Заветные сказки, № 22 Как и предыдущая — типичная солдатская сказка.

88. СОЛДАТ-ЛЕКАРЬ. Записана Дм. Молдавским в Ашхабаде от И. С. Норова. Публикуется впервые.

89. ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ. Записана Дм. Молдавским в Ашхабаде от И. С. Норова. Мотив известен по многим сборникам новелл Возрождения.

90. ВЕСТОВОЙ У ГЕНЕРАЛА НА ВЕСТЯХ, ИЛИ СОЛДАТСКОЕ «ОТЧЕ НАШ». Бирюков В. П. Дореволюционный фольклор на Урале. Свердловск, 1936, с. 252—255. Записана В. П. Плешаковым (около 1905 года).

Острая сатирическая интерпретация «Отче наш» имеет богатую традицию в русской и переводной литературе. В. П. Адрианова-Перетц в статье «Образцы общественно-политической пародии XVIII — начала XIX века» (Труды отдела древнерусской литературы, 1936, № 3) приводит целый ряд аналогичных текстов, справедливо показывая, что подобные молитвы были особенно удобны для пародирования или стилизации в силу их общеизвестности. Молитву «Отче наш» использовал в одной из своих сатир М. В. Ломоносов (см. Адрианова-Перетц В. П. Указ. соч., с. 335—336).

В ответе солдата нашли отражение сатирические мотивы из «листков, которые возбуждали настроения» в начале XIX века. В одном из исследований приводится полный текст такого «листка»: «Грех — умер. Право — сожжено. Доброта — сжита со света. Искренность — спряталась» и т. д. (Шиман Т. Александр Первый. История России. Спб., 1908, с. 37).

91. КАК В СВАТЫ ЕЗДЯТ. Смирнов, № 195. Записана от крестьянина Ильи Багрова в Смоленской губернии. Андреев, № 1525-I, 1920-А.

92. СВИНЬЯ НА СВАДЬБЕ. Записана Дм. Молдавским от Д. О. Осиповой. Андреев, № (1541-I). Публикуется впервые.

93. БАРИН И СЛУГА. Минц, Савушкина, № 21; Андреев, № (2014-II). Записана А. А. Шустиковым от Н. Черепанова, М. Ситцова, А. Черноусова в 1920 году.

Поэт И. Мятлев в стихотворении «Разговор барина с Афонькой» использовал подобную сказку. Так, барин говорит: «Ты жил в моей деревне. Как мужики живут?» Афонька отвечает: «Да очень зажиточно... А так, что в семи дворах один топор; поутру дрова рубят, а вечером в кулак трубят». В. Г. Белинский объяснял успех этого стихотворения И. Мятлева именно тем, что оно списано поэтом «со слов какого-нибудь Афоньки,— почему и отличается тем особым юмором, который так свойственен людям этого сословия, когда они рассуждают о барах...» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 9. М., 1955, с. 263.)

94. ХОРОШО, ДА ХУДО. Афанасьев, № 414; Андреев, № 2014.

95. СОЛДАТСКАЯ ШКОЛА. Смирнов, № 267. Записана в Пермской губернии. Андреев, № 1675. Принадлежит к сказкам о ловком пройдохе, издевающемся над чужой глупостью.

96. ПРАВЕДНЫЙ СУД. Карнаухова, № 153. Записана И. В. Карнауховой от сказочницы О. И. Ермолиной. Андреев, № 1660.

97. НА СУДЕ. Смирнов, № 164; Андреев, № 1585. Записана в Нижегородской губернии.

98. БАЙКА О ЩУКЕ ЗУБАСТОЙ. Афанасьев, № 81. Судя по введению, опубликованному А. Андреевым (Афанасьев, т. 1, с. 555), сказка связана с местным преданием «Почему в Шексне рыбы нет». Образ щуки как насильника использовал М. Е. Салтыков-Щедрин в сказке «Карась-идеалист».

99. СКАЗКА О ЕРШЕ. Смирнов, № 107; Андреев, № 254. Сказка представляет собой устный пересказ одной из переделок повести о Ерше Ершовиче (см.: Адрианова-Перетц В. П. Русская демократическая сатира XVII века, с. 218—223).

100. ВОРОНА. Зеленин. Вятский сборник, № 71. Записана Д. К. Зелениным от Кузьмы Михеева (Котельнический уезд). Андреев, № 220-В.

Сказка «Ворона» (и следующая — «Ворона-карабута») — сатирическое изображение сословного, неправедного суда. Обе сказки высмеивают царя, его чиновников, его присных.

Ледвеи — ляжки.

Роменье — лес.

101. ВОРОНА-КАРАБУТА. Зеленин. Пермский сборник, № 89. Записана А. Вологдиным в Усолье. Андреев, № 220-В.

102. ГРИБЫ. Афанасьев, № 90; Андреев, № 297.

103. НЕ ЛЮБО — НЕ СЛУШАЙ. Записана Вл. Бахтиным и Дм. Молдавским от С. И. Богатырева. Андреев, № 1885, 1887, 1900-В, 1910, 1920-Д, 1930-I.

Название сказки, ставшее уже пословицей, В. Г. Белинский использовал как заголовок для одной из своих статей 1835 года: «Новое не любо не слушай, а лгать не мешай, или любопытные отрывки из жизни Мины Миныча Евстратенкова». В. И. Ленин в статье «Революционный авантюризм» упомянул эту пословицу: «Не любо — не слушай, а...» (Полн. собр. соч., т. 6, с. 395).

В варианте С. И. Богатырева выдвинуты на первый план мотивы крайней крестьянской бедности. Образы подобных сказок использовал Н. А. Некрасов в стихотворении «Молодые» для изображения крестьянской нищеты: «Есть и овощ в огороде — хрен да луковица, есть и медная посуда — крест да пуговица!»

104. О ЦАРЕ И ПОРТНОМ. Живая старина, 1897, вып. 1, с. 112. Напечатана как приложение к статье В. Максимова «Заметки по поводу издания народных сказок». Записана в Сенно-Губском посаде, в Заонежье.

105. ПРИСКАЗКА. Соколовы, № 142. Записана от Е. П. Чистяковой.

106. КВАСЫ. Записана Вл. Бахтиным и Дм. Молдавским от И. Д. Богатырева. Публикуется впервые.

107. ВОТ ОДНАЖДЫ... Записана Вл. Бахтиным и Дм. Молдавским в деревне Заозерье Новгородской области Белебелковского района от М. К. Карпова.

108. ПРИШЕЛ Я В ВЕЛИКИЙ ПОСТ... Минц, Савушкина, № 7. Записана Г. И. Терентьевым от С. Д. Борина (Белозерский район).

109. КАК Я МОЛОДОЙ ХОТЕЛ ЖЕНИТЬСЯ. Записал Б. С. Лащилин от К. А. Земцова, донского казака, грамотного, в Урюпинском районе Волгоградской области. Использована М. Шолоховым в известной сцене — дед Щукарь и цыгане. Публикуется впервые.

Кладня, кладница — поленница дров.

Огарнуть (обгарнуть) — окружить.

110. ЛГАЛО И ПОДЛЫГАЛО. Андреев, № 1920-А. Записана собирателем Н. Козыревым от крестьянина Ивана Васильева.

111. РЫБАЦКАЯ БАЙКА. Бахтин, Ширяева, № 39. Записал Вл. Бахтин от П. К. Тимофеева.

112. ДОКТОР И МАШИНИСТ. Бахтин, Ширяева, № 42. Записал Вл. Бахтин от П. К. Тимофеева.

113. ХУДО, ДА НЕ ДЮЖЕ... Записана Вл. Бахтиным и Дм. Молдавским от С. И. Богатырева. Андреев, № 2014.

114. МУХУ СВАТАЛИ. Записана Б. С. Лащилиным от Ксенофонта Андреевича Земцова, донского казака, жителя Форштадтского хутора Урюпинского района Волгоградской области в 1929 году. Публикуется впервые.

115. НЕБЫЛИЦА. Записана Дм. Молдавским от Ф. И. Никифоровой в Монголии, в Дзунхаре.

116. ДВА СЫНА. Записана Дм. Молдавским от Ф. И. Никифоровой в Монголии, в Дзунхаре.

Бурун — годовалый бычок.

117. СКАЗКА ПРО КУЗЬМУ СЕРАФОНТЬЕВИЧА — МОГУЧЕГО БОГАТЫРЯ. Записана Вл. Бахтиным и Дм. Молдавским от П. Т. Яковлева в деревне Заозерье (Новгородская область, Белебелковский район). Андреев, № 1640.

118. СКАЗКА О ФОМЕ И ЕРЕМЕ. Смирнов, № 299. Записана в Пермской губернии. Андреев, № 1720.

В XVII веке народная песня-сказка о Фоме и Ереме была переработана в повесть, уточнившую социальное лицо героев: в повести они называются то дворянскими детьми, то торговыми людьми (подробнее см.: Адрианова-Перетц В. П. Русская демократическая сатира XVII века, с. 241—245). Песенные варианты (Шейн, Соболевский и др.) свидетельствуют иногда о связи не только с текстом устной сказки, но и с повестью XVII века.

119. НАБИТЫЙ ДУРАК. Афанасьев, № 403; Андреев, № 1696-А.

120. ДУРЕНЬ НЕНИЛО И ЖЕНА ЕГО НЕНИЛУШКА. Соколовы, № 18. Записана от Маремьяны Ивановны Медведевой, в основном рассказывавшей фантастические сказки. Андреев, № 1696-А.

Из многочисленных литературных обработок следует назвать стихи С. Маршака «Не так»: «...Что ни делает дурак, все он делает не так. И не вовремя он рад, и печален невпопад. На пути встречает свадьбу — тут бы спеть и поплясать бы, он же слезы льет рекой и поет за упокой».

121. ПРО МУЖА И ЖЕНУ. Бахтин, Ширяева, № 46. Записана Вл. Бахтиным от П. К. Тимофеева. Андреев, № 1370-I.

Точ, точиво — ткань домашней работы.

122. ИВАНУШКО-ДУРАЧОК. Афанасьев, № 400; Андреев, № 1535, 1681-I, 1685-А.

123. ЛУТОНЮШКА. Афанасьев, № 405; Андреев, № 1210, 1214, 1263, 1384, (1450). Принадлежит к сказкам о дураке.

Образ Лутони введен в литературу В. С. Курочкиным в его пьесе «Принц Лутоня» (построенной на материале народной драмы), где дана своеобразная интерпретация этого персонажа — герой наделен народной мудростью.

Загнетка — яма в предпечье.

Саламат — мучная каша.

124. СКАЗКА О ГЛУПЫХ ЛЮДЯХ. Смирнов, № 274. Записана в Пермской губернии. Андреев, № 1204, 1244, 1245, 1384.

Уже в «Повести временных лет» есть эпизоды, связанные со сказками такого типа. Отмечалась, в частности, связь известного рассказа о «белгородском киселе» с устным преданием: «Этот рассказ посвящен той же теме об обмане врагов хитростью, что и рассказы об Олеге, напугавшем греков движением людей посуху, об Ольге, обманувшей четырежды древлян и один раз византийского императора» (Повесть временных лет, ч. 2. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. М.—Л., 1950, с. 351). Д. С. Лихачев справедливо говорит о том, что в данном рассказе идет речь о каких-то представлениях, уже невероятных для одних, но еще вполне реальных для других народов.

Сказочные пошехонцы, вятичи, псковичи, в действительности, разумеется, ничего общего не имеющие с трудовым народом Ярославщины, Псковщины и пр., изображаются прежде всего людьми, чуждыми труду, не умеющими обращаться ни с серпом, ни с топором, ни с другими орудиями труда, а это свойственно, как известно, представителям господствующих классов. Именно такой смысл придавали понятию «пошехонцы» прогрессивные общественные деятели, начиная от забытого просветителя конца XVIII века В. С. Березайского

и кончая М. Е. Салтыковым-Щедриным. В сборник В. С. Березайского наряду с весьма радикальными афоризмами вошли сказки, высмеивающие современную ему знать. Именно так поданы им общеизвестные сюжеты — о косе, которая отрубает голову пошехонцу, после чего все пошехонцы отрубают себе головы; о пошехонце без головы — ее откусил медведь, и никто не может вспомнить, была ли у пострадавшего голова; о пошехонцах, варящих кашу в проруби и один за другим прыгающих на дно, чтобы распробовать ее; о пошехонцах, которые привязываются к бревну и переворачиваются в воде, вызывая недоумение на берегу: «Еще не переплыл, а уже онучи сушит», и многие другие. М. Е. Салтыков-Щедрин в «Истории одного города», пародируя реакционных историков своего времени, использовал присловья и сказки о глупцах для сатиры на государственное устройство царской России и прошлое ее господствующих классов: «Началось с того, что Волгу толокном замесили, потом теленка на баню тащили, потом в кошеле кашу варили, потом козла в соложеном тесте утопили, потом свинью за бобра купили да собаку за волка убили, потом лапти растеряли да по дворам искали: было лаптей шесть, а сыскали семь; потом рака с колокольным звоном встречали, потом щуку с яиц согнали, потом комара за семь верст ловить ходили, а комар у пошехонца на носу сидел, потом батьку на кобеля променяли, потом блинами острог конопатили, потом блоху на цепь приковали, потом беса в солдаты отдавали, потом небо кольями подпирали, наконец утомились и стали ждать, что из этого выйдет».

Притчи о пошехонцах стали нарицательными для обозначения всякой глупости. В таком значении упоминал притчу «в четырех соснах путались» В. И. Ленин (Полн. собр. соч., т. 45, с. 4).

125. ТОЛЬКО НЕ ВРИ. Записана Вл. Бахтиным от А. Н. Шумова в поселке Самагалтай Тувинской автономной республики; Андреев, № 1225.

126. ПРИШЛИ ВЯТСКИЕ В МОСКВУ... Записана Вл. Бахтиным от Анастасии Леонтьевны Макаровской в деревне Войково (Польская Народная Республика).

127. ДОГАДА. Озаровская О. Э. Пятиречье, Л., 1931, № 50; Андреев, № 1225. Записана от неизвестной сказительницы в 1916 году.

Лайда — глушь, захолустье.

128. ПРИСКАЗКА. Зеленин. Пермский сборник, № 94.

Сименную — веревочную.

129. КАК ОДИН БОГАЧ ХОТЕЛ СВОЕГО СЫНА ЖЕНИТЬ. Смирнов, № 200. Записана от Ивана Шорника (Смоленская губерния). Андреев, № 1696-В.

130. ДВА БРАТА И ДВА ГОСТЯ. Записана Вл. Бахтиным и Дм. Молдавским от М. М. Карповой в деревне Заозерье (Новгородская область, Белебелковский район). Андреев, № (1572).

131. МУЖИК И ЗАЯЦ. Афанасьев, № 510. Записана в Пермской губернии. Андреев, № 1430-А. Близкая по характеру сказка была использована А. П. Сумароковым в притче «Девка» (см. Чистов К. В., «Притчи» Сумарокова и русское народное творчество.— Учен. зап. Карело-финского пединститута, 1955, т. 2, вып. I, с. 151).

132. ЛЕНИВАЯ ЖЕНА. Записана Вл. Бахтиным и Дм. Молдавским от И. Д. Богатырева. Андреев, № 1370. Публикуется впервые.

133. БОЛТУНЬЯ. Худяков, № 75; Андреев, № 1381.

134. БАБА И СОЛДАТ. Записана Вл. Бахтиным и Дм. Молдавским от И. Д. Богатырева. Публикуется впервые.

135. УПРЯМАЯ ЖЕНА. Худяков, № 32; Андреев, № 1365-Д. Сюжет подобной сказки использован А. П. Сумароковым в притче «Спорщица», но поэт изменил конец — победительницей оказалась жена (см.: Чистов К. В., указ. соч., с. 150).

Коты — башмаки.

136. НЕУМЕЛАЯ ЖЕНА. Афанасьев, № 511; Андреев, № 1371.

137. МУЖИК С ЖЕНОЙ. Записана Дм. Молдавским от Д. О. Осиповой. Андреев, № (901).

138. СВЕКР И МОЛОДУХА. Записана Дм. Молдавским от Е. С. Гавриловой в Монголии, в Дзунхаре.

139. СКАЗКА О ТОМ, КАК ПРИЕХАЛИ В ДЕРЕВНЮ ЧАСОВОЙ МАСТЕР, ЛЕКАРЬ И ПОГОДЫ ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ. Записана Дм. Молдавским от Е. С. Гавриловой в Монголии, в Дзунхаре.

140. КАК МУЖИК ХОЗЯЙНИЧАЛ. Записана Н. Г. Козыревым от крестьянки Василисы Степановой в 1915 году. Андреев, № 1408.

141. ЛУЧШИЙ СОН. Курганов Н., Письмовник, Спб., 1769; Андреев, № 2100.

142. НЕМЕЦ И СОЛДАТ. Записана Вл. Бахтиным и Дм. Молдавским от И. Д. Богатырева. Андреев, № 2100. Публикуется впервые.

143. СКАЗКА О ЛИСИЦЕ И ВОЛКЕ. Смирнов, № 293. Записана в Пермской губернии. Андреев, № 1, 2, 3.

144. МУЖИК, МЕДВЕДЬ И ЛИСА. Смирнов, № 152. Записана в Казанской губернии. Андреев, № 154.

145. ЛИСА, МЕДВЕДЬ И МУЖИК. Записана Дм. Молдавским от Д. О. Осиповой. Андреев, № 154, 154-I. Публикуется впервые.

146. ЛИСА И КУВШИН. Эрленвейн А. А. Народные сказки, собранные сельскими учителями. М., 1863, № 34; Андреев, № 64.

147. ЛИСА И ЖУРАВЛЬ. Афанасьев, № 33; Андреев, № 60.

148. ЛИСА-ЛЕКАРКА. Афанасьев, № 18. Записана в Архангельской губернии. Андреев, № 37, 1960-G1.

149. ЛИСА И РАК. Афанасьев, № 35. Записана в Тверской губернии; Андреев, № 275.

150. ЛИСА-ИСПОВЕДНИЦА. Афанасьев, № 15; Андреев, № 61-I.

151. ЛИСА И ТЕТЕРЕВ. Смирнов, № 67; Андреев, № 62.

152. ЛИСА-ПОВИТУХА. Афанасьев, № 9; Андреев, № 15.

153. КОТ И ЛИСА. Афанасьев, № 40; Андреев, № 103.

154. ЗВЕРИ В ЯМЕ. Зеленин. Вятский сборник, № 111. Записана А. К. Шаховой. Андреев, № (20).

155. ЖУРАВЛЬ И ЦАПЛЯ. Афанасьев, № 72; Андреев, № 244-I.

156. НАПУГАННЫЕ МЕДВЕДЬ И ВОЛКИ. Афанасьев, № 44; Андреев, № 125.

Русская басенная традиция теснейшим образом связана со сказками о животных. В баснях постоянные черты героев сказок — лисы, волка, медведя и пр. — окончательно закрепились. Напомним хотя бы такие басни И. А. Крылова, как «Лиса», «Лиса-строитель», «Лисица и виноград», «Лисица и осел», в которых лиса — хитра, волк — жаден, глуп, медведь — добродушен, неповоротлив.

В творчестве советских писателей влияние сказок о животных отразилось главным образом в баснях. Общеизвестны басни Сергея Михалкова, где знакомые образы сказок о животных приобрели новые черты, хотя и связанные с их основными, сказочными. В басни поэта вошли образы лисы («Лиса-проныра», «Лиса и бобер» и др.), волка («Волк-травоед»), медведя и пр.

Сказочный образ лисы — хитрой, лукавой, лицемерной — был использован в XVII веке в русской демократической сатире для разоблачения лицемерия и своекорыстия духовенства. Автор «Сказания о куре и лисице» представил в образе лисицы, приглашающей исповедоваться петуха и упрекающей его в нарушении правил христианской морали, на самом же деле замыслившей съесть «кура», формальное благочестие духовенства, за которым скрываются его жадность и лицемерие. Эта повесть через рукописные сборники, лубочные тексты и сборник конца XVIII века «Старичок-Весельчак» была усвоена сказочниками. Записанные устные тексты сказки «Лиса-исповедница», как показывает их исследование, представляют пересказ прозаической редакции «Сказания о куре и лисице», причем сказочники выпускали из своего оригинала то, что относится в нем к обличению формального благочестия: «...убеждения лисы в необходимости покаяния, церковные доказательства греховности петуха, его оправдания. Зато прочно привились в сказке бытовые моменты повести, особенно рассказ о посещении лисой курятника» (Адрианова-Перетц В. П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века, с. 187—190).

Иллюстрации

Форзац — фрагмент лубочной картинки «Русскому все здорово» (вторая половина XIX в.).

Форзац — лубочная картинка «Урок мужьям-простакам и женам-щеголихам» (вторая половина XIX в.).

Лубочная картинка «Похождение Оносе и о сильном морозе» (XVIII в.).

Лубочная картинка «Ерема с Фомою два братеника» (XVIII в.).

Лубочная картинка «Парамошка с Савоськой» (вторая половина XVIII в.).

Фрагмент лубочной картинки «Трапеза благочестивых и нечестивых» (XVIII в.).

Лубочная картинка «Отдай петуха» (XVIII в.).

Лубочная картинка «О глупой жене» (XVIII в.).

Лубочная картинка «Медведь с козою прохлаждаются» (первая половина XVIII в.).

Лубочная картинка «Яга-баба с мужиком плешивым» (первая половина XVIII в.).

СОДЕРЖАНИЕ

Дм. Молдавский. Вступительная статья 5

РУССКАЯ САТИРИЧЕСКАЯ СКАЗКА

1. Нестёрка 27
2. Легенда о сапожнике на небе 31
3. Как бедняк кума искал 32
4. Беспечальный монастырь 34
5. Царь и вор 39
6. Горшеня 41
7. Елевы шашки 43
8. Царь, старик и бояра 46
9. Воевода и мужик 47
10. Алексей Добродович 49
11. Петр I, священник и дьякон 51
12. Петр Великий и солдат 53
13. Петр Первый на прогулке 55
14. Петр Первый на охоте 57
15. Загадки 62
16. Шут Балакирев 63
17. Шут Балакирь 65
18. Барма 86
19. Олень — золотые рога 91
20. Про Ваню-вора 97
21. Рыжая борода 103
22. Два жулика 105
23. Старухина молитва 106
24. Скупой старик 107
25. Скряга 108
26. Дорогая кожа 110
27. Дуб-богородица 113
28. С того света выходец 115
29. Война горшков 116
30. Гаган Гаганович 118
31. Петухан Куриханыч 120
32. Каша из топора 121

33. Титушка 122
34. Старуха-отгадчица 124
35. Сиротина Собачий Хвост 126
36. Поп на том свете 130
37. Старинный поп 131
38. Безграмотная деревня 134
39. Поп Пахом 135
40. Церковная служба 136
41. Поповские увертки 137
42. Брюхатый поп 137
43. Я, Никого, Караул 139
44. Работник 141
45. Старичок Осип и три попа 144
46. Ты умен, да и я не дурак 158
47. Поп и дурак 159
48. Хитрая баба 162
49. Жадный поп 165
50. Поп и работник 166
51. Как поп работников морил 168
52. Поп и работник 172
53. Как попы ссорились 172
54. Похороны кобеля 177
55. Завещание козла 178
56. Архиерей 180
57. Две старухи и архиерей 181
58. Солдат и смерть 182
59. Пронька в аду 187
60. Горький пьяница 188
61. Одна баба... 190
62. Колпак золота 191
63. Мужик и водяной 193
64. Сказка про мужика-бедняка 194
65. Мужик и черт 195
66. Злая жена 197
67. Черт-заимодавец 199
68. Как солдат шел со службы 200
69. Солдат и черт 207
70. Кузнец и черт 208
71. Бывальщина 211
72. Спор с чертом 212
73. Мужицкое счастье 213
74. Барин-спорщик 216
75. Сердитая барыня 217
76. Мужик и барин 219

77. Плотник и барин 220
78. Барин и лакей 221
79. Барин-кузнец 222
80. Барин и плотник 223
81. Как работник с честной копейки разжился 225
82. Барин и мужик 226
83. Барин и охотник 228
84. Как Богатырь гусей делил 229
85. Как барин любил слушать сказки своего слуги 231
86. Солдатская шинель 232
87. Солдат и барин 233
88. Солдат-лекарь 234
89. Женский монастырь 235
90. Вестовой у генерала на вестях, или Солдатское «Отче наш» 237
91. Как в сваты ездят 240
92. Свинья на свадьбе 243
93. Барин и слуга 245
94. Хорошо, да худо 247
95. Солдатская школа 249
96. Праведный суд 250
97. На суде 252
98. Байка о щуке зубастой 253
99. Сказка о ерше 254
100. Ворона 256
101. Ворона-карабута 258
102. Грибы 260
103. Не любо — не слушай 261
104. О царе и портном 264
105. Присказка 266
106. Квасы 266
107. Вот однажды... 267
108. Пришел я в великий пост... 269
109. Как я молодой хотел жениться 270
110. Лгало и Подлыгало 275
111. Рыбацкая байка 277
112. Доктор и машинист 278
113. Худо, да не дюже... 279
114. Муху сватали 280
115. Небылица 281
116. Два сына 283
117. Сказка про Кузьму Серафонтьевича — могучего богатыря 285
118. Сказка о Фоме и Ереме 291
119. Набитый дурак 292
120. Дурень Ненило и жена его Ненилушка 293

121. Про мужа и жену 295
122. Иванушко-дурачок 296
123. Лутонюшка 299
124. Сказка о глупых людях 301
125. Только не ври! 302
126. Пришли вятские в Москву 303
127. Догада 303
128. Присказка 304
129. Как один богач хотел своего сына женить 305
130. Два брата и два гостя 308
131. Мужик и заяц 309
132. Ленивая жена 309
133. Болтунья 311
134. Баба и солдат 313
135. Упрямая жена 313
136. Неумелая жена 314
137. Мужик с женой 315
138. Свекр и молодуха 316
139. Сказка о том, как приехали в деревню часовой мастер, лекарь и погоды предсказатель 317
140. Как мужик хозяйничал 318
141. Лучший сон 319
142. Немец и солдат 320
143. Сказка о лисице и волке 321
144. Мужик, медведь и лиса 323
145. Лиса, медведь и мужик 325
146. Лиса и кувшин 328
147. Лиса и журавль 329
148. Лиса-лекарка 330
149. Лиса и рак 331
150. Лиса-исповедница 332
151. Лиса и тетерев 333
152. Лиса-повитуха 333
153. Кот и лиса 335
154. Звери в яме 338
155. Журавль и цапля 339
156. Напуганные медведь и волки 340

Примечания 343

Иллюстрации 362

Р89 **Русская сатирическая сказка:** сборник / Сост., вступ. статья, примеч., ил. Дм. Молдавского; Оформ. А. Дурандина. Л.: Худож. лит., 1979. — 368 с.

В книгу входят различные по сюжетам русские сатирические сказки — антипоповские, фантастические, бывальщины, сказки о ловком победителе, глупцах, чертях и другие.

Р $\frac{70700\text{-}083}{028(01)\text{-}79}$ без объявления. 4702010100 ББК 84.3Р1

РУССКАЯ
САТИРИЧЕСКАЯ
СКАЗКА

Редактор Г. Антонова
Художественный редактор Г. Губанов
Технический редактор Н. Литвина
Корректор В. Урес

ИБ № 1211

Сдано в набор 28.06.79. Подписано в печать 11.11 79. М 07947. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага тнп. № 1. Гарнитура «Академическая». Печать высокая. 19,32+2 нак = =19,736 усл. печ. л. 19,478+2 нак. =19,776 уч.-изд. л. Тираж 100 000 экз. Заказ № 742. Цена 1 р. 90 к. Издательство «Художественная литература», Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Д-186, Невский пр., 28. Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М Горького «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15

1 р. 90 к.

РУССКАЯ САТИРИЧЕСКАЯ СКАЗКА

РУССКАЯ САТИРИЧЕСКАЯ СКАЗКА